

"Перехлестье"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Алёна АЛЕКСИНА

Перехлестье

Пролог. Много-много лет назад.

Обнаженная нога покачивалась, отвлекая внимание. Белая, с мягким округлым коленом, она должна была притягивать взор, заставляя думать о теплой шелковистой коже и прохладных простынях. Мужчина опустил взгляд, чтобы не поддаваться на молчаливый призыв.

— Эта нахалка просто издевается надо мной! — гневное восклицание заставило его все-таки перевести взор на обладательницу соблазнительного тела. — Я даже не удивлюсь, если выяснится, что она спит и видит, как я отойду к праотцам!

— Морака? — то ли спрашивая, то ли утверждая, произнес мужчина.

Действительно, только родная сестра могла так легко вывести эту женщину из себя.

— Что на этот раз вы не поделили?

— Не поделили?! Она выразила соболезнования относительно твоей неверности! — молодая пышнотелая женщина сердито отбросила за спину белокурую косу. — А еще поинтересовалась, как часто в постели со мной ты повторяешь ее имя! Да как она посмела!

Мужчина вздохнул, слушая эти гневные восклицания, но промолчал.

— Почему она все делает мне назло? Ей больше нечем заняться? Маркус?!

— Вы — богини, Талис, — мягко напомнил Маркус. — Ей просто скучно, вот она и... развлекается.

— Развлекается? Она пыталась присвоить себе мое творение! И решила, что это ей сойдет с рук.

— Ну, ты же вернула «свое творение», — Маркус грустно усмехнулся. — Я здесь, у твоих ног, где мне и место.

Талис застыла и смерила собеседника пристальным взглядом.

— Ты недоволен?

— С чего ты так решила?

— Отвечай!

Мужчина поклонился.

— Ты — богиня. Как я могу быть недоволен? Ты сделала меня тем, кто я есть. Разве я могу сказать «нет»?..

— Кому? — она вскинула бровь.

— Твоей сестре, например, — голос Маркуса звучал ровно. — Тебя не было. Ты посещала свои храмы. И что в результате? Я наказан, а она шлет тебе издевательские письма.

— Зачем? — топнула ножкой прекрасная дева. — Зачем она это делает?! Она моя сестра, в конце концов!

Мужчина склонил голову, всем видом показывая, что божественное проведение — дело не его ума.

— Не смей молчать, когда я с тобой разговариваю!

— Моя богиня, речь идет о твоей сестре...

— Говори. Немедленно.

Узник вскинул глаза на красавицу, стоящую напротив.

— Талис. Ты младше. Она привыкла опекать тебя. А сейчас ты вырвалась из?под этой опеки. Стала сильнее. Красивее. Она просто пытается насолить из зависти. Твои храмы переполнены, твои слуги возносят молитвы в твою честь, а ее...

В покое ощутимо похолодало, и через миг звонкая пощечина нарушила тишину комнаты.

На щеке пленника отпечатался инеистый след маленькой, но такой сильной ладони. Маркус вздрогнул всем телом и снова склонился перед своей властительницей.

— Ты говоришь о моей сестре, — напомнила она.

— Прости, моя богиня, — мужчина замер, а кожа там, где ее коснулась ледяная рука, стремительно немела и наливалась жгучей болью.

Но Талис не беспокоили его мучения. Она задумалась.

— Отчего ты прыгнул в ее объятия?

Пленник едва сдержал нервный смешок. «Прыгнул в объятия...»

— Меня к ней не влекло, но у... — он хотел сказать «у вас», однако вовремя осекся: — У Мораки множество способов убеждения. Я не мог не подчиниться.

— И... и ты *не сказал*?! — разъяренная богиня снова топнула ногой. — Почему?!

— Когда, моя повелительница? Когда ты заковала меня в наказание или когда...

— Хватит! — Талис щелкнула пальцами, уничтожая цепь, тянущуюся от ног мужчины и крепящуюся к кольцу в стене. — Я ужасна, да?

— Ты — Талис, — Маркус провел костяшками пальцев по шелковистой щеке женщины. — А я... никто.

Она улыбнулась, считая его слова прощением, а мужчина смотрел на богиню и поражался тому, с какой легкостью она забывает свои прегрешения.

— Наше соперничество становится даже забавным, — промурлыкала красавица, наслаждаясь лаской: — Сам посуди: маги, колдуны...

— Зачем они вам? — негромко спросил Маркус, продолжая поглаживать нежные скулы Талис. — Зачем вам понадобились маги и колдуны? Для чего вы их создали?

— Богам нужны верные слуги — вершители их воли... Те, кто будут вселять страх, сеять хаос...

— ...и тем самым побуждать людей верить и возносить молитвы? — закончил он.

— М-м-м, ты умен... — женщина усмехнулась. — Это так... волнует.

Он напрягся, пытаясь совладать с глухой тоской. Некогда сильный правитель, владыка огромной страны, Маркус и впрямь был неглуп, и Талис часто пользовалась его проницательностью и подсказками.

— Я лишь человек, моя богиня, — негромко сказал пленник, с любовью глядя в прекрасное заброшенное лицо. — Мой век скоро закончится. Как я оставлю тебя?..

В его голосе было столько горечи, что Талис распахнула глаза и внимательно посмотрела в лицо, обезображенное ударом — кожа на правой скуле почернела и начала отслаиваться.

Нежная ладонь скользнула по изуродованной щеке, исцеляя:

— Кто сказал, что скоро? И кто сказал, что ты меня оставишь? Я — богиня. И рядом со мной может быть только бог.

— Я... смогу... стать равным тебе? Помогать? — медленно проговорил мужчина, глядя с обожанием на женщину. — Защищать?

Она улыбнулась.

— Меня не надо защищать, Маркус. Но ты будешь рядом. Всегда. Я так хочу. И у меня на это достаточно сил. Кроме того... мне нравится злить дорогую сестрицу.

— Талис... — он замолчал, потому что дыхание перехватило.

Впереди вечность...

— У тебя такое лицо, будто бы ты счастливейший из живущих, — она рассмеялась.

— Так и есть.

— О да... Что ты хотел сказать?

— Я знаю, как сделать так, чтобы Морака больше нам не докучала...

Женщина кивнула, позволяя рассказать, а выслушав, улыбнулась:

— Раз ты все это придумал, тебе и расхлебывать.

Маркус поклонился.

Путь первый. Грехобор

— Когда придет полночный час, и стук раздастся в дверь,

То не смыкай усталых глаз, обманным снам не верь.

Быстрее гостю отворяй, и пусть он в дом войдет,

Ведь только дэйн — ты так и знай! — от волшебства спасет!

Малышка напевала под нос, возясь на лужайке перед большим добротным домом. Девочка была очень занята — она строила из веточек шалашик для лыковой куклы. Солнце немилосердно палило с неба, припекая кучерявую макушку. В деревне царила тишина... Не горланили петухи, не блеяли овцы, даже цепные псы, и те предпочитали лежать в тени, тяжело и прерывисто дыша, вывалив розовые языки до земли.

Жарко!

Может быть, именно поэтому, сморенные зноем собаки не учуяли пришлеца? Он вошел в поселение никем незамеченный и медленно брел по дороге, загребая ногами пыль.

— От магов дэйн спасет всегда, то знают млад и стар,

Он уничтожит без труда творца запретных чар...

Путник остановился в нескольких шагах от маленькой певуньи и замер, словно заслушался

безыскусным мотивом. Осунувшееся темное лицо, иссеченное глубокими бороздами стариковских морщин, окаменело. Только растрескавшиеся губы сжались в тонкую линию, а ладони — в кулаки. Да еще старый шрам едва заметный в складках морщин, стал белее.

Мужчина судорожно вздохнул и посмотрел на свои руки. Кончики пальцев стремительно сковывал мерцающий иней. Странник медленно разжал кулаки. Растер холодными ладонями уставшее лицо, в попытке взбодриться и успокоиться. Все ведь правильно она поет. Дэйны и впрямь защищают от волшебства, подчиняясь укладу, завещанному людям от богов. Стоят на страже порядка. Вот только цена этого порядка уж слишком высока. И платили ее не жители деревень или городов, не служители храмов, и уж точно не сами дэйны или **видии**.

«Уймись». И сразу попустило. Во всяком случае, глухая непримиримая ярость как-то поугасла. Холодный голос трезвого рассудка, эхом отозвавшийся в больной голове, прозвучал вовремя. Ой, не надо еле живому путнику думать о справедливости. Нет у лишенца права рассуждать о божественном провидении. Да и пользы от подобных мыслей никакой. Маета одна.

Поэтому странник шагнул прочь от безмятежно играющего ребенка. Шагнул... и остановился. Видимо, недостаточно он успокоился, потому что ноги против воли понесли его ближе к девочке.

Вот ведь птаха беспечная! Она заметила незнакомца лишь тогда, когда мрачная тень упала на почти готовый шалашик. Девочка вскинула голову, жмурясь против солнца. Курносая. И верхняя губа трогательно вздернута. Ни испуга, ни оторопи.

Смотрит на чужака с любопытством, даже прикрылась ладошкой от слепящих полуденных лучей. Взрослый, как взрослый. Только тощий, запыленный, весь в морщинах, а седые патлы сосульками висят вдоль лица и спадают, не убранные, ниже плеч.

На мгновение ему показалась, что она не боится... Темный соблазн, неодолимый, выматывающий душу, подтолкнул мужчину сделать еще один — последний — шаг и протянуть девочке руку.

Такая чистая... такая легковверная... ребенок... Обмануть ее не составит труда, пока эти ясные яркие очи глядят в его — погасшие и пустые.

В этот самый миг глаза маленькой певуньи (которая уже и позабыла петь!) широко распахнулись — дитя увидело, что на правой руке мужчины нет мизинца. Несчастливая дернулась, чтобы сбежать, но уже попала в капкан пристального взгляда. Пухлые ручонки разжались. Лыковая кукла упала в траву.

Да, иди сюда, дитя, ближе...

Она поднялась, глядя огромными глазами, в которых застыл страх. Шагнула вперед, даже протянула ручонку, готовая принять его дар...

НЕТ!

Мужчина резко закрыл глаза, испугавшись сам себя, и отшатнулся, разрывая связь. Девочка хлопнула ресницами, в затуманенных зрачках выпыхнул запоздалый ужас.

Очнулась.

Заплакала от обиды и страха, бросилась прочь, путаясь ногами в подоле рубашонки, боясь

оглянуться — вдруг он гонится следом?

Он не гнался. Остатки сил, что еще теплились в измученном теле, ушли на то, чтобы противостоять Злу, живущему внутри. Жажда, голод, усталость, отчаяние — все смешалось и в этой жгучей смеси хотелось захлебнуться, ведь избавиться от нее, выплеснуть или даже просто разделить с кем-то другим не получится. Слишком долго ждал. Слишком долго шел...

— Эй! — резкий окрик заставил мужчину разлепить сомкнутые веки.

Солнце сияло чересчур ярко. Слепило, усугубляло головную боль и жажду. Но все же сквозь обжигающе-ослепительный свет получилось разглядеть высокого крепкого и явно рассерженного парня, спешащего к чужаку. Лет семнадцать ему было. Не больше.

— Ты чего сестру напугал?! А ну...

В этот самый миг, когда грозное молодецкое «ну» должно было перейти в крепкий удар, вышибающий из полуживого странника остатки сознания и страданий, тот вскинул навстречу разгневанному заступнику обе руки.

Парень осекся и как-то сразу сжался — лишённые мизинцев ладони повергли его в оторопь. Он даже попятился, но через миг все же совладал со страхом, остановился, нахмурился, и вновь шагнул вперед. Правда уже без прежней решимости.

— Чего надо, бездольный?! Ты тут не нужен!

— Позови старосту, — едва слышно прошептал чужак.

Бушевавшие в нем боль, гнев, усталость, отчаяние уже побеждали рассудок, затапливали его глухой злобой. Еще немного и...

Похоже, стоящий напротив юноша это понял, потому что бросился прочь, испуганно оглядываясь на шатающегося из стороны в сторону пришлеца.

Миг. Другой. Как долго они не идут! И солнце... солнце так печет... А во рту совсем пересохло, уже и язык не помещается, хочется вывалить его по-собачьи... И сердце так гулко тукает в висках, что можно оглохнуть. Мужчина снова закрыл глаза. Он не видел, как из дома напротив, крепко ругаясь и на ходу подтягивая штаны, бежит староста — кряжистый, совсем седой, но при этом подвижный и крепкий мужик с кустистыми бровями и поджатыми от досады губами. Вот он остановился напротив шатающегося путника, окинул настороженным взглядом по-прежнему вскинутые беспальные руки.

— Знахарь? — с какой-то затаенной надеждой в голосе спросил староста, приглаживая рукой всклокоченные волосы. И в сердцах выматерился, когда чужак в ответ отрицательно покачал головой.

— Выгони его, бать... — с благоговейным ужасом прошептал стоящий рядом парень, но тут же умолк, когда отец шагнул вперед.

Без слов поняв, чего от него хотят, странник слегка повернул голову, открывая на обозрение свой шрам — длинный и грубый, тянущийся от левого виска вниз по скуле, шее и так до самого кадыка.

— Грехобор... — выдохнул староста и резко повернулся к сыну. — Живо! Освободите с братьями

водяную мельницу. Поставьте туда три пустых ведра, а одно наполните зерном! И принеси семь грошей. Чего стоишь, дурень?!

«Дурня» как ветром сдуло, а его родитель стремительно обернулся к виновнику переполоха и спросил:

— Сам дойдешь?

Тот в ответ только кивнул. Говорить сил уже не было. А потому он медленно двинулся вперед, загребая немеющими ногами дорожную пыль. В голове уже не осталось связных мыслей, только одно стремление — идти. Потому что если не сможет...

Староста семенил следом, не зная, чем помочь жалкому доходяге, который мог сгубить всю деревню. Грехобора нельзя касаться, так что, как бы ни хотелось дотащить эти живые кости до мельницы самому, приходилось лишь растерянно бежать след в след, крыть проклятого сквозь стиснутые зубы и надеяться, надеяться, что дотащит себя проклятый.

Путник едва брел, шатался, будто хмельной, один раз запнулся обо что-то в пыли (а, может, и не запнулся — просто на ногах не устоял) и припал на колени. Староста охнул и от ужаса присел.

— Ну давай, вставай, вставай! — он бегал вокруг склоненного мужчины и хлопал себя руками по бокам, словно наседка, потерявшая цыпленка. — Уже ж пришли! Вставай, родненький!

«Родненький» сумел подняться с третьей или четвертой попытки. В нем уже не было жизни. Не было мыслей. Осталось только упрямство. И злоба. Яростная злоба на тьму, что вот-вот могла взять верх. Он брел, до скрипа сжав зубы, челюсти свело от мучительного усилия. А в ушах грохотала кровь: «Тук. Тук! ТУК!»

Силы покидали. И вот, в тот момент, когда измученный странник уже не надеялся достигнуть цели, в лицо ему повеяло прохладой близкой реки, а через миг слух уловил и мерное поскрипывание водяного колеса. Хвала богам, цель близка!

Лишь, когда еле живой путник добрался до мельницы и даже не вошел — ввалился внутрь, с губ переполошенного старосты слетел вздох облегчения. Спасены. И он рывком закрыл дверь, чтобы не видеть того, что будет твориться внутри.

А внутри пока еще ничего и не творилось. Грехобор привалился к стене и судорожно дышал, пытаясь сглотнуть сухой ком, застрявший в горле. Тело била дрожь, внутри все дрожало. Осталось чуть-чуть. Шаг. Другой.

Пустые ведра взлетели и поплыли по воздуху, когда жернова мельницы начали крутиться все быстрее, и быстрее, и быстрее. Деревянные бадьи наполнялись водой, летели к скорчившемуся на дощатом полу мужчине, опрокидываясь на седую голову и сгорбленную спину. Но живительная речная влага не касалась накалившейся от солнца макушки и усталых плеч... Шипя, она превращалась в пар, и ведра стремительно мчались обратно, вновь погружались в реку и снова неслись назад. Бесчисленное количество раз. И долго, мучительно долго...

Когда Грехобор, наконец, почувствовал холод обрушившейся на раскаленное тело воды, за окном уже стояло утро следующего дня. Почти сутки в этот раз ушли на то, чтобы очиститься. Содержимое очередной бадьи окатило с головы до ног и казалось, будто иссушенная кожа впитывает влагу, словно губка. Мужчина поднял голову, потряс мокрыми волосами, отгоняя стоявший перед глазами туман. Последнее ведро он опрокинул на себя уже сам, чувствуя, как

прежние сила и спокойствие наполняют тело и рассудок, по-собачьи потряс головой и, наконец, глубоко вздохнул, словно очнувшись от сна.

Он направился ко второму выходу с мельницы, попутно захватив ведро, в котором еще вчера было зерно. Золотая сыпучая пшеница.

Речка встретила чужака прохладой и мерным плеском ленивых вод.

Груз чужого зла, скопившийся за последние месяцы странствия, казалось, уже вот-вот собирался расплющить под собой владельца. Не было ничего мучительнее, чем это странное тянущее чувство, возникавшее всякий раз, когда нечто неведомое рвалось наружу, грозясь высосать из тела все живые соки, всё человеческое. Уже несколько дней странник не притрагивался к еде — она, как и вода, стухала в его руках. Зато сейчас, когда вода смыла с него скверну, можно, по крайней мере, напиться.

Грехобор сделал несколько нерешительных шагов по настилу. С трудом переставляя еще неверные ноги, спустился по узкой лесенке к берегу. Здесь он стал на колени и, припал к потоку, словно животное, что истомилось от жары и жажды. Он никогда не пил из горсти. Когда складываешь лодочкой ладони, лишённые мизинцев, не получается забрать в них много воды, да и пить не сподручно. Куда как проще прильнуть по-звериному и пить, пить, опустив лицо в холодный прозрачный поток.

Путник мог бы пить очень долго, но всё?таки успел вовремя сообразить, что не принимал воды уже более полутора суток. К сожалению, измученный долгим переходом осознал это слишком поздно — тогда, когда желудок, доведённый до отчаяния, судорожно сжался, а затем подпрыгнул к горлу. Мужчина едва успел отвернуться к берегу, прежде чем его вырвало желчью напополам с водой. Он вытер губы, снова умылся и лишь теперь почувствовал, что стало действительно легче. Отсюда, с берега, сквозь плеск растревоженных волн доносилось мерное поскрипывание водяного колеса. И всё?таки Грехобор слышал, как кричит от боли река, которая омыла его от скверны. Воды бурлили и пенились, бились о берега, яростно отбрасывая в траву мелкие мокрые камушки.

— Матушка, не гневайся. Прими, — тихо попросил странник.

И вода зашумела, словно принимая его просьбу.

Только после этого пришлец вывалил в поток прогнившее, испорченное зерно. Волны закипели, скрывая нечистоты в глубине, и река успокоилась.

— Спасибо, матушка.

Опустившись на берег, странник какое?то время бездумно разглядывал блики на воде. Сейчас, в этот миг, он был почти... спокоен. В душе не бушевало зло, ни одна темная мысль не проникала в мысли. Он сидел на траве, не чувствуя ни голода, ни жажды, ни жары, ни собственного уставшего за долгие дни пути тело. Как всегда бывало в моменты избавления, он не думал ни о чём, кроме, спасения. Ещё никогда прежде он не был столь близок к безумию.

Почувствовав на руке какое?то лёгкое шевеление, Грехобор скосил глаза и увидел как по запястью медленно и деловито вползает на рукав рубахи пчела. Предоставив букашке самой решать, к кому льнуть — к человеку или цветку, мужчина закрыл глаза. Теперь ему было странно подумать, что ещё некоторое время назад пчела эта, сядь она на его руку, упала бы замертво.

Сегодня странник едва совладал с собой. Едва не сгубил случайно попавшуюся на дороге девочку. Как хотелось попросить ее: «Возьми! Возьми это! Возьми навсегда, чтобы я больше не знал подобной муки». Сейчас его даже передёрнуло от этой мысли. Чуть не убил ребёнка, поддавшись собственной слабости. То?то маленькая испугалась и бросилась прочь. Дети, не хуже животных и птиц чувствуют зло и опасность. Особенно такие крохи. Их не обманешь ни ласковыми улыбками, ни уговорами.

Лишенец устало усмехнулся, вспомнив, как замелькали в подоле рубашонки пыльные пухлые пятки. Хорошо, что девочка убежала. В этот раз ему было очень трудно бороться с подступившим искушением и болью, схватившей нынче за горло.

Мужчина снова открыл глаза и посмотрел, как пчела, деловито подёргиваясь, продолжает ползти по грубой ткани рубахи.

Сейчас ему уже лучше, сейчас он может держать себя в руках и, пожалуй, даже сумел бы пройти мимо ребенка, не напугав того до слез. Он мог бы поиграть и с собакой или кошкой, вот только никто из зверей в здравом уме не подойдёт к такому, как он — слишком страшный путь у Грехобора. Столько зла, сколько носил в себе бездольный странник, безгрешное существо не может воспринять и выдержать. Потому?то чаще псы рвались с цепей, почуяв запах чужака, потому?то щенки, жалобно скуля, забивались в углы, а кошки шипели и изгибались дугой.

Вот уже девять лет как Грехобору не удавалось погладить или как?то иначе приласкать домашнее животное. Даже лошадь по холке потрепать. А когда?то он любил ездить верхом...

С той поры много воды утекло. Воды, которая смывала с проклятого путника чужое зло. Поскольку, кому, как не проточной бурной воде выполаскивать грязь и скверну? Вода всё смоеет, всё очистит и примет даже то, что не примет земля. Он с наслаждением вдохнул речной воздух — сладкий, полный мелких брызг.

Мужчина прижался спиной к мощной деревянной свае, которая удерживала часть настила перед мельницей, и посмотрел на небо. В пронзительной безоблачной синеве возникла черная точка. Она все увеличивалась и увеличивалась, росла и росла, пока не превратилась в птицу, кругами парившую над мельницей.

Вот птица сложила крылья и камнем рухнула к земле. Наверное, полевку увидела... Но нет. Опустилась в траву и скосила желтый глаз на человека. Грехобор покосился в сторону странного пернатого гостя, но не двинулся с места. Сокол... символ свободы. Он, как издевка и постоянное напоминание о судьбе, следовал за путником. И нет бы всегда, а то лишь последние несколько дней. Птица никогда не мешала, просто неожиданно вдруг оказывалась в поле зрения, появляясь именно тогда, когда это было особенно уместно. Когда измученный, усталый человек мог думать о чем?то другом, кроме зла, раздирающего душу на части. Когда он мог думать о себе. И о своей жизни.

Такое поведение живого существа было для мужчины в диковинку. Птица не боялась его! В отличии от людей... Мужчина на мгновение прикрыл глаза, пытаясь вспомнить ощущение от чужого прикосновения и... не смог. Слишком давно это было. В той, другой жизни, в Клетке Магов, когда его еще не сделали Грехобором. Когда он просто был.

Отгнав ненужные мысли, лишенец встал, и направился прочь от реки туда, где его наверняка уже ждали. Он оказался прав — у мельницы собралась, мало не вся деревня. Староста стоял чуть впереди, сдвинув кустистые брови, а на земле перед ним лежали гроши. Подойдя, путник присел, и поочередно коснулся пальцем каждого. Гроши почернели, впитывая силу чародея.

— Что делать, знаешь? — спросил странник, спокойно глядя в лицо старосты.

Тот пораженно кивнул, вглядываясь в лицо незнакомого молодого мужчины — на загорелом лице чужака не осталось и следа былых морщин, серые глаза смотрели спокойно, а темные волосы, рассыпавшиеся по плечам, больше не напоминали грязно-белую паклю. Только широкая седая прядь у левого виска выдавала в нем того изможденного старика, вошедшего в деревню накануне.

В остальном странник изменился — раздался в плечах, выпрямился и более не выглядел высохшим и истощенным. Если забыть про изувеченные руки, так просто загляденье: статный, крепкий, высокий.

Староста оказался столь изумлен, что не услышал вопроса. Лишь смотрел, не веря глазам, даже захотелось, боги прости, коснуться мага. Живой ли он? Или то Морака наложила какую-то волшебную заклинание?

Грехобор повторил свой вопрос громче, и теперь в его голосе прозвучала Сила. Услышав ее, глава деревеньки испуганно отпрянул и еле сдержался, чтобы не осенить себя защитой.

— Знаю, Грехобор, — быстро проговорил староста.

Да, говаривали люди, будто с грехами на магов оседают и годы, и что стоит им очиститься, как молодость возвращается... Но одно дело слышать, как об этом болтают в кабаках да тавернах, а другое — видеть своими глазами. Вчерашний едва живой дед сегодня превратился в молодого мужчину, которому не дашь более двадцати семи лет от роду. Только глаза остались такими же древними и пустыми.

Староста помолчал, не зная, что еще сказать или сделать и, наконец, спросил, неловко:

— Поесть останешься?

Он говорил это и очень, очень хотел услышать в ответ отказ.

К счастью, маг отрицательно покачал головой. Ему нельзя переступить порог чужого дома. Он обречен скитаться. А есть на улице на потеху толпе и вовсе не будет. Еще одно проклятье, на которое лишенец уже перестал обращать внимание.

Не прощаясь, путник медленно пошел прочь. Он спиной чувствовал недобрые взгляды людей. Они смотрели ему вслед, радуясь и горюя одновременно. Родовались тому, что маг не задержался, а горевали, что не прошел мимо.

Теперь в деревне семь лет не будет хорошего урожая — по году за каждый четвертак, лежавший сейчас на земле. А если староста ошибется в заветах, закапывая черные кругляши, деревню придется покинуть, потому что земля перестанет родить, а скот начнет падать.

Грехобору не нужно было оборачиваться, чтобы видеть страх и злобу в глазах людей. Он знал, что его ненавидят. Боятся. Мечтают прогнать, если он не нужен, но молят прийти, когда он необходим. И оттого, что во всей Аринтме был всего один Грехобор, они злились и ненавидели его еще сильнее.

Интересно, как бы они боялись, узнай, что такой, как он — один во всем мире? Что это назвище было придумано нарочно для него и ни один маг более не сможет его нести?

Шаг. Еще один. Если бы кто-то спросил его — когда он остановится, Грехобор бы не ответил. Ему предстояло ходить по городам и весям столько, сколько выдержат рассудок и тело. И вот этой-то выдержки у разрешенного мага оставалось с каждым днем все меньше и меньше.

Идя по дороге, он уже не спрашивал себя, почему и за что боги так его наказали. В глубине души Грехобор давно понял — богам плевать на таких, как он.

Путь второй. Глен.

Коридоры, коридоры, коридоры... Направо, налево, развилка. Бежать! Бежать!!! Он мчался, сломя голову, почти не разбирая дороги, да и что тут разбирать в такой темнотище? И все-таки врожденная осторожность заставила сбавить шаг, остановиться, ощутив, как опасно сгущается воздух вокруг.

— Колдун! — донеслось откуда-то издалека.

Ага, конечно, так он и отозвался.

Довольная усмешка скользнула по худому, заросшему черной щетиной лицу. Мужчина отвесил издевательский поклон стороне, из которой донесся этот пронзительный крик. Морок спал, делая синие глаза беглеца карими, а волосы из русых — черными. Позволив себе немного отдышаться, колдун по имени Глен развернулся, и бегом направился к выходу, думая про себя: «И чего такого в этих видях? Обычные женщины — недалекие, легкомысленные и думают лишь об одном».

Ха! Зато теперь его приятель, Джинко, со слезами будет отсчитывать три проигранных золотых, да еще и коня! А ведь из кожи вон лез, доказывая, что ни один колдун не затащит в койку провидицу! Чуть не лбом себя в грудь бил, уверяя, что защита дома не допустит внутрь твердыни «проклятого мага». Как же! Мага защита, конечно, не пропустила бы, но вот колдуна... она и не почуяла Глена! Да он бы мог месяцами здесь жить, и никто из местных остолопов даже не заметил бы... Кучка самодовольных хорьков! Конечно, какой глупец полезет в обиталище дэйнов, туда, где живут видии и где вершат суд над магами?

Колдун неся к выходу и почти уже достиг тяжелой, оббитой железными полосами двери, когда в воздухе заискрился голубоватый свет, а в коридорах резко похолодало.

Чтоб его! Дэйн!

Нет, Глен не боялся, что Палач магов его учует. До тех пор, пока сила колдуна мирно спит, ни один дэйн ему не страшен. Но все равно... как же неудобно! Эти... сволочи (назвать таких гадов людьми — язык не поворачивался) прилипали, как пиявки. Колдун должен быть убит — таково веление Богов! Поэтому, если дэйн напал на след, запомнил манеру колдовства и сияние дара, можно было не сомневаться, что он не остановится, скотина, пока не загонит жертву в угол. А потом... приговор без суда. И вердикт всегда один — сметь.

Хотя, колдунам еще везло, их всего лишь убивали. А вот магов... тут мысли Глена оборвались, потому что он учуял тяжелый запах раскаленного металла, сопровождающийся удушливыми нотками гари.

Близко.

Вот-вот настигнет!

Как учуял? Почему идет следом?

Собрав в кулак все оставшиеся после иступленного бега силы, колдун рванулся к выходу. Только не выдать себя, только сдержаться. Инстинкты выли и орали, требуя спастись. Лишь бы не впасть в соблазн, не применить силу. Но уж не настолько он глуп, чтобы подхлестывать себя магией. Не для того сюда пришел, чтобы бесславно сгинуть.

Воздух стал еще холоднее и кусался, как пес. Впивался в разгоряченную бегом кожу, превращал капельки пота в ледяной бисер и вынуждал применить хотя бы крохотное заклятье, чтобы согреться. Но беглец выдыхал в темноту коридоров облачка пара и лишь шире улыбался, предчувствуя скорую свободу.

— Колдун! — громом раздался за спиной лишенный всякого выражения мужской голос.

«Выкуси, дэйн!» — подумал про себя Глен, оборачиваясь, и вдруг застыл. Навстречу несло вьюжной волной...

Нет! Не так! НЕТ!

Путь третий. Василиса.

Василиса бежала. Точнее не бежала, а семенила, мелко переставляя ноги. Семенила, уже еле сдерживаясь. Вот, что за ёперный театр? О чем и чем думал архитектор этого торгового центра? Зачем он разработал проект лабиринта вместо проекта магазина? И что означала фраза Юрки: «Иди налево, не ошибешься»?

Налево... легко сказать, вот только когда у тебя топографический кретинизм, даже такой элементарный посыл оказывается трудностью астрономического масштаба.

В очередной раз взглянув на руки и сверив направление, девушка устремилась вперед. На ее левом запястье была затейливо вытатуирована буква Л. На правом — П. Но то для знатоков. А со стороны — просто красивые завитушки и дань моде. Однако для Васьки эти вензеля были насущной необходимостью. Без них она, как в тайге без компаса. Ну, а что делать, если постоянно путаешь лево и право? Масштабы своих блестящих феерических ошибок Лиса старалась не вспоминать.

«Вот зачем я выпила четыре чашки капучино после большого молочного коктейля? Ведь знала, что потом захочу воды, знала! Бутылка минералки поверх и — вуаля! — в теле назревает гидравлический удар, от которого вот-вот выпрыгнут глаза.

Даже Юрка — друг детства и Васькина совесть по совместительству — не смог оттащить подругу от новой кофейни. И вот результат — коленки вместе, пятки врозь, застывший безумный взгляд и полный смеха крик в спину: «Не взорвись, моя Дюймовочка! Возвращайся целой! Я жду!»

О-о-ой... Да где же?! Что за невезение?

По закону подлости на пути страдальцы то и дело вырастала или неспешно шагающая парочка, или принаряженный манекен без головы, или бабушка с внучком. Вот и бежала резвушка, затравленно озираясь и огибая неожиданные препятствия.

Беда!

Да что ж за умник спроектировал торговый центр с одним туалетом на этаж? Лиска была не кровожадная, но сейчас от всей своей переполненной эмоциями души желала горе-инженеру съесть арбуз, выпить литр газировки и застрять в лифте!

Но пока в неопишемом (во всех смыслах этого слова) ужасе металась лишь она, сиюсь среди многочисленных отделов с одеждой, игрушками, украшениями, кожгалантереей отыскать возделенную дверь с надписью «Ж». Впрочем, в нынешней ситуации уже и от «М» грех отказываться...

Ну, слава тебе, уборная сила, нашла! «Жо» свободно! Не привела судьбина повергать в смятение расслабленных мужчинок. Хлопнула дверь, лихо щелкнула задвижка. Уф. Успела.

Обретя долгожданную гармонию, девушка не спеша привела себя в порядок, застенчиво вспоминая, как неслась к кабинке с резвостью бешеной собаки. Стыдобища. Ну да ладно. Позорнее было бы не добежать.

Успокоенная этими мыслями, она отодвинула шпингалет и распахнула дверь.

В лицо ударило ослепительное солнце. Перед глазами раскинулся голый мартовский лес. Василиса заинтересованно посмотрела вдаль, высунула ладонь, осведомиться по поводу осадков, подумала. Потом мягко закрыла створку и тщательно задвинула щеколду. Огляделась. Белый кафель. Белый фаянс. Белый свет люминесцентной лампы, запах хлорки, шум бачка, набирающего воду.

Девушка задумалась. Еще раз нажала на кнопку слива. Снова постояла. Подумала. Поковыряла ногтем скол на одной из настенных плиток. Посмотрела под ноги, посопела. Но делать? то нечего — надо идти, не оставаться же век вековать на крышке унитаза? Опять открыла дверь, в надежде увидеть закуток между отделами верхней одежды, а, может, и парочку дам, раздраженных ожиданием.

Увы.

Солнце, лес, снег.

Может еще раз попробовать?

Как в сказке, трижды?

Попробовала. Снег, лес, солнце. И жертва малой нужды — в кроссовках, тонких джинсах и легкой кофточке. А за спиной туалет.

Хм... Что ж, могло быть и хуже. А так... вода у нее есть. Удобства тоже под боком. Голод пока не терзает. Глядишь, к тому времени, как галлюцинации прекратятся, жертву кофейной неводержанности и найдут.

Василиса в очередной раз благоразумно закрыла дверь, подошла к мойке и озадачилась. Искала нестыковки с тем, что помнила. Ну, раз уж она сошла с ума, следовало хотя бы попытаться понять — как давно это случилось? Уж не тогда ли, когда она поступила в кулинарный техникум? А может, когда устроилась работать помощником повара в кафе «Сказка»? Или может, когда пыталась отбелить веснушки в салоне красоты, а вместо этого стала похожа на перепелиное яйцо? Или во время очередной диеты, накручивая педали велотренажера? А что? Могла ведь от нагрузки... А может, когда последний раз прыгала перед зеркалом, мучительно втискивая себя в утягивающие рейтузики, чтобы предаться сладкому

самообману и с пятидесятого размера «похудеть» до сорок восьмого?

А, может, это сон? Ну точно! И она изо всей силы дернула себя за волосы. Ой! Не сон. И потом, во сне она всегда стройная красавица с летящими белокурыми волосами, легкой походкой и солнечными зайчиками в голубых глазах. А тут? Девушка оттянула слегка вьющуюся каштановую прядь. М-да. Не блондинка. И глаза, наверняка, не голубые, в цвет неба с картин Моне, а серо-зеленые в цвет страдающей от обезвоживания лягушки. Да и килограммы все на месте. Куда ж им, родным, деться?

— Хоть что?то в этом мире неизменно, — глубокомысленно изрекла Вася, похлопывая себя по могучей талии.

И в этот самый миг ее ни много, ни мало — вышвырнуло из безопасного убежища прочь. Ну да, дверь туалета распахнулась, впуская в царство хлора и фаянса яркое солнце, а за спиной Василисы раздался то ли рык, то ли рев. Девушка полетела в сугроб, как парашютист-дилетант из люка самолета — враскоряку, плашмя, захлебываясь от крика.

Шлеп!

А позади что?то свирепо и кровожадно засвистело, захрюкало. Оглядываться и выяснять, что именно там происходит, почему?то не захотелось. Мало того, несмотря на плохую физическую подготовку и мокрые сугробы, Лиска стремительно понеслась прочь. Бежать оказалось на удивление легко. Видимо, она впервые отдавалась процессу так самозабвенно. Увы, прервалось все слишком быстро — зацепившись ногой за ногу, бегунья полетела кувырком и растянулась в снегу.

Само собой, теперь даже речи не шло о том, чтобы подняться на ноги — как же можно тратить ценные мгновения! — и девушка припустила от неведомых преследователей на четвереньках. Не чувствуя усталости и веса, она мчалась прочь от страшного места, пока не случилось три знаковых события. Первое — Васька упала лицом в снег. Второе — ее рот, раскрытый в крике, в связи с первым, захлопнулся. И третье — в тот самый момент, когда случилось второе, она поняла — никто за ней не гонится, а пугающие звуки были всего-навсего свистом воды в трубах канализации, помноженным на эхо.

Осознав всю тщету пережитого ужаса, девушка не стала бороться с собой и бесславно разрыдалась. Однако долго плакать, уткнувшись носом в снежный наст, невозможно, да и холодно, к тому же характер «спокойный, нордический» не предполагал долгие истерики.

Итак, наши действия? Первое: оглядеться в поисках ориентира. М-м-м... кочка со стоящим на ней пнем — ориентир?

Ну, ориентир или нет, а присесть и обдумать произошедшее, на нем удобнее, чем стоя по колено в снегу. Василиса взгромоздилась на пень, отряхнула кроссовки, посмотрела на небо, закашлялась, и стала размышлять. Точнее мелко дрожать и стучать зубами.

Искать направление по солнцу ей показалось бесполезным — не у мела, да и солнышко на этом небе было странное, с двумя яркими звездами по бокам.

— Прекрасно, — буркнула девушка, разглядывая окрестности.

Итак, она куда?то попала. Причем куда и зачем — неизвестно, как себя вести — непонятно.

Инструкцию — то есть разные книги про попаданцев — Лиска не то, чтобы не читала. Читала.

Аж целых три инструкции. Только ни разу не добиралась до финала. Героини были все одна к одной — вечно прекрасные, фигуристые девы, которые, ничего в реальном мире не умея, вдруг начинали метко стрелять из лука, рубиться на мечах, скакать на лошади, искрить остроумием (правда, не смешным) соблазнять злодеев и спаивать чертей. Или соблазнять чертей и спаивать злодеев? Васька почесала затылок, пытаясь вспомнить, что еще происходило в подобных книгах. Ну да, навязанное спасение мира и приручение какого-нибудь язвительного и наглого домашнего питомца, умеющего говорить и обладающего всеми возможными ништяками.

Стало грустно. Очень. Животных, конечно, она любила... но самых обычных — собак и кошек. Лошадей Василиса боялась — такие махины! А при одной только мысли о фехтовании на мечах ей снова захотелось в туалет. И блистать наглостью она не любила. А уж мир спасти — тем более. Как представила себя новоявленная попаданка верхом на боевом рысаке, с двуручником наперевес, и криком — «Ура, мы порвем их!», так ей резко и поплохело.

— ЛЮДИ!!! — вопль, полный отчаяния, канул в пространстве.

В ответ с ветки соседнего дерева ржавым голосом гаркнула птица. Птица оказалась огромная, чёрная, с клювом, похожим на плотницкое долото. Ворон что ли? Увы, Василиса — городская жительница — в пернатых ничего не смыслила, знала только кур да индеек. И то потому, что иногда чего-нибудь из них готовила. Но этот летун явно не был индейкой и уж подавно — курицей.

Ворон склонил голову на бок и с равнодушным интересом взирал на неведомую чужачку. Вот тебе и питомец.

— Нет-нет-нет! — растопырив пальцы, девушка вскочила с пня и, путаясь в ногах, попятилась прочь от пернатого.

Тот смотрел, не мигая. Взгляд его был, ну точь-в-точь, как у Юрки — выжидающий и ехидный. Сразу стало ясно — понимает всё до слова.

— Ты ошибся, — и Васька, резво подпрыгивая в сугробах, устремилась прочь. Подальше от крылатой бестии.

Дыхалки хватило минуты на три, упряма — еще на пять.

Сугробы, голые деревья, и тишина.

Куда идти?то?

Разумеется, можно было дождаться темноты, залезть на самую высокую ёлку и посмотреть на горизонт — где небо светлее, там и город. Однако супротив этой идеи выступали два наиважнейших довода. Первый. Вася в жизни не забралась бы на дерево. А если бы и забралась (предположим, что дерево даже выдержало это надругательство), то уже не слезла бы. Второй. Чтобы увидеть свет над горизонтом нужно дождаться темноты, а у девушки при нынешних погодках, прямо скажем, на это оставалось мало шансов.

И вот, Лиска брела, выдёргивала ноги из талого снега, чувствовала себя отвратительно, но все равно тащилась вперед. В душу тем временем закрадывались подозрения: уж не придется ли ей вечно тут скитаться, как в античном аду — в холоде, голоде и сырости. Тьфу! Нормальные грешники, те хоть в тепле...

Но, говорят, пока у человека есть Цель, он небывало живуч. Если верить этому утверждению, Вася рисковала вплотную приблизиться к бессмертию. Видел бы Юрка, где оказалась его приятельница через туалет и свою неводержанность в кофе! Мокрая, замёрзшая, жалкая, бегаёт от птиц и, наверное, скоро упадет замертво, только косточки останутся под деревом белеть...

Василиса всхлипнула от острой жалости к себе и своим бесприютным костям, выдернула ногу из сугроба и прошептала посиневшими губами: «А дома сейчас лето!»

Путь четвертый. Заря

Ее разбудил кашель. Встряхнул на жестком тюфяке, разодрал болью грудь, поднялся в горле, готовясь вырваться наружу — надсадно и оглушительно в утренней тишине. Девушка испуганно зажала рот и нос руками, давясь, захлебываясь, но стараясь не издать ни звука. Уткнулась лицом в тощую подушку, сотрясаясь всем телом. Великая Богиня, пусть *он* не услышит, пусть не проснется! За стеной что-то скрипнуло и затихло. Повезло.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Главное — не думать о том, как хочется закашлять. Не сжимать горло. Вдох. Выдох. Медленно. Но в гортани щекочет, и грудь горит огнем, как от удушья.

Глаза слезились, в висках стучало, но Заря заставляла себя размеренно и глубоко дышать, не обращая внимания на саднящую боль. Еще несколько мучительно долгих мгновений и приступ прошел, оставив после себя лишь головокружение и влажные хрипы в груди. Девушка отбросила тонкое и оттого очень холодное одеяло, сдернула со стула платье, старенькую шаленку и поспешно оделась.

Она спала в рубахе и чулках, но все равно мерзла. Печи в этой комнате не было. Говорили, будто при ее недуге отдыхать надо в прохладе. Однако это не помогало. Вечная стынь, зябкая дрожь и кашель оставались неизменными спутниками больной. Она мерзла постоянно и уже не мыслила себя без кусачего холода, без вечно ледяных рук и ног, без постоянного желания съежиться.

Согреться удавалось лишь на краткие мгновения — когда приходилось сдерживать приступы кашля, но тогда тело покрывалось липким потом и после становилось еще холоднее. Заря, неслышно ступая и стараясь не скрипнуть ни единой старой половицей, коих было так много в этом ветхом доме, вышла во двор.

Несмотря на то, что кое-где — в тени возле ворот, за дровяником еще лежали бугры осевших истончившихся сугробов, солнце грело уже по-весеннему. Несколько мгновений девушка блаженствовала, запрокинув голову, наслаждаясь прикосновениями светила, ласкающими ее худое изможденное лицо.

Век бы так стоять, и ни о чем не думать!

Материнская нежность, забытая, как само детство, была в солнечном свете. Солнце дарит тепло, как мать, ничего не требуя взамен, не упрекая. Солнцу все равно, что на тебе печать проклятой. Ему нет дела до того, что среди людей ты не стоишь и мимолетной улыбки. Оно не станет жадничать и жалеть тепла, зная, что жить тебе осталось совсем чуть-чуть. Оно просто греет. Всех. Одинаково.

Еще один вдох. В груди все еще влажно булькает. Хватит бездельничать. Скоро *он* проснется. Девушка взяла ведра, и, приволакивая левую ногу, торопливо захромала к колодцу. Надо напоить и накормить скотину, затопить печь, приготовить завтрак и не попасться *ему* на глаза.

Зария никогда не жаловалась богам на жизнь, как делали многие. Зачем? Если боги наградили тебя судьбой проклятой, значит, таков их замысел, и нытье лишь рассмешит их, а еще хуже — разгневает. Да... не любила она богов. А за что любить? Ее род уже давно должен был прерваться, но все цеплялся за жизнь... Жалкие попытки! Она последняя. И в этом нет ни малейших сомнений.

Пра-пра-пра-прабабка Зарии происходила из лантей — жрицы богини любви — одной из самых капризных небожительниц, которая могла щедро одарить, а могла и жестоко наказать. И вот... не повезло. В мире, где главенствовали мужчины — наследники и продолжатели традиций — в роду Зарии рождались только девочки. А все потому, что у лантеи мальчик мог появиться на свет только от союза любви. Но ведь жрицы на то и жрицы, чтобы видеть сокровенное — все, что лежит на сердце у избранника. А, зная истину, трудно любить и прощать. Невозможно.

Сколько веков они пытались обмануть судьбу! Каждая. Ни у одной не получилось. В свое время будущему отцу Зарии даже не сказали, что та, которую он взял в жены, происходила из жриц. Глупая надеялась — это позволит ей полюбить мужа, а мужу — полюбить ее. Но, наверное, богиня Талис лишила лантей своего благословения, потому что в очередной раз на свет появилась дочь. А потом еще одна, и еще. У Зарии было пятеро сестер, но выжила лишь она, хотя и сама не понимала, почему.

Болезненно-худая, с выпирающими ребрами и позвоночником, с костлявыми руками, острыми плечами и тонкой шеей — девочка, казалось, должна была умереть еще в младенчестве. Но она яростно хотела жить — от одной хвори до другой, но жить! И по сей день последняя из рода лантей выглядела истощенной замарашкой — треугольное бледное личико с резко выдающимися скулами и острым подбородком, круги под глазами, в уголках губ страдальческие складки.

Гладкие волосы цвета воронова крыла делали девушку еще бледнее, еще некрасивее и Зария безжалостно стягивала их в тугую косу, строго следя за тем, чтобы ни одна прядь не выбивалась. Ненавидя свои «коровьи», непомерно большие на таком маленьком лице глаза, она прикрывала их длинной густой челкой, и никогда не смотрела в лицо собеседнику, предпочитая разглядывать носки собственных башмаков. Знал бы *он*, что она делает это не по его приказу, а лишь потому, что терпеть не может глядеть на людей, *в людей* и видеть их внутреннюю гниль...

Закусив бледные губы, последняя из рода лантей поволокла полные воды ведра обратно. Как странно — ей всего двадцать, а кажется, словно все восемьдесят. Из этих двадцати — пять лет она провела в замужестве, купленном отцом. Пять лет кошмара, который все никак не прекратится.

Будь она хоть немного сильнее духом — сама бы покончила с собой, остановила затянувшуюся пытку. Да только прав оказался отец, когда говорил, что она никчемная, ничего толком не умеющая. Иначе не терпела бы издевок и затрещин. Не вжимала бы голову в плечи. Но, страшно признаться, больше всего на свете этой хилой забитой девушке хотелось жить.

Жить!

А зачем, почему, она и сама не могла объяснить.

— Эй!

Так странно... В ее присутствии выплывают все скрытые пороки людей, словно грязная пена, которую поднимает прибой. И этим прибоем была Зария. И не важно, что с виду человек добр и

приятен. Оказавшись рядом с ней, он словно отпускал все таившееся в душе зло — гневался, сквернословил, норовил обидеть безответную замарашку. Этот ужас, который мать называла проклятьем рода лантей, преследовал девочку всю жизнь.

Одно радовало: мама, хотя и прожила недолго, успела научить дочь *таиться* — так она называла это маленькое... даже не колдовство, а скорее знание. Не всесильное, но весьма полезное. Вдох, и Зария уходила глубоко в себя, не замечая происходящего. Она была с миром, но была вне мира. Могла говорить, ходить, но сама словно находилась где-то далеко-далеко...

С виду она оставалась прежней: те же опущенные долу глаза, та же хромота, голова, втянутая в сутулые плечи, суетливая торопливость движений... Вот только настоящая Зария не имела к этой жалкой пародии на женщину никакого отношения. Она уходила в свой мирок, в котором царили лишь звенящая тишина и пустота. Туда не доносились насмешки и оскорбления, там почти не ощущалась боль от тычков и затрецин. Там было тихо... Иногда, «возвращаясь», она с удивлением понимала, что нареченный поставил ей новый синяк или облил неудавшейся стряпней.

Да, наверное, именно это знание раз за разом спасало жизнь и рассудок девушки последние пять лет. Но она не хотела она об этом думать, да и незачем.

— Я тут, — тихо ответила она на окрик. — Тут.

Зария так и не подняла на него глаз. Что там нового? Маменькин сынок с прямым пробором в гладко расчесанных, но уже редееющих волосах, с румяным лицом и колючими глазами. Он на самом деле трус. И часто боится. Всех, кроме жены. И выпить любит. Кирт торговал на рынке в мясном ряду, он лебезил перед покупателями, что не мешало ему продавать им несвежее мясо или ловко обсчитывать.

Когда отец привел Зарию к нему на смотрины, она последний раз в жизни рыдала, умоляя не отдавать ее этому... человеку. Нет. Склонившись над девчонкой, огромный мужчина со злыми глазами сказал только: «Твоя мать обманула меня». Вот и все. Мертвым не отомстить. А живым вполне себе можно.

Тогда юная невеста впервые в жизни смогла «затаиться», сама не поняв толком — как. Как?то. Просто иначе — сошла бы с ума.

Ее продали за гроши, с условием, что после смерти «любимому» отойдет дом, корова, две свиньи и десяток кур — все ее немудреное приданое. Но если незадачливая молодуха, как и ее мать, родит девочку, семья мужа сможет расторгнуть обязательства и вернуть подпорченный «товар» обратно владельцу. Правда, вместе с приданым и деньгами за его пользование.

Кирт прекрасно знал, кем была мать Зарии, а потому понимал — сына ему вряд ли стоит ждать. Поэтому мужчина не стал настаивать на исполнении супружеского долга. Слишком хорошее приданое давали за проклятой девкой. Да и, как ни крути, богиня берегла своих чад, так, что даже возжелай Кирт сделать доходную настоящей женой, ничего у него не получится. К тому же, слишком страшная она была. С такой в постель лечь, все равно, что со стиральной доской обжиматься — тонкая, ребристая, отовсюду углы торчат.

Зато во всем же остальном Кирт не сдерживался. Никак он не ожидал, что замарашка, столько проживет. Шестой год уж перед глазами маячит. Всю душу вымотала, оглобля ходячая, а никак не загнетса. И он, как умел, старался помочь загостившейся на этом свете жене. Где пинком, где затрециной. А она терпела. Потому что ничего другого просто не умела делать.

Путь пятый. Дэйн.

Вот уже девять лет у него была своя маленькая слабость. Странно, учитывая, что слабостей у него не должно быть, но...

Он приезжал сюда, в это место, раз в год, чтобы встретить рассвет. Дэйны не умели наслаждаться, не умели создавать, не умели восторгаться или гневаться. И он тоже. Вот только все равно, раз в год, прилетал сюда, чтобы увидеть, как небо над горизонтом постепенно светлеет, как гаснут звезды и встают солнца Аринтмы.

А из рассеивающегося полумрака медленно выступали развалины.

Каменные обрушившиеся стены, возносящиеся в пустоту лестницы, проломы на месте окон, обвалившаяся кровля, обломки досок и бревен... В лучах восходящего солнца серые камни казались розовыми и искрились от инея. Это было... красиво? Мрачно? Он не знал, какое определение можно дать руине, некогда носившей гордое название Клетки магов.

Мерзлая земля, которая за эти девять лет так и не избавилась от последствий волшбы, оставалась мертвой. И трава под ногами была та самая, что и девять лет назад. Здесь не падал снег, не шли дожди. Просто холод сковал все инеем, делая воздух прозрачным и звонким, а рассветы ослепительными и искрящимися.

Сюда не залетали птицы, не забредали звери. Даже ветер и тот шелестел замерзшей листвой деревьев как-то торжественно и осторожно, словно боясь нарушить величественную тоску этого места. Тут царила тишина. Может быть именно поэтому дэйн поддавался странной прихоти и все-таки из года в год возвращался сюда, потому что только здесь чувствовал себя по-настоящему спокойно.

У него уже очень давно не было дома. Настоящего дома, где он мог бы жить, но, случись ему выбрать, свою жизнь он прожил бы здесь.

За спиной мужчины раздался едва слышный звук — словно кто-то вздохнул. Дэйн не стал оборачиваться, прекрасно зная, что увидит. Вместо этого он продолжил смотреть на небо. Оно из нежно-розового уже обрело оттенок талого льда.

Пора уходить.

Мужчина вдохнул морозный воздух, повернулся, и остановился рядом с домом, которого тогда, девять лет назад, здесь не было.

Еще одна его прихоть.

Зачем строить дом? Здесь. Кому? Ведь у него никогда не будет той, которую он сможет в него привести. Но все же... он коснулся каменной кладки, провел ладонью по холодной стене, наблюдая за тем, как следом за пальцами бежит мерцающий иней. Дом. Холодный. Пустой. Одинокий. Сила и слабость дэйна. Живой.

Как? Почему? Задумавшийся наблюдатель не хотел отвечать на эти вопросы.

Он не жалел себя. Жалость бессмысленна. Он сам выбрал такую жизнь. И оплакивать самого себя не собирался. Пусть этим занимаются колдуны, которые всегда считают виноватыми в своей судьбе других.

К слову о колдунах... губы мужчины тронула улыбка. Эти глупцы думают, что в руинах их никто не найдет — слишком много здесь осталось от магов. Не-е-ет, запах тлена, ползущий от их душ, он не спутает ни с чем.

Дэйн скользнул вперед, неслышно приближаясь к руинам. Все было забыто — стыдливые краски рассвета, иней на траве и холодные каменные стены дома. Душой палача магов завладела привычная бесстрастность.

Перехлестье. Глен, Василиса и дэйн

Ветер донес слабый отголосок колдовства.

Если ты не имеешь отношения к магии — никогда не почувствуешь такое. С чем можно сравнить? Ну, как будто идешь по людной улице и вдруг ощущаешь на себе чей-то взгляд. Не совсем, конечно, верное объяснение, но, пожалуй, самое справедливое. Просто чувствуешь и все. Вот как можно осознать, что на тебя смотрят? Не объяснишь же. Так и с колдовством. Вдруг понимаешь — вот оно!

Поэтому, едва ощутив в воздухе легкое витание чужой силы, Глен весь подобрался. Нужно определить источник. Где же... где? Непонятное бормотание на мгновение отвлекло мужчину от попыток обнаружить неизвестного мага и даже заставило вскинуть брови в веселом удивлении: мимо брела, продираясь сквозь чащу, девушка, столь забавная и чудная, что глядя на нее, против воли хотелось рассмеяться.

Кудрявые волосы облепили круглое веснушчатое лицо, диковинные штаны обтягивали пухлую фигурку, как вторая кожа. Незнакомка шла, проваливаясь в осевших весенних сугробах, и в упор не видела, что в трех шагах от нее вьется натоптанная тропинка. Путница сварливо бормотала что-то про уборные, двери, минеральную воду, ворон и какого-то Юрку. Наконец, иссякла и остановилась перевести дух — прислонилась к дереву, устало вздохнула.

Вот тут-то Глен снова почувствовал чужое колдовство. Легкая дрожь в воздухе, волнующее напряжение, будоражащее все пять человеческих чувств — от зрения до слуха. Да что это может быть?!

Тем временем глаза странноватой особы, притулившейся у шершавого ствола сосны, на мгновение потускнели. Так бывает, когда человек задумается о чем-то и смотрит в одну точку, постепенно утрачивая чувство времени, или... Да неужто? Путница вдруг отлепилась от дерева и почти бегом устремилась куда-то в чащу. Совсем в другом направлении...

Зазывают.

Интересно, для чего?

Хм. А почему бы не узнать? Все равно он застрял *тут* надолго. А так — хоть какое-то развлечение.

Васька тем временем не шла — летела. Желание обсохнуть и отдохнуть было обезоруживающе сильным и затмевало даже легкое поскребывание здравого смысла. А он, меж тем, с цивилизованным скептицизмом любопытствовал, мол, почему это Василиса Евтропиевна так уверена в том, что скоро ей будет тепло и хорошо? Не прихворнула ли она? Не ударилась ли головой о какой-нибудь коварно спрятавшийся в снегу пенек во время своей десантной высадки из уборной?

Ведь могла бы уже Лиска заметить за двадцать?то четыре года, что каждая ее непоколебимая уверенность в чем?либо влечет за собой глобальную катастрофу или маленький, практически карманный, апокалипсис. Но пока здравый смысл распинался и сыпал аргументами, ноги стремительно мчали пышное тело хозяйки по кочкам и сугробам, и плевать хотели на сварливое бурчание всяких зануд.

И вот, в процессе бессмысленной внутренней борьбы рассудка и инстинктов, самостоятельные и непривычно резвые конечности вынесли обладательницу из чащобы на просторную полянку. Здесь — на открытом месте — снег кое-где почти совсем стаял, но земля оставалась мерзлой и твердой.

Потеряшка остановилась, с удивлением осматриваясь. Минувший бег по сугробам вспоминался смутно. И если бы не кололо так отчаянно в правом боку, Васька, пожалуй, и не поверила бы, что способна на такой лихой спринтерский рывок. Ну вот, хоть ущипни — не помнила подробностей своей резвой скачки!

Но эта полянка... почти декорация к сказке!

Девушка даже благоразумно помотала головой, отгоняя видение, пощипала себя за рыхлые выпуклости... и поняла, что увиденное не примерещилось — перед ней стоял дом! Приземистый, с дерновой крышей, аккуратными оконцами, почти вросшими в землю, низкой, оббитой железными полосками дверью, каменными ступеньками крылечка. Летом, здесь, наверное, все порастает травой, а на земляной крыше цветут незабудки...

Сейчас же пологий холм кровли был одет снегом и из осевшего сугроба торчал дымоход. Увы, каменная труба не исторгала из себя ни дымка, ни искорки, да и тропинка, ведущая к зимовке, казалась порядком заброшенной — свежих следов на ней не виднелось, только оплывшие на весеннем солнышке старые лунки.

А здесь вообще живут? Здравый смысл вступил в неравный бой с не менее здравым желанием обсохнуть и согреться. И как бы ни кричало благоразумие, что милая зимовка вполне может оказаться пряничным домиком из страшной сказки, Василиса все?таки сделала шаг вперед. Да в домишке?то этом и нет, наверняка, никого, а она тут стоит, трясется. И девушка решительно двинулась вперед.

Дверь открылась на удивление легко, даже не скрипнула. Однако внутри было ни зги не видно и зябко. Как в погребе.

— Есть тут кто? — осторожно поинтересовалась Лиса у молчаливого полумрака. — Войти?то можно?

Темнота ответила молчанием. И замерзшая странница шагнула под мрачный кров.

И вот, стоило ей войти, как из глубины землянки незнакомый хриплый голос злобно рявкнул что?то непонятное. Когда на тебя внезапно орут из темноты, да еще с такой яростью, да еще какую?то абракадабру, вряд ли станешь переспрашивать. И Василиса дернулась всем телом, чтобы устремиться прочь — на свободу с чистой совестью, но... Проклятые ноги, против всякой логики, понесли ее вперед, на верную погибель.

А инстинкты тем временем хором взвыли в голове только одно слово — ПРОЧЬ! Васька почувствовала себя героиней типового ужастика: вот знаешь — не надо идти, и зрители по ту сторону экрана в этот момент обязательно орут, мол, куда ты, дура?! Но все равно идешь. И не то чтобы хочешь дойти и достигнуть, так сказать, источника мерзких звуков, сколько... просто

ноги не подчиняются. Ну не хотят они в обратном направлении.

Все это девушка успела подумать буквально за долю секунды. Тьма снова гортанно рывкнула, и Лиске стало окончательно ясно — добрых самаритян в избушке нет. Ни единого. Мало того, и злых тоже нет. Ибо сидит в кромешной тьме «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Осмыслив эту новость, Васька попыталась заставить ноги бежать к выходу, даже развернулась, но конечности снова воспротивились. Сегодня они явно решили действовать автономно от своей обладательницы.

Стоявший незамеченным Глен высоко поднял брови, наблюдая затейливые перемещения диковинной незнакомки. Извернувшись всем телом в сторону двери, девушка медленно шла вглубь избушки, переставляя непослушные ноги. Какая борьба с собой! Она даже пыталась зацепиться пальцами за стену, чтобы остановить неподатливое тело и прошипела: «Век вам за это ходить на самых высоких каблуках, предатели, проклятые».

«Веселая девчонка», — подумал колдун. Он впервые видел, чтобы женщина так яростно и задорно боролась с собственным страхом, не замечая ничего вокруг. Даже самого очевидного — того, что сопротивление... бессмысленно.

— Закрой дверь, — приказал мятущейся жертве утомленный женский голос, в котором не слышалось и тени жизни.

Но, та, к кому был обращен этот приказ, продолжила стоять неподвижно. Только хмурила брови и шевелила губами. Не понимает! Парень хмыкнул — интересно. Насколько ему было известно, единый язык понимали абсолютно все. Откуда же принесло эту кудряшку? И как хорошо, что Глен в силу своего, хм, положения понимает все, что она говорит.

А Васька и не подозревала, что за ее попыткой выжить в жестокой тьме старой зимовки наблюдает посторонний. Она подумала-подумала и сказала с расстановкой:

— Я. Вас. Не. Понимаю. Совершенно.

— Дура! — ответила обитательница хижины.

Видимо, обиделась.

Глен прислонился плечом к дверному косяку, продолжая наблюдать за происходящим — уж больно любопытно все выглядело.

Короткое заклинание, брошенное хозяйкой землянки в гостю, заставило последнюю поморщиться, что еще больше удивило колдуна. Обычная девушка чувствует колдовство?

— Закрой дверь.

Теперь она понимала. Еще бы, магия и не на такое способна. Вот девушка вздохнула, еще сильнее нахмурилась, и отправилась выполнять приказ. Мужчина слегка посторонился, зная, что его не увидят, но, не желая оставаться за стенами хижины.

Слабое свечение озарило убогое жилище: закопченные стены, земляной пол, остывший очаг, какую-то рухлядь по углам и лежанку с облезлыми шкурами и тряпьем поверх грубых досок. На ложе покоилась обитательница жутковатого дома. Ее нельзя было рассмотреть в ущербном свете волшебного огонька, получалось лишь угадать очертания человеческого тела.

— Подойди. Быстро, — приказала лежащая без сил женщина.

Скрипнули зубы. Гостья не хотела подчиняться. Хм. А лошадка?то с норовом!

— Может на коленях подползти и облобызать стопы? — спросила нахалка, не двигаясь с места.

Глен мысленно зааплодировал.

— Подойди!

И снова тягучая волна чужой силы пронеслась в затхлом стылом воздухе, обвилась вокруг лодыжек стропливой особы и потянула, подчиняя себе волю.

Ноги сделали несколько шагов вперед, вопреки воле и желанию разума. Организм Лисы с такой готовностью кинулся исполнять команду, что девушке оставалось только с интересным наблюдать за его горячечными действиями.

— Встань у окна, — незамедлительно последовал новый приказ.

Вероломные ноги отчеканили пару шагов в нужном направлении. Васька навтыжку замерла в полоске тусклого света, безуспешно таращась в подсвеченный жидким сиянием полумрак. Она все попыталась рассмотреть хозяйку хижины, но тщетно — так, копошилось что?то под рваными одеялами. Голос был не молодой и не старый, а звучал с царапающим слух неблагозвучием.

Обитательница землянки молчала, о чём?то размышляя. Наконец, пробормотала под нос нечто неразборчивое и сжалилась:

— Возле очага кузов. Переоденься в сухое.

А вот эту команду девушка исполнила даже с азартом — на радостях тело и рассудок решили не конфликтовать.

В углу и впрямь нашёлся глубокий плетёный короб. Василиса наугад выхватывала из него скомканые тряпки и одновременно с этим сдёргивала с себя мокрую одежду. Если б не царивший в избёнке холод, счастье было бы беспредельным. Вновь обретённые предметы гардероба оказались на диво архаичными — платье с юбкой до пола, короткий полушубок, пахнувший пылью и прелью, шерстяной платок. Пока гостья торопливо облачалась в этот архаический, но сухой и подходящий сезону наряд, хозяйка лачуги о чем?то размышляла.

Однако стоило девушке закончить с переодеванием (а возилась она довольно долго, так как путала то подол с рукавами, то рукава с панталонами), и обитательница землянки приподнялась на топчане, простирая вперед руки. Глена поразило то, какими красивыми они оказались — белые, изящные, уж точно не такие должны быть у обитательницы убогого лесного домишки. Эти холёные ладони никогда не знали работы, труда, забот и только отсутствие обоих мизинцев выдавало принадлежность женщины к магам. Не колдунья. Магесса...

Сглотнув, мужчина пожалел, что поддался любопытству.

— Забери!

Казалось, этим приказом невозможно пренебречь, но та, к кому он обращался, спрятала руки

за спину, не желая поддаваться. Она сжала зубы, хотя вся тряслась, словно от озноба, и отрицательно замотала головой, не желая подчиняться.

Глубоко вздохнув, обитательница избушки забормотала заклинание. От услышанного на коже Глена дыбом поднялись все волоски. Старинное заклятие перехода магической силы, на которое не нужно согласие! Запретное. Жестокое. Оно полностью уничтожит девчонку. Не думая, не рассуждая, Глен кинулся вперед, отталкивая дуреху от магессы.

— Забери-и-и! — завизжала в этот миг разъяренная волшебница.

Батюшки-светы! Васька, не ожидавшая таких воплей, пригнулась и одновременно шарахнулась в сторону. В этот миг молодая белая рука сумасшедшей жительницы землянки сделалась костлявой и старой. Морщины смяли нежную кожу и под ней — дряблой и землисто-серой — резко обозначились кривые прожилки набухших вен.

В общем, не каждый день доводилось Ваське узреть подобную гадость. Ужас, отвращение и паника подстегнули лучше кнута, и, резко развернувшись, девушка вылетела из хижины прочь, подгоняемая беспросветным ужасом и одним, но очень острым желанием — исчезнуть.

Не переставая визжать, Василиса мчалась по сугробам, задрав проклятые юбки до самого подбородка. Она бежала и орала, орала и бежала.

— Тпру-у-у!

— А-а-а!

Эти два возгласа слились в один, породив некий гибрид между «ура!» и воплем слона в джунглях.

В этот самый миг Лиска поняла, что стоит посреди наезженной лесной дороги, прижимает скомканный подол своего одеяния к груди и продолжает визжать. Но уже без души. По инерции. Поэтому она захлопнула рот, резко оборвав свою «песнь». И так наголосилась, чуть желудок не застудила.

Поэтому девушка чинно разгладила мятую юбку, принимая благолепный вид. И хотя одно веко у нее все еще слегка подергивалось, Васька даже улыбнулась.

Дело в том, что на нее смотрели самые умные и недоумевающие глаза на свете. И глаза эти принадлежали серой лошади. Они были такие кроткие и печальные, что Васька почувствовала себя дура душой, да еще и виноватой. Вылетела из чащи прямо под ноги смиренному животному, напугала...

— Тю... — протянули откуда?то сверху.

Девушка вскинула глаза и лишь теперь поняла, что у лошади есть продолжение — оглобли, повозка, а на облучке — седой худенький дед. Он был тщедушен и крайне мил. Обычно в мультиках такими изображают добрых лесовичков: тулупчик с запахом, стоптанные сапоги, кроличья шапка набекрень, торчащая клочьями бороденка, лучики добрых морщинок в уголках ярких глаз.

Василиса никак не могла сообразить, что делать.

— Ты зачем орешь? — тихий мужской голос, исполненный скрытой силы, вернул

растерявшуюся бегунью в реальность.

Она перевела взгляд вправо и замерла. Только сейчас она заметила спутника забавного старичка. Он сидел верхом на таком коне, подобного которому Василиса не видывала даже в кино — огромный, широкогрудый, с длинной волнистой гривой и лохматыми щётками на могучих ногах. Даже легендарный Буцефал рядом с ним выглядел бы жалким пони, перенесшим рахит, дистрофию и непосильный тягловый труд на рудниках.

Жеребец был страшен. И Лиска немедленно им восхитилась в доступных ей выражениях. Точнее, как восхитилась... Зашлась словами восторга. Потому что конь внезапно захрапел. А девушка, которая сегодня уже пережила несколько потрясений — шаррахнулась и едва не упала.

Мужчина, восседавший на огромном скакуне, удивленно вскинул брови, разглядывая диковинную незнакомку. Противоречивое создание. Кудрявые растрепанные волосы, непривычно короткие, затейливые узоры на запястьях, да и речь... необычная.

Чью именно мать нужно через плечо и в ухо какого лешего, мужчина не понял, но страсть в голосе его позабавила, он даже улыбнулся. Едва заметно, уголками губ. Возмущенная отповедь резко оборвалась, и девушка воззрилась на хозяина чудовищного коня с любопытством. Мужчину это удивило — обычно мало кто выдерживал его тяжелый взгляд. А эта смотрит, как ребенок — слегка приоткрыв рот и забыв о том, как только что испугалась.

— Я это... волка встретила, — пояснила, наконец, Василиса.

Ну, что?то надо было сказать, так ведь? И объяснить свои вопли.

— Девка, — назидательно заметил старичок со своего облучка, — оглох тот волк. И не только он. У меня, вон, до сих пор в ухе звенит. А оно, почитай уж годков семь плохо слышит.

Васька хихикнула. Люди! Нормальные! И пусть не машины, а лошади — все равно! И красивый темноволосый хозяин коня-людоеда ей понравился. Не любила Лиса «няшных» мужчин, на которых можно полдня смотреть, определяя пол, да так и не догадаться. А тут: высокий, широкоплечий, черты лица жесткие, а взгляд пронзительный и колючий. Нос с горбинкой и коротко стриженная черная борода добавляли внешности незнакомца суровой жути. Даже конь был под стать хозяину — породистый и свирепый в своем величии. Вон как гордо переступает с ноги на ногу.

— Ты откель тут взялась, блаженная? — спрыгивая с козелков, ворчливо поинтересовался старичок.

— Из... — а что сказать? Из торгового центра? Из другого мира? Из туалета? — Леса. Заблудилась. Я в город шла.

— Покажи руки, — подал голос хозяин огромного жеребца.

Василиса послушно выставила перед собой дрожащие ладони, недоумевая, зачем это нужно.

— Да все в порядке, дэйн. — отмахнулся старичок. — Я этих нелюдей нутром чую! И рожденных, и всяких непонятных. Садись, дурында, доведем до ворот.

Тот, кого дед называл дэйном, помолчал, но еще некоторое время сверлил девушку пристальным застывшим взглядом. Глен, наблюдавший за происходящим из своего укрытия, напрягся:

казалось, еще немного, и либо дэйн, либо старик почуют его присутствие. Слишком слаб сейчас колдун, чтобы бороться. Да и не победить дэйна в одиночку. Никому.

Но через несколько секунд пристальный взгляд сидящего на вороном жеребце мужчины потеплел, в нем мелькнул невольный интерес. Однако дэйн отвернулся, стоило несуразной путешественнице залезть в телегу, и направил коня вперед. Глен прикрыл глаза от внезапно нахлынувшего облегчения, губы тронула осторожная улыбка — похоже, его удача снова при нем.

Перепутье. Маркус.

Маркус почти забыл про старую Шильду, магессу, давно живущую отшельницей в глухой чащобе. А бабка учуяла девушку, которую бог с таким трудом вытащил из другого мира. Учужала, позвала и чуть было не сделала колдуньей. К счастью, не получилось.

Маги. Бог до сих пор сомневался в правильности своего решения, но менять что? либо не собирался. Колдуны — дети Мораки — слишком распоясались. Давно пора уничтожить их всех, потому что, если зло не остановить...

Хотя... Маркус перевел взгляд на свиток, лежащий перед ним. На желтой бумаге вспыхивали и переливались письма. Они то вспыхивали, то почти гасли. Два имени. Таких похожих. Две судьбы. Таких разных.

Кого же выбрать?

Грехобор. Спустя время.

Небо было пронзительным и ярким. Синим-синим. Столь глубоким оно бывает только осенью. Может, потому, что именно осенью на земле так много золота, которое оттеняет цвет бездонной выси? Солнце грело еще совсем по-летнему, но деревья уже сверкали, где медью, где багрянцем. И трава поникла. Стала жестче. А земля была холодна.

И тихо. Так тихо тоже бывает только осенью. Ни щебетанья птиц, ни сонного гудения пчел, ни жужжания оводов. Ти-хо.

— Ты бы хотел стать просто человеком? Свободным?

Этот вопрос застал его врасплох.

Запрокинув голову, паренек лет семнадцати глядел в небо, прислонившись спиной к прохладному стволу молодой березы. Он молчал и ни о чем не думал. Просто смотрел в густую синеву. Потому что думать... было страшно.

Но та, которая задала неожиданный вопрос и нарушила тишину, хотела услышать ответ. Юноша моргнул, выплывая из отрешенной рассеянности, и перевел глаза на собеседницу.

Высокая, тоненькая, словно колосок, она была лишь на два года моложе своего друга, но ее уже лишили мизинцев и дали назвище.

Назвище даже хуже клички. Потому что кличка хотя бы отражает твою внешность или особенность нрава. А назвище отражает твою жизнь. И не ту, которую хочешь прожить. А ту, которую прожить будешь вынужден. Обязан. Оно говорит о том, чем его обладателю придется заниматься до конца своих дней. *Кем он станет.*

И вот она — златовласая, изящная, происходившая из великого рода, но отныне под страхом смерти лишенная всего: семьи, близких, даже имени! Как и всем рожденным магам, ей отсекали мизинцы, дабы Проклятая сила не перетекла после смерти своей обладательницы в мир.

— Хотел бы? — настойчиво повторила девушка.

— Не знаю, Мили... — он осекся, когда собеседница нахмурилась и посмотрела с укором. — Не знаю, Повитуха. Разве люди свободны?

— За ними не охотятся. Не следят. Они женятся, выходят замуж...

Повитуха прикрыла глаза, отворачиваясь:

— А я буду всю жизнь принимать тяжелые роды. Всю жизнь буду спасать чужих детей, но никогда не возьму на руки своего.

— Зато в твою дверь никогда не постучится дэйн, — напомнил юноша.

— Потому что у меня не будет «своей» двери, — ответила она с горечью. — У меня не будет дома. Мужа. Даже спутника! И за всю свою жизнь я ни разу не услышу слов благодарности. Никто не посчитает, что я заслуживаю чего-то большего, чем просто плевок под ноги. Меня никогда не поцелует мужчина...

— Я могу тебя поцеловать, — тихо сказал стоявший рядом и с мимолетной лаской провел ладонью над макушкой собеседницы, не касаясь, впрочем, волос. — Сколько раз я уже делал это, забыла?

— Но я теперь — Повитуха! — по щеке несчастной скатилась тяжелая слеза. — Маг без имени. Рискнешь ты своей душой ради этого поцелуя?

Поколебавшись, парень отвел руку. И тотчас ощутил себя мерзейшим из предателей. Сердце сжалось от горечи улыбки той, которую когда-то звали таким красивым именем — Милиана...

— Это несправедливо! — вдруг вспылил юноша. — Чем мы это заслужили?! Чем *ты* заслужила? Ты же... — он осекся, когда Повитуха порывисто отвернулась и закрыла лицо руками.

Забыв про все свои опасения, про душу, про запреты, какие только есть и еще, наверняка, появятся в этом мире, парень обнял девушку, покрывая утешающими поцелуями мокрое от слез лицо. Несчастливая пыталась освободиться, понимая, чем грозит эта ласка ее другу, но он упрямо не замечал слабых попыток оттолкнуть его и повторял:

— Не плачь. Я все возьму на себя. Ты ни в чем не виновата. Не плачь...

А небо над ними было синее-синее.

...Сон прервался. Грехобор открыл глаза.

Милиана.

Он уже не помнил ее лица, но имя не забыл. Поклялся, что никогда не вычеркнет его из памяти, сколько бы лет не прошло. Милиана.

Именно она, ее боль, ее слезы, сделали его тем, кто он стал. Он рискнул самым ценным —

душой. Но никогда об этом не жалел. Повернись время вспять — точно так же без раздумий утешал бы тонкую, словно камышинка, девушку, которая всего?то и хотела, что быть обыкновенным человеком.

Маг тяжело поднялся на ноги, устало потер лицо. Он спал, скорчившись на ворохе лапника у подножия старой ели. Не разбивал лагерь, не обустроивал ночлег. Так он жил все последние месяцы. То немного, людское, что первые годы странствий еще оставалось в скитальце — привязанность к удобствам, желание хоть чем?то себя баловать и утешать, давно покинуло его. Он уже не был человеком в привычном понимании.

У него не было надежд, привязанностей, желаний. Человек живет от цели до цели. А у вечного путника цели не было. Он просто... шел. И приходил. И снова шел. Когда уставал — спал, где придется. Когда испытывал голод — ел, не чувствуя вкуса еды. Просто насыщался. Сон и еда — были его единственными потребностями.

Он возвращался. Как странно. Девять лет назад он начал свой путь, уже *неся* в себе первый грех. Все эти годы дорога вилась, приводя его из одной деревеньки в другую, из города в город, через реки, леса и поля. Он не выбирал Путь, не загадывал, но вот они, знакомые места. Скоро, если идти на восток, он окажется на том же перекрестке, откуда начал свой путь. И ведь не стремился. Напротив, пожелал бы тут никогда не очутиться. Лучше сгинуть.

Его дорога была дорогой уставшего загоняемого зверя, который понимает, что не спасется, но даже издыхающий продолжает ползти, ползти, ползти... И умрет, положив измученную мокрую от пены морду на все еще скребущие землю лапы. Он даже отдыхал, как животное — только тогда, когда чувствовал усталость. Настоящую, невыносимую усталость, которая не требует мягкого ложа или горящего костра под боком. Такая усталость, которая валит с ног и дарует спасительное мертвое забытие, едва опускаешься на землю. И давно уже ему не снились сны. А сегодня — надо же...

Может быть, это означает, что скоро его скитания завершатся? Говорят, будто перед смертью человек вспоминает всю свою жизнь. Да вот только он?то не вспоминает. *Нечего*. На месте прежней жизни — пустота и темнота. Как черная завеса. Ее отголоски возвращаются только в коротких сновидениях. Редких, сумбурных и смутных. Но все же... он, как и всякий зверь, вернулся в родные места, чтобы издохнуть.

Мужчина медленно шел по дороге.

Солнце светило ласково. Снег таял, и в воздухе пахло весной. Весна будоражит. Тревожит. Вселяет ложные надежды, будит застарелые воспоминания. На миг Грехобор прикрыл веки, вспоминая привидевшееся, надеясь, что вот-вот перед мысленным взором возникнет лицо той, чье имя он лелеял в душе до сих пор... Какая она была? Почему не получается вспомнить ее глаза и волосы? Напрасные попытки! Отбросив бессмысленные потуги, странник, определил направление по высоко стоявшему солнцу и двинулся в путь.

За его спиной остались две деревни, в которых он облегчал мучения умирающих людей. Так распорядились боги, что человек с тяжким ярмом на душе не может легко покинуть этот мир. Совершенные злодеяния держат крепче привязи, надежнее цепи. Мучения будут длиться и длиться и оборвутся лишь тогда, когда истончатся последние силы души. К таким?то и приходил Грехобор. Он забирал груз терзающего зла, взваливал его на себя, освобождая владельца.

Не все заслуживали столь легкой участи, хотя умолял каждый. Вечный скиталец облегчал

страдания только тех, кто был способен искренне раскаяться, и забирал лишь те грехи, о которых человек сожалел. За это странствующего мага ненавидели и боялись гораздо больше, нежели прочих. Его появление дарило надежду, но его отказ в помощи поднимал волну неудержимой злобы.

— Забери! Забери! Тяжко мне — старой! Да неужто жалости в тебе нет, мучитель?! — кричала, выгибаясь дугой старуха, в далекой молодости сжившая со света соперницу.

Боялась душегубка смерти и суда богов. Сильно боялась...

Да вот только в содеянном не раскаивалась. Нажила она с любимым мужем двенадцать детей. Сам старик за годы жизни и думать забыл, что была когда-то в незапамятной юности у него любимая, рано умершая от тяжелой хвори. Все поросло быльем. Он и лица-то ее не помнил. А тут — жена кричит да мается. И со свирепой затаенной злобой смотрели на Грехобора дети и внуки, тяжело помирающей старухи! Как ненавидели его за то, что не хочет облегчить страдающей уход. Да, было зло, было! Но и сколько добра было. Неужто не искупила?

Но маг знал, что — нет. И, не сживи, лукавая, со света тихую любовь своего мужа, была бы у того другая семья — счастливее нынешней. Родились бы другие дети. Которые теперь никогда не придут в этот мир. Не дали им такого шанса. Злоба и зависть не дала. А украденное счастье на то и украденное, что цену за него приходится платить не сразу, а чуть погодя.

— Зверь лютый! Забери! — орала старая и тянула трясущиеся руки к безучастному магу. — Забери! Прокляну, тварь бездушная!

Она закричала истошно, и столько ненависти было в голосе, что, казалось, воздух запахнет гнилью.

Грехобор ни слова не сказал в ответ, лишь равнодушно шагнул в сторону бабки, и та осеклась, будто подавилась собственным языком. И больше не кричала. А он развернулся и ушел, спиной чувствуя полные злобы взгляды. Пусть смотрят. Он привык.

Случалось же и такое, что грехи еще не тянули в могилу, просто висели гроздьями на душе человека, отравляли существование, приносили беду и несчастья близким. И помирать не настал час, и жизни нет. С такими приходилось и сложнее и проще. Сложнее потому, что забрать терзающее их зло Грехобор мог лишь прилюдно (и не каждый осмеливался покаяться при сельчанах в совершенной когда-то низости), а проще потому, что грехи эти не были столь тяжки — нести их было легче.

— Я собаку соседа отравил, — как-то признался молодой парень, поднимая на мага полные страха глаза.

Дурень злобный. Но то собака. Иные и людей травят. Без сожаления.

Этот грех был почти невесомым. Он осел магу в душу, сочный от давней обиды, страха и глубокого раскаянья. А потом в глазах, устремленных на мужчину, появились стыд попеременно с досадой...

Плечи Грехобора ссутулились. В этом мире все от мала до велика, боялись его и таких, как он. Иные с удовольствием причинили бы ему боль, а то и прибили где-нибудь на ночной дороге. Нет, не потому, что он собирал или не собирал грехи. А потому, что каждый знал, как становятся Грехобором... Для этого надо было совершить Зло. Настоящее, выжигающее, уничтожающее, иссушающее. Зло, коему не чета сжитые со свету соперницы или соседские

псы. Зло, которое настолько велико, что позволяет подняться над обычной жестокостью. И которое может оказаться заразным, как черная хворь.

Он замер, безразлично раздумывая, в какую сторону пойти на этот раз. Мысли ворочались в голове с трудом. Сонное безразличие сковало рассудок. Ничего не хотелось — ни пить, ни есть. Маг словно бы видел себя со стороны: одинокий путник в старой запыленной одежде, в стоптанных сапогах, без какой-никакой подорожной сумы, без оружия, с длинными неубранными волосами, окаменевшим лицом и застывшим взглядом невыразимо древних глаз.

Какое-то опустошение завладело его душой. Впервые за многие годы. Настоящее гулкое опустошение. Мужчина понял, что потихоньку перегорает... «Пора», — вдруг сама собой возникла в голове мысль.

Он достаточно сделал. И если равнодушным богам покажется, будто его вина далека от искупления, то... Ему все равно нечего им предложить, кроме своей давно потерянной, не стоящей и ломаного медяка души.

Хватит.

Осознание исчерпанности своих сил пришло к Грехобору давным-давно, но он гнал прочь эту постыдную мысль. А сейчас вдруг понял, что уже не может от нее избавиться.

Вот только... каким образом завершить земной путь? Боги не отпускают просто так. Разрешенный маг имел только один шанс умереть — открыто выступить против дэйна. Иной возможности прекратить свое жалкое существование у проклятых не было. Умереть... Пускай от руки палача, но тогда, когда хочешь сам. Просто перестать быть. Навсегда.

Покой. Тишина. Темнота.

Но выступить против дэйна — это значит обречь на верную смерть несколько десятков людей. Потому что, пока не начнешь творить зло, нет до тебя дэйну никакого дела. Станет он просто так охотиться за разрешенным магом! Пусть даже и таким сильным, как Грехобор.

А значит, придется найти деревню и полностью опустошить ее. Не оставив в живых ни кого: ни человека, ни последнего пса. Мужчина задумался, пытаясь понять, какие мысли в нем пробудит эта святотатственная мысль. Никаких. Он действительно перегорел.

Поэтому сейчас, стоя на перепутье, странник равнодушно прикидывал, в какую сторону пойти. За годы скитаний он видел столько боли и горя, что предстоящее злодеяние не казалось ни ужасающим, ни вопиющим. Поэтому он выбирал. Хладнокровно и осознанно. До ближайшего селения, где он не был уже очень давно, около трех недель пути. Он не может идти быстрее. Уже не может.

Хлопанье крыльев вывело мужчину из задумчивости. Недавний знакомый — сокол, внимательно смотрел на странника с ветки раскидистой ели. Птица словно изучала человека.

— Опять ты, — с глухим раздражением сказал маг.

Сокол не шевелился, продолжая смотреть все так же пристально. В крючковатом клюве что-то поблескивало, но мужчина не мог разглядеть, что именно.

Птица взирала на путника антрацитовыми глазами, настолько умными и пронизательными, что казалось, будто они принадлежат разумному существу. На миг Грехобор прищурился, пытаясь

разглядеть внутреннюю сущность пернатого хищника, но тут же расслабился — обычная птица. Никакого волшебства.

Но почему тогда в клюве «обычной птицы» тускло сверкает... мужчина подошел поближе, так как решил — померещилось.

Кольцо.

Обручальное кольцо.

Дар богов. Тонкий ободок из темно-синего металла. Диковинное украшение, которое можно получить только в Храме, опустив руку в Чашу Откровений.

Юноши и мужчины, все, кто хотели испытать судьбу приходили в Храм и тянули жребий. Чаша Откровений всегда была пуста. Но каждый, кому было суждено отправиться на поиски — доставал из нее вот такое кольцо. Откуда оно там бралось, ведали, наверное, только жрецы. А, может, и этим было невдомек. Но этот металл... Никто не знал, где его добывают и как он называется. Да и не представлял он ценности. Такие кольца не передавались по наследству и не снимались с руки. Однажды надетые, они становилось частью своего владельца и бесследно разрушалось только с его смертью. Кольцо, дарованное Богами.

И странная птица бросает его на землю перед Грехобором. Мрачная шутка.

Не веря произошедшему, маг посмотрел на свои изуродованные ладони. Кольцо носили на мизинце — правом, если супруг был жив и левом, если умирал. И только у магов не было мизинцев. Ведь магам никто не наречен. И они не могут стать сужеными. Кольца из Чаши Откровений давались в руки только тем, у кого появился шанс стать счастливым. Чьи избранница или избранник уже где-то рядом, на пути к своей второй половине. И всякий знал — раз взял венчальное украшение и принял вызов богов, значит должен в течение месяца найти того или ту, кто предназначен судьбой. Ведь, если не найдешь...

И вот тут Грехобор засмеялся.

Он думал, что давно разучился это делать. Но смех рвался из груди — непривычный, залиvistый, какой-то чужой. Он смеялся, смеялся и не мог остановиться. Ну да, только такую шутку и могли сыграть с ним небожители. Почему нет? Они — всевидящие всезнающие жестокие — прекрасно понимали, что у него на уме. Если через месяц он не найдет ту, которая согласится принять его кольцо, то умрет.

Месяц.

Всего лишь месяц.

И что? Вот такая смерть? Он просто упадет замертво? Без мучений?

Словно в подтверждение его словам сокол яростно захлопал крыльями, будто боялся, что человек пройдет стороной. В круглых глазах — ожидание, мол, ну давай уже, бери и хватит метаться. Надоел ты мне — то хочу умереть, то не хочу. Определяйся. И снова смотрит. Пристально. Как будто точно знает, куда нужно идти усталому путнику.

В город.

В большой город? В тот самый, откуда все началось? Там, где сейчас живет...он? Там, где...

— Ты с ума сошел? — не замечая, что говорит с *птицей*, как с разумным существом, возмутился Грехобор. — Что я там делать стану?

Сокол склонил голову на бок и продолжил сверлить скитальца взглядом. Снова подвинул кольцо. Посмотрел. Похоже, настроен серьезно. Не возьмешь, как бы не заклевал. И в груди опять защекотало от подступающего к горлу хохота.

Мужчина помотал головой.

— Да нет. Мне все это кажется.

Смеяться уже не хотелось. Он впервые растерялся и впервые вел себя не как старый душой маг, а как... как обычный человек. Он сомневался. И в душе несмело шевельнулась робость.

Но... если попробовать? Если рискнуть? Может... После этого «может» все мысли замерли. Женщина, которая примет такого, как он. Женщина, которой будет все равно, что он — маг? Таких женщин нет в этом мире.

«А что ты теряешь? — возникла в голове мысль. — *Что именно ты теряешь?* Время? Жизнь? Ты придешь в город...»

Грехобор усмехнулся. «Придешь в город...» Он не был в Аринтме так давно, что уже и забыл, как она выглядит. Наверное, теперь он бы даже испугался того количества людей, какое там обитает. Он привык к одиночеству. Хотя... почему бы и не пойти? Даже в том случае, если это жестокая шутка, в городе есть дэйн, которому совершенно не важно, что на уме у странника. Одно нарушение и... все закончится. Совсем все. Разве не к этому рано или поздно начинает стремиться каждый маг?

Еще раз криво усмехнувшись, мужчина поднял кольцо. В этом мире нет женщины, которая согласится назваться его. Ни один человек не дотронется до него — не сможет. Никому из ныне живущих не захочется испытать на себе силу проклятия магов. А значит, он умрет. Тихо и спокойно. Не пытаясь при этом захватить с собой невинных. Чем не смерть? Странно, что раньше не додумался.

Он рассматривал венчальное украшение, но вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он не слышал, чтобы к нему подходили, но когда обернулся, напротив стоял маг. Двое странников застыли, глядя друг на друга. Грехобор с все еще раскрытой ладонью, на которой поблескивало кольцо и незнакомец, взирающий на это кольцо с задумчивой улыбкой. В этой улыбке не было ни издевки, ни печали, однако в груди у Грехобора ёкнуло.

Жнец.

Такой встречи и врагу не пожелаешь. Жнецы без причины не переходили дорогу ни людям, ни магам. Они стояли на неусыпной страже покоя богов и жили на Перехлестье. Если Жнец пришел в мир людей — добра не жди. Этот маг мог легко мог убить даже дэйна. Он был той силой, которой опасались все. Десницей богов — карателем и вершителем справедливости, палачом и судьей тем, кто не считал нужным подчиняться законам.

Неужто он пришел за Грехобором?

— Легкой дороги, — тем временем сказал Жнец, оторвав пристальный взгляд от венчального украшения.

— Легкой дороги, — отозвался Грехобор, провожая уходящего взглядом полным растерянности и смятения.

Жнец покинул Перехлестье? Зачем? Ведь если он отвернулся, значит, его цель не Грехобор. Тогда кто?

Но вместо ответов на эти вопросы в голове отозвалось эхом лишь одно слово — особое для каждого мага.

Перехлестье.

В душе мага расплзалась тоска.

Перехлестье.

Место, где можно стать человеком, и жить в одном из многочисленных храмов небожителей, служа им. Там мечтал оказаться каждый, но не каждого Жнец пропускал через заветную черту, разделяющую мир людей и богов. Пересечь ее было дано лишь тому, чьи отчаяние и боль пересиливали желание жить. Но что делал Жнец здесь? Какой жатвы искал? Грехобор не знал ответа на этот вопрос, да и не хотел знать.

Ему было ясно только одно. Такого, как он сам, Перехлестье отторгнет. Потому что в душе у него не было ни отчаяния, ни боли. Только глухое беспросветное смирение. И желание, чтобы все, наконец, закончилось.

И, зажав в руке венчальное украшение, скиталец двинулся в сторону города, сам не понимая еще, что впервые за последние годы в его сердце шевельнулось что-то отличное от равнодушия. Интерес.

Василиса и средневековая реальность.

Телега катилась, поскрипывая и подпрыгивая на кочках. Васька устроилась поудобнее и в тайне радовалась, что сидит на складках толстой юбки. Прежде девушке никогда не приходилось колесить на повозках. Как выяснилось — к счастью. Она ехала и мрачно размышляла — чего только современные любители средневековья находят в этой тёмной эпохе? Ну по всему же ясно, что в двадцать первом веке безопасней и комфортнее — в машинах мягкие сиденья, на ухабах так не трясёт, тепло, светло, да ещё и быстро. Здесь же еле тащились.

Пока она рассуждала о преимуществах и несомненных достоинствах цивилизации, всадник на вороном коне неспешно ехал следом. Несколько раз Лиска бросала в его сторону любопытные взгляды — уж очень колоритно выглядели статная фигура, укутанная плащом, и страшный лохматый жеребец. Незнакомец больше не проронил ни звука, ехал, опустив голову, то ли погрузился в мысли, то ли просто был не из болтливых. Вот и славно. Чем меньше вопросов — тем лучше. Больше всего на свете Васька боялась погореть на блестящем незнании здешних реалий.

Сквозь голые кроны деревьев припекало ласковое солнышко.

А всё?таки здорово, что довелось попасть в весну! Теперь впереди новое лето, а вот у Юрки оно уже через два месяца закончится. Воспоминания о друге детства повернули мысли девушки в неожиданную сторону — она погрузилась в мрачные раздумья по поводу произошедшего в землянке. Что же пыталась отдать незадачливой гостье страшная хозяйка избушки? Понятное

дело — ничего. Да вот только... обидно как?то!

Это что ж получается — страху Василиса натерпелась нечеловеческого, а на деле, как оказалось, только попусту геройствовала. Зато наоралась на год вперед. И набегалась тоже.

...Телега выехала из леса, когда солнце уже касалось горизонта. Девушка сидела в повозке, жестоко страдая от физического и информационного голода. Причём, муки второго были просто нестерпимы. Томительные часы езды стали временем непрерывных размышлений о неведомом мире, в который угораздило попасть, о своём туманном будущем и полном отсутствии перспектив на возвращение. Наконец, оставалось совершенно неясным — как выжить в столь причудливых обстоятельствах. Полное незнание местных традиций чревато новыми печальными приключениями. Впрочем, и это ерунда, главное другое — скоро ночь, а Василисе негде не то что преклонить голову, но и просто перекусить. Негде и не на что.

— Ты, девка, чья будешь?то? Куда тебя везти? — прервал размышления своей спутницы старичок.

Такого поворота событий девушка, прямо скажем, не ожидала. Расспросы дело гиблое, поди, сообрази, что и как врать. Да и стоит ли?

Однако пока тугодумка размышляла, чего бы ответить, язык сам собою брякнул:

— Я работу ищу. Не знаете, куда податься?

Дед сдвинул шапку на лоб и поскреб в затылке.

— А умеешь?то чего?

Василиса пожала плечами:

— Готовить. Может, есть у вас тут харчевни, куда стряпухи требуются?

Старичок хмыкнул:

— Харчевни?то есть, но чтобы баба стряпала... Это где ж такое видано?

— А что, разве женщины, ну... в смысле, бабы — не готовят? — удивилась Вася.

О, чудесный новый мир! Может, здесь не надо и убираться? Может, и стирать не придется?

На нее посмотрели с хитрым прищуром:

— Где ж это видано, чтобы баба в харчевне стряпала? Ну, там посудомойкой, чернушкой или на побегушках — это да, святое дело, даже богоугодное. Но, чтобы иначе как...

И сидящий на облучке снова хмыкнул.

Лиса удивилась:

— Как же так? Значит, дома у печи хлопотать можно, а в таверне у той же печи не доверяют?

Ее собеседник хлопнул себя по колену, досадуя, что спутница не понимает таких элементарных истин:

— Отчего ж не доверяют? Доверяют. Дай, подай, уйди, не мешай. Поскольку за бабой глаз да глаз нужен. И строгость. Ибо, что баба без мужского догляда сделать может? Не-е-ет, девка, бабам никакое дело доверить нельзя. Ежели только от безысходности.

Васька помолчала, свыкаясь с мыслью, что она теперь не выпускница кулинарного техникума, получившая красный диплом и с блеском прошедшая практику в кафе «Сказка», а абстрактная «баба», коей страшно доверить даже просто помешивать кашу в горшке. М-да...

Тем временем старичок зыркнул на едущего рядом дэйна и нахмурился. Однако хозяин вороного жеребца словно не заметил этого. Только равнодушно изрек:

— В «Кабаний Пятак» попробуй податься. От городских ворот первый проулок налево. Там уже два месяца на кухне никого, кроме тараканов, да и те, наверное, разбежались. У Багоя мало кто приживается. С его характером только жаркое мирится. Так что — баба или мужик — этот трактирщик привередничать не станет.

Василиса уныло кивнула. Перспектива устроиться на работу к человеку, который не отличается приятностью нрава — мало радовала. Дальше ехали в молчании. А когда повозка выкатилась на большак, всадник на вороном коне что-то негромко сказал старику и, пришпорив жеребца, был таков. Лиса некоторое время любовалась, глядя в спину удаляющемуся мужчине — так уверенно он держался в седле бешеного скакуна.

— Эх, погнал-та... — неодобрительно покачал головой дед. — Лют. Эх, и лют!

Девушка с уважением кивнула. И впрямь лют. Далеко не каждый осмелится даже подойти к такому коню, не то, что верхом сесть, да ещё погонять. А наездник свирепого жеребца так пришпоривает, что сердце заходится.

— А кто он, дед? — спросила Вася, по-прежнему всматриваясь вдаль.

На горизонте чернел город. Ещё немного и на месте.

— Кто?кто, — ответил старик, — известно кто — фадир. У него, девка, родословная длиннее турьего... э-э-э... рога.

Собеседница прыснула.

— Чего скалишься? — заулыбался дед. — Правду говорю.

Дорога до городских стен заняла еще приблизительно четверть часа и Василиса вздохнула с облегчением, когда впереди — на высоком холме, наконец, выросла крепостная стена. Путешественница даже замерла от восторга — аккуратная кладка, выполненная из природных камней, поднималась метров на пять вверх, конструкцию поддерживали пологие контрфорсы. Через равные расстояния стена округлялась пузатыми башенками. Скромненько, но впечатляет. Кстати, ни рва с водой, ни подъёмного моста тут не оказалось. Дорога упиралась в надёжные ворота, могучие створки которых сейчас были распахнуты.

На въезде в город царило оживление. В воротах ругалась с караульными толпа крикливых пёстро одетых людей. Все они махали руками, галдели, сверкали разноцветным тряпьем. Одним словом — пробка. Скрипучие кибитки, лай собак, детский гомон, крики женщин, храп лошадей.

Дед обречённо вздохнул:

— Скоморохи пожаловали. Теперь до темна простоим, пока их досмотрят и пропустят, — и он со скучным видом подпёр подбородок кулаком.

Между тем рядом с повозкой, на которой ехала Василиса и ее спутник остановились ещё несколько бричек, телега с сеном и двое конных всадников. Девушка с интересом глазела по сторонам. Народ был одет просто, без изыска. Преобладали ткани чёрного, коричневого или серого цветов. Реже попадались одеяния белые или буро-красные. Сапоги и ботинки здешних жителей, сделанные грубо, но надёжно, и вовсе имели самый затрапезный вид. Осознав это злосчастная попаданка предусмотрительно прикрыла свои кроссовки подолом платья.

Попавших в затор постепенно прибавлялось, однако все терпеливо ждали, не выказывая раздражения. Хм, пожалуй, кое в чём этот мир выгодно отличается от привычного 21 века. В данной ситуации, например, вспоминались автомобильные пробки и нервные таксисты, без умолку сигналившие и подрезающие всё, что движется. В отличие от них, здешние жители предпочитали не суетиться попусту.

Люди спокойно переговаривались, гадая, что такое могло приключиться в воротах. Конники, которым с высоты лошадиных спин было лучше видно происходящее, щедро делились с собравшимися информацией. Так, один из верховых, привстав в стременах, сообщил:

— Там три ливетинки брюхатых, дак стражники требуют, чтобы они пуза оголили. Те ни в какую, вопят по-своему, пальцами тычут, а мужики ихний злятся и орут громче баб. Говорят — пуза настоящие. Но не верят им, думают, бабы чего запретное пронести хотят.

Лиса поразилась беспардонности стражников. Ничего себе! Может, кроме живота, им ещё и грудь предъявить? Ну, вдруг, она тоже поддельная?! Кстати, особам с пышным бюстом есть чего бояться... Девушка плотнее запахнула свой полушубок и даже на всякий случай ссутулилась. Между тем, остальные участники средневековой пробки ничего запретного в действиях стражей явно не видели. Напротив! Дюжий парень, везший в город телегу сена, заломил на затылок шапку и заржал:

— Посмотреть бы, как ливеты выкрутятся. Поди уже суют звонаря.

Васька жадно прислушивалась. Интересно, какого такого звонаря и куда именно надо совать в воротах? А вдруг у нее тоже спросят? А ей и сунуть нечего! Паника подкатила к горлу, живот свело от ужаса. Вот попала!

— Не возьмут они с них денег, — отозвалась румяная сочная девка из соседней брички.

Длинная коса, толщиной с батон колбасы, лежала у неё на груди, белое без единой оспинки лицо оказалось до того хорошо, что даже везший Лиску дед загляделся. Одетая красавица была, как все здешние женщины — в полушубок с суконным верхом, платье и платок. Но что это был за полушубок! Такой красоты ещё поискать! А Васькин?то простенький, заношенный...

Парень из телеги тоже залюбовался говорившей, однако нить беседы не потерял.

— Отчего ж не возьмут. Смотри сколько давать будут.

— А сколько б не дали, — тряхнула головой красавица, — не возьмут. Отцов приказ — без досмотра ливетов за стены не пускать, не то места лишишься. Это после того, как кто?то из ихних видии на ярмарке кусок шёлка с юбки отмахнул.

Пока собравшиеся дружно хохотали над услышанной сплетней, Василиса чувствовала себя чужой и несчастной. Ничего?то она не понимала в здешних реалиях. Ничегошеньки. Видия! Что это такое? Точнее, кто? Вопросы так распирали мозг, что девушка, побоявшись взрыва, предпочла вновь сосредоточиться на разговоре.

Тем временем, парень в заломленной шапке развалился на облучке и подмигнул красавице из брички:

— Не, девка, за иное их досматривают. Недели три назад здесь такие же проходили, с собой привезли пряностей. За день расторгвались, и к вечеру уже след простыл. А на следующий день оказалось — стряпня с теми пряностями не на пользу, кто в горячке слёг, кто животом маялся, а у иных и глаза слепли.

На этот раз никто смеяться не стал. Васькин дед сердито шлёпнул себя по колену, а один из верховых злобно сплюнул. Похоже, назревал межнациональный конфликт. Попутчики смолкли, а вот вопли и гомон возле ворот стали ещё громче. Что?то это всё напоминало... Ах, ну да! Цыганский табор.

Как разрешилось дело на въезде, никто не разобрал — очередь двинулась, но вместо того, чтобы свободно потечь через ворота, телеги утонули в ливетском таборе. Вокруг забегала ребятня, затрясли пёстрыми платками и подолами ливетинки. Василиса увидела конопатые лица, с яркими голубыми глазами, рыжие косы и кудри. Словно в пожар окунулась!

Дети рассыпались горохом — одни колесом катились возле телеги, другие пытались влезть на впряжённых в бричку сивок, третьи дёргали за рукав деда... Час настал! Пока Лисин спутник отмахивался от ребятни, путешественница соскользнула с телеги и юркнула в пёстрый водоворот.

Несколько ливетинок коршунами подлетели к ней, одна сразу предложила погадать, другая тут же известила, что «эта рябая гадать вовсе никогда не умела» и, конечно, предложила свои услуги. Пока оболганная ворожея размахивала руками да голосила, обличая товарку, чьи?то шаловливые лапки вскользь обшарили Васины бока и складки юбки. Страница чуть не заплакала от ностальгии — ну просто ж/д вокзал в выходной день! Все топчутся, мнутя, орут, спешат, а кое?кто в процессе ещё пытается и карманы зазевавшимся гражданам обчистить. Смешные. У нее и карманов?то нет.

Лиска мстительно позлорадствовала над вором, а ноги тем временем резво несли ее к городским воротам, локти же щедро раздавали тычки. Наконец, девушке удалось вырваться из толпы.

Хм. Что там говорил дэйн? От ворот первый проулок налево. Васька сверилась с запястьями, определила «лево» и шагнула на тихую узкую улочку, извиающуюся между неказистых домов. Всё здесь казалось мирным и уютным. Каким?то даже деревенским, а не городским.

Вот только под ногами грязь непролазная...

Выдергивая ноги из вязкой жижи, девушка шагала вперед, поглядывая на разномастные домики. Ну и где этот «Кабаний Пятак»? Где сей оплот калорий и питательных обедов? Дорога петляла себе, убегая вперед, а на город, названия которого злосчастная попаданка так и не узнала, медленно опускались сумерки...

Васька уже почти отчаялась хоть куда?то дойти, когда тишину улицы нарушило монотонное заунывное поскрипывание. В сгущавшемся полумраке девушка увидела над входом в один из

домов деревянную вывеску, опасно накренившуюся. Деревяшка покачивалась под ветром на двух ржавых цепях и противно скрипела. А изображена на вывеске была... розетка. То есть круг и в центре рядышком — две точки. А по бокам от круга — два банана. С одной стороны и с другой.

Путешественница долго и озадаченно смотрела на сие творение средневекового изобразительного искусства, пока не поняла, что, по всей видимости, ее взору предстал тот самый кабаньих пятак с кабаньими же клыками. Шедевр!

Вывеска настолько улучшила девушке настроение, что тяжелую дверь скиталица толкнула безо всякой робости. Разве может быть что-то страшнее уже виденного кабаньего пятака? Но уже через секунду Васька поняла — может. Однако дверь за спиной уже закрылась. Пусть к отступлению оказался отрезан.

А внутри харчевни было грязно, полутемно, вонюче и пусто.

Замереть в дверях было бы глупо, умнее было бы отступить назад и захлопнуть створку. Но Лиса еще хорошо помнила тёмную холодную улицу, грязь под ногами, и... решила идти в своей дурусти до победного конца, а потому сделала несколько осторожных шажков вперёд.

Дыхание перехватило, но не от робости. А от невыносимой, прямо-таки убийственной вони кислой капусты. Васька ненавидела кислую капусту! В далеком детстве, когда у них с мамой не было денег, основной едой становился именно этот бюджетный продукт, тушёный с морковкой, томатной пастой, чесноком и (если очень повезет) крошечным кусочком вареной колбасы, порубленным на мелкие кубики...

— В ней много витамина С! Кушай, деточка, кушай!

Эти слова засели в памяти так крепко, что хотелось взвыть.

Помимо амбре кислой капусты по залу разносился еще и удушливый запах гари. Тут Лиска сразу вспомнила преподавателя кулинарного техникума, который говорил, что у хорошего повара работа горит в руках, а не на плите.

Как здесь люди вообще едят? В такой-то вони и темнотище.

На потолке в огромном тележном колесе едва тлели несколько чадящих сальных свечей, добавляя закопченным стенам еще большей мрачности. Как в склепе каком-то!

А еще ни единого чистого стола — везде какие-то тарелки с остатками чужих трапез, кружки, крошки, лужицы пролитого питья. И это еще в полумраке особо не присмотришься, а если свечей побольше зажечь, так, наверное, столы будут шевелиться от обилия бактерий.

Васька сделала осторожный шаг вперед. Под ногами влажно смялась прелая солома. Тут ни один Мистер Проппер не поможет. Живьем сожрут какие-нибудь палочки, навряд ли кишечной. Кстати, каждый представитель вышеозначенной палочки в этом заведении должен быть размером с кролика, не меньше. При эдакой-то антисанитарии. Впечатление такое, словно тут не харчевня, а в зоомагазин по продаже экзотических микробов. Бр-р-р.

И здесь работать?

Ну... выбирать-то не приходится и, расправив плечи, Васька шагнула вперед — к неминуемой смерти от грязи.

Борясь с отвращением, девушка пробиравалась между хаотично расставленными столами к грязной стойке, за которой стоял то ли хозяин заведения, то ли его доверенное лицо. Приземистый и непропорционально широкоплечий мужик средних лет — лысый, со свисающими до подбородка усами и в рубахе с распахнутым воротом — протирал залапанную кружку засаленным полотенцем. Он был очень мощный, но ростом почти на полголовы ниже и без того невысокой Василисы.

— Чего тебе? — зло спросил халдей, словно незнакомка была не простой посетительницей, а всемирным сосредоточением зла, даже не просто зла, а зла inferнального, вроде санэпиднадзора.

Незадачливая странница осторожно поинтересовалась:

— Извините, вы — Багой?

Тот, к кому обращались эти слова, посмотрел с сомнением, пожевал губами, что?то прикидывая в уме, и лишь спустя несколько долгих мгновений глубокомысленного молчания изрек:

— Ну, а если и так? Чего надо?

— Я работу ищу. Вам, вроде, кухарка требуется, — чуть тише и с меньшей уверенностью продолжила допытываться девушка.

— Это ты что ли кухарка? — усмехнулся корчмарь, оглядывая претендентку на столь ответственный пост. — У меня тут мужики не держатся, куда уж тебе?то?

И вот здесь Ваську словно замкнуло, она вспомнила, как когда?то давно проходила практику, работая помощником повара в детском оздоровительном лагере. Вспомнила свою начальницу — Галину Петровну, дородную женщину, всю жизнь бившуюся на фронтах горячих обедов за наваристость и нажористость.

Так вот Галина Петровна говорила следующее: «Мужик-повар — это извращенец. Всякие там фрикассе и фондю под соусом блomanже. А борщ лучше бабы никто никогда не сварит. Ну, раз ты съешь эту фондю, ну два, а потом что? Все равно ведь щей захочется. Так что, девки, учитесь готовить простую еду. Блomanжой сыт не будешь, только у плиты упреешь, пока скостромишь. А мужик что? Мужик — скотина беззаботная. У него свободного времени навалом, вот пусть он со своими фондями и скачет».

И сейчас воспоминание о первой начальнице не дало скукситься, Васька расправила плечи и с вызовом сказала:

— Значит, такие мужики хилые были! А я девушка крепкая. Да и готовлю уж точно получше того, кто здесь сегодня кухарил.

— У меня сегодня кухарил я, — веско заметил корчмарь и замолчал, о чем?то размышляя. Потом подвигал челюстью и осведомился:

— А рекомендации у тебя есть?

Лиса закашлялась от возмущения.

— Рекомендации? А то! Несъедобную бурду делаю быстро и недорого, кто угодно подтвердит.

Её колкость осталась без ответа. Собеседник задумчиво оглаживал усы.

— Рекомендаций нет, значит... — сказал он, растягивая слова, и пробормотал совсем уж непонятное: — Да и собой тоща...

Нет, ну, надо же! Девушка закипятилась. Угодила в новый мир, но и тут, похоже, не вписалась в каноны прекрасного. У себя была недостаточно худа, здесь недостаточно полновата! Однако досада не помешала на всякий случай уточнить:

— А вы точно стряпуху ищете? Не мякоть для жаркого? А то я, пожалуй, пойду...

Лучше уж сразу внести ясность, чтобы потом не мучиться сомнениями.

— Я те пойду... — пригрозил хозяин и, перегнувшись через стойку, удержал собеседницу за плечо. — Пойдёт она. Стряпню охаяла, гадостей наговорила, а уж идти собралась.

Пришлось остаться. Корчмарь ещё минуту-другую раздумывал и, лишь полностью исчерпав мыслительные силы, спросил:

— Готовить? то хоть умеешь?

Ага, клюнул! Соискательница гордо приосанилась, тряхнула кудрявой головой, добавила взору полета и страсти и даже вздернула подбородок:

— Умею. А если хорошо заплатишь, то через месяц от посетителей отбоя не станет. — Это заявление, конечно, прозвучало несколько хвастливо, но Василиса решила, что сможет пережить муки скромности.

К сожалению, корчмарь не внял и передразнил:

— «Умею»! Да ты наглая.

— Такая.

— Тяжести таскать сможешь? — он подозрительно сощурился. — Учти, поблажек не будет.

— Так вроде же видно, что от ветра не рассыплюсь.

— Хм...

Багой снова подвигал челюстью. Видимо, без этого простого движения мыслительный процесс у него не завязывался.

— А муж, девка, против не будет? Не придет сюда орать да клешнями размахивать?

— Не придет, — утешила Лиса работодателя и пояснила, — я незамужняя.

— Странная девка. А ежели выскочишь?

— А ежели и выскочу, так когда это будет? — парировала собеседница и уточнила: — Тебе кухарка нужна или нет? Судя по запаху — очень даже. Да и посетителей не видать. А которые приходят, так, небось, больше пьют, чем закусывают.

— Платить много не буду, — никак не отреагировав на последнее заявление, ответил хозяин.

— Много пока и не надо, — согласилась соискательница. — Только угол, где буду жить, кухню в полное распоряжение ну и... возможность есть то, что приготовлю.

— Хм... Воду таскаешь сама. Помощников у тебя почти нету. Одна девка и та чахоточная, да еще и без мозгов. Ныть будешь — выкину. Если за две недели посетителей не прибавится втрое, снова выкину. И денег тогда не жди.

Василисе стало смешно, но все же она сдержалась, не стала хихикать, только с очень серьезным лицом ответила:

— Договорились. Но если через две недели народу привалит больше чем втрое, заплатишь.

Корчмарь захохотал. Но кивнул. Только одобрительно заметил:

— Лютя! Пошли, покажу владения.

И он поманил девушку в святая святых, на ходу инструктируя.

— Значит, жить станешь под лестницей. Есть там у меня коморка. Для такой прощелыги — в самый раз. До солнышка встаешь, вот тут, в кладовке, запасы берешь и стряпаешь. Чтоб к рассвету харч готов был. Чего надо — скажешь. Сегодня, до сна, посуду, вон, перемоешь.

Василиса проследила за царственным движением могучей руки и едва не осела на пол. Перед ней раскинулся полигон ТБО... Точнее, гора мусора и потрясающего, просто феерического бардака.

— Кухня, — коротко и емко пояснил халдей.

Девушка с трудом перевела дыхание.

Сказать, что здесь было грязно — это ничего не сказать, здесь было настолько грязно, что малейший шажок казался актом насилия над личностью и должен был быть запрещен ООН, ЮНЕСКО, Лигой Наций и Женевской конвенцией.

Захламленное помещение с двумя большими окнами, огромной то ли плитой, то ли жаровней, двумя разделочными столами, когда-то могло быть мечтой повара — просторно, светло... Вот только все это было в незапамятные времена, наверное, сразу после строительства. Ибо окна точно не мылись уже лет пятнадцать — на широких подоконниках лежали горы грязных мисок, тарелок, чашек и плошек, занавески, черные от гари и пыли болтались грязными тряпками, а стекла оказались такими мутными и закопченными, что через них можно было спокойно наблюдать солнечное затмение, без боязни получить ожог сетчатки.

Помимо подоконников грязной посудой были завалены и все остальные свободные поверхности: покрытая горелым жиром жаровня, липкие разделочные столы и даже лавка. Кстати, на полу возле двери ютились две кадушки — в одной плавала жирная тряпка, а в другой очистки и какие-то непотребные отходы. Вонь надо всем этим стояла такая, что глаза щипало.

— Твою ж... — витиевато выругалась Василиса, чем заслужила косой, полный уважения взгляд Багоя.

Девушка уныло вздохнула. Гид тем временем продолжил тыкать пальцем в разных направлениях, знакомя с интерьером, мол, тут коромысло, тут дрова (мама родная, кто

знает, как готовить в печи?!), здесь котелки и сковородки, вот — ножи.

— Значит, готовить надо похлёбку да, какую?нибудь, тушенину, — сообщил корчмарь. — Чего — решишь сама. Понятно? Теперь, пойдём, коморку покажу.

Лиса поспешила следом, попутно выясняя:

— Похлёбку, тушенину — с этим ясно. Сделаю. А еще, какие блюда?

Мужчина остановился:

— Я ж тебе сказал, — терпеливо произнёс он. — Все блюда — на кухне, помоешь — пользуйся. И миски тоже там. Идём.

Н-да... Васька потёрла переносицу. Хорошо, хоть про меню уточнять не стала, а то работодатель вообще бы завис до утра.

Тем временем путь из кухни пролёг напрямиком к комнате, что поступала в единоличное владение новой кухарки. Обещанная коморка оказалась настоящей норой — крохотный чуланчик без окон. Здесь всего и умещались — узкий топчан, да сундук. М-да... Предстояло Василисе Евтропиевне, жить, как несчастной Козетте.

— Хозяйствуй! — тем временем произнёс Багой с таким пафосом, словно одаривал девушку половиной всей корчмы.

— Ага.

К сожалению, на большую благодарность Лиса оказалась неспособна ввиду тошной усталости. А ведь еще кухню драить...

На ум лез только мат. Эх. Собрав в пухлый кулак всю свою могучую силу воли (а какая она еще может быть у человека, попеременно сидящего на всех возможных диетах?) новоявленная кухарка вернулась на рабочее место. Подозрительный корчмарь пошел следом. То ли боялся, что работница сбежит, то ли, что попутно прихватит с собой часть его грязного засаленного добра.

Ну, вот и Авгиевы конюшни. Во всей красе. Василиса задумчиво оглядывалась, прикидывая, с чего начинать уборку. Вдруг в дальнем углу что-то негромко зашуршало. Первая мысль была: «КРЫСА!». Стряпуха уже собралась прыгать выше головы и орать, переходя в ультразвук, но обошлось. Шуршала, разбирая сваленные в кучу вязанки лука, тоненькая девушка.

— Заря! — рявкнул стоящий за спиной Василисы Багой так, что обе его подчиненных одновременно вздрогнули. — Чего ты там колупаешься?! Сказал же — повесить на гвоздь, нет, возится там, как мышь полевая, шуршит!

Та, к кому обращалась эта гневная отповедь, испуганно вжала голову в плечи и залепетала извинения. Однако жалкое бормотание только сильнее рассердило хозяина — он в сердцах замахнулся на щуплую девчонку, но в последний миг сдержался, лишь плюнул под ноги.

— Прибить бы тебя, недоразумение ходячее.

«Недоразумение» подобным отношением к себе ничуть не возмутилось, лишь еще сильнее ссутулилось, принимая поношение. Василиса, глядя на это, с удивлением ощутила, что вместо

желания встать на защиту заведомо более слабой, борется с искушением... отвесить ей подзатыльник. Нескладная, угловатая, страшненькая, вся какая-то... ущербная. В этот самый миг «ущербная» подняла взгляд, до того опущенный в грязный пол, и Лиску окатила волна жгучего стыда.

В темных глазах светилась тихая мудрость, смирение и... понимание. Эта девушка знала, какие чувства вызывает в людях. Знала и ничуть этим не возмущалась, будто бы считала, что не заслуживает иного. Густая черная челка скрыла взгляд Зарии, наваждение развеялось, но Василиса все равно стояла пристыженная. Как будто это ей дали подзатыльник. Причем за дело.

— Кто она? — отчего-то хрипло спросила Лиска у своего работодателя.

Багой отвлекся от ругани и вновь повернулся к стряпухе.

— Наказание мое за грехи... — проворчал он. — Взял на свою голову. И видеть тошно, и выгнать жалко — работает почти даром. Помощница это твоя. Чернушка. Следи, чтобы не ленилась. Девка она, может, и не плохая, но бестолковая-а-а...

— Ясно.

— Гляди у меня — слушайся. Не то всыплю — мало не покажется! — снова повернулся корчмарь к Зарии.

После этого «наставления» мужчина показал хилой слушательнице могучий кулак и, наконец, ушел с кухни. Василиса какое-то время бездумно стояла, глядя перед собой.

— Поспать мне сегодня явно не удастся... — пробормотала она под нос и с тоской огляделась.

Мир спасти проще, чем отдраить эту кухню. И что только от ворона сбежала? Ладно... Может, хоть похудеет от такой жизни.

— Вода у вас где? — не глядя на «помощницу», Лиска засучила рукава.

— В колодце, — тихо ответила Зария, махнув рукой на открытую дверь черного хода. — Принести?

— Сама схожу — тебя ж ветром унесет, — буркнула Васька. — Помочь хочешь — найди веник или метлу... что-то, чем можно выгрести мусор. И мешки... много мешков.

— Странная ты, — едва неслышно произнесла чернушка.

— Почему это? — ее собеседница в это время обзирала кухню с видом военачальника, готовившегося бросить войска в отчаянную атаку.

М-да. Простая метелка тут не поможет нужно что-то помощнее. Бульдозер, например. Или напалм. Или маленькую ядерную бомбу. Эх, лопату бы совковую.

— Слушай, а лопаты для навоза нет у вас в хозяйстве? Ну или чего-то, чем вы тут грязь собираете, — девушка смотрела на усталый очистками и разнообразной шелухой пол.

— Чем «мы»? — после этих неосторожных слов Зария осеклась, часто-часто закивала и заторопилась в чулан, подволакивая ногу.

Василиса же снова обозрела кухню, закрыла глаза и сказала:

— Лучше бы я спасала Вселенную.

Все последующие часы, что она и Зария выгребали мусор, мыли окна, драили полы, чистили сковородки, жаровню, стены, кастрюли и вообще все, что только попадалось на глаза.

Мытьё шло из рук вон плохо — без рекламных средств жир никак не хотел оттираться, а гнусная тряпочка только ещё сильнее его размазывала. Зевая и злясь, Васька яростно терла грязь песком, который притащила с улицы ее помощница. Но все равно провозились труженицы едва не до рассвета.

И лишь только после того, как последняя сковородка, сияя блестящими боками заняла свое место над вычищенной плитой, Василиса взяла на себя смелость переместиться в чулан. По пути к месту ночлега она буркнула Багою, скучающему за своей стойкой, что в ее конуре только цепи и не хватает, после чего скрылась за дверью. Спать! Всё остальное — завтра.

Перепутье. Маркус.

Оказалось, сложный выбор сделать удивительно просто. И вот все уже готово для начала войны. Почти все. Еще один свиток с начертанным на нем именем лежал перед Маркусом. Еще одна судьба. Вот-вот готовая оборваться. Она имела огромную ценность для Талис. Его богини.

Маркус крутил свиток так и этак, решая, как поступить. Казалось, выбор очевиден, но...

Выдержит ли она?

Сможет ли вынести испытания, которые он на нее обрушит?

Не сломается ли?

Ведь, оставь он ее в покое, девушка уйдет без мук и сожалений.

Так стоит ли она шанса? Да и нужен ли ей он?

Бог снова прочел имя. Красивое.

Возможно, если ей будет, за что бороться... или за кого?

Мужчина снова бросил взгляд на лежащие рядом свитки с двумя именами.

Хм.

Да. Именно так.

Заодно и запутает тех, кто ждет его следующего шага.

Перехлестье. Василиса и недоразумение.

Увы, завтра наступило как?то слишком уж быстро. Даже сон не успел присниться! Казалось, только Лиска прикорнула, только прижалась щекой к тощей подушке, как уже Багоев глас воззвал из тьмы:

— Эй! Ты чего, уговор забыла?

Дверь в кухаркины хоромы распахнулась, на пороге возник хозяин с лучинкой в руке. Соня зажмурилась от яркого сияния огонька и села, прячась под одеялом.

— Дрыхнет! — ужаснулся мучитель. — Она дрыхнет! А скоро рассветёт. Мигом на кухню и за горшки!

— Иду, иду...

Он поставил светец на сундук и исчез. Девушка, позевывая и ежась, оделась, мысленно проклиная того, кто выдумал платья с длинными просторными юбками. Интересно, этот эстет хоть раз пробовал целый день ходить, путаясь ногами в подоле? Кстати, с первой зарплаты нужно будет купить обувь, а то кроссовки могут вызвать нездоровый интерес у здешней публики... А еще штаны. Крепкие такие штаны. Ибо наряжать такую тумбочку, как Василиса в пышные юбки — есть издевательство над честью и достоинством.

Вообще нынешнее утро принесло одно только разочарование. Как же Васька надеялась, что проснется в своей комнате! Проснется и первое, что увидит — уголок отклеившейся полоски обоев, так давно напоминавший ей о несовершенстве мира и собственной забывчивости, благодаря которой она никак не могла зайти в хозяйственный магазин и купить клей. Увы. Ни тебе привычных обоев с бабочками, ни электронного китайского будильника возле дивана, ни телевизора. Бе.

И вообще, все тело, после ударного труда, совершенного накануне, ныло и болело. Состояние организма было такое, словно Лиска все-таки спасла, если не вселенную, то какой-то маленький, но очень погибающий мир. Причем спасла, закрыв собственным дородством.

Когда же золотая работница, поглощённая размышлениями, пришла на кухню, там уже жарко полыхала печь. А в огромной кадучке, опустившись в деревянные недра едва не по пояс, Зария месила тесто. Ну или тесто засасывало Зарию... было не совсем понятно.

Ну-с, посмотрим, что тут у нас? Широкий передник Васька надела привычным движением и тут же ощутила сногшибательное дежавю. Сколько дней ее жизни начинались так? Несчётное количество! И вот теперь, попав в незнакомый мир, она занималась тем же, чем позавчера и вчера (неужели, вчера? а кажется, будто вечность прошла) — приступала к привычной работе повара. Хм.

Однако на поверку, работа оказалась не такой уж и привычной — ни тебе чугунных сковородок, ни кастрюль с микрокапсулированным дном, ни тёрок. Это не говоря уж об электрической плите. То, что в условиях современности занимало пять минут, здесь требовало вдвое больше времени и сил. Мало того, окинув глазами содержимое кладовой, Лиса вообще пришла в ужас. Из знакомых круп всего и было — горох, фасоль да чечевица, а что такое вот это — розовое, похожее на семечки граната?

Плюс, конечно, овощи. Капусту, морковь, свёклу, лук с чесноком, кухарка, конечно, опознала. Но все остальные корешки вид имели самый инопланетный. Ну, кто вот скажет, что это — голубое и в отростках? Девушка покрутила в руках диковинный корнеплод. Во, попала... Пока она удивлялась, в кладовку заглянул Багой и рявкнул:

— Ты чего в кэлахай вцепилась, как собака в кость? Работать будешь или нет?

Ну, хоть название теперь знает... Она бросила непонятный плод обратно в корзину и засучила

рукава. Ладно, придется разбираться в процессе.

Не мудрствуя лукаво, было принято решение обойтись нынешним утром меньшей кровью, то есть сделать луковый суп, капусту в кляре и тушёные свиные рёбра. Кстати, Василису особенно удивило обилие всевозможного мяса. Она как-то привыкла к тому, что в ее реальности мясо — самый дорогой продукт после элитной рыбы типа сибаса и стерляди, здесь же оно, судя по всему, не считалось пищей людей высокого достатка.

Зато пряности и мука были на вес золота. Это стряпухе доходчиво объяснил Багой, возникавший рядом всякий раз, когда она совалась в мешок с мукой, или брала щепоть специй. С последними, кстати, оказалось проще всего — поварское чутьё не подвело, а скромность ассортимента всё упростила.

Надо заметить, поначалу хозяин и строгий цензор ходил за новой работницей по пятам, пытаясь отпустить замечания и задавать вопросы, но потом совершенно растерялся, ибо абсолютно не понимал производимых действий. Мало того, Багой впал от творящегося на его глазах безобразия в транс и даже не пытался протестовать — сидел в уголке, закрыв лицо руками, и качал головой. Судя по всему, он уже видел, как его харчевню с проклятьями покидают последние самые стойкие и верные посетители. Посидев в глубоком шоке, корчмарь, наконец, поднялся и ушел в зал. Видать понял, что в противном случае нервы не выдержат.

Пока Василиса священнодействовала, Зария?таки сумела вырваться из трясины теста, и захопотала у плиты, водружая на нее огромный чайник. Лиска едва вспомнила, как драила его накануне, так сразу расхотела есть. А ведь... на кухне впервые вкусно пахло!

— Ты что-то приготовила? — спросила она помощницу.

— Ты же вчера вечером сказала, что надо сделать на завтрак... слово которое я не запомнила.

— Сырники?

— Да, сырники... Но я не знаю, что это и сделала блины.

— Так ты умеешь готовить? — удивилась Василиса. — А почему тогда тут было... *все это?*

И она широким жестом обвела ныне сверкающую кухню.

— Вся эта грязь, вонь? Почему?

— Я делаю, что приказывают, — тихо, не поднимая головы, ответила девушка. — «Приготовь харч» и «сделай сырников» — это совершенно разные просьбы.

Удивительное дело, в голосе девушки не прозвучало и тени насмешки или ехидства. Она и правда привыкла жить так, как приказывали, делать то, что требовали.словно автомат! Не задумываясь, не проявляя себя.

Василиса пристально посмотрела на чернушку, пытаясь понять — что же с ней не так? Что-то странное было в девушке, вот только что? Впрочем, Васька быстро выкинула из головы лишние мысли и принялась за готовку. Следовало отрабатывать содержание и место ночлега. Удобное и уютное — ха-ха-ха... Плюс, конечно, хотелось денег. А ради зарплаты следовало расстараться.

Ну, да, конечно, умный человек привнес бы в этот отсталый средневековый мир реакцию ядерного синтеза. Василиса же могла поделиться только рецептами.

И вот уже через несколько минут на плите весело кипело, шипело, пыхтело и благоухало все то, чем Лиска собралась завоевывать мир. А через некоторое время на кухне, жадно втягивая воздух, снова материализовался хозяин «Кабаньего Пятака». Он оглядел трудящихся девушек, шумно сглотнул и... поведив носом, молча ушел обратно в зал, так ничего и не сказав.

— Это первый раз, — тихо-тихо пробормотала Зария

— Что именно? — поинтересовалась Василиса.

— Первый раз ни единого замечания. Удивительно...

Про себя новая кухарка подумала, что Багой, тем не менее, склонен к излишней критике, но все равно довольно ответила:

— Ну, я вообще крайне удивительная, — и выложила очередную порцию капусты на раскаленную сковороду. — Попробовал бы он что?нибудь сказать после того, как мы тут до ночи вкалывали, как рабы на галерах.

Наконец, когда священнодействие возле печи подошло к концу, стряпуха поставила перед задумчивым работодателем любовно сервированные миски. Подопытный взглянул на тарелки и громко сглотнул. Не от голода, нет. От удивления. Ещё бы! По сервировке у Василисы в техникуме всегда было твёрдое «отлично». Собственно, и по всему остальному тоже, но сервировку она особенно уважала, поскольку умело сложенные кусочки даже несъедобной еды вызывают резкий прилив слюноотделения, а это уже половина дела.

Багой смотрел в тарелку, как в телевизор — долго и сосредоточенно. Наконец, взял ложку и нерешительно отведал. С каждым новым проглоченным куском лицо его всё более мрачнело. Под девушкой задрожали ноги. Ну, что ещё не так? Неужто не нравится?! Дегустатор поднял угрюмый взгляд.

— И чего ты от меня ждёшь? — спросил он, откладывая ложку.

Кухарка ответила, с трудом сдерживая обиду:

— Для начала, хватило бы и простой благодарности.

— Ну, благодарствуй.

— Не на чем. А что такой вид, будто в еде плавают дохлая сколопендра?

Корчмарь подвигал челюстью (видимо, без предварительного жевания мыслительный процесс у него по-прежнему не завязывался), вздохнул и сказал:

— Вкусно.

— И?

Он снова пожевал, ковырнул ногтем в зубах, опять испустил тяжкий вздох, после чего разразился:

— Сразу ясно, что одного ночлега за такую работу мало, то есть ты сейчас привадишь ко мне народ, а потом запросишь денег. Заплатить я тебе не смогу, а значит, ты сбежишь, и вместе с тобой сбегут все посетители, а заведение батьки Багоя останется без медяка.

Диво! Василиса восхитилась такому стройному ходу мыслей. Прямо, как в анекдоте, в котором из слова «рыбка» у барышни, путём логических построений, получилось слово «проститутка». Впрочем, надо успокоить человека.

— Послушай, Багой, — она села на скамью рядом с работодателем, — но ведь, если к тебе начнут валить посетители, прибыль вырастет, а значит, платить будет нетрудно.

Он в ответ возвёл очи горе, тяжело вздохнул, подёргал ус и... кивнул!

Вот так, проявив вопиющую наглость, Лиса выбила себе повышение зарплаты с первого рабочего дня. Осталось только угодить посетителям. И ещё никогда девушка не переживала за свою стряпню до такой степени. Как оказалось, зря. К вечеру раскрасневшийся от удовольствия корчмарь пересчитывал небывалую для своего заведения выручку и клялся, что, если кухарка продолжит так же вкусно готовить, то ему будут платить даже за запах стряпни.

* * *

...Весть о харчевне, в которой готовила женщина, причем готовила так, что от посетителей не было отбоя, разнеслась за несколько дней.

Багой теперь заглядывал на кухню только по утрам, чтобы снять пробу с очередного готовящегося блюда. Две недели подряд его новая работница умудрилась ни разу не повториться, и заведение ломилось от народа.

Дошло до того, что корчмарь пригласил плотников, и те разбили во внутреннем дворике нечто похожее на веранду — со столами и скамьями. Первое время там было относительно свободно, но с каждым днём погода делалась всё ласковее, и скоро желающих вкушать пищу на открытом воздухе стало больше. А ещё через пару дней, уличные столики занимали прежде, чем саму харчевню.

Работы у девушек резко прибавилось. Лиска радовалась — объёмы были почти такие же, как и в её родном мире, да и аппетит у здешних жителей оказался ничуть не хуже.

Расстраивало только одно — попадание в неизвестный мир ограничилось лишь сменой декораций. И, справедливости ради следует сказать — прежние декорации нравились Ваське куда больше. Отсутствие комфорта и удобств, встречающееся теперь на каждом шагу, сильно омрачало жизнь.

Лишь сейчас девушка поняла, насколько обленился человек двадцать первого века. В цивилизованном мире ведь всё без затей: щёлкнул клавишей — вот тебе и свет, кран открыл — холодная вода, другой повернул — горячая. Здесь: лучинка, чадающая, как крематорий, вместо водопровода — колодец, вместо водопроводного крана — ворот с цепью. И вода только одна — холодная. Зато, конечно, и по вкусу она отличалась ого-го! А Багой ещё ворчал, мол, в городе колодцы горькие, то ли дело лесные источники!

Ну и в целом. В целом еда значительно отличалась по вкусу. Без привычных Е621 и Е324 казалось, что в мясе как-то слишком много мяса, в бульоне — бульона, а в рыбе — рыбы. А еще говорят, будто химические добавки делают еду вкуснее. Сплошное вранье. Такую колбасу и такую свинину Василиса ела только в далеком детстве, когда на прилавках еще были живы старые ГОСТы. Одним словом, девушка претерпевалась к суровой действительности, по привычке стараясь отыскать в ней плюсы и преимущества. Нет, ну не сидеть же, рыдая и заламывая руки, так?

А к концу третьей трудовой недели на кухню зашел торжественный и загадочный хозяин, молча и со значением положил на стол мешочек с монетами и так же молча вышел, словно совершил некое священнодействие. Как сказала Зария, на глаз оценивая содержимое мешочка, сие со стороны Багоя было лучшей похвалой.

Василиса счастливо улыбнулась:

— Ну, рассказывай! Чего здесь сколько стоит, и где я могу купить штаны?

— А ты разве... не отсюда? — единственное, что смогла пролепетать Зария, прежде чем ее схватили за руку и поволокли с кухни.

— Нет, — известила Васька и добавила, — но подробностей не скажу.

Она не считала эту запуганную девушку чахоточного вида не стоящей доверия, просто... пока еще побаивалась делиться своим диковинным секретом. Зария тем временем молча семенила следом, не задавая никаких вопросов и явно робея.

Вообще чернушка всегда имела такой виноватый и покорный вид, что на неё против воли хотелось сорваться всякую секунду. Лиска сдерживалась изо всех сил и попутно гадала — отчего некоторые люди рождаются с острым чувством вины за сам факт своего существования? Помощница старательно делала все, что попросят, жалко суетилась, но при этом казалось, что работает... с какой-то покорной затаенной отрешенностью. Одним словом, острое желание прибить её, чтобы не мучилась, вымотало Василисе всю душу.

Но... надо же как-то налаживать контакт? Тем более, Зария так сильно мышлилась, что слабые зачатки эмансипации, воспитанные в Ваське реальностью 21 века, не позволяли равнодушно наблюдать за подобной смиренностью.

Поэтому сейчас стряпуха тащила растерянную подчиненную в сторону, непонятную даже ей самой.

— Куда мы бежим? — чернушка споткнулась и едва не упала.

Ой. Василиса совсем забыла, что она хромоножка, и не может мчаться со скоростью орловского рысака.

— Как куда? На рынок, конечно!

— Но он же в другой стороне!

Прокляв в душе не только свой топографический кретинизм, а в принципе кретинизм, Васька круто развернулась и понеслась дальше, продолжая тянуть за собой упирающуюся Зарию.

— Да что ж ты еле тащишься? — кипятилась нетерпеливая кухарка. — Нам же зарплату дали!

— Нам? — помощница захлопала глазами.

А Василиса, всю жизнь жившая по принципу — все, что делается вместе, оплачивается тоже вместе, просто не могла понять ее удивления.

— Ну да. Ты идешь уже?! Мне одежда нужна, я здесь ничего не знаю. А ты, по крайней мере, тут живешь и в курсе всего, ну?

Спутница покорно повиновалась, захромала увереннее и даже взяла инициативу в свои руки. Если конечно можно было назвать ее неловкие комментарии инициативой: «Сейчас направо», — говорила она едва слышно. И Василиса незамедлительно сворачивала в противоположную сторону. «Да нет же, направо», — разворачивала ее помощница.

Васька говорила: «А. Ну я так и думала». И выравнивала, наконец, вектор движения строго по азимуту, но, увы, только до следующей развилки. Там, осторожные руки снова робко трогали ее за плечи, и девушка в очередной раз поворачивала куда следует, а не куда звала душа.

И каждый раз, когда Зария к ней прикасалась, Василиса чувствовала необычное напряжение, исходящее от легких пальцев чернушки — то ли тепло, то ли жар... Скорее это было похоже на слабый электрический разряд, только приносил он не боль, а прилив каких-то будоражащих сил. А, может, просто казалось.

По пути к торгу Василиса, кстати, убедилась, что таверна Багоя стояла не просто на отшибе, а вообще... черт знает где. Видимо в самом сером невзрачном и облезлом квартале. Дома здесь были небогатые и неказистые, бесстыдно жались друг к дружке стенами, заборами и кровлями, нескромно выпячивались навесами и столбами крылец. Меж ними петляла ныне подсыхая грунтовая дорога, которая в распутицу, наверное, раскисала до состояния манной каши. Из-за этого стены всех жилищ чуть не на метр покрывали брызги засохшей грязи. Словом, пейзаж, достойный в своей унылости, пера Достоевского, если бы не весело зеленеющие деревья.

Девушка шла, с наслаждением вдыхая прогретый солнцем весенний воздух. Зария ковыляла рядом, упрямо глядя под ноги и по обычаю занавесившись от солнца, ясного денька, своей спутницы и встречных прохожих челкой.

«А дома сейчас разгар лета...» — думала Василиса.

В общежитии, небось, раскалилась крыша и в комнатах теперь духота да жарница. Тётя Нюра — бессменный комендант — наверняка, привычно ругается с жилконторой по поводу текущих кранов, а Галька из соседней комнаты нет-нет да включает микроволновку, из-за которой на всём этаже вышибает свет. Ох, как же хочется домой! Хоть бы одним глазком взглянуть на Юрку (он, наверное, до сих пор ищет несчастную пропажу), на вечно поддатого повара Лёню, на Гальку с её ненавистной микроволновкой, даже на мать. Последняя, правда, совсем спилась. Но всё-таки по ней скучалось тоже. Родня ведь... Какая ни есть.

Печальные мысли отлетели при выходе на главную улицу. Здесь изменилось всё — стыдливо отпрянули подальше грязные закоулки, мостовая раскинулась от края до края, красивые каменные здания потянулись в апрельское небо, красная черепица весело топорщилась на покатых крышах. Хм... похоже, Василиса и впрямь жила и работала в трущобах.

А тут по мостовой цокали красивые лошади, проезжали богатые экипажи, горожане выглядели наряднее и богаче. На фоне некоторых Василиса в своем облезлом и полушубке (надетом, к тому же, совершенно не по сезону) и блеклой юбке казалась военной беженкой.

Да, и к слову о местных дамах! Они согревали взгляд пышностью форм и здоровым румянцем. Следовало признать — по здешним улицам практически не бегали суповые наборы с остренькими личиками и бледной кожей. В женщинах тут, по всей видимости, ценились не торчащие рёбра и ключицы, а плавная округлость. Впервые в жизни Лиса не чувствовала себя сдобной шанежкой среди высушенных галет.

Только вот Зария на фоне всеобщего здоровья, щек и румянцев, казалась каким-то ожившим скелетом. Смотрели на нее с брезгливым недоумением. «Да что ж за люди-то тут!» —

кипятилась про себя стряпуха и отчаянно боролась с искушением отвесить тяжелый подзатыльник какой-нибудь пышнотелой кумушке, надменно кривившей рот при виде сгорбленной костлявой спины ее подопечной.

И, пока застарелые комплексы с рыданиями отмирали, а пролетарский гнев еще не возобладал в Василисе над здравым смыслом, ноги шаг за шагом приближали двух путниц к цели: где-то недалеко уже шумела и гудела ярмарочная площадь. Голоса лотошников, что наперебой расхваливали товар, перекрывали друг друга.

Рынок был огромен! Всё здесь оказалось в прилавках и телегах. На входе визжали свиньи, ржали лошади, блеяли овцы, одним словом мекало, мумукало, гавкало и кудахтало... Но, поскольку Васька скотиной обзаводиться не собиралась, то сразу свернула к лоткам с тканями и шитьём. Ассортимент приятно радовал глаз качеством и расцветкой, а посему горести и печали под волшебным воздействием чудотворного шопинга отступили.

Зария ковыляла рядышком, переваливаясь, словно уточка, и тихо бормотала, если за вещь, которую выбирала ее спутница, торговец заламывал бессовестную цену.

— Ты чего там бубнишь, недоразумение? — не выдержал один из купцов, у которого Васька собиралась прикупить сорочку. — Чего бубнишь, спрашиваю? Дорого если, так и пошла вон, не тебе покупать!

И он перегнулся через прилавок, чтобы отвесить безответной жертве бодрящий тычок под костлявые ребра. Василиса вовремя перехватила руку обидчика и отшвырнула прочь.

— Клешни сложи, — сухо посоветовала она разбушевавшемуся мужчине. — Не то переломая ненароком.

Продавец изумленно захлопал глазами, а Лиска швырнула понравившуюся сорочку на прилавок и, подхватив Зарию, была такова.

Подчиненная молчаливо семенила рядом, а кухарка сердилась:

— Что ты вечно, как во всем виноватая, молчишь? Нравится что ли, когда затрецину дать пытаются?

Но ее праведный гнев пропал втуне. Потому что чернушка только еще сильнее вжала голову в плечи, закашляла, и стало казаться, что вот сейчас заплачет. Васька досадливо выдохнула и отправилась дальше. Штаны?то все равно купить надо. С одной стороны, хотелось несчастную спутницу пожалеть. С другой... где гарантия, что она примет эту жалость и что та ей вообще нужна? И вот, терзаемая противоречивыми мыслями, Лиса продолжила скитаться от прилавка к прилавку, от лотка к лотку.

Лишь через пару часов, нагруженная пирамидой свёртков, девушка почти на ощупь пробиралась сквозь толпу — довольная и счастливая. Довольная, потому что купила почти всё необходимое, а счастливая, потому что, наконец, скинула жаркий полушубок и облачилась в холщовую накидку с широким капюшоном.

Одежка радовала Васькину исстрадавшуюся по сезонной одежде душу. Ну и плюс ко всему стряпуха довольно пристукивала каблуками замечательных башмачков. Теперь можно не опасаться косых взглядов, которые прохожие изредка бросали на ее стоптанные и грязные кроссовки.

Вот только со штанами получилось как-то неловко. Торговец, к которому подошла беззаботная покупательница и попросила примерить штаны на свою комплекцию, окинул ее холодным взглядом и поинтересовался:

— Штаны? Тебе? Ты, девка, блажная что ль?

Зария рядом от ужаса попыталась обратиться в маленькую тучку и улететь прочь.

— Почему блажная? — удивилась Василиса и осеклась, только сейчас понимая, что за все время, проведенное в этом странном мире, ни разу не встретила женщину в штанах. Эх, дурында...

— Какое «мне»? Совсем очумел? — напустилась она на купца. — Щас как мужа позову, он тебе быстро навешает! Оскорбить меня вздумал — приличную женщину, мать шестерых детей? Вы только посмотрите на этого нахала?!

И девушка быстро повернулась к спующим мимо горожанам, ожидая поддержки и всячески раздувая скандал.

— Этот человек решил, что я куплю у него штаны и напялю их на потеху всей толпе!

Торговец, мигом растерявший безмятежность, замахал руками:

— Уймись, уймись, до чего вы склочные — бабы! Сама ж подошла и говоришь — «есть на меня штаны»? И чего я подумать должен был?

Василиса подбоченилась и сверкнула очами:

— Ты должен был подумать: «Ах, у этой уважаемой женщины есть муж или брат одного с нею тела». Хам! Евтропий! Иди сюда! Твою жену только что обозвали падшей женщиной, а ты там гнешь подковы и не слышишь!

Лиска орала так, что со всех сторон к прилавку стали стягиваться люди.

Торговец при упоминании подков побледнел, а дебоширка, видя его растерянность пояснила:

— Он у меня иной раз на спор кобылу в гору заносит. Или подковы гнет. — И снова заорала не своим голосом: — Евтропий! Иди сюда!

— Тише ты, тише, чего орешь? На вот бери любые, только не скандаль, — закудахтал мужик, — вполцены отдам!

Василиса же свалила свои свертки в руки испуганно хлопающей глазами Зарии и быстро-быстро начала перебирать товар.

— Эти, вот эти, вон ту рубаху и этот пояс...

— Э-э-э... — возмутился было продавец, но девушка грозно нахмурила брови и уточнила:

— Опять Евтропия кликать?

— Бери, только сгинь, — махнул рукой мужчина. — И ты, и Евтропий твой, и малахольная эта.

— Гляди у меня.

Васька кинула на прилавок несколько монет и была такова.

Её спутница долгое время шла молча, борясь с удивлением, а потом едва слышно выдавила:

— Лиса, у тебя же нет мужа и детей.

Собеседница в ответ пожала плечами:

— Ну, когда?нибудь будут. А ты могла бы и сказать, что у вас тут женщины не носят портков. Не пришлось бы Евтропия звать.

Пристыженная помощница ссутулилась еще сильнее.

— Ладно, — сжалилась стряпуха, — выкрутились же. Сладенькое что?нибудь съедим?

С огромным сахарным коржиком Зария выглядела до крайности потешно — она держала его на вытянутой руке, словно не зная, что делать с такой красотой.

— Ешь, — и Васька подала наглядный пример, откусывая от своего лакомства.

Спутница нерешительно попробовала и... впервые за несколько недель знакомства Василиса увидела, как бледное застывшее лицо девушки просветлело. Чернушка ела сладкую сдобу и впервые казалась... очень красивой, настоящей.

«Горе, ты горе», — подумала про себя кухарка. И девушки направились с торга прочь, протискиваясь сквозь толпу, уставшие, нагруженные свертками и с наслаждением жующие.

А Лиска размышляла, угадала она с размером или нет — подойдет Зарии голубое платье, которое она купила? Могла ведь напортачить с размером, ой, могла. Ну, ничего, велико — не мало. А то все равно эти жуткие обноски, в которых чернушка ходит изо дня в день уже порядком поднадоели. Будет ей подарок.

Глен и сила любви

Так странно... В далеком юношестве ему говорили, что если человек стоит посреди помойки и думает о том, как прекрасен мир — значит, он либо сумасшедший, либо влюбленный. Ну, в смысле, человек.

А еще его приятель Джинко как?то сочинил такой стишок:

Он был как будто прокаженный -

К нему никто не подходил.

Все потому, что он — влюбленный -

Всем о своей любви твердил.

Это было просто вершиной Джинкового рифмачества. Ибо все его остальные стишки отличались редкостным непотребством. А этот... этот был просто смешным. Потому как всем известно, что влюбленный мужик, особенно, если подопьет, будет каждому рассказывать про свою единственную и распрекрасную королевишну.

А вот Глену сейчас было совсем не с кем поделиться. Чем? Да влюбленностью своей. Потому

что он и вправду... влюбился. Ну или спятил. Ибо окружающий мир стал казаться ему прекрасным, заведение батьки Багой — роскошными палатами, а сам Багой практически венцом творенья. Нет, влюбился, конечно, Глен не в трактирщика. Не настолько он спятил от выпавших на его долю приключений. Да и вообще за беглым колдуном, беглым вором, и просто беглым никогда прежде не замечалось сумасшествия, а значит вывод ровно один — влюбился.

Но... *она* ведь была чудом!

Просиживая днями напролет в «Кабаньем Пятаке», который благодаря новой кухарке обрастал все большей популярностью в Аринтме, Глен не сводил с *нее* глаз.

Мужчина с удивлением понимал, что никогда прежде не видел никого столь же прекрасного. От нее исходили волны света и радостные солнечные зайчики! Она вся казалась солнцем — теплым, ласковым, ясным. Ее улыбка... он никогда прежде не видел, чтобы женщина улыбалась вот так — словно бы сама себе, но в то же время...

Ему в ней нравилось *все*. Он не мог объяснить — почему. Не понимал. Просто нравилось. И влекло с неодолимой силой! Влекло так, что приходилось стискивать зубы, перебарывая отчаянье, ведь приблизиться волшебник не мог. Скрытый завесой невидимости, он не заказывал умопомрачительно пахнущую стряпню, не подзывал обслугу. Но почему тогда *она*, несколько раз проходя мимо него, вскидывала голову, словно отыскивая взглядом никем незамеченного посетителя? Ах, как он хотел окликнуть ее! Хотел улыбнуться, но еще больше хотел *поговорить* о ней. Хоть с кем?то! Рассказать о том, как блестят ее глаза. Какие они красивые! Как способна обогреть и утешить ее улыбка. Увы, собеседников и даже просто слушателей у него не было.

А, может, Глен просто слишком много времени провел в одиночестве? Без возможности поболтать, покутить, без возможности просто жить, как жил всегда — разгульно, весело, рискованно? Теперь же он простой наблюдатель. Скучно-о-о. Есть хороший шанс свихнуться. Мужчина помотал головой и усмехнулся сам над собой. Глупости какие?то в голову лезут.

Говорят, если колдун начал задумываться о чувствах, значит ему пора на покой, ибо от любви до дурости — один шаг. А дурость для колдуна — недостаток смертельный, особенно, если учесть, что покой таким, как Глен, принести может, увы, только дэйн. Век бы его не видеть.

К слову о последнем. Этот что?то зачастил в харчевню. Явно положил глаз на Василису. И, хотя мага бесила сама мысль о том, что дэйн и он находятся под одной крышей, поделаться с этим ничего было нельзя. Но... с другой стороны... как же весело понимать, что загонщик колдунов не чувствует, не знает про него! Потому как невидимость Глена до того сильна, что дэйн, могучий и всесильный, дэйн, которого даже колдуны и маги не могут убить... он не ощущает его. Это забавляло.

Хотелось подойти и рявкнуть на ухо: «Выкуси!». Посмотреть бы как он подпрыгнет. Но, конечно, ничего подобного Глен не делал. Дэйн есть дэйн. Вдруг все же учует. Лучше не выдавать себя. Ничего. Мы еще повоюем. Мы еще гаркнем свое «Выкуси!» так, что у всей харчевни будет в ухе звенеть.

В общем, дэйн таскался в таверну с завидной регулярностью и видимо хотел привлечь внимание стряпухи. Впрочем, последняя была одинаково приветлива со всеми и высокого гостя ничем не выделяла. Правда, когда он пришел в заведение первый раз, девушка расплылась в искренней улыбке и подлетела, сказав что?то, чего Глен не понял.

Дэйн ответил вежливо, но отстраненно. Как всегда. Улыбка девушки ни на миг не поблекла, но

после этого Лиса держалась неизменно почтительно и тоже на расстоянии. Но Глен?то знал — дело было не в том, что кухарка почувствовала себя уязвленной или утратила интерес к мужчине. Просто Багой — злобный сыч — увидев, как стряпуха раздаёт авансы, испугался.

Сейчас, когда таверна стала, наконец?то, приносить прибыль, трактирщик впервые за многие годы разомлел от барышей, стал особенно жаден и придиричив — понятно же, что наулыбавшись вдосталь видному посетителю, его работница поступит, как все незамужние бабы — выскочит замуж и, весело помахивая передником, убежит нянчить детей да попиливать благоверного. А хромоножка Зария вряд ли сможет повторить трудовой подвиг этой вертихвостки.

Поэтому вечером того же дня, Багой, насупив для пущей солидности брови, предпринял то, что в мире Василисы называли превентивными мерами — провел с девушкой воспитательную беседу на тему — можно или нельзя строить глазки посетителям. Ответ был один — нельзя. Улыбаться улыбайся, но только по острой необходимости, ежели харч пересолила или там муху в похлебке кто отыскал, а чтобы дальше этого — ни-ни, а то ишь...

Васька сделала серьезное лицо, проникновенно покивала и последовала совету работодателя. Ей нравилось в его таверне, и портить отношения с, в общем?то, довольно адекватным мужиком не хотелось, тем более в новом мире девушка еще не очень обжилась. Опять же Зария есть — на кого такую оставишь?

Поэтому стряпуха каждое утро принимала озабоченный вид и всячески старалась нацепить на лицо серьезную мину. Однако от Глена не скрывались веселые смешинки, искрами мелькавшие в ее глазах. Стряпуха была забавная. Невысокая, мягкая, улыбчивая, с ворохом кудрей. Очень уютная и в то же время очень отовсюду заметная.

Поэтому, несмотря на внезапно посерьезневшую кухарку, люди в харчевню шли. А Багой хмурился каждый раз, когда беззаботная работница забывалась и улыбалась незнакомцам во все десны. Трактирщик старался держать хохотушку хотя бы подальше от зачестившего в таверну дэйна, подсылая к тому колченогую Зарию.

Вот и сейчас зыркнул на чернушку, чтобы поспешила, но та столь неловко собирала со столов грязные миски, что по всему было видно — сегодня дэйна обслуживать Василисе.

Хлопнула дверь, но корчмарь этого не услышал, поскольку весь сосредоточился на мысли о несовершенстве мира и непостоянстве баб.

— Дэйн, а дэйн, что?то ты сюда едва не каждый день ходишь, — напротив того, от кого Багой ревностно старался держать в стороне стряпуху, остановился высокий рыжеволосый мужчина.

Хищное лицо придавало ему определенное сходство с ястребом, чуть прищуренные синие глаза смотрели пронзительно и испытующе.

— Здравствуй... отец, — с небольшой заминкой произнес дэйн.

Во взгляде жреца промелькнуло мстительное удовольствие. О-о-о... он знал, как такие не любят служителей храмов, говорящих напрямую с богами! К тому же, какой он ему отец? Они были ровесниками.

Почему дэйны не любили молельников? Да потому, что те единственные, кто напоминали им и окружающим о том, что эти мужчины — всего лишь послушное орудие богов, исполняющее вышнюю волю. Не какие?то особенные, не избранные, не спасители. Жалкие наемники,

которым и жизнь?то оставляли только потому, что не печально их было терять.

Да, не любили дэйны жрецов, но, увы, боги сказали свое слово.

— Здравствуй. Так что же ты сюда зачастил? — пришедший легко опустился напротив и застыл, словно ожидая откровений.

Дэйн улыбнулся ему с такой же прохладцей во взгляде:

— Да вот... ем иногда. Наслаждаюсь. Все?таки непросто быть орудием богов. Да и голод, опять же... терзает, как всех обычных людей — несколько раз в день.

— М-м-м, — с едкой насмешкой протянул собеседник и неожиданно произнес, — и все же я не понимаю, почему дэйны женятся? Ты не объяснишь? Вы ведь, хотя и воины, но не обычные наемники. По сути, бездумные исполнители небесной воли, а значит должны быть послушным оружием в руках небожителей — лишенным сомнений, страха, привязанностей. Я даже вопрошал об этом высшие силы, но увы, так и не получил ответа.

Служитель храма обернулся и смерил равнодушным взглядом приближающуюся к их столику Василису. Хотя... может, этот взгляд казался не таким уж и равнодушным.

— Здравствуй, красавица, — расплылся он в улыбке.

Девушка улыбнулась в ответ.

Единственным посетителем, которого она приветствовала всегда с неизменно отсутствующим видом, был именно этот. Стряпуха Багоя словно чувствовала деланность добродушия в голосе мужчины, словно была уверена в неискренности его слов.

— Ты так и не сказала мне, — тем временем продолжил молельник, — откуда у тебя на руках эти узоры?

— А вы так и не сказали, как вас зовут, — парировала Лиса и повернулась собеседнику жреца, а в глазах уже прыгали радостные смешинки. — Дэйн, тебе как всегда или новенькое чего?нибудь?

— А есть новенькое? — спросил тот.

— Ну, могу предложить знатную слоёнку, ты же сластена.

Слоёнкой Василиса назвала некое подобие «Наполеона», которое смогла изготовить в здешних условиях, пропитывая медом и обсыпая коржи орехами.

Дэйн на секунду улыбнулся уголками губ, а потом кивнул.

— А вы что?то будете? — уже другим тоном обратилась она ко второму посетителю, смотревшему на нее с мрачным подозрением во взоре.

— Меня зовут Андалу, — спокойно сказал тот.

— Не верю! — тут же возразила девушка, — вот... точно не Андалу. Так есть что?нибудь будете?

Храмовый служитель прикрыл на секунду глаза и только крепко сжатый кулак выдавал его раздражение.

Он ничего не мог предъявить этой дерзкой девчонке. Магии в ней не было ни на грош... Веселая, всегда обходительная, она не нарушала никаких порядков — ну подумаешь непонятные узоры на руках! За такое не заточишь в темницу. Но де-е-ерзкая!

Да еще эта хромоножка, которая всюду за ней таскается, словно тень... Странная кухарка, одним словом. Она не боялась его. Да, собственно, никого не боялась! Он попытался выведать, есть ли у нее семья, но... оказалось предмет его подозрительных наблюдений совершенно одинок. Даже дома своего у Багоевой стряпухи не было. Жила тут же — при харчевне. И откуда только такие берутся?

— Принеси что?нибудь на свой выбор, — махнул, в конце концов, рукой жрец, и снова повернулся к своему собеседнику. — Итак?

Дэйн чуть откинулся назад, постукивая пальцами по столешнице.

— Итак? — повторил он эхом. — С какой целью отец, который не снисходит до простых людей без воли богов, освятил своим присутствием плохенькую харчевню? В очередной раз.

— Голод... терзает, — парировал служитель.

Молчаливый поединок взглядов продолжался до тех пор, пока Василиса не принесла обоим трапезу. Поставив перед молельником широкое блюдо жаркого, она подмигнула дэйну, подвигая ему тарелку с большим куском слоёнки.

— Ешьте с удовольствием! — прощепетала девушка, и стремительно удалилась, успев, однако, отметить выражение досады и брезгливости на лице служителя, отодвинувшего от себя ароматный обед.

Дэйн усмехнулся. Храмовые послушники подчинялись обетам, и держали себя в чистом теле. Воин даже сочувствовал... слегка... этим людям, которые всю жизнь посвятили молитве и посту. Не ели мяса, не пили вина, не прикасались к женщине, не обзаводились домом или еще каким-то имуществом. Столько запретов, столько упущенного ради единственной возможности говорить с богами! Стоит ли диалог с небожителями всех этих лишений? Для Шахнала — а именно так звали служителя — стоил. С другой стороны, сам Шахнал не понимал дэйнов. Как можно отказаться от имени, прошлого, чувств, и стать равнодушным орудием создателей? Зачем?

Да, каждый из этих двоих, ныне сидящих за одним столом, был по-своему ущербен, и воин прекрасно понимал это. Он еще помнил отчаянье собственной матери в тот страшный день, когда в их дверь постучался дэйн. И помнил, как отчаянье сменилось ужасом, когда семилетний сын, выступив вперед, согласился стать палачом магов и безучастно, не оглядываясь, ушел, оставив прошлое — дом, родителей, детство — за спиной.

— Вот ведь бестия, — усмехнулся жрец и, хотя глаза его остались колючими и холодными, было заметно, что отец слегка расслабился. — Ладно. Не есть я сюда пришел, как ты сам понимаешь.

Тут уже и дэйн подобрался, внимательно приготовившись слушать Шахнала.

— Морака снова взялась за старое. И снова пришла в Аринтму. В остальных городах она не лютует, но у нас, что ни год, то новая напасть. Здесь она сильна. И в итоге Маркусу надоела морока с колдунами. Вчера он явил свою волю. И воля эта такова: все закончить. Каждому разрешенному магу будет дарован шанс.

— Шанс?

— Кольцо. Каждый получит кольцо и месяц на спасение жизни и души. Над теми, кто найдут вторую половину, больше не будут тяготеть их назвища, и они смогут жить, как простые люди. Те же, кто не отыщут спутника или спутницу — умрут. Ты знаешь, о чем я.

— Подожди. Кольцо? Спасение? Как эти две вещи связаны?

Жрец покачал головой, пытаясь подобрать слова.

— Ты знаешь, что колдунами никогда не становятся те, кто ходили к Чаше и взяли кольцо? Конечно, не знаешь. А так оно и есть. Маркус защищает своих чад. Дает им не только любовь и семью, но и защиту от проклятия Мораки. Правда, эта тайна ведома лишь нам — молельникам.

— Почему?

— Чтобы искусов не было, — коротко ответил Отец. — Представь, сколько бросятся искать пару? А сколько найдут? И если не найдут, то что случится?

Он вздохнул и продолжил:

— Мое мнение о магах и их судьбе ты знаешь, так к чему переливать из пустого в порожнее? Однако те, что получили назвище — служат Маркусу. Поэтому им дается шанс.

— А те, кто не возьмет кольцо? И... колдуны? — дэйн подался вперед.

— Мятежниками и ослушниками займутся такие, как *ты*, — молельник потер лоб. — Служители сейчас ставят дэйнов в известность, и вы превращаетесь в палачей. Больше никаких поблажек. Морака слишком глубоко запустила когти в магов. Настолько глубоко, что Клетку придется очистить — иного пути нет.

— Очистить?

— Проклятый дар усилился в несколько раз, — жрец тяжело вздохнул и продолжил. — Тех, кто помогает колдунам — уничтожать безо всякой пощады, а самих колдунов — развеивать без скорби и жалости. Ну и самое главное — ни в коем случае не подключать к поискам видий. Дэйны Аринтмы должны справиться сами.

— Почему?

— Видии — женщины. Они, в отличие от вас думают не головой, а сердцем. Они не воины. Они не поймут. Поэтому не исключены обманы и подлоги. — Служитель передернул плечами и поднялся. — Я донес до тебя волю богов, — произнес он древний приказ, которому нельзя не подчиниться. Именно этими словами всегда заканчивались разговоры между служителями и дэйнами.

— И я услышал эту волю, — тут же отозвался дэйн, как всегда, принимая распоряжение.

Он не раздумывал о мотивах. Не осуждал. Ему ни к чему были сомнения в правильности поступка. Сейчас дэйн планировал лишь насладиться принесенным ему лакомством, и окончательно решить, достойна ли стряпуха занять место рядом с ним в качестве жены. В конце концов, именно ради этого он ходил столько времени в харчевню.

— Дэйн... — уже встав, но, не повернувшись к нему, Шахнал щелкнул пальцами. — Чуть не

забыл. Отныне все младенцы, рождающиеся с даром, не имеют права на жизнь, потому что дар стал отравлен Моракой. Дэйны больше не смогут выполнять свое предназначение.

Мужчина вздохнул, но ничего не ответил на последние слова. Эти двое поняли друг друга, и спокойно вернулись каждый к своему занятию. Перед обоими стояла цель, и оба к ней шли.

Вот только их беседа стала достоянием еще одного — совершенно нечаянного — слушателя. И этот слушатель, скрытый невидимой защитой, стоял и сжимал кулаки от ярости и бессилия.

Зария и муки совести.

Чернушка смотрела на красивую ткань небесно-голубого цвета. Сначала она нерешительно тронула нежный ситец кончиками пальцев, потом, робея, погладила ладонью, ощущая, как загрубелая кожа ласкается о мягкую ткань.

И лишь спустя несколько минут, осмелев, прижалась щекой к этому, как ей показалось, кусочку неба и закрыла глаза, вдыхая незнакомый и пока еще чужой запах наряда. Ей хотелось сидеть так вечно. Материал не пах ни печным дымом, ни мылом, ни потом, ни домом, ни едой. От него исходил едва уловимый незнакомый аромат новизны.

Зария представляла, как чьи-то руки где-то далеко-далеко отсюда безжалостно ткали эти голубые нити в крепкое полотнище. Как затем кто-то жестоко раскраивал их и больно резал ножницами. Как их шили, кололи булавками, протягивали через ситцевую плоть тугую мерезку...

Ей было жалко эту нежную ткань, которая, наверное, так страдала, прежде чем превратиться в платье... *ее* платье! Несчастливая калека знала, что такое боль. А еще знала, что сейчас думает какие-то глупости. Но у нее никогда не было такого красивого наряда. И вот она гладила его, как живое существо, которое так настрадалось, прежде чем нашло свою хозяйку. Гладила, наслаждалась прикосновениями, запахом и в очередной раз пыталась понять, что делать с неожиданной обновкой.

Нет-нет, надеть такую красоту, что, выразительно сложив руки на груди, посоветовала Василиса, Зария не могла, как не могла и объяснить странной кухарке то, почему носит застиранные, залатанные лохмотья. Кому интересно бормотание убогого создания, которое способно вызвать в душе только одно свербящее чувство — толкнуть или обидеть посильнее? Ущербное подобие человека, жалкое, ничтожное и оттого вдвойне противное...

Даже Лиска и та при первой встрече хотела сделать ей больно — Зария видела. Чего она до сих пор не понимала — как новая стряпуха борется с собой? И зачем? Ведь никто прежде не утруждался подавлением той злобы, что вызывала наследница лантей. Только вот не злоба довлекла над Василисой, а раздражение, причем не на саму Зарию, а на что-то другое.

И... вот оно — платье. Яркий кусочек неба, сотканный и сшитый на ладную миловидную девушку, а не на тощую хромоножку. Наряд будет велик Зарии в груди, пожалуй, широковат в талии, а левая сторона красивой юбки и вовсе будет волочиться по земле, быстро обтреплется и порвется — кроили-то ее не на кривобокую. Но если подогнать платье по фигуре, то...

Пустые мысли. Глупые. Зачем, да и куда ей надевать это? И все-таки пальцы снова пробежались по мягкой ткани, такой нежной и приятной на ощупь. Что-то, доселе незнакомое, бередило душу, манило, призывало надеть обновку, сулило счастье, которого никогда не знала чернушка.

— Это еще откуда?!

За разглядыванием платья Зария упустила момент, когда рядом с ней оказалась свекровь. Девушка вздрогнула всем телом и схватилась за горло, словно испытала приступ удушья. Когда это матушка успела проснуться? Еще же и за окном темно! Неужто?.. Запоздалая догадка осенила слишком поздно.

А дородная румяная женщина, возникшая в дверях темной комнаты, теперь возвышалась над своей жертвой, склонив обвитую седеющей косой голову.

От одного звука глубокого, исполненного зарождающегося гнева голоса, сноха сжалась, пытаясь сделаться маленькой-маленькой.

Голубой наряд так резко выдернули из дрожащих рук, что подол больно хлестнул Зарию по глазам.

— Да ты никак расфуфыриться вздумала, поганка бледная? Спасибо, что не на бархат и шелка раскошелилась, краса ненаглядная!

— Матушка... — прошептала «краса», — я не покупала...

Тяжелая затрещина пришлась прямо в ухо. В голове загудело, а злобный голос с истеричными нотками зазвучал откуда-то сверху, умножая боль:

— Ты по какому праву деньги потратила?! Муж работает день и ночь, а ты уборы покупаешь?!

В этот момент смысл сказанного Зарией дошел до ее обличительницы, и та с еще большим гневом, зашипела:

— Ах не покупала... Приворываешь, стал быть? Или, может, с другими калеками милостыню просишь под воротами Храма? Ну? Отвечай!

И снова град затрещин.

Зачем? За что? Почему они ее мучают? Зария не слышала оскорблений, которыми ее щедро одаривала свекровь, не чувствовала ударов, сыпавшихся на голову и плечи, она смотрела на кусочек неба, безжалостно зажатый в полной руке и теперь смятый, словно обычная тряпка. Маленький кусочек неба, маленький кусочек счастья, которое ей почти довелось испытать, к которому довелось прикоснуться. Что-то мучительно и безвозвратно умирало в ее душе.

Странное, необъяснимо упоительное желание *жить*, растревоженное в девушке прикосновением к нежной ткани, постепенно затихало. Больше не осталось сил бороться. Да и за что бороться? За право быть униженной и избитой? За право радоваться копеечной вещи, подаренной из жалости и сразу же отобранной более сильным? За право делать грязную работу и терпеть чужие насмешки и тычки? За что?

Она сломалась.

Жалкое подобие человека съежилось на полу в комочек, прикрываясь руками и подтягивая ноги к животу. Умереть. Ей хотелось умереть. Нет, матушка никогда не была так больно, как Кирт. Ну, похлещет, покричит и успокоится, но... упала сейчас девушка не от боли. Просто в теле больше не осталось сил на сопротивление, пускай и молчаливое.

Хотелось лежать, сжавшись на деревянном полу и надеяться, что вот-вот, сейчас, еще через пару мгновений все прекратится. Совсем все. И несчастная жертва медленно уплывала по тихим волнам безразличия. Далеко-далеко и высоко-высоко над ней мать и сын о чем-то говорили. Она слышала слова, но не понимала их.

— Чего это с ней? Неужто загнула, наконец? — недоверчиво и брезгливо.

— С подзатыльника?то? Придуривается. Ну?ка...

Грубые руки ухватили под бока, поставили на ноги, встряхнули.

— Ты, чумичка, если мать еще раз напугаешь, так получишь, что небо с овчинку покажется.

Зария кивнула, она пыталась понять смысл слов, но упускала его. Да не все ли равно? Главное выразить покорность.

Муж поволок безучастную ко всему жертву на кухню и толкнул за стол. Она села и покорно взяла ложку. Свекровь с грохотом поставила перед снохой пузатую, исходящую паром миску.

— Ешь, уродина. И больше, чтоб мне тут припадки не разыгрывала.

Снова кивок.

Чернушка медленно начала есть. Она знала, что эта похлебка, которую ей готовили раз в несколько недель, навариста, жирна, но вовсе не так вкусна, как кажется. Не могли родственники убить ее открыто, травили потихоньку.

А Зария каждый раз пользовалась единственным своим умением — отводить глаза — чтобы эту похлебку не есть. Но сегодня... она вычистила всю чашку, добросовестно и медленно жуя. Пусть так.

И на языке стало приторно-горько, а сердце затрепыхалось так сильно, будто бы девушка бегом преодолела долгий путь в гору. Медленно она встала из-за стола, одолеваемая ознобом, накинула на плечи полушалок и побрела в «Кабаний Пятак». А то опять Багой бранить станет. Да и Василисе достанется...

Чернушка плелась по улице, не слыша ничего, кроме шума в ушах. Медленная тягучая боль расплзалась по телу. Дышать стало тяжелее, воздуха, словно, не хватало. Но все же Зария смогла доковылять до корчмы, пройти на кухню и здесь медленно сползти вдоль стены на лавку.

— О, пришла! — обрадовалась Лиска. — Я уж заждалась. Там вон кисель кипит, крышку приоткрой, пока не убежал, а то Багой опять разорется. Вообще, он что-то постоянно моду взял нам с тобой выговоры делать, я сегодня возмущаться пойду. Надоел уже занудствовать. Да и помощник нам бы не помешал, а то, вон, ты вообще ноги еле таскаешь...

Стряпуха продолжала что-то оживленно говорить, но молчаливая собеседница ее не слышала. Кое-как поднявшись, Зария мертвеющими руками взяла раскаленную крышку, сняла ее с кастрюли, а потом что-то загремело и девушка осела на пол. Сердце выпрыгивало из груди и каждый удар пронзал тело болью от которой хотелось кричать, да только не получалось — воздуха в груди стало совсем-совсем мало, какой уж тут крик.

Пол вдруг покачнулся. Неужели...

В этот самый миг, когда чернушка уже с благодарностью решила, что земные страдания, наконец-то, завершились, ее лица коснулись прохладные руки. Чуткие пальцы пробежали по обсыпанному ледяным потом лбу, разнося по телу блаженное оцепенение, тяжелую голову приподняли, вынуждая смотреть в прозрачные глаза... незнакомые, нечеловеческие.

— Что болит? Что? — умирающую встряхнули.

Инстинктивно Зария прижала руки к груди, стараясь уменьшить боль, и этого движения оказалось достаточно.

Василиса отпрянула от помощницы, стремительным движением захлопнула кухонную дверь. Щелкнула тяжелая задвижка. Кухарка повернулась к плите и голой рукой сняла с огня котелок с кипящей в нем похлебкой — отставила в сторону. Щелкнула пальцами над пламенем, и оно вдруг из бледно-оранжевого стало зеленым и заревело так, словно могло прожечь насквозь железо и камень. Бух! Горшок с полки опустился в руки стряпухе. Шмяк! Деревянный ковшик опрокинулся, расплескивая воду. Снова щелчок пальцами и холодная вода яростно забурлила.

В движениях Лисы не было суеты, только спокойная выверенная стремительность. Она не смотрела по сторонам, не оборачивалась, не шарила в поисках того или иного предмета, лишь руки порхали, снимая с полок то одно, то другое.

Вот еще один щелчок пальцами и кухарка, что-то неслышно приговаривая, начала бросать в бурлящий горшок возникающие прямо из воздуха травы.

Не будь Зарии так плохо — она бы уже, захлебываясь ужасом и криком: «Колдунья!» — выбежала с кухни. Но, увы, сейчас девушка лишь тихонько поскуливала, глядя с пола на творящееся среди бела дня беззаконие. Еще один резкий щелчок пальцами — и в котелке что-то булькнуло, а по кухне разнесся запах смородины. Стряпуха проворно налила немного отвара в глубокую кружку и шагнула к Зарии.

— Пей!

Одной рукой она приподняла девушку, а другой поднесла к ее губам колдовское варево. Чернушка замычала и начала отчаянно мотать головой, рискуя расплескать только что приготовленное зелье.

— Пей, не то силой заставлю! — в голосе Василисы прозвенела сталь.

Испугавшись угрозы, а может, просто не имея более сил противостоять тому, кто заведомо сильнее, Зария осторожно пригубила. Питие оказалось прохладным и ароматным. Каждый новый глоток облегчал боль, заставлял кровь быстрее бежать по жилам, бодрил, наполнял силами. Казалось — вот-вот встанешь и горы свернешь.

А на вкус это был обычный чай, из тех, что хозяйки готовят всю весну и лето — щавель, листья мяты, малины, смородины... Чуть-чуть сладковатый и бодрящий. Но в нем был запах молодой листвы и весенней земли, ландышей и дождя, земляники и сосновой смолы. Невозможно описать, но Зарии казалось, будто она пьет *лето*! Жаркое, грозное, ягодное, с яркими радугами...

Вот тонкие пальцы вцепились в кружку. Девушка судорожно делала глоток за глотком, давясь, почти захлебываясь, повинясь безумному, неодолимому, упоительному желанию жить. Чужие глаза бесстрастно наблюдали за ней, но вот чернушка сделала последний глоток, Васька моргнула... и снова стала прежней — беззаботной болтушкой с ямочками на щеках.

— Непутевая ты! — напустилась она на свою подопечную. — Совсем балда? Не евши, из дома выходить? Садись, я лепешек нажарила. Сейчас перекусишь, сразу лучше станет. У меня так раньше было, проспичь на занятия, подскочешь, побежишь, даже стакан воды не выпьешь, а потом ка-а-ак скрутит — и тошнота, и дурнота, и пятна белые перед глазами... Есть надо по утрам.

Держа эту нравоучительную речь, она продолжила возиться у плиты.

Ну да. Есть. Зария с опаской покосилась на Лису, а когда стряпуха вышла из кухни во двор, сорвалась с места и шатающимся бегом влетела в зал харчевни. Взгляд привычно выцепил среди сидевших дэйна, и девушка уже кинулась к нему, но...

«Маги и колдуны — зло. Всякий, кто приютит мага — преумножает зло. Дэйны — единственные спасители».

«Непутевая ты!»

«Всегда открывайте дверь дэйну».

«Сейчас перекусишь, сразу лучше станет».

Не могла.

Видимо, она и правда — проклятый всеми урод, раз не может подойти к дэйну и отдать ему Василиску. Не подругу, не родственницу, чужую странную девку, но... ничего плохого ни разу наследнице лантей не сделавшую. А в жизни Зарии таких людей не было. Может, только Багой... на свой лад.

И вот как этих двоих предашь? Одна — колдунья, другой — корчмарь, колдунью приютивший и — страшно подумать даже! — позволявший ей стряпать для стольких людей!

А вот она — Зария — ненавидимая всеми, но ничего плохого только от этих двух людей не видевшая. Как подойти, как наушничать? Что сказать? Да и надо ли? Не заметил дэйн колдовства — сам виноват. Этим нехитрым доводом оправдав себя, хромоножка вернулась на кухню и принялась чистить лук.

Глен и темные делишки.

Он очень любил ночь.

Самое искреннее время суток.

Ночью, под покровом темноты, каждый из живущих мог быть самим собой — колдуном или магом, гулящей девкой или вором, страстным любовником или неверной женой... Ночью никто не притворялся. Темнота не скрывала людские пороки, но выводила их на свободу, а луна изредка освещала, показывая то, что пытались утаить.

Одним словом, он любил ночь за отсутствие добропорядочной лжи, за возможность быть тем, кем был на самом деле. Вором. Отступником. Сиротой. Колдуном-перевертышем. Человеком, которого никто не ждет. Тем, о ком никто никогда не заплачет. Да, ночь таким, как он, всегда нравилась больше дня.

Запустив пальцы в волосы, он вздохнул. Никогда за всю свою жизнь не сидел ночью дома. С

того самого дня, как его — ребенка — выкинули за порог в темноту и холод. Да, с той поры Глен проводил на улицах города каждую ночь.

Страх? Нет. Свобода. Предвкушение.

Воспоминания захлестнули волной, моля подчиниться зову ночи и выйти вон из тесной комнаты... мужчина еле слышно застонал и стиснул зубы, усилием воли отгоняя опасные мысли. Нельзя, нельзя. Сейчас никак нельзя.

Вот только настроение из плохого сразу же стало отвратительным.

Темная сущность магии поднималась в груди удушающей волной, грозясь выплеснуться на любого, кто окажется рядом. Она рвалась прочь, искала выхода, будоражила, волновала, пуская по нервам крупную дрожь. Со своим даром он научился справляться давно и без труда держал его в узде, но этот, новый... С таким ему еще не приходилось бороться. Подчинять *эту* силу получалось до крайности плохо...

Тот дар, что обрушился на беглого колдуна в избушке умирающей ведьмы, дар, который он схлопотал, оттолкнув девчонку, и подставившись, не поддавался контролю. Оглянувшись, Глен смерил тяжелым взглядом спящую девушку. Каштановые кудри разметались по подушке, лицо кажется трогательно безмятежным... Просто пастораль — невинная пастушка на отдыхе! Колдун хмыкнул. Еще бы она не понравилась дэйну! Такая хорошенькая.

При воспоминании о дэйне, всплыл в памяти и недавно подслушанный разговор. Темная сторона магии всколыхнулась. Надо выйти. Нужно донести до колдунов города то, что стало известно Глену, нужно спасти людей, нужно заставить сопротивляться. Сейчас, когда им всем уже нечего терять, мало кто откажется...

— Не мельтеши, — этот приказ, отданный сонным голосом, заставил его замереть. — Успокойся. Голова от тебя болит уже.

Лишь во сне она слышала его и воспринимала, как равного. Лишь во сне с ним разговаривала. Как же это злило! Маг шагнул вперед, чтобы разорвать, наконец, нити, связывающие их мысли, когда девушка вдруг улыбнулась. Так ласково, с такой добротой, пониманием и с толикой лукавства... так, как не улыбалась никому. Злоба схлынула, оставив после себя лишь оцепенение. И через это оцепенение, наконец-то, пробился еле слышный зов... зов, который мужчина не мог оставить не услышанным.

— Мне нужно идти, — тихо сказал он.

— Куда-а-а? — капризно поинтересовалась спящая. — Ну, куда тебя несет?

И она потерлась носом о край одеяла:

— Нечего шастать по ночам. Спи.

— Нет.

Снова сопение. На этот раз попыталась спрятаться под подушку и еще пробубнила оттуда:

— Отстань. Мне твоё бухтение спать мешает. Завтра вставать рано.

— Мне надо идти, слышишь? — он начинал злиться, вот же строптивая кобыла!

— Сам ты «кобыла».

— Ей нужна помощь! — прошипел Глен, склоняясь над ложем.

Глубокий вздох. И согласный кивок.

— Ладно. Топай. Только не зуди. Я хоть выплуюсь.

* * *

— Твою ж систему! Одно дело — топографический кретинизм — право с лево перепутать, свернуть не туда, дорогу обратную не запомнить. Но совсем другое — кретинизм врожденный. Это все равно как потеряться на детской площадке. Стоишь такая — справа песочница с грибком, слева качели в виде слоника, напротив твой дом, а ты *потерялась*. Как такую барышню назовут? Цензура не позволяет говорить правду. А кретинка — это слишком ласковое слово, совершенно не отражающее глубинную суть явления.

Вроде и головой не билась, и в детстве не роняли, но вот поди ж ты — кретинизм растет и развивается. Нет, мало путешествий между мирами, решила еще найти на свою толстую... — Василиса осеклась, огляделась, и продолжила:

— На свои нижние 110 сантиметров новых приключений. Зачем? Вот зачем ты решила прогуляться перед сном? Вася, я тебя не понимаю. Ты в своем?то городе периодически плутаешь. А уж здесь? Вот как меня угораздило связаться с тобой, такой дурой? Как теперь обратно идти? А самое главное — куда? Где это «обратно» впереди или сзади? Справа или слева? Где?

Девушка огляделась, чтобы еще раз убедиться в том, что жизнь преподнесла ей пренеприятнейший сУрпрЫз.

Стряпуха стояла в темноте незнакомого переулка. Ни огонька, ни искорки, ни фонаря. Ни-че-го. Если идти, так только наощупь, да и то неизвестно куда. К тому же, наощупь идти не хотелось. Кто его знает, чего там нащупаешь, может, сама не рада будешь? В итоге, Лиска не нашла ничего лучше, чем просто сесть на порог ближайшего дома и начать диалог с самой собой.

Привычка полезная, заставляет мозг работать, да и зловещую тишину ночи разбавляет. О том, что кто?то, исполненный вовсе не рыцарских побуждений, может выйти на ее бормотание, девушка не думала, то ли в силу усугублявшегося кретинизма, то ли в силу необъяснимой уверенности в том, что не для того она в этот мир попала. А, следовательно, кто?то должен ее спасти. Вот так вот ворваться в тишину ночи на горячем боевом коне, подхватить на руки, забросить в седло и помчаться в рассвет.

Хм, нужен крепкий рыцарь, чтобы, когда подхватывать будет, поясницу не сорвал. А то этак подхватит, а на лошадь забросить уже не сможет — разобьет параличом в форме буквы Зю. И чего тогда с ним делать тут?

— С другой стороны... — отвлеклась девушка от мыслей о рыцаре, — я тут уже почти месяц. Вроде пока никто меня не находит, мир спасать не заставляет. Может, про меня забыли? Или хуже того... я тут вообще *по ошибке*?

От этой свежей и, несомненно, отрезвляющей мысли Василису прострелило похлеще, чем ее воображаемого рыцаря. Девушка с отвисшей челюстью смотрела в темноту и обдумывала

пришедшее в голову откровение. *По ошибке...*

Это что ж значит? Придется спасать себя самой?!

Осознав всю тщету рассуждений заблудившаяся кухарка горестно вздохнула и подтянула колени к груди. Двигаться не хотелось. К тому же... чего суесться?то? Можно ж просто пересидеть тут до утра, а с рассветом заняться поиском обратного пути. Опять же люди на улице появятся, кто?нибудь уж точно знает, где находится Багоев «Кабаний Пятак», а значит, что?то, да решится.

Ночь была теплая, хотя и темная, ветер приносил запахи листьев, земли, травы... Девушка вдруг поняла, что наслаждается.

— А может, и нет у меня врожденного кретинизма, — задумчиво проговорила она, прикрыв глаза и приваливаясь плечом к столбикам чужого крыльца. — Так, легкая форма глупости...

Перехлестье. Василиса и незнакомец.

Есть безмятежное очарование в раннем городском утре. Улицы еще пусты и бледно-розовые краски рассвета несмело ложатся на крыши домов, кроны деревьев и мостовые, а робкий туман скользит по переулкам, медленно растворяясь. И тихо-тихо...

Васька дремала, зябко обхватив себя за плечи, и ждала, когда прохладный ветерок донесет до нее отзвук чьих?нибудь шагов. Нет, ну должен же хоть кто?то тут пройти?! Однако слышно было только шелест листвы, да поскрипывание деревянного флюгера на крыше соседнего дома. Незадачливая искательница приключений поерзала на ступеньках, шумно зевнула и собралась уже снова погрузиться в полудрему, когда вдруг...

Где?то совсем близко мяукнул котенок. По улице эхом разнесся тонкий придушенный писк, какой животное издает, если ему прищемят хвост или наступят на лапу. Стряпуха мгновенно вскинулась на своем насесте и огляделась. Странно. За все то время, что она провела в этой диковинной реальности, кошки на глаза не попадались ни разу.

— Я тебя, чучело неблагодарное, научу уму-разуму!

ТРЕСТЬ!

Василиса подскочила. Звук тяжелой затрешины вывел ее из состояния созерцательного оцепенения.

Снова жалко мяукнуло существо, принявшее на себя удар. Живо оно там или нет, но спасение все равно летело к нему, колышась всем телом. Лиска кинулась на звук с проворством, несвойственным ее комплекции, а самое главное — ее топографическому кретинизму.

— Ой! — она не успела остановиться и чуть не влетела носом прямехонько в широкую грудь мужчины, выходящего из?за угла. В последний момент девушка затормозила и, взмахнув пальцем перед лицом незнакомца, прорычала:

— Стой здесь и жди! Не двигайся даже!

Лиска ни на миг не задумалась о том, как выглядела при этом со стороны — этакая яростная кудрявая болонка выскочила из рассветного полумрака, твякнула на опешившего путника и стремительно скрылась в проулке. Просто Моська, сорвавшаяся с привязи!

Однако спасение жалобно мяукающего существа нельзя было откладывать ни на секунду. Когда защитница примчалась к месту трагедии, ее взору открылась удивительная картина.

Возле распахнутой калитки покосившегося дома стоял, для верности держась за деревянный столбик забора, в дупель пьяный мужик. Он угрожающе покачивался из стороны в сторону, сжимая кулак, и источая дивные миазмы шагов на пять вокруг.

На дороге, перед этим отважным витязем скорчился бесформенный комок, похожий на ворох тряпья, сотрясающийся от дрожи и неуклюже пытающийся отползти.

— А ну стой! Стой, я сказал! — невнятно бужил дебошир, пытаясь наподдать ногой медленно ускользающей куче.

Впрочем, чтобы пинок состоялся, мужику следовало отпустить столбик забора, который служил ему точкой опоры и равновесия. А на это буян пойти не мог. После такого неосторожного поступка он рисковал незамедлительно оказаться в одинаковом положении со своей жертвой, то есть — на земле, на карачках и без возможности подняться. Поэтому он продолжал тряссти кулаком и шипеть сквозь зубы:

— Ползи сюда, мразота проклятая. Быстро!

Васька, подбоченясь, наблюдала за этой феерией маразма, когда вдруг увидела, как куча мусора... послушно двинулась ближе к мучителю, чтобы ему было удобней ее пнуть!

— Когда ж ты сдохнешь?то, а? Сколько лет уже мне душу мотаешь!

От злости пьянчужка совсем осмелел и даже отпустил деревянный столбик, служивший ему осью мироздания. Увы. Закон земного притяжения в этой реальности действовал ничуть не хуже, чем в любой другой, поэтому бузотер потерял равновесие и рухнул на мостовую, матерясь на все лады.

Елозя по земле, словно майский жук, упавший на спину, мужичонка совсем осатанел. Он сучил ногами, дрыгал руками, но рыхлое тело не хотело подчиняться, а пузо только бессильно колыхалось из стороны в сторону. Василиска наблюдала эту омерзительную сцену и думала только об одном: «Угораздило же!» Да, зрелище было не для слабонервных. Вот, наконец, пьянчужка поднялся на четвереньки, потом, кое-как, держась за забор, на ноги, наклонился, сгреб пятерней кучу тряпья и как следует встряхнул.

И тут Васька поняла, кого пытался побить этот козел. Толстая черная коса, намотанная в толстом кулаке, искаженное болью лицо, длинная челка, закрывающая глаза... Зария была даже слабее котенка. И куда более жалкая. Потому что она не сопротивлялась.

— Ах ты, урод! — этот визг разнесся по тихим улицам, нарушая благообразное умиротворение летнего городского утра.

Многокиллограммовый смерч налетел на обидчика и сбил его с ног.

Василиса нависла над Зарией и вздернула ее на ноги, гневно отчитывая:

— Да что ж ты какая?! Взяла да врезала ему поперек хребта или по... куда?нибудь еще!

Но спасенная безропотно молчала, только в глазах застыло выражение растерянности и непонимания. Одним словом, не валькирия. Даже не рядом.

Обидчик тем временем снова кое-как поднялся, огладил плешивую голову, художественно укладывая волосенки, и взвыл, переходя на роскошный дискант:

— Да ты кто-о-о?!

— Смерть твоя! — рявкнула стряпуха ему в лицо и буян в растерянности отпрянул.

Лиска же поспешно начала приводить Зарию в порядок: поправляла разорванное ветхое платье, поворачивала лицом то так, то эдак, чтобы разглядеть следы багровых кровоподтеков.

— А-а-а! — заорал тем временем мужик и резко присел, раскинув в стороны лапищи. — А-а-а!

Васька сразу же вспомнила фильмы про эзков. Обычно в тюремных камерах так вели себя паханы. Осталось только рубаху на груди рвануть.

Стоит признать, на миг стряпуха обмерла. Поскольку по всему выходило, что тут собирались либо порвать кому-то пасть, либо выколоть моргалы. Раз уж Зария боец никакой, то сначала, наверное, пасть должны порвать ее заступнице, а моргалы чуть попозже выколуют чернушке. Но пока Лиса тормозила и печалилась о грядущей участи, чей-то холодный голос отчеканил:

— Ты чего, козёл, тут приседаешь? В нужник, если приспичило, сходи. И клешни свои сложи.

С удивлением и ужасом следовало признать, что произнесла эту потрясающую речь... сама Василиса Евтропиевна.

Козёл, надо сказать, опешил. Поразительное дело, он даже не обратил внимания, что ростом говорящая едва доходит ему до плеча. На мгновение показалось, что буян послушается и уйдёт с миром. Но, увы, отповедь имела весьма кратковременный эффект, который иначе, как эффектом неожиданности и не назовёшь. Через секунду глаза выпивохи налились кровью, и он хрипло переспросил:

— Козёл? — могучая ручища больно схватила девушку за плечо.

Да, следовало признать, козёл — удивительное животное, олицетворяющее собой всю сложную и многогранную сущность некоторых мужчин. Очень собирательный образ. Даже здесь, в Аринтме.

Однако растерянность Васьки длилась недолго. И уже через миг она, как киношный Джон Рембо, бросилась творить страшную месть. Влепила обнаглевшему звонкую оплеуху, а потом подпрыгнула и, зацепив рукой толстую шею, наклонила оглушённого ударом к себе.

Фу, рвотный порошок! Запахи пота, перегара, грязи... Но медлить нельзя, хотя и очень хотелось отдышаться, отвернувшись в сторонку.

— Внимай с трепетом, скотина. Сейчас пойдёшь скорёхонько и больше ни-ког-да на глаза мне не покажешься. Дурную кровь тебе отворяю. Ослушаешься — на второй седмице загноёшься, как пёс.

Она резко убрала руку, но мужик ещё какое-то время стоял, согнувшись, и в ужасе смотрел словно бы сквозь девушку. И рожу имел безумную. Потом отшатнулся, едва не упал и, пятясь, отступил прочь на негнущихся ногах, не сводя взгляда со странных, нечеловеческих глаз собеседницы.

А та наступала на обидчика, и за спиной возникало что-то черное, страшное... Бедняга уже не дышал, понимая, что еще немного, и эта чернота его настигнет. В порыве ужаса, пятясь, он выкрикнул:

— Она жена!

Глаза заступницы опасно вспыхнули, когда трескучий, нечеловеческий голос произнес ее губами:

— Освободи!

— Дак...

— ОСВОБОДИ.

На справных штанах мужика расплзлось безобразное мокрое пятно. Не помня себя от ужаса, муж Зарии шатающейся походкой подошел к своей благоверной и дрожащей рукой стянул с ее худой шеи засаленный шнурок, на котором болталось тонкое кольцо. Мгновение ничего не происходило, а потом тишину переулка нарушил еле слышный звук рвущейся нитки. Зария судорожно втянула воздух, прижала руку к горлу, словно разучившись дышать, и... выпрямилась. Неверяще она ощупывая шею, а потом покачнулась, сделала шаг назад, и перевела взгляд на Василису.

— Как...?

— Союз разрушен. Ты не имеешь больше на нее прав, — таким же чужим, нечеловеческим голосом подытожила Василиса, а ее круглое и обычно очень милое лицо с россыпью веснушек застыло, словно маска. — Пошел вон!

Упрашивать мужчину не пришлось. Пятясь и с каждым шагом трезвея от, он кинулся прочь. В голове не осталось ни одной связной мысли, только животный ужас подстегивал и гнал, гнал вперед. Подальше из города, подальше от этой...

Когда Василиса повернулась к чернушке, та медленно оседала вдоль забора. Стряпуха чертыхнулась, но не успела подхватить помощницу. Девушка лежала без чувств.

— Тьфу ты, пропасть! — нет, Васька не жалела, что наорала на мужика, что-что, а устрашать всяких уродов она умела с детства. Вон как прочь кинулся, когда она его послала... взгляд воительницы упал на кольцо, лежащее на мостовой. Страшное?то какое, господи, кто только такое носил? Да и ладно.

Девушка вздохнула и, подойдя к Зарии, кое-как попыталась привести ее в чувство. Увы. Несчастливая не реагировала ни на растирание ушей, ни на похлопывание по щекам... Так и пришлось взваливать бесчувственное тело на могучие плечи. Чернушка была легкой и, будь на месте Василисы мужчина, он, наверняка, даже не почувствовал бы веса, но стряпуха запыхалась уже через несколько шагов.

Во-первых, ее ноша была, как ватная гуттаперчевая кукла — моталась из стороны в сторону, не подавая признаков жизни. Во-вторых, после первых пяти шагов она стала какой-то слишком тяжелой. Лиска вся упрела, пытаясь ее удержать. Коленки дрожали от натуги. Но... спорт же! Пока тащишь, сколько калорий сожжешь? Красота. Бесплатный фитнес-аттракцион приглашает всех желающих!

— Зато буду стройная, — пыхтела она, враскачку двигаясь вперед, и гадая, как же теперь с таким балластом найти дорогу до харчевни Багоя? Незнакомый прохожий, поди, уже смылся.

Нет.

Он не ушел. Стоял там, где она с ним почти столкнулась. Василиса видела лишь ноги, обутое в видавшие виды сапоги. Красивые такие ноги... не худые, ровные... вот любила Васька красивые мужские ноги, а эти...

Девушка залилась краской, понимая, что думает вообще НЕ О ТОМ! Хороша прелестница — толстая, мятая, потная, багровая от натуги да еще и с девицей через плечо! А плевать! Может и к лучшему, что кроме ног, ничего не видно. Может, он сверху урод какой? Или не урод. Что еще хуже. С Васькиным?то счастьем. Ведь обычно все кавалеры, по которым она вздыхала, предпочитали суповые наборы с отсутствием интеллекта. Так что романтику приходилось строить с другими, и это было скорее печально, чем захватывающе.

«Соберись, тряпка!»

— Уважаемый! Не будете ли вы так любезны сопроводить двух прекрасных дев к харчевне «Кабаний Пятак», а заодно принять у одной из дев тело другой, потому что первая дева щас просто помрет?

Эта впечатляющая и путанная речь заслуживала столь же цветистого ответа, однако вместо этого в тишину улицы упало банальное:

— Нет.

Как это — нет? Здоровый конь будет идти и смотреть что ли? Это так разъярило Василису, что красота ног вышеозначенного «коня» сразу же оказалась забыта.

— Что значит «нет»?! — надеясь, что ослышалась, переспросила она.

— Я не возьму тело одной из дев у другой из дев, — вполне доступно ответил он.

— То есть мне, что ж, самой ее тащить?

— Да.

Стряпуха скрипнула зубами:

— То есть и проводить нас до харчевни любезный господин не соизволит? Нижайше прошу! — прошипела кухарка. — Даже умоляю. Только пусть господин побыстрее определяется, а то одной деве тяжело другую деву держать!

Мужчина развернулся и медленно пошел вперед, иногда останавливаясь, ожидая спутницу. Точнее спутниц.

Сколько поворотов они миновали, девушка не считала, но вот оно, родное крыльцо «Пятака»! О счастье! На радостях Васька так резво устремилась вперед, что даже обогнала своего проводника.

— Дверь открой, лось сохатый!

Недавний конь, переименованный в лося, молча шагнул вперед, распахивая створку, и Лиска

потащила Зарию дальше. Остановилась. Помолчала. Вздохнула. Подумала о том, что сегодня перебрала, наверное, всех копытных от козла до лося. Устыдилась и миролюбиво спросила:

— Зайдешь?

— Нет.

М-да. Незнакомец слова явно экономил.

— Так!

Василиса резко обернулась и отчеканила:

— Ты пройдешь сюда, сядешь, и подождешь, пока я дотащу эту... дурищу.

Мужчина переступил с ноги на ногу и озадаченно спросил:

— Зачем?

— Надо! — рубанув так, Василиса взвыла во всю мощь легких: — БАГОЙ!

— Чего орешь?то?

Повернувшись, стряпуха наткнулась на препятствие — хозяина харчевни, выскочившего на ее вопль в одних подштанниках. Тут уж девушка не сплеховала, и ловко свалила свою ношу прямо на корчмаря.

— Держи подарок.

— Тю! — искренне удивился мужчина, перехватывая бесчувственное тело. — Ты ее поколотила что ль?

— Я ее спасла! — огрызнулась Лиска.

Посмотрев в багровое лицо обычно улыбчивой девки, Багой удержался от расспросов, и, пробурчав что-то про двух бешеных куриц, понес Зарию наверх.

Вдох. Выдох. Спокойно, Вася, спокойно. Ну и пусть ночь почти не спала. Пусть едва от натуги глаза не вылезли. Зато сделала доброе дело. И похудела, наверное, тоже. Правда, впереди теперь целый день у плиты, да еще и без помощницы, но где наша не пропадала?

Развернувшись, чтобы пойти на кухню, девушка краем глаза заметила, что мужчина, проводивший ее до «Пятака», все еще стоит в дверях, не переступая порога харчевни. Взошедшее солнце светило ему в спину, не давая разглядеть лицо, но Ваське до этого не было никакого дела. Твердо вознамерившись отблагодарить (он, конечно, не помог тащить чернушку, но мало ли какие тут законы) незнакомца вкусным завтраком, она даже не допустила мысли, что последний может сопротивляться.

Поэтому, решительно выдохнув, Василиса подошла к мужчине и просто-напросто втащила его в корчму и поволокла к столу. Толкнула на лавку и убежала на кухню. Еще ж готовить. Не водой же с коркой хлеба благодарить этого доброддея.

Грехобор и дэйн.

Грехобор смотрел на свой левый рукав, не отрываясь. Смотрел, смотрел, и все не мог понять, чего, собственно, ждет? Грома? Молний? Появления богов или дэйнов? Воплей ужаса с кухни? Ничего. Лишь за стеной грохотала горшками его новая знакомая да сонно жужжала под потолком одинокая муха.

До него дотронулись.

Пусть и не совсем до него, всего лишь до рукава рубахи, но не просто случайно прикоснулись, а втащили под кров, куда он никогда бы сам не зашел, усадили за стол...

Мужчина потер руками лицо, пытаясь осознать случившееся. Как? Как она смогла? Она ведь даже... в этот миг перед ним с грохотом поставили тарелку, на которой горкой высились оладьи, щедро политые сметаной. Маг смотрел. Еда. Человеческая. Пахнет домом. Она превратится в пыль и грязь в его руках. Он ведь не может принимать угощение, есть из одного блюда с обычными людьми. Не может...

— Что ты на них смотришь? — откуда?то издалека донесся удивленный и настойчивый голос.

Что он мог ответить?

— Хозяйка...

— Ешь, — и в голосе сталь. — Ну!

Красивая рука подхватила толстый блинчик, обмакнула в сметану и поднесла к его губам.

— Ешь, говорю. Худой, как смерть!

Грехобор открыл рот, чтобы отказаться, но настырная девка так ловко впихнула туда блин, что он подавился невысказанными словами.

Боги!

Мужчина прикрыл глаза.

— Нравится? — ее голос потеплел.

Странник в ответ пробормотал что?то невразумительное. Ему не хотелось говорить. Да и отвык он от разговоров. Ему хотелось только одного — наслаждаться вкусом, настоящим вкусом умопомрачительной еды. Ничего не слышать, просто... ощущать...

— Ну, дальше сам. Я тебе не нянька.

Большие руки неуверенно взяли с блюда пухлый блин, и Грехобор откусил еще кусочек, уже заранее понимая, что сейчас произойдет. Привычная горечь наполнит рот, стечет по языку в горло, но... вкус был таким же удивительным, как и в первый раз.

Он ел медленно, прикрыв глаза. Наверное, нужно было поглощать лакомство с жадностью оголодавшего пса, но он не мог. Потому что в этом случае все закончилось бы слишком быстро. Непростительно быстро.

Посетители приходили и уходили, а он все сидел над огромным блюдом, медленно, словно во сне, жуя. Он съел все и откинулся на спинку скамьи, впервые за девять лет чувствуя себя сытым. И только теперь заметил, что все это время стряпуха сидела напротив, подперев

кулаками подбородок, и... смотрела. Просто смотрела, чуть улыбаясь.

Девушка казалась бы обычной, но забавные веснушки, кудряшки вокруг круглого курносого лица, веселые серо-зеленые глаза и улыбка... все это делало ее особенной. Почему? Грехобор застыл, понимая, что ему впервые в жизни улыбается обычный человек. Может, она слепая?

— Наелся? Или чего посытнее принести?

Мужчина отрицательно покачал головой, поднимая вверх обезображенные руки, показывая, кто он. Новая знакомая даже не изменилась в лице.

— Может похлебки?

— Нет. Просто... я — Грехобор, — запнувшись, сказал маг.

— Василиса, — кивнула девушка и сделала то, что встряхнуло лиценца сильнее самого страшного заклятья: она протянула ладонь, и, схватив его покалеченную правую руку, энергично пожала ее.

Он застыл, ожидая... боясь... и очнулся только от веселой фразы:

— Я дико извиняюсь, но верни мне руку. Она нужна, чтобы готовить щи.

И, перевернув весь его мир, Василиса снова улыбнулась, освободила пальцы из плена окаменевшей ладони, после чего спокойно ушла на кухню.

— Грехобор?! — смутно знакомый голос заставил мужчину вскинуться. Дэйн. Не просто какой-то, а тот самый дэйн, который был приставлен к нему в Клетке.

— Дэйн.

Он поклонился, согласно обычаю поднимая руки, и напрягся.

— Ты не имеешь права здесь быть.

— Я приглашен, — тихо возразил ему маг.

— Ты никогда не принимаешь приглашения, — дэйн нахмурился, и подозрительно оглядел собеседника.

— В этот раз принял.

Тишина. Дэйн осматривал того, кто уничтожил Клетку. Рассматривал бесстрастно. Ни одно чувство не отразилось на застывшем лице. Грехобор, в свою очередь, оглядывал палача Богов. Все тот же холодный взгляд, все то же равнодушие. Те же черты лица, лишь слегка изменившиеся за девять прошедших лет.

— Может, следует уйти?

Привычный повиноваться дэйну, разрешенный маг уже поднялся, уже направился к выходу, как вдруг странный внутренний мятеж заставил его остановиться и сказать:

— Нет.

И он опустился обратно на скамью.

— Нет?

— Нет.

Внутри его трясло. Смесь обиды, злобы, отчаяния — всего разом! А в первую очередь — страха. Страх, от которого сводило все внутренности, скручивало в тугой узел. Однако с виду разрешенный маг остался невозмутим. Он даже не вздрогнул (чему и сам очень удивился), когда дэйн без спросу сел напротив.

— Ты изменился. Сильно постарел, — равнодушно заметил палач магов. — Или это набранные грехи тяготят?

— Я пуст, — как всегда немногословно ответил Грехобор, не отводя взгляда от холодных колючих глаз собеседника.

Тот откинулся на спинку скамьи и усмехнулся, оглядывая собеседника.

— Точно изменился. В глаза смотришь. Неужто, наконец, сладил с совестью, а, Грехобор?

Это был выверенный и откровенно подлый удар. Гнусный, безжалостный, на который способен только дэйн. И, конечно, этот удар достиг цели. Разрешенный маг дотронулся пальцами до шрама на виске и опустил глаза. И хотя то, что он когда-то совершил, то, что, собственно, и сделало его Грехобором, для многих уже подернулось пеленой забвения, он все помнил...

По сути надо было просто подняться и выйти. Пока еще есть силы. Пока дэйн не завел речь о том, что еще могло причинить постаревшему страннику настоящую человеческую боль.

— Ух ты!

Потерянный, мужчина не сразу сообразил, что эти слова исходят не от его бывшего тюремщика, а от стряпухи, что откуда ни возьмись возникла рядом.

— Василиса... — дэйн начал приподниматься, но следующие ее слова пригвоздили его к насиженному месту:

— Вы прям, как две капли воды! Только он постарше! Вы что, братья???

Комок в горле у мага пропал, но в ушах почему-то зазвенело. Эта чудная девушка мало того, что без всяких церемоний обратилась к дэйну и совсем не боялась мага, так еще и заметила связывающее двоих мужчин родство! И не только заметила, а указала на него вслух. Да кто она?

Василиса снова перевела весело блестящие глаза с дэйна на Грехобора, обратила внимание на то, как один недовольно хмурится, а второй до судороги стискивает зубы.

— А-а-а, поругались, — «угадала» болтушка и тут же подытожила: — Зря. На свете нет ничего важнее семьи. Дэйн, у нас сегодня оладьи такие вкусные... Принести тебе со...

— Откуда он тут? — перебивая ее, требовательно спросил тот, к кому она так радушно обращалась.

— С улицы, — чуть опешив, ответила Васька.

— Ты пригласила?

— Я.

— Никогда больше не смей приглашать магов, — настолько мягко, насколько мог, приказал дэйн. — Это запрещено.

— Кем? — девушка скрестила руки на груди.

Был бы тут Юрка, сразу же кинулся бы искать укромное место, желательно с надежной дверью, мощным замком, без окна, с глубоким погребом и запасом продуктов лет на пять. Уж он-то знал, как никто, что ни тон его подруги, ни выразительно сплетенные руки не сулят ничего хорошего.

— Кем запрещено?

— Богами, — ответил дэйн. — И мной.

— И почему же?

— Они зло.

— Почему? — продолжала допытываться собеседница.

— Потому что они зло.

— Почему?

— Потому что зло!

— Почему? — не сдавалась она.

— Ты насмехаешься? Они зло! Они родились такими! Такими их создали боги! Они приходят в этот мир преступниками, не знающими добра и пощады!

— Почему? — Васька искренне пыталась понять эту дикую истину, и, видя, как в глазах обычно спокойного дэйна разгорается злоба, спросила: — Почему, если они зло, а боги так всеильны, маги продолжают рождаться? Почему ты говоришь, что они зло, если он сидит спокойно и тихо, никому не причиняя вреда? Почему ты его ненавидишь?

— Грехобора? Ненавижу? — дэйн слегка расслабился и даже улыбнулся. — Человека, который однажды по прихоти разнес половину клетки магов? Того, кто убил не только сорок дэйновых воспитанников, и около сотни таких же, как он, магов, но еще и дэйна? Нет, я не ненавижу его. Я осознаю лишь, что он — угроза. А значит, не имеет права здесь быть. Поэтому тебе необходимо его выгнать.

Тот, о ком шла речь, сидел, опустив глаза на свои изуродованные руки, и ждал. Он понимал, что от услышанных обвинений эта милая улыбочивая девушка должна прийти в ужас. Сейчас ее красивое лицо с забавными ямочками на щеках вытянется и побледнеет, а в глазах появятся гадливость и пренебрежение. А потом в глубине зрачка зародится ужас, и мага одарят презрительным, но полным затаенного страха взглядом.

Он боялся оторвать взор от своих судорожно сплетенных пальцев. Впервые за долгие годы он почувствовал себя *человеком*. Не магом, не Грехобором. Простым человеком, которому тоже

нужны дом, тепло, уют, вкусная еда и... теплые слова. И вот сейчас он всего этого лишится. Заслуженно, что ж...

Но Василиса привыкла отмеривать людям неприязнь, исключительно по их деяниям. Поэтому он задумчиво потерла подбородок и глубокомысленно изрекла:

— Хм-м... Если он такой жуткий-жуткий лиходей, тогда почему он еще жив, а ты сидишь напротив, ничего не делаешь? Почему ваши боги не наказали его?

Ваши боги? Грехобор впервые решился поднять глаза.

— Они наказали, — скупое ответил дэйн.

— То есть он понес кару?..

— Да.

— Но боги сохранили ему жизнь?

— Да! — палача магов уже порядком раздражал этот бесцеремонный допрос, но он не мог не ответить на *такие* вопросы. И уже тем более ей.

— Тогда... Почему я должна его выгонять?

Первый раз на памяти Грехобора дэйн не нашелся, что сказать. Он открывал и закрывал рот, но слова не шли с языка. Собеседница же, наоборот, олицетворяла собой радушную безмятежность.

— Василиса... — с тихой угрозой в голосе заговорил, наконец, мужчина, но она его перебила, предложив совершенно немыслимое:

— Прогони его сам. Или боги не дают?

Он не мог. Грехобор знал это, и почти улыбнулся. Если мага зазвали в дом, выгнать его может только тот, кто пригласил. В противном случае хозяева просто ждали, пока пришлец уйдет добровольно. Другое дело, что и приглашали люди в жилища только повитух...

— Просто выполни мой приказ, — прошипел потерявший терпение дэйн.

Глаза стряпухи сузились, а на пухлом и уже далеко не таком радушном, как прежде, лице заиграла недобрая улыбка.

— Грехобор, — обернулась она к магу. — Поднимись вверх. Вторая дверь... — девушка быстро посмотрела на руки, определяя направление, — слева. Тот покой приготовлен для тебя. Можешь отдохнуть, помыться... Если что-то надо — зови служанку. Платить не нужно. Захочешь поесть — спускайся, я с удовольствием тебя накормлю. Оставайся здесь столько, сколько понравится. Дэйн, — улыбкой Василисы можно было замораживать заживо, — у нас почетных посетителей обслуживает Зария. Но нынче она расхворалась, поэтому придется тебе подождать, пока не спустится. Правда, сегодня это вряд ли случится. Я скажу Багою, чтобы уделил тебе внимание.

И, резко развернувшись, странная девушка пошла прочь, более не удостоив палача магов взглядом. Тот сидел, словно громом пораженный. Грехобор еще несколько минут осознавал случившееся, а потом медленно поднялся.

Что скрывать — его шатало. И даже не столько от привычной усталости, сколько от непривычных переполнявших чувств. Слишком много странного приключилось с ним за это короткое утро. Столько, сколько не приключалось за все последние годы. Да, отдых будет совсем не лишним. Тем более... поспать на кровати? Настоящей? С матрасом и одеялом? Он решил воспользоваться причудой судьбы и провести последнюю ночь своей жизни почти как человек. А завтра... завтра выйдет срок, и маг тихо умрет, не выполнив волю богов.

— Дэйн... — тихо, миролюбиво произнес Грехобор, подняв руки. — Я уйду отсюда утром.

Мужчина развернулся и пристально посмотрел на собеседника. На мгновение в его темных глазах что-то вспыхнуло, а потом он снова стал собой — равнодушным орудием возмездия Богов.

— Это меня не касается, — ровно ответил он и неторопливо покинул харчевню.

* * *

Тепло. Мягкость одеяла. Легкий ветер, овеивает пылающее лицо. Нет, не ветер. Чьи-то ласковые прикосновения, столь осторожные и ласковые, что их легко спутать с ветром.

— Красавица моя, — тихий, чуть хриплый голос заставил забеспокоиться. Она где-то слышала его! Где-то, вот только бы вспомнить где. — Красавица...

Нежные руки медленно скользнули к шее. Пальцы мягко обвели ключицу, замерли на мгновение, а потом вновь двинулись вверх.

Она хотела открыть глаза, но веки словно налились свинцом и не поднимались. Девушка понимала, это нужно прекратить, нужно отстраниться, но ласка была столь прекрасна, что внутри все замирало.

И снова прикосновения... легкие, едва ощутимые. Мужские губы, скользнули по щеке. Звук дыхания, когда он вбирал воздух, чтобы ощутить ее запах. Легкое прикосновение языка, пробующего ее кожу на вкус... Спящая слепо повернула голову, слегка приоткрывая губы. Желая, надеясь...

— Нет-нет... Рано. Потерпи... — голос, полный нежности и сожаления, отозвался в душе щемящей болью, а по телу пробежала сладкая дрожь. Девушка, не открывая глаз, невидяще тянулась к незнакомым, но таким родным рукам.

— Я вернусь. Я буду рядом каждую ночь...

Убаюканная этим обещанием, она улыбнулась, и погрузилась в безмятежный сон.

* * *

— Все готово? — отрывисто спросил дэйн младшего служку, ожидавшего его на входе с Цетир — место, где жили и учились палачи богов.

Высокое мрачное здание из безликого серого камня возносилось на три этажа. Его не венчали колонны, не украшали скульптуры или каменная резьба. Оно было похоже на гранитную глыбу — холодную, мрачную, одинокую. И внутри все выглядело так же — безлико, с вечным полумраком в длинных коридорах, с множеством дверей и лестниц. Запутанное, некрасивое здание, в котором и зимой и летом царил прохлада, и отчего-то не жило даже эхо.

Дом. Дом всех дэйнов.

— Да. Вас ждут, — служка, молодой еще парень, отступил на шаг, пропуская дэйна.

Не выдержит — попутно отметил про себя вновь прибывший, проходя мимо — слишком много в нем сострадания. Главным, самым важным условием для службы было безучастие. Не попытка скрыть и заглушить чувства, не видимость равнодушия, а отсутствие сострадания. Только вот, как ни старался этот светловолосый юноша облачиться в броню безразличия, в серых глазах то и дело вспыхивало сомнение. Не выдержит. Сострадание, жалость, нежность позволены только видиям, и то, лишь потому, что без них провидицы ничего не смогут узнать. Печально.

Высокий, спокойный, дэйн шел по лестнице, ведущей на просторную плоскую крышу, и размышлял о том, что ему надлежит сделать в самое ближайшее время. Ни сомнений. Ни терзаний. Слепая уверенность в собственной правоте. Его уже ждали. Конечно. На главу всех палачей была устремлена сотня таких же безразличных, пустых, как его собственные, глаз. Несколько новообращенных чуть нервничали. Сегодня станет ясно, смогут ли они быть палачами и вершить суд во благо богов.

— Наша цель? — негромко спросил дэйн одного из молодых.

— Клетка Магов.

— Наши действия?

— Уничтожение.

— Сомнения?

— Нет.

Коротко кивнув в знак одобрения, он направился к фадиру — крылатому скакуну, который допускал на свою спину только дэйнов. Могучий вороной жеребец нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Окажись здесь Василиса, она бы сразу узнала этого конька, встреча с которым стоила ей памятного нервного напряжения.

Гордое животное тряхнуло длинной волнистой гривой и посмотрело на человека выжидающе. Фадир очень бурно реагировал на любое проявление чувств, поэтому обычному человеку, одолеваемому страхами, радостями и всевозможными страстями, невозможно было и мечтать оседлать такого красавца. А вот дэйн запрыгнул в седло одним махом и жеребец под ним даже не прянул.

Легко тронув поводья, мужчина направил своего фадира на запад. Мощные крылья снимающихся с мест скакунов подняли на плоской крыше Цетира маленькую воздушную бурю. Тяжелые копыта ударили раз, второй, кони вставали на дыбы и снимались с места.

Городские стены, крыши, улицы стремительно таяли внизу. Крылатые кони мчались на запад, туда, где в непроходимой лесной чаще возвышались серые слоистые скалы, с проросшими в черных трещинах деревьями и кустарником, крутыми обрывами и туманом. Туда, где на захватывающей дух высоте находилась Клетка Магов.

Несколько часов полета и прибывшие на место дэйны исполнят волю Богов, уничтожив всех узников. Пейзажи внизу сменяли один другой, ветер нещадно свистел в ушах, в седлах фадиров знатно качало, но палачи, отправившиеся вершить казнь, были спокойны, словно им

предстояло не убивать, а любоваться красотами с высоты птичьего полета. Ни одного не терзали сомнения.

Спокойствие и уверенность в собственной правоте в жизни главы дэйнов были поколеблены лишь однажды. Лишь один раз он испытал нечто, отдаленно напоминающее сомнение, и этот момент он запомнил навсегда, потому что расплата была ужасной. Она настигла его, когда молодой яростный маг, наделенный неслыханной силой, почти до основания разрушил Клетку, убивая всякого, кто попадался у него на пути. Почти всякого...

Какой-то частью сознания мужчина понимал, что этим сумбуром в мыслях, этими не к месту проснувшимися воспоминаниями обязан случайной встрече, произошедшей нынешним утром. Однако привычка к жесткому подчинению и отсутствию малейших сомнений восставала против этих размышлений. Глупо дэйну думать о том, что следовало навсегда предать забвению. Поэтому он вышвырнул воспоминания из головы и пригнулся к холке фадира, чтобы ледяной ветер не так бил в лицо.

Однако же, несмотря на то, что порядок в мыслях был наведен, день казался безнадежно испорченным. Сегодня все шло не так — глава палачей чувствовал это. Даже солнце и то норовило ослепить. Яркий луч резанул по глазам, когда фадир опускался на крышу Клетки, и поэтому дэйн не сразу заметил прислужника, ожидавшего, когда крылатый скакун, наконец, коснется копытами твердой поверхности. Молодой воспитанник держал за руку мальчика лет пяти. Мага. Такого быть не должно. Здесь — на крыше — разрешено появляться только дэйнам, но никогда — ученикам и уж тем более магам.

Дэйн соскочил с фадира, и направился к прислужнику. Юноша даже попятился, увидев каменное лицо палача.

— Как ты посмел подняться сюда? — сталь в неживом голосе заставила вздрогнуть и парня, и мальчишку-мага.

— Г-главный... я... они...

— Внятно. По порядку. Быстро.

— Они пришли под утро — еще и не рассвело толком. Открылся Лаз. Их было человек двадцать. Может, больше. Они хорошо подготовились, все очень быстро случилось...

— Кто?

— Колдуны. Колдуньи. Знахари. Они... — парень смахнул со лба мелкую испарину и закончил севшим голосом, — увели всех магов. Остался только Колин — он спрятался...

— Дэйны?

— Старшие ушли ночью, почувствовав запрещенное колдовство. Сильное.

— Все пятеро? — недоверчиво перебил его мужчина.

Юноша, поколебавшись, кивнул.

— Служки?

— Они... они их...

— Четко!

— Это было колдовство, главный! Служки сами отдавали им магов, словно никогда не приносили клятвы богам. Они просто открывали узилища... а потом... потом...

Собеседник отмахнулся. Он знал, что было потом. Клятва, данная богам однажды, была нерушима. Предатели, преступившие ее, умирали. Дэйн, признавший волю Богов, никогда эту волю не нарушит, если хочет жить.

— Дэйны вернулись?

Парнишка покачал головой. Мальчишка-маг всхлипнул и прижался теснее к своему новому другу. Худенький, светловолосый и светлоглазый, он стоял, заворожено глядя на переступающего с ноги на ногу могучего фадира. А во взгляде читалась смесь детского восторга, страха и любопытства. Такой невинный... маг.

— До тебя донесли приказ? — перевел взгляд с ребенка на служку дэйн.

Кровь отхлынула от лица юноши. И этот не выдержит... зачем они только приносят клятву? Сидели бы дома.

— Выполняй. Быстро.

Парень обвел взглядом остальных дэйнов, все еще парящих в небе в ожидании приказа от старшего, потом опустил глаза на Колина, доверчиво жавшегося к его ноге. Не говорилось ни в одной проповеди, что дети-маги ничем не отличаются от обычных.

Жрецы не предупреждали, что малышам-магам так же нужна забота, что они смеются, если их щекотать, и плачут, если обидеть, что они играют и дерутся, как все нормальные ребяташки. Что они — не зло...

Он еще не заметил тщательно скрываемой ненависти в глазах мальчика, который вдруг остро и свирепо посмотрел на дэйна. Не ощущал усилия, с которым дэйн удерживал маленького мага и его свирепый дар. Он окаменел, наконец понимая, что именно требует от него старший.

— Решил послушаться приказа? — вторгся в его мысли равнодушный голос.

— Нет, — шепотом ответил юноша, и сильные пальцы легли на тонкую шею ребенка.

Мальчик не успел понять, что тот, кого он считал своим защитником, предал его. Оно и к лучшему. Ученики Цетира могли убивать быстро и безболезненно. Их учили этому. Вот только не предупреждали, что, однажды совершив такое, переживешь в душе бурю. И эта буря либо разрушит тебя изнутри до основания, либо... уничтожит то небольшое, что еще осталось в душе.

Глядя на безжизненное детское тело, юный ученик Клетки испытывал боль, гнев, ненависть... а потом все ушло. Как вода в песок. И родился новый дэйн, лишенный привязанностей, угрызений совести, тоски. Еще одно равнодушное оружие богов.

Старший коротко кивнул, удовлетворенный содеянным и направился к своему фадире. Больше тут нечего делать.

* * *

Они вернулись за полночь. Дэйн, не прощаясь со спутниками, поспешил вниз, с досадой

понимая, что ему сейчас предстоит не самая приятная встреча. Разговор со жрецом в этот раз состоится не в харчевне. Сегодня придется идти в храм.

Храм в Аринтме располагался на главной площади.

Красивое здание с резными дверьми и остроконечной крышей, в которой были устроены узкие окна. Он переливался в свете солнца золотым, янтарным, бронзовым, медным... Точеные столбы венчали широкий всход, а вокруг сплошным кольцом росли каменные морогуны.

Каменными эти деревья называли потому, что они были очень тяжелы в обработке — с одинаковым трудом поддавались и топору дровосека, и рубанку столяра, и резцу краснодеревщика, а еще не боялись огня. Зато, даже будучи срубленными пять, а то и десять лет назад, мощные бревна продолжали истекать смолой, прозрачной, словно слюда и золотистой, будто мед.

Смола, застывая, обволакивала стены жилища, делая их прочнее камня, заставляя переливаться в лучах солнца всеми оттенками золотого и проявляя затейливый переплетающийся рисунок черной, будто деготь, древесины.

Из морогуна строили только храмы и ими же их обсаживали, заключая в кольцо. Могучие исполины отсекали шум улиц, приглушали все посторонние звуки, а длинные, с мужскую ладонь иглы, рассеивали вокруг терпкое благоухание.

Святое место.

Дэйн его терпеть не мог.

И запах этот тоже.

Но делать нечего. Мужчина поднялся по ступенькам, толкнул дверь и оказался в прохладе святилища, напоенной все тем же ароматом смолы и хвои — острым, пряным, дурманящим.

Здесь повсюду растекался мерцающий золотистый свет. Десятки свечей горели на высоких постаментах. А у подножия Чаши Откровений, преклонив колени, стоял человек, которого дэйн без труда узнал бы даже со спины в кромешной тьме.

— Ты быстро вернулся, — тихо отметил Шахнал, не оборачиваясь.

Его руки благоговейно лежали на изогнутых боках Чаши, и жрец неслышно молился, вопрошая небеса о чем-то, ведомом только ему. Наконец, молитва закончилась, и мужчина поднялся на ноги, поворачиваясь к собеседнику.

— Отец, — почтительно склонил голову тот.

Дэйн часто бывал в храме, но всякий раз от души удивлялся тому, как искренне и ревностно жрецы исполняли свой долг, с каким упоением и страстью отдавались они молитве и с каким безграничным терпением держали пост. Поэтому при всем неприятии к этим людям, палач магов все же понимал, за что они наделены способностью слышать небожителей.

— Воля Маркуса...

— ...не была исполнена, — закончил за жреца несостоявшийся убийца магов и коротко пересказал произошедшее. — Мы нашли пятерых дэйнов в магической клетке. Она была

сделана небрежно, и они могли бы освободиться, окажись в сознании. Но их чем?то опоили. Это выглядело... как издевка.

— Возможно, это и было издевкой, — задумчиво проговорил жрец. — Маркус разгневался. Он не отвечает мне более, не подает знаков, не озаряет знаменьями. И я не знаю, почему.

— Тишина?

— Уже неделю, — Шахнал поник головой. — Мне это не нравится.

Несмотря на серьезность ситуации, дэйн усмехнулся:

— Может, ты все же не устоял и съел ложку Василисиного рагу, отец?

Жрец не ответил, лишь усмехнулся. Что бы ни говорил про него этот выскочка, он не нарушал запретов и был чист перед богами, и это лишь усиливало общее недоумение. А тут еще впервые за века существования Клеток, магов и дэйнов, кто?то открыто вступил в противостояние с богами! И этот кто?то оставался невидимым и непознанным для служителя храма.

— Ступай к видии, — отвернувшись от дэйна, приказал жрец. — Пусть посмотрит...

Посмотрит...

...На следующее утро дэйн зашел в харчевню, тяжело опустился на скамью и устало потер ладонями лицо. Посмотрит... посмотрела. Видия смотрела долго, и к тому времени, когда увидела хоть что?то, за окном уже занимался рассвет. Вот только увиденного она не раскрыла, а полыхнула таким жгучим огнем всевидящих глаз, что дэйн даже отпрянул.

— Я не буду помогать детоубийцам, — прошипела девушка. — Как ты посмел явиться?!

О боги! Да что же творится?то вокруг? Все как с цепи сорвались, перестали подчиняться, перестали слушать, перестали понимать! Если бы дэйн мог, то давно впал бы в глухую ярость, но, лишенный этой, иногда, несомненно, полезной возможности, лишь устало удивлялся происходящему.

Ну и какой толк ему от того, что распоясавшаяся видия теперь сидит под замком? Сведения из нее можно вытянуть лишь под пытками, да вот незадача — пытать провидиц нельзя. Дэйны приносили клятву защищать их, и никогда, ни при каких обстоятельствах не причинять вред. Тупик.

Что ни говори, а это диковинное повеление богов про кольца и последний шанс... Мужчина вскинул голову. Кольцо. Он не видел его у Грехобора. Не проверил, даже *не вспомнил*, отвлекшись на вздорную стряпуху! Он, воин богов, просто забыл про это! Обведя взглядом трапезную и увидев мага, одиноко сидящего в углу, дэйн направился к нему. О, как он надеялся, что Грехобор не брал венчальное украшение!

— Кольцо, — он, не здороваясь, сел на скамью напротив того, кто когда?то, очень давно, был его братом.

Василиса и дары судьбы

Ее рок — постоянно ошибаться в людях! Да что ж за несправедливость такая! Только понравится человек, только проникнешься к нему симпатией и — на тебе — у него уже

приготовлена для тебя омерзительная гадость самого противного свойства!

Вчерашняя выходка Дэйна в очередной раз доказала, что Васька совершенно не разбирается в окружающих. Вот ни капельки. Эдак окажется, что жрец, с которым иногда говорит дэйн, и который так ее раздражает, на деле — добрейшей души человек, подбирает бездомных котят и выращивает орхидеи!

Р-р-р! Вчера она вернулась на кухню, кипя, словно скороварка. Очень хотелось найти у себя такую же форсунку для сброса пара и нажать на нее, оглашая округу яростным шипеньем и чувствуя, как давление ярости в мозгу стремительно спадает.

Но волшебной форсунки у Васьки не было, поэтому она кипела и, чтобы хоть как-то выплеснуть злость, взялась наводить порядок. Свирепо гремела горшками и сковородками, шлепала мокрой тряпкой по всем поверхностям, драила пол с таким остервенением, словно хотела соскоблить верхний слой дерева с половиц. Ну и, конечно, за всем этим бурным припадком трудового энтузиазма, забыла про тушащийся на плите кэлахай и спалила его так, что одна сторона обуглилась до черноты. Твою ж мать! Ну как так можно?

А все потому, что дэйн ей нравился, более того... о-о-очень нравился. Он был такой мрачный, такой немногословный, такой загадочный, но при этом совершенно по-детски любил сладкое. Казался душкой... а оказался с душком.

— Тьфу. Мужики. Одна морока от вас, — бурчала Васька, выскабливая в ведро сгоревший кэлахай.

И тут дернули нечистыя заглянуть на кухню Багой... Мало того заглянуть, так еще и недовольно проворчать что-то о том, что они тут готовят для людей, а не для помойки.

Зря он это. Потому что следом за кэлахаем в мусор полетела сковорода, а Василиса, вооруженная грязной деревянной лопаткой прыгнула к корчмарю и зашипела, помахая в такт словам своим, несомненно, грозным оружием:

— Вот скажи мне, Багой. Тебе заняться нечем? У тебя дел нет? Ты мне месяц обещаешь печь на улице поставить! Я у тебя две седмицы не могу пряностей допроситься! А где новые сковородки? Дымоход когда отремонтирован будет? Я когда готовлю, так либо дверь нараспашку открываю, либо окна! Я тут стряпать нанималась, а не угореть! А ступеньки в погреб, все прогнившие, ты чинить собираешься, или ждешь, пока я шею сломаю? А...

— Все, все, все... Я понял! — с этими словами харчевник испарился с кухни и даже дверь захлопнул.

Уф... Ну и девка. Пряма ведьма какая-то.

И ведь шел по делу! Ведь по делу шел! Взгреть ее хотел за то, что пускает в корчму всех кого ни попадя, да еще устраивает на постой. Бесплатно! В его комнатах! Сдурела она что ль?

Но после выступления стряпухи, корчмарь решил — ну его к лешему, пусть живет. Вроде постоялец не хлопотный. Да и не наест много. Эх. По миру пойдешь с этой дурковатой... Но как готовит! Готовит-то как!

Васька же, выплеснув гнев на несчастного работодателя, подобрела. Ладно, чего уж там. Мужики. Что с них взять, кроме анализов? Хуже детей, ей-богу...

Вечером девушка заглянула к Зарии. Багой определил ту в первую комнату справа, рядом с комнатой Васьки, которую от щедрот своих (и с целью банально подлизаться) выдал стряпухе взамен убогой коморки под лестницей.

Чернушка сидела на краешке кровати и с удивлением рассматривала свои руки. Длинная челка, как обычно, занавешивала глаза.

— Не знаю, что теперь делать, — глухо сказала девушка, когда Василиса плюхнулась рядом с ней.

— Ну... сперва одеться по-людски. Отъестся. А там посмотрим, — стряпуха, не церемонясь, скинула лыковые башмаки и забралась на постель с ногами.

— Он же муж... — робко напомнила Зария, все еще оглядывая свои ладони.

— Вернуть его тебе, что ли?

Несчастливая разведенка застыла, а потом испуганно замотала головой.

— Ну, так чего тогда? — Лиска вытянулась поверх одеяла, давая отдых уставшей за день спине, и зевнула.

— Я... просто... — ее собеседница не могла объяснить.

Да и как объяснишь этой странной, беспечной и сильной девушке, которая привыкла сама за себя отвечать, что ей — Зари — приказывали всю ее сознательную жизнь? Помыкали с рождения. А теперь, вдруг... делать это стало некому. И как ей жить? Она не умеет быть свободной! Не умеет принимать решения, настаивать, спорить... Она просто *не сможет* жить среди обычных людей. Ей этого не дано.

Каким-то непостижимым образом Василиса все поняла. Все ее сомнения, все терзания и опасения. Просто она слишком хорошо помнила, как растерялась ее мать после того, как от них ушел отец. Она зависела от него, и когда он исчез, оставив после себя лишь пустой шкаф, и эту пресловутую зависимость, начала пить. Он не был таким уж хорошим мужем или отцом, от его ухода мир не перевернулся, а вот, поди ж ты...

— Научись, — отрезала Васька, закрывая глаза. Помолчала. И добавила: — А я с дэйном поругалась. Теперь ты его обслуживаешь. Уж извини. Но морду эту видеть больше не хочу.

Зария бросила на собеседницу быстрый пронзительный взгляд и вздохнула.

* * *

Нечаянный постоялец «Кабаньего Пятака» проспал весь день и всю ночь. По чести сказать, стряпуха вообще забыла про него, и поэтому даже споткнулась, когда увидела мужчину, спускающегося с лестницы.

Он был похож и в тоже время не похож на Дэйна. Девушка застыла, пытаясь понять разницу. Что же не так? Чем они отличаются? Нет, дело не в чертах лица, которые у одного были мягче, чем у другого, не в седине... Так в чем же? Грехобор посмотрел на нее, поднял руки перед собой, и девушка впервые заметила, что на его ладонях отсутствуют мизинцы. Судя по всему, пальцы просто... отрубили.

Неужто это и была та самая кара Богов, про которую говорил Дэйн? Васька в богов не верила. Чего толку возносить мольбы кому-то невидимому с просьбой помочь тебе решить проблемы? Надо — сама решай. Но здесь все иначе.

Василиса подошла к мужчине. Ох, красив! И грудь широкая, и ноги... ох, какие шикарные ноги. Тьфу! Глаза. Надо смотреть в глаза. И вот, глядя на страшного и ужасного, по словам дэйна, мага, Васька вдруг поняла, что у нее возникла проблема. Потому что впервые в жизни лицо мужчины нравилось девушке больше, чем его ноги. И почему ей показалось, что они с дэйном похожи? Да и вообще, как она его раньше-то не разглядела? Тьфу, оказия. Мысленно дав себе пощечину и пинок под мягкое место, Василиса приветливо улыбнулась:

— Проснулся? Позавтракаешь?

А про себя думала — надо же, как меняют человека еда и отдых... Вчера ведь вообще ей не глянулся, за исключением ног. Да и казался старик-стариком... И, вон, как все оказалось. Что ж, может и Зарию удастся до ума довести.

Мужчина тем временем кивнул, медленно опуская руки. На его лице царило выражение покоя и какая-то... обреченность? Васька не поняла. Мужчина-загадка...

Она проводила его на то же место, что он выбрал вчера, смахнула со стола крошки, оставленные предыдущим посетителем, и направилась за завтраком, не уточняя даже, чего именно ему бы хотелось. Видно было — съест все...

Неся поднос с тарелками, кухарка замедлила шаг, обнаружив, что рядом с Грехобором сидит... дэйн. Вот ведь, кому не пропасть. Притащился, окаянный! Ну и пусть сидит. Здраваться еще с ним.

Мужчины негромко разговаривали, и девушка вздохнула. Может, помирятся? Сама-то она с дэйном дружбу водить не собиралась. Пока. Ну не любила, когда ей приказывали, да еще в таком тоне, да еще малознакомые люди.

— И сколько осталось? — дэйн словно не заметил ее появления, буравя взглядом Грехобора.

— До полудня, — спокойно ответил тот.

— Ты даже не попытаешь счастья?

— Нет.

Дэйн прищурился, и со сталью в голосе сказал:

— А я думаю, следует.

— Перестань, — сказал Грехобор, и Василису поразило то, сколько усталости и тоски было в этих словах. — Остался час.

— Я сказал — следует, — темные глаза собеседника прищурились. — Очень хочу это увидеть.

— Нет.

— Да, маг. Потому что это мой приказ.

Не помирились. Василиса видела, как в глазах Грехобора вспыхнул гнев. Он пытался его

подавить, но не справлялся. Ладони сжались в кулаки. В отличие от него, дэйн сидел спокойный, безмятежно скрестив руки на груди. Он наслаждался!

— Приказ... Ты настолько сильно, хочешь это увидеть, что не в состоянии потерпеть?

— Да, — последовал спокойный ответ.

Маг стиснул зубы, повернулся к Василисе, а та честно попыталась улыбнуться, чтобы его подбодрить. Ну, видно же, несладко мужику. А какая в нем внутренняя борьба идет, так это же вообще — залюбоваться! Красив... Ох, красив...

— Завтрак, — коротко сказала девушка, подавив в себе желание вспомнить его ноги, и поставила на стол тарелку с жареным кэлахаем и мелко покрошенной говядиной.

На миг в темных глазах Грехобора промелькнула тоска.

— Прими мой дар, — почти шепотом проговорил он, и протянул стряпухе искалеченную ладонь, на которой лежало кольцо.

Лиска опустила глаза, рассматривая внезапно отломившийся ей подарок. Золото она не любила, да и вообще драгоценности не уважала. А вот хорошую бижутерию — очень даже! А это кольцо... тонкое, из переливчатого металла, красивое-е-е. Лицо девушки просияло от восхищения. Она видела, что мужчина, предлагающий ей столь красивую вещицу, обреченно ждет отказа, понимала, что, видимо, и надо бы отказать — ну, зачем ей эта цацка? Да тем более от незнакомого мужика, пускай и такого красивого...

Но мозг отверг все эти слабые, даже в некотором роде вялые доводы, и рука сама потянулась к украшению. Пальцы слегка коснулись твердой ладони, принимая дар, и через миг Васька легко надела кольцо на безымянный палец.

Красотища?то какая! И переливается...

Ох! Василиса отвела руку в сторону и полюбовалась бликами, играющими на металле. Вот бывают же вещи! Вроде бы ничего необычного, кольцо и кольцо. Но смотришь, и завораживает даже. И село, как влитое! Так и хочется мерзко захихикать и алчным трясущимся голосом прокрипеть: «Моя пр-р-ре-е-е-лесть!»

Девушка, наконец, оторвалась от созерцания столь милого ей украшения, подняла голову и даже открыла рот, чтобы поблагодарить за подарок. Но... удивленно отступила на шаг от обоих мужчин. Потому что их лица... Наверное, такими глазами сама Лиска обзирала мартовский лес из кабинки туалета.

Шок, ужас, неверие... во взгляде дэйна одна за другой сменялись эмоции. Его лицо окаменело, стало похоже на застывшую маску. Тяжелый взгляд обратился на Грехобора, Василиса проследила за этим взором и тоже посмотрела на мага. В его глазах отразились те же неверие и шок. Однако у перехожего странника самообладания оказалось больше, чем у его брата. Он не онемел, хотя и выглядел гораздо более удивленным, да что там — сраженным:

— Ты... приняла... дар...

При этом вид у Грехобора был такой, словно героическая стряпуха приняла кубок с ядом или, по меньшей мере, закон о массовых расстрелах.

Мужская логика всегда была для Василисы чем-то из области теории относительности. Вроде бы и понятно все. И вообще каша в голове. Поэтому сейчас, глядя на два одинаково ошалелых лица, Лиска на мгновение задумалась, искренне пытаясь понять, что же стало причиной подобного изумления.

Ей предложили кольцо? Предложили. Она его сама не выпрашивала? Нет. Ей предложили, и она взяла. Так что же в этом настолько шокирующего? И, если они в таком трансе оттого, что она приняла дар, то зачем было вообще предлагать?

Еще несколько мгновений девушка смотрела на странных братьев, но потом поняла, что впустую губит нейроны мозга, а значит, лучше не ломать голову. И все же дико хотелось понять — что же такого эпохального она совершила? Увы, через минуту желание постигнуть суть происходящего испарилось. И способствовал этому, разумеется, дэйн.

— Сними немедленно, — сказал он голосом, в котором Василисе послышались бряцанье стали, стоны умирающих, пулеметные очереди и разрывы гранат.

Может быть именно поэтому, когда дэйн потянулся к девушке, та отпрянула? Ей не хотелось возвращать назад кольцо, которое ей подарил вовсе не он. Мало того, с какой стати этот хам вообще тут распоряжается? Ему какое дело?

— Подойди, — приказал мужчина.

— Попроси.

Взгляд серых глаз под прямыми черными бровями сделался страшен, но девушка даже не вздрогнула и продолжила сверлить собеседника взглядом.

— Подойди.

— Это не просьба.

— Я приказываю.

— Поэтому я не подхожу.

— Подойди. Немедленно.

— Приказывай хоть до вечера.

— Ты... — лицо мужчины потемнело, он медленно поднялся с места.

Рука, словно живущая своей жизнью, опустилась на рукоять меча, висевшего на поясе. Васька оторопела. Ее что сейчас будут, как в китайском фильме, рассекать на несколько частей, тем самым отделяя кольцо от тела? А заодно и голову? И остальное все тоже? За что? За то, что взяла подарок? С этим отчаянным мечником вообще, все нормально?

Тем временем мужчина подался вперед. Но Василиска была не просто девушкой в теле. Она была девушкой в ловком теле, поэтому умела пронырливо увертываться и легко отпрыгивать от опасности. Пусть надолго нас не хватит, но все же стоим мы чего-то!

Поэтому стряпуха горной козочкой отскочила от обидчика и застыла в нескольких шагах, собираясь, если понадобится, опрокинуть ему под ноги стол, стул и печатную машинку. Тьфу! Стол и скамью.

Лискины задорные прыжки, да и сама перебранка привлекли ко всей троице внимание посетителей. Люди оборачивались, забыв про еду, про разговоры, которые до сего момента текли своим чередом. Ну, хоть мечом размахивать этому супостату не позволят. И вообще, где Багой? Тут вот-вот погубят ценного сотрудника, а работодателю и дела нет!

Внезапно от дэйна девушку заслонила широкая спина. Васька не сразу поняла, что ее загораживает собой... Грехобор. И сейчас он уже не вскидывал руки в примирительном жесте. От него веяло холодом, угрозой и силой. Нет, даже не силой. А Силой!

— Не смей, — чужим яростным голосом проговорил маг, сжимая кулаки, от которых плыл темный туман. — Она не в твоём праве.

Кухарка, глядя в спину, заслонившую ее от опасности, внезапно растерялась. За всю, пускай и не долгую, но довольно таки причудливую жизнь, никогда и никто ее не защищал. Ни единого раза. Наоборот, она вечно везде лезла и огребала на свои пышные формы тумаков и приключений. Поэтому сейчас у Лиски даже защипало в носу. Она потеряла переносицу и вдруг поняла. Что в носу свербит еще и... Вот черт! Жаркое!!!

Забыв про все на свете, стряпуха бешеными скачками умчалась на запах.

Вот растяпа! Да что ж это такое?! Вчера, сегодня! Однако традиция уже, как встретится ей оба этих брата-акробата, так, знай, продукты спалит. Эх.

Однако, когда ураган «Василиса» ворвался на кухню, его разрушительная мощь несколько ослабла: Зария, как обычно, незаметная и тихая, уже, оказывается, спустилась вниз и теперь быстро-быстро перекалывала мясо из перекалившейся сковороды в глиняный горшок. Помощница удивленно посмотрела на заполошную стряпуху. Только сейчас Лиска осознала, что всего пару мгновений назад, как-то совершенно незаметно для себя избежала... хм, пожалуй что, смерти. Очень уж недвусмысленно дэйн хватался за меч и вполне однозначно Грехобор был готов закрыть объект его ярости собой.

— И куда я влипла? — непонятно у кого спросила Васька, прислушиваясь.

Из обеденного зала не доносилось ни громких голосов, ни перебранок, ни тем паче звуков отчаянной битвы. Ну, значит, все это грозное сопение свелось только к перебранке. Вот и славненько. Выходить к этим двум архаровцам, да еще таким странным, не хотелось. На сегодня Василиса уже исчерпала запас отваги. Хотелось бы дух перевести. Но... как же так, они там, а она здесь... сбежала, как трусиха последняя! Да мало ли чего учудят!

И девушка осторожно высунулась в обеденный зал.

Дэйн и Грехобор все еще стояли друг напротив друга, непримиримые, молчаливые. Но, прежде чем Васька смогла вклиниться между этими двумя, в происходящее вмешался Багой. Который своим халдейским наитием почувствовал таки назревающую ссору.

— Дэйн, ты бы осадил, — обманчиво миролюбиво предложил корчмарь. — Она кольцо добровольно взяла. Тут маг не причем. Да и, если боги его кольцом наделили, невиновный он. Значит, прощен. Не буянь.

Нестройный хор голосов выразил поддержку хозяину заведения, и тот, ободренный, продолжил:

— Запрещенных у нас нет. Мы закон чтим. Василиска дура, конечно, но дура правильная,

совестливая. И, раз уж она в этом маге что-то углядела и решила за него замуж пойти, не мешай. Да и нет у тебя такого права — в волю Богов влезать.

— Ни один человек. Никогда. Не примет кольцо от мага, если только он сам не наделен даром, — тихо, но отчетливо промолвил дэйн, взяв себя в руки. — Ее надо проверить — твоя кухарка вполне может оказаться знахаркой или колдуньей.

Багой в ответ на это нахохлился. И даже свисающие до груди усы, казалось, вот-вот, начнут топорщиться от гнева. Свою недотепу-стряпуху трактирщик знал слишком хорошо. Девка она была языкастая, но добрая и безобидная. Поэтому корчмарю было досадно слышать такие обвинения, да еще и при всем честном народе, который каждый день сюда приходил. Эдак уже завтра никого не зазовешь в таверну ни сладкими запахами, ни даже низкими ценами. Кто ж пойдет, туда, где ведьма у плиты шурует?

К счастью, помощь пришла, откуда не ждали — от одного из завсегдатаев — маленького желчного мужичонки, придиричивого и тошного:

— Ты в ней магию чувствуешь? — спросил он, перегнувшись через стол. — Ну, а коли нет, чего всех баламутишь? Зачем поклеп наводишь? Люди тут кушают, никого не трогают, чего их смущаешь?

Дэйн не ответил, только продолжил буравить взглядом Грехобора, мешавшего ему добраться до Василисы.

Вынесла нелегкая этого говорливого едока! И вопрос-то какой глупый... чувствует ли он магию! Все знали, как именно дэйны чувствуют стороннюю силу. Все маги, приходящие в мир, приносили с собой свой дар. Магия жила в них, струилась по венам, заставляла биться сердце. Маг до самой смерти оставался неотделим от своей силы, какой бы проклятой она не была, и дэйны осязали эту силу.

Другое дело колдуны. Этим сила досталась случайно, они не родились с ней. Проклятый подарок — вот как можно было назвать такое могущество. Дар спал все время, пробуждаясь лишь тогда, когда творилась волшба. Поэтому дэйны не замечали колдунов ровно до тех пор, пока те не являли себя, то есть не брались использовать свои умения. И вот тогда-то дэйн запоминал жертву, осязая мощь ее колдовской силы.

Но Василиса не колдовала. По крайней мере, палач магов не ощущал даже самых слабых отголосков волшебства. К сожалению, именно это ни о чем не говорило. Дэйн попытался вспомнить имя наглеца, беспрепятственно проникшего в Цетир, в покои видии. Да, этот позор он помнил прекрасно: видия отдалась колдуну! А ведь он и не зачаровывал ее. Более того, не использовал свой дар даже перед гибелью...

— Ее необходимо проверить, — непреклонно повторил дэйн, обращаясь к брату. — Ты возражаешь?

Выбора не было. Как всегда. Грехобор покачал головой, но не отступил.

— Я подчинюсь словам видии, но, в любом случае, девушка тебе не достанется. Я буду здесь. Все время.

Дэйн, смерив кудрявый, зеленоглазый и пышнотелый объект их спора мрачным взглядом, вышел из харчевни.

Багой с облегчением выругался. Эх, дать бы дурехе затрещину! Так нет, теперь даже в этой отводящей душу радости ему отказано. А как бы наподдал! Чтоб головой не только ела, но и думала иногда. Ну почему, почему из всех залетных его стряпуха выбрала именно мага, да не просто мага — Грехобора! Тьфу, по миру пойдешь с ними...

Тем временем кухарка, не догадываясь о досаде корчмаря, дернула за рукав своего, как только что выяснилось, нареченного. Раз, другой, третий. Тот не спешил оборачиваться, боясь встретиться с ней взглядом. Нутром чуял, не все так просто — слишком уж легко согласилась эта девушка.

Да и какая она ему невеста? Видят друг друга второй раз всего. Он и не знает, каково это — женихом быть. Что женихи?то хоть делают, как ухаживают? Он ничего не умел, кроме как собирать чужие грехи. И со стороны сам себе казался медведем-шатуном, который зачем?то поднялся в неурочный час и не знает, ни куда себя деть, ни чем заняться. Он и, правда, был совершенно никчем. За годы странствий маг так отвык от простых человеческих дел, которые составляют для обычных людей смысл и суть жизни, что сейчас попросту не знал — как быть. А тут еще невеста.

Он перевел взгляд на девушку, пытливо смотрящую ему в глаза. Хм. Если он был медведем-шатуном, то она походила на вертлявую белку. Прыг-скок, на сучок, под кусток, шишкой — получи!

И что теперь делать?

— Замуж? — переспросила тем временем Василиса, когда он все же повернул к ней голову. — Я? За тебя? Замуж? С чего вообще...

Стряпуха осеклась. В памяти всплыл давнишний разговор с Зарией. Тогда чернушка рассказывала ей про богов, которые в Чаше Откровений являли кольца тем, у кого есть шанс найти свою вторую половину. Эти кольца предлагали в дар избранникам. И те могли либо отвергнуть, либо принять дар. В случае же отказа кольцо рассыпалось в пыль... как и его владелец, упустивший шанс на любовь.

Зария говорила тогда что-то еще о заключении союза. Мол, брак считается случившимся только с тех пор, как молодые разделят ложе. И счастье, которое они обретут, будут оберегать сами боги.

Вот только...

— Почему мне?

Мужчина вздохнул, опустил глаза и сделал шаг назад.

— У меня не было выбора. Дэйн... я не имею права не подчиняться ему. А он приказал...

— Он хотел меня проучить... — Василиса покачала головой. Ну, как же она снова могла так ошибиться в человеке? Тьфу ты...

— Нет, — Грехобор покачал головой. — Ты не причем. Он хотел проучить меня. Я осмелился перечить ему, когда остался тут на ночь. Дэйн этого не простил.

Проучить... что это за ученье такое? Ведь он бы умер... Васька подавила прилив горечи. Вот и сказке конец. Один красавец оказался жестокой сволочью, которой лишь бы командовать и

приказывать, а другой красавец преподнес кольцо... чтобы жизнь свою спасти. А как же любовь? Да, финал?то у сказочки современный — аккурат такой чтобы повеситься захотелось. Везуха, че.

Не сказав магу ни слова, Василиса развернулась и побрела на кухню, прикрыла за собой дверь, и, прислонившись к створке спиной, тихо сползла на пол.

Зария и психоанализ.

Чернушка в растерянности застыла над стряпухой. Та сидела на полу и размеренно билась затылком об дверь, монотонно приговаривая: «Дура, дура, дура». И что с ней делать? Такого Зария от Василисы не ожидала. Поскольку в характере последней было скорее побить об дверь кого?то, попавшегося под горячую руку, но только не себя.

— Что... что случилось? — пролепетала помощница, мужественно пересиливая робость.

Лиска посмотрела на нее снизу вверх и мрачно сообщила:

— Я полная дура.

— А-а-а, — чернушка замолчала, пытаясь понять, что делать или говорить дальше.

Она не привыкла вести беседы, не привыкла вообще о чем?то спрашивать. Не умела проявлять участие, потому что просто не знала — как это. И вот теперь в нерешительности стояла, понимая, что нужно что?то сказать или спросить, но, не зная, что именно, и оттого испытывая почти телесную муку.

Однако Васька облегчила своей подопечной жизнь. Протянула вперед руку, показывая надетое на безымянный палец кольцо:

— Смотри. Грехобор дал.

Помощница захлопала глазами, а потом плюхнулась на пол, рядом с собеседницей, прижав ладонь к губам, и не отрывая взгляда от украшения. А Васька, не стесняясь в выражениях, и постоянно поминая за чем?то мать Зарии, рассказывала о том, что случилось в харчевне.

— Обидно?то как, мать твою! — закончила повествование девушка и уткнулась носом в колени.

— Но... почему? — рискнула спросить Зария.

— Ну... как «почему»? Он же мне кольцо дал, понимаешь?

— Да-а-а...

— А зачем? Шкуру свою спасти хотел, так?

— Не-е-ет...

— Вот именно... что значит «нет»?

И она уставилась на собеседницу в полном недоумении.

Девушка закусила губу, подбирая слова и готовясь с трудом выталкивать их из себя:

— Он — Грехобор. Маг. Понимаешь?

Говорить оказалось не так трудно, как она опасалась. Тем более Василиса слушала с неподдельным интересом.

— И что? — спросила стряпуха.

— Маги всю жизнь одни. Их опасаются. Не любят. До них даже дотрагиваться нельзя. Им и мизинцы отсекают, чтобы не могли носить венчальные кольца. Ни одна женщина не свяжет свою жизнь с тем, кто наделен Даром. Уж лучше любой выпивоха, пусть бьет и гуляет, но будет человеком, а не... Маги богопротивны. Они — зло. Ты же сама знаешь.

И Зария иссякла, поняв, что едва ли не впервые в жизни произнесла такую длинную и сложную речь.

— Нет! Не знаю... — Васька помотала головой. — Что?то вообще ерунда какая?то получается. То есть по всем законам и обычаям я должна была отказаться?! А почему дотрагиваться?то до них нельзя?

— Да, должна, — кивнула помощница. — Он... существо, проклятое богами и людьми. Не бывало такого никогда, чтобы с магом кто?то согласился жизнь связать. Это... так не бывает! Поэтому твой поступок... неправильный. Даже... глупый...

Последнее слово девушка прошептала, опасаясь, что сейчас получит тяжелую затрещину за то, что стала не в меру говорлива и дерзка. Но Лиска только хмыкнула.

— Это верно. Я сама вся неправильная. И глупая. Тоже мне — новость.

После этого стряпуха снова уронила голову на колени и глухо спросила:

— А чего ж трогать?то его нельзя?

— Маги — зло, — терпеливо, словно ребенку, объяснила помощница. — Прикасаясь к ним, рискуешь потерять душу.

Василиса посмотрела на нее, как на припадочную:

— Что за глупость? Как — потерять? Я до Грехобора раз пятнадцать уже дотрагивалась и ничего, вроде еще на месте душа...

И она ощупала зачем?то грудь, после чего уставилась на собеседницу, ожидая ответа.

— Но... ты же... все?таки... — залопотала девушка.

— Что я же? — стряпуха смотрела вопросительно и конечно, от нее не скрылось то, как забегали у Зари глаза.

Чернушка, поняв, что избежать ответа не удастся, испустила тяжкий вздох и села на краешек лавки. Сегодняшний разговор был самым долгим в ее жизни, и наследница лантей не имела ни малейшего представления о том, что именно следует говорить. «Ты же сама — маг?» А если Лиса не знает о своем даре? Ведь и такое бывает... наверное. А если знает и вдруг... разгневается и решит, что тайну нужно уберечь? Возьмет, да испепелит на месте. Нет! Она не такая. Стала бы она готовить ей зелье от той отравы, которой ее потчевали? Стала бы защищать от мужа? Стала бы тащить бесчувственную до таверны?

Поэтому девушка собралась с духом и, как в омут с головой прыгнула, спросила:

— Ты когда?нибудь... — Зария помолчала, судорожно подбирая слова. — Проливала кровь?

Василиса смотрела оторопело.

— Ну да. А как же? Пальцы ножом столько раз резала, что крови этой литра два насобирать можно было бы, — растерянно ответила стряпуха. — Нос однажды расквасила. А еще, как сейчас помню, случай был...

— Нет! — перебила поток ее красноречия собеседница. — Не себе. Другому кому. Убивала ты хоть раз?

— Чего-о-о?! — глаза кухарки полезли на лоб, все выше и выше, и выше. — Да я даже рыбу живую никогда не разделявала, хотя чего там — тюкни ей между глаз и все. Но я не могу. Она ж шевелится... не. Надо мной вечно все по этому поводу смеялись, — девушка поморщилась.

— Никогда? Никого? Вообще? — с каждым вопросом Зария чуть повышала голос и распахивала глаза, едва видные из-под челки.

— Ну... как «никого»... комаров, пауков, мух там разных, — совсем уж потеряно проговорила Лиска, а потом чуть воспаряла духом: — И еще шершня! Знаешь, залетел ко мне такой однажды размером с хомяка, так я его...

— Так не бывает... — перебила ее Зария и потерла лоб. — Все хоть раз кого?то убивали. Курицу там, кролика, поросенка... откуда ты такая?

— Издалека. И уж точно тут очутилась не по своей воле, — Васька поднялась с пола.

Поняв, что нечаянно влезла туда, куда ее не звали и пускать не хотели, чернушка приуныла. Ей ужасно не хотелось продолжать разговор, но выбора не оставалось.

— Понимаешь, у нас каждый хоть раз проливал кровь невинного. Скотина, домашняя, кошки-собаки, которых топят, мыши. А маги — они как будто усиливают все то зло, что ты успел сотворить. Я не очень в этом понимаю... — девушка развела руками, глядя на внимательно слушающую ее Василису.

— Поэтому их не касаются?

— Да. Но с тобой все как?то не так. Ты неправильная, — помощница улыбнулась, показывая, что это похвала, а не осуждение. — Ты мужчин не боишься, споришь, на меня не замахиваешься... чему тут удивляться, если даже дэйн к тебе тянется?

— Ага, словно кот к когтеточке, — хмыкнула Василиса.

— К тому же это кольцо — лишь залог того, что может случиться, — не слыша ее, продолжила объяснять Зария. — Это как... как обещание. Да, его нельзя взять обратно... но... многие пары всю жизнь носят кольцо на веревочке, на шее. Решение принимать тебе. Если ты не хочешь, то... он не может тебя заставить.

— Как это?

Зария отчаянно покраснела. Откашлялась. Покраснела еще гуще, стыдливо потупила взор и забормотала:

— Ну... мой муж меня не трогал... не только потому, что боялся. Он глупый, его бы ничего не остановило, вот только Боги защищают женщин. Взятый кольцо мужчина не может принудить... никогда. Без согласия у них просто не... ну... не... — чернушка шумно выдохнула. — Во-о-от и... так. А бывает, что мужчина любит... ну... мужчину... а это неправильно... и... он договаривается с девушкой... и...

Окончательно смутившись от столь страшных откровений, чернушка шумно выдохнула, вскочила с лавки, подхватила с пола пустое ведро и похромала на улицу за водой. Васька смотрела ей вслед, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

— Ишь ты... — выдавила, наконец, она. — И сюда просочились...

От этой мысли стало невыразимо смешно и кухарка, хихикая, взялась за работу. Главное она уяснила — кольцо, которое она приняла, это всего лишь помолвка, которая будет о-о-очень долгой. Потому что ничто не заставит Василису залезть в постель к мужчине, которому она не нужна.

Грехобор и Глен. Перехлестье.

Маг смотрел вслед ушедшей девушке, пряча тоску. В какой-то миг он даже разозлился на нее за вмешательство. Ну, зачем? Зачем она приняла кольцо? Ведь понимает, что от ее жалости ему только хуже стало! Будет отныне, как собака, покой ее охранять, и всякий раз скулить от обиды, когда она пройдет мимо, не обращая внимания. А по-другому не получится. Он маг... У него, кроме рубахи, ничего своего нет. Хорош жених. Груз чужих грехов и искалеченная душа.

— Ты это... а ну, подь сюда.

Кому это? Ему что ли? Грехобор очнулся от горьких мыслей и увидел, что стол, возле которого он едва не сцепился с дэйном, взяла в кольцо толпа посетителей во главе с корчмарем. Вздыхнув, маг вскинул руки, медленно поворачиваясь, давая возможность каждому увидеть, что он пришел с миром. Однако, несмотря на это, страх и брезгливое презрение явно проступали в обращенных на него взглядах. Люди ждали, когда он уйдет. Но он не двигался.

— Какого лешего ты тут объявился, а? — не выдержав, наконец, разразился Багой. — Чего ты к нашим девкам полез? Сам бездольный и их испоганить решил?

— Прижиться что ли вздумал?!

Грехобор обвел толпу быстрым взглядом и сразу увидел говорящего — плотного бородатого мужика.

— Шел бы ты подобру, — мрачно посоветовал тот.

— Да! — поддержал его другой — молодой невысокий парень в серой куртке. — Нечего таким, как ты, тут оставаться.

Маг снова не проронил ни слова, лишь настороженно смотрел на недобро гудящих завсегдатаев таверны.

Его гнали. Это было привычно. Это было *правильно*. И знакомая горечь подступила к горлу. Горечь и злоба. Багой вскинул руку, останавливая общий гомон.

— Ты Ваську, конечно, защитил. Согласен. Но, ежели б тебя сюда каким поганым ветром не

принесло, дэйн бы на девку сроду не окрысился и к видии бы ее не поволок, — корчмарь потрясал кулаком в такт словам. — Поэтому... шел бы ты отсюда. Выгнать я тебя не могу. Поэтому просто советую. И так уже дерьма наворотил, вовек не отмыться.

— Нет.

Гнев на лицах, окружавших его людей начал перерождаться в злобу, которая становилась тем сильнее, чем острее посетители харчевни понимали свою беспомощность. Корчмарь устало вздохнул. И за миг до того, как он сделал шаг вперед и протянул руку, Грехобор осознал, что Багой *сознательно* собирается погубить душу, чтобы выволочь его из таверны. Защитить Василису.

Маг прынул в сторону, увертываясь от прикосновения:

— Хватит! — впервые в его голосе, столь спокойном, зазвучал гнев. Он и не помнил, когда последний раз давал ему волю. — Не нужно.

— Нужно, — угрюмо ответил корчмарь. — Пока ты новых бед не наделал. Я свое уже пожил и от души у меня не много осталось, а девку портить не дам.

Еще несколько посетителей с отчаянной решимостью последовали примеру корчмаря и двинулись на мага.

— Я ее защищать буду! — почти прорычал Грехобор, снова уклоняясь от тянувшихся к нему рук.

— А кто ее от тебя защитит? Защитник... — мужики обступили его со всех сторон. — Ты, вон, защитил уже раз. Теперь к видии потащат ее.

Толпа обличителей обступала чужака все плотнее, они, словно растеряли извечный страх, подходили все ближе, гомонили и настроены были очень-очень решительно.

Магу не хотелось пускать в ход дар, но другого выхода он более не видел.

— ОСТАНОВИТЕСЬ.

По старому шраму, рассекавшему висок, скулу и прячущемуся под ворот рубахи, медленно поползла вниз тяжелая капля крови. Сложенные в замок руки удерживали мощь волшбы, хотя гнев и ярость, разгоравшиеся в глубине души, требовали от Грехобора выпустить магию. Как легко и упоительно — вдруг дать волю распирающей тебя силе. Он помнил. Ведь однажды он уже это делал. Давно-давно, когда увидел, что сотворил его брат, и впал в бешенство. Тогда зло, постоянно живущее в нем, вырвалось наружу, уничтожая на своем пути все живое и... неживое. Тогда эту яростную силу смогла остановить только *она*, но сейчас... сейчас его некому останавливать. Кроме него самого...

— Ей нужна моя защита. От дэйна. От видии. Я не обижу ее.

Багой, сжав кулаки, сверлил перехожего странника свирепым взглядом. Смотрел прямо в глаза, пристально, не отрываясь.

— Жизнью клянись, пес заблудший, — прошипел харчевник.

— Клянусь. Моя жизнь и так теперь принадлежит ей.

Выждав еще несколько долгих мгновений, маг медленно ослабил замок. Никто на него не

бросался. Никто не пытался ударить. Не хватался за нож. Ну, разве только смотрели с неприязнью. *Неприязнью*. Не ненавистью. Удивительно.

Хозяин «Кабаньего Пятака» что-то тихо сказал сгрудившимся вокруг посетителям. Мужики погудели, переминаясь с ноги на ногу, но больше не пытались дотронуться до мага.

— Обидишь ее... шкуру спущу, — корчмарь зло выдохнул и направился обратно к своей стойке.

Постепенно и остальные защитники диковинной стряпухи разошлись по местам, где до этой поры неспешно трапезничали. И вот спустя несколько мгновений в харчевне снова царил уютный гул голосов да постукивание ложек. Хотя Грехобор все же нет-нет, а чувствовал угрюмые взгляды, которые бросали на него посетители.

Это озадачивало мага. Он вновь и вновь прокручивал в голове происшедшее, и не мог понять причину случившегося. Люди выступили против мага? Угрожали ему? Путались выгнать? Бред. Его всегда боялись. Всегда ненавидели. Никогда не смотрели в глаза, а тут, в этой таверне... он стал для людей кем-то вроде лишайной дворняги, которую не страшно прогнать, но при этом все-таки зазорно лишней раз ударить. Он *не понимал*.

Задумчиво поднявшись по лестнице и зайдя в покой, который от щедрот своих (и Баговых) пожаловала ему Василиса, маг опустил на широкий, устланный войлоком сундук и уставился в раскрытое окно.

— Почему? — спросил он, глядя, на высоко стоящие солнца.

Полдень.

Он жив.

И словно попал в другой мир.

— Почему? Ты должен объяснить, — повторил мужчина свой вопрос.

Тишина. Грехобор выдохнул, резко повернулся, и уставился на дверь.

— Говори уже, колдун. От меня спрятаться сложно.

Глен криво усмехнулся. Однако. Он много слышал о Грехоборе и его силе, но никогда не верил в правдивость этих рассказов. И — на тебе. Какая же мощь таится в этом теле?

— А ты меня услышишь?

— Почему нет? — Грехобор усмехнулся. — Если думаешь, будто жалкий отвод глаз может скрыть тебя от мага, то я разочарую — не может. И так?

Колдун проглотил многочисленные вопросы, которые рвались с языка и распирали голову и которые он так хотел задать. Вместо этого он произнес всего одно слово:

— Еда.

— Еда?

— Ага. Я не знаю, почему, но, когда посетители едят то, что она состряпала, они становятся... добрее. Да сам вспомни, даже дэйн повадился сюда шастать. Что ни день — сидит, жует. Хотя

прежде аппетитом не отличался. И любовью посидеть в тавернах тоже.

— Что ж... — Грехобор ничем не выказал удивления. Хотя удивляться было чему. Ведь он не чувствовал магии в Василисе. Не было в этой решительной забавной девушке силы. И еще кое-что... — Она не отсюда.

— Да, — кивнул от двери колдун.

— Откуда? Знаешь?

— Нет, — Глен, наконец, перестал топтаться у порога, и шагнул вперед. — Знаю только, что ее призвала магесса — отдать дар.

— Старая Шильда, — кивнул Грехобор. — Жаль ее.

— Откуда ты...

— Я так понимаю, дар она не передала?

— Нет. Но откуда же...

— Ты весь пронизан ее магией, — собеседник откинулся к стене. — Только вот одного не пойму — как ты смог стать ее приемником?

— Василису оттолкнул, — хмуро ответил Глен.

Ему не нравилось, что маг, выглядевший до этого таким беспомощным и даже жалким, вдруг оказался очень пронизательным и умным. Более того, он словно сбросил личину неудачника и разговаривал с колдуном свысока. Это было неприятно.

— Сложно справиться? — вдруг спросил Грехобор. — Приступы ярости, злости, желание уничтожить всех?

— С чего ты взял? Я полностью контролирую...

— Нет. Совершенно не контролируешь. Хотя... что-то тебя сдерживает, вот только явно не ты сам, — разрешенный маг склонил голову набок, будто пытаясь понять, что именно скрывает колдун. — Но это меня не касается. А вот что действительно интересно, так это зачем ты здесь? Чего ты от меня хочешь?

Терпение Глена иссякло.

— Не касается? Еще как касается, маг. Потому что справляться с Проклятым даром мне помогает твоя невеста. Ее душа, как незыблемая глыба, об которую магия, злость, ярость разбиваются вдребезги. Она такая смешливая, беззаботная, веселая, ранимая... Но внутри... внутри она другая.

— Что значит «другая»? — мигом насторожился собеседник.

— А какая разница? Тебя же это не касается, — передразнил колдун, а потом перевел дыхание, собираясь с мыслями, и снова ринулся в атаку: — Ведь ты никто! Ты...

— Довольно. Говори по делу, — Грехобор не повысил голоса, но Глен осекся. По коже пробежал холодок.

— По делу?

— Да, — мужчина устало прикрыл глаза, и на какое-то время в комнатухе воцарилась тишина.

Глен не знал, как начать разговор, а маг выдерживал паузу. Наконец, посчитав молчание достаточным, он произнес:

— Вот что, колдун. Ваша братия таких, как я, не жалует. Вы принимаете за равных разве что малышей и подростков, еще не потерявших имя, поэтому сам факт твоего обращения ко мне настораживает. Ты чего-то хочешь. Говори, чего.

— Узнать, как... — выдавил из себя Глен и уже хотел было продолжить, объяснить сидящему напротив, то, что знал сам, хотел достучаться до его равнодушного давно мертвого сердца, но темный туман, мгновенно окутавший собеседника, заставил колдуна проглотить почти сорвавшиеся с губ слова. Впрочем, маг и без этих слов прекрасно все понял.

— Этот вопрос не поднимается, — ровным голосом сказал Грехобор, поднимаясь на ноги. — Пошел вон.

— Вот как, значит? Таких, как ты и подобных тебе собираются истребить под корень, уничтожить без следа, а ты не желаешь помочь? Равнодушно гонишь меня прочь? — разозлился собеседник.

Грехобор спокойно ответил:

— А теперь подумай, Глен, и подумай обстоятельно. Колдуны ненавидят магов. Ведь так? Ненавидят по очень понятной причине — не было бы нас, вы остались бы людьми. А мы... мы даже не знаем, каково это — быть людьми. Но вы знаете, и от того потеря еще горше. Нас ждет Клетка Магов, а потом мы живем, пусть это и сложно назвать жизнью. А вы с момента получения дара обречены на смерть. Более того...

— Маги помогают дэйнам истреблять колдунов, — с ненавистью выдохнул Глен.

— Да. А теперь объясни мне, колдун, почему бы я вдруг должен тебе подыгрывать? Даже если все маги перемрут, ни один человек не станет по нам горевать. А уж вы-то и подавно. И чего же ты так всполошился, а? С чего вдруг воспылал любовью к таким, как я?

— Потому что правила изменились, — Глен смотрел на Грехобора, а в груди разливалась горечь напополам с отчаяньем.

Этот маг такой же пустой внутри, как и остальные. Дети еще могут быть спасены, эти же... они и впрямь не люди. Нет в них ничего человеческого. Лишь обличье. Однако колдун попытался в последний раз достучаться до собеседника и потому сказал:

— Поразмысли, если еще есть чем. Магов истребят, а следом за вами наступит наш черед...

Грехобор пожал плечами, давая понять, что все это ему ясно, и уточнил:

— Вот только какая разница именно тебе? — он внимательно осмотрел колдуна. — Ты-то ведь уже мертв.

Перепутье. Маркус.

— Что?то вы зачастили меня навещать, небожители, — усмехнулся Жнец, глядя на приближающегося Маркуса.

— Я не первый?

— Ты всегда был немного позади, — мужчина снова усмехнулся. — Что вполне объяснимо для полубога.

— А ты все подмечаешь, — задумчиво промолвил собеседник.

— Чего ты хочешь?

— Сам знаешь. Ты все знаешь.

— И какая мне от этого польза? Я лишь страж Перехлестья. И мне неинтересны чужие игры.

— Согласен. Но я знаю, что тебя увлечет, — небожитель протянул Жнецу тонкий свиток.

— И знаю, что смогу дать то, чего ты хочешь.

— Все вы думаете, будто вам ведомо, чего я хочу, — мужчина вздохнул, принимая свиток. Развернул его, изучил содержимое, а потом коротко бросил:

— Уходи, божок. Тебе тут не место.

Перехлестье. Дэйн и призраки прошлого.

Выйдя из харчевни на свежий воздух, дэйн задумался. Как ни хотелось ему быстрого и скорого суда над магом и вздорной стряпухой, он не мог не понимать, что во всем случившемся виноват был... сам. Ну, кто его тянул за язык? А самое главное — зачем? Ведь в душе?то он вовсе не жаждал смерти Грехобора. Да и с Василисой — нареченной его — тоже ничего делать не собирался. Какие?то диковинные и уж слишком противоречивые желания им овладели... Стоп. Дэйн выпрямился, заново вспоминая случившееся в харчевне. А с чего они, собственно, вообще возникли, эти желания? С чего...

— А-а-а, здрав буде, сокол ясный, — скрипучий, полный добродушия и искренней радости голос отвлек мужчину от размышлений. — Чегой?то ты такой озадаченный, а, дэйн? Все никак ту кикимору лесную не сыщешь? Шаришь, шукаешь, ан нет ее? Таится поганка коварная?

— Здравствуй, дед Сукрам, — дэйн поприветствовал старика легким кивком и искренне ответил. — Не до поганки было.

Сидевший на облучке скрипучей телеги старичок осуждающе покачал головой:

— Это ты зря. Старая Шильда, стервоза редкостная, таких каверз натворить может, разгребать замаешься. Вот, как сейчас помню, лет эдак сорок назад...

— Старая Шильда? — перебил собеседник, но, заметив, как старик сердито нахохлился, осекся.

— Она, — важно ответил дед, обрадованный такому почтению. — Я ее силушку лютую в нашем лесу еще лет восемь назад почуял. Пришла помирать. Думал, так и сгинет, а вот поди ж ты — уперлась кочерыжка старая, решила сама выбрать преемницу — вот и терпела лютые муки восемь лет кряду. Вот же народ эти бабы, да? На что угодно пойдут, лишь бы насолить!

— Много ты знаешь, дед, — усмехнулся дэйн и, придерживав фадира, забросил себя в седло. — Откуда вот только?

— Дак... — старик тронул поводья, и старая кобылка, уныло покачивая головой, побрела вперед. Дэйн, придерживал своего скакуна, вынуждая гордое животное шагать в ногу с тощей клячей. — Народ?то нонче болтливый. Отчего ж не поделиться со стариком-торговцем сплетнями да слухами? Себе развлечение, ему забава. Мне такое ведается, чего тебе и не снилось.

— Это что же, например? — усмехнулся собеседник.

— Что, что... А вот хотя бы... — Сукрам замолчал, глядя вперед.

Привыкший к этим его старческим причудам, дэйн просто ехал рядом и безмолвствовал. Путники двигались прочь из города, петляя по извилистым улочкам, и, казалось, дед уже и вовсе утратил нить беседы и позабыл, о чем, собственно, велась речь. Однако когда городские ворота остались за спиной, старичок рассеянно направляя свою кобылку в лес, вдруг снова оживился и продолжил, как ни в чем не бывало:

— Хотя бы, что Морака зачем?то явилась в Аринтму, надев личину человека.

— Морака? Ты уверен?

— Да, — закивал дед и почесал жидкую бороденку. — Пришла проклятая, кровушку нашу пить да козни плести.

Палач магов задумался. Что ж. Если сплетни Сукрама верны, то это многое объясняет — и странное для дэйна поведение, и то, что вдруг все нити власти разом выскользнули у него из рук, рассыпались, перепутались и превратились в безобразную мешанину. Морака, старшая сестра богини любви, терпеть не могла, когда жизнь текла упорядоченно и гладко. Эта коварная и жестокая богиня постоянно устраивала всевозможные происки и каверзы, направленные на всех подряд. Она никому не благоволила, а потому никто из живущих не чтил ее. Какой смысл поклоняться той, от которой не дождешься ни милости, ни помощи, ни снисхождения?

Морака. Надо сказать Шахналу.

— Как там девка?то? — вдруг спросил Сукрам. — Прижилась, аль нет?

— Прижилась, — дэйн прикрыл глаза, пытаясь уловить силу мага. — Стряпухой хлопочет у Багоя, жениха нашла.

Старик с удивлением посмотрел на собеседника.

С каждым шагом, отдалявшим его от города, Палач магов все больше и больше походил на себя обыкновенного, того, с кем дед виделся очень часто. Старому торговцу нравился дэйн. Спокойный, гордый, мрачноватый, он не был лишен столь редкого среди других дэйнов чувства справедливости. И тем отличался от своих братьев по служению, хоть и не показывал этого. Его чувства и переживания были скрыты и загнаны глубоко внутрь сердца. С виду дэйн был такой же бездушный, как и все остальные. Вот только... дед улыбнулся своим мыслям, пряча усмешку в бороду. Занятный он.

— Жених? Жених — это хорошо.

— Он маг, — коротко сказал мужчина, которого сейчас это обстоятельство уже не вводило в прежнюю ярость. — Не просто маг. Грехобор.

Дед присвистнул и пригладил плешивую голову.

— Ишь ты! Неужто сам Грехобор вылез из своей скорлупы? Как он только смог кольцо?то девке предложить? Он же и говорить, поди, разучился.

— Да нет, — усмехнулся дэйн. — Когда хочет, вполне себе понятно изъясняется. Хотя, что невеста согласится, он, конечно, не ждал. Да и никто не ожидал.

Он даже начал было пересказывать попутчику то, что приключилось в харчевне, как едва уловимые нотки чужой силы заставили его резко остановиться.

— Бывай, Сукрам, — коротко попрощался палач магов и пустил жеребца в лесную чащу.

— И тебе не хворать, — старичок покачал головой, глядя вслед мужчине. — Эх... такую историю не рассказал...

Хижина Шильды отыскалась почти сразу. Видимо, после смерти хозяйки скрывающее заклятье рассеялось без следа. И теперь дэйн качал головой, с усмешкой глядя на полянку, мимо которого проезжал не один раз. Вот ведь нутром чуял, что магесса где?то рядом, а найти не мог. В трех соснах блуждал, чуть, вон, колею не натоптал. Тьфу. Сильна... сильная была старая, раз даже дэйна вокруг пальца обвела. Трудно представить, что натворит колдун, перенявший ее дар...

Спешившись, мужчина направился к покосившейся землянке. Низенькая дверь просела и разбухла, а уж открылась с таким противным скрипом, что, казалось, во всем лесу птицы должны были испуганно смолкнуть.

Палач магов осторожно зашел в темную хижину, стараясь ни к чему не прикасаться — мало ли что могла задумать ее обитательница перед смертью. Сейчас важно было не тряпье перебирать, а отыскать хотя бы призрачный намек на то, кем стала преемница коварной старухи.

Встав посреди убогого домишки, дэйн повернулся лицом ко входу и закрыл глаза. Дар, до сей поры мирно спящий внутри него, начал медленно пробуждаться, волнами расходиться в стороны, подниматься вверх, заставляя сердце колотиться у самого горла, а кровь мчаться по жилам, горяча и будоража. Миг другой и высокую мужскую фигуру окутало серебристое сияние.

Дэйн развел в стороны руки, с поднятыми вверх ладонями. Воздух вокруг задрожал, словно раскаленное марево исходило от напряженного тела.

Невероятное усилие воли и разума отзывалось тягучей болью во всем теле. Страдание накатывало волнами, становясь тем сильнее, чем больше просыпался дар, и вот, уже не ощущая ничего, кроме абсолютной, охватившей его пытки, дэйн выдохнул:

— Покажи.

И видения произошедшего, словно прорвавшийся сквозь заслон поток, хлынули в рассудок, уничтожая жар души, убивая остатки чувств. Проклятый дар... никто не знал, чем дэйны платят за него. Никто не видел боли, в которой они захлебывались. Орудия богов, не ведающие

жалости палачи, как никто другой знали цену страданиям и терпению, знали настоящую муку, ведь она овладевала ими всякий раз, когда рядом оказывался маг.

Тоненькая фигурка застыла в дверном проеме, наблюдая за тем, как дэйн творит волшебство. Девушка еще с тропинки почуяла его присутствие и не смогла пройти мимо. Почему? Потому.

Вот и результат: она стоит на пороге холодной землянки и чувствует всю ту боль, которую сейчас испытывает этот высокий широкоплечий мужчина, кажущийся таким сильным... Ныне его прерывистое дыхание было тяжелым и прерывистым. О, так легко предсказать то, что будет дальше.

Не раз и не два наблюдала она за тем, как дэйны растрачивают себя в поисках ответов. Не раз и не два выхаживала их, замученных, обессиленных, опустошенных. И всякий раз возвращала им хотя бы крохотную видимость человечности. Только ей это было разрешено, несмотря на то, что боги дали девушке совсем другую работу...

Вот мужчина покачнулся, и она бросилась к нему, подхватывая неожиданно сильными руками обмякшее тело. Зашептала заклинание очищения, освобождая душу от скверны, и аккуратно опустила Палача магов на пол, мимолетным прикосновением отвела со лба прядь потных волос. Рука замерла на мгновение, когда девушка разглядела в потемках лицо дэйна... а потом незнакомка продолжила свое дело.

Легкие пальцы порхали надо лбом, пробегали по шее, плечам и груди лежащего без памяти мужчины. Тягучая тьма, похожая на потоки вязкой грязи, просачивалась сквозь человеческую кожу. Девушка черпала ее горстями, собирала на ладонях и та струилась — черная, липкая, ползла обратно к неподвижному телу. Но нет, ладони стряхивали вязкие капли и снова тянули из дэйна зло, впитавшееся в душу.

Мучительный труд, который странница взвалила на себя, длился несколько дней. Дэйн, скованный не то сном, не то беспомощностью неподвижно лежал на жестких досках старого топчана. Девушка сидела над ним, перебирая пальцами воздух и что-то неразборчиво шепча. Она не знала, сколько еще продлится сон, но радовалась, что этот сон исцелял.

Раз за разом, касаясь теплой груди мужчины, она набирала полные пригоршни черноты, выходила из хижины и брела, покачиваясь под тяжестью зыбкой ноши, к дороге. Ладони пекло, словно на них лежали раскаленные угли, из-под ногтей текла кровь, но снова и снова целительница по запястьям погружала руки в жесткую укатанную колею. И бесплодная земля расступалась, принимая скверну в серые, мертвые недра дороги.

После этого девушка отступала в тень деревьев и, измождено привалившись к могучему стволу, ждала какого-нибудь путника, обоз или телегу. И лишь после того, как по дороге кто-то проходил или проезжал, тем самым закрывая скверне путь в мир живых, лекарка возвращалась в одинокую избушку.

Постепенно тягучая чернота, истекающая из тела мужчины, сделалась темно-серой, потом просто серой, затем стала похожа на зыбкий туман, а вскоре исчезла вовсе. Но лишь к концу пятого дня дэйн задышал, наконец, свободно и ровно — тяжесть, сковавшая душу, исчезла. Девушка не нашла в себе сил радоваться, привалилась к стене и сползла вниз. Тяжелая усталость брала свое. «Надо уходить, пока он не проснулся» — мелькнуло к голове перед тем, как глаза закрылись, и лекарка провалилась в сон.

* * *

Дэйн очнулся и некоторое время смотрел в черный закопченный потолок. Теперь он точно знал, что именно тут произошло, и недобрая улыбка скользнула по твердым губам. Василиса — самоуверенная стряпуха из «Кабаньего Пятака» — и не догадывалась, какую шутку сыграла с ней судьба...

Хищная усмешка сползла с лица мужчины, когда его взгляд остановился на скорчившейся у двери фигурке. Изможденное бледное лицо, израненные руки со следами незаживших порезов и ссадин, ношенное темно-синее платье, состоящее, казалось, из одних заплат. Серый плащ с черным от пыли и грязи подолом, с длинным измятым капюшоном и кожаный шнурок на шее, скрывавшийся под одеждой...

Вот спящая зашевелилась, почувствовав пристальный взгляд, и на дэйна уставились испуганные глаза цвета грозового неба.

— Ты... — выдохнул Палач магов. — Нет!

Ресницы ее опустились, и она легко провела рукой по узкому лицу...

— Что «нет»? — тихо спросила девушка.

От взгляда мужчины, полного злости и презрения, ее тело начала сотрясать мелкая дрожь неуверенности и стыда. Да, она была тощей. Болезненно, уродливо тощей. Костлявая, изможденная, с острым подбородком, выпирающими ребрами, сухими, как ветки бурелома, руками. У нее никак не получалось стать более округлой, пышущей здоровьем. Она знала, что вызывает в людях отвращение своей безобразной худобой, но отсутствие сытной пищи и полноценного сна не добавляли красоты.

Когда-то она была полнее, чем сейчас, но и тогда он называл ее жердью. И был прав. В сравнении с другими женщинами, лица которых цвели здоровым румянцем, бедра, плечи и локти были нежными, плавными, а грудь высокой и пышной, она казалась умирающей от голода. На нее оборачивались, указывали пальцами. Она постоянно ощущала свое убожество... но ничего не могла изменить. Боги не дали ей красивого тела, только эту жалкую оболочку, вызывающую сострадательную брезгливость.

— Ты не пойдешь в город. Я запрещаю, — снизошел до объяснения дэйн.

— Но меня зовут... Твой запрет не может отменить волю Богов, понимаешь, Во...

— Не произноси! — рявкнул Палач магов. — Ты не имеешь права произносить мое имя, Повитуха!

— Прости, — покорно произнесла она.

Лекарка нервно теребила завязки плаща, понимая, что из-за своей оплошности, оттого, что уснула тут, не найдя сил отправиться в путь сразу же, теперь подвергается унижению. Видеть его... смотреть на него... это почти самое худшее, что могло с ней случиться. Хуже этого только...

— Грехобор в городе, — неохотно пояснил дэйн.

Он понимал, что говорить этого не следует, но какой-то необъяснимый порыв вынудил его сказать эти слова. Отклик на них яснее всяких речей показал, насколько прав он был в своем нежелании пускать Повитуху в Аринтму. На худом изможденном лице отразились изумление,

неверие, боль, а потом... радость. Столь яркая, столь неприкрытая и ослепительная, что мужчина нахмурился.

— Где он? — дрожащим взволнованным шепотом спросила девушка. — Где именно в городе?

— Он... что ты с собой сделала? — вдруг не выдержал мужчина. — Почему ты похожа на мешок с костями? Эта худоба... она отвратительна!

— Знаю, — лекарка виновато улыбнулась. — При первой встрече ты сказал, что я безобразна, как новорожденный фадир.

— Хуже, — усмехнулся дэйн.

— Хуже, — покорно согласилась она и негромко произнесла: — Ты изменился за эти девять лет. Я...

— Довольно, — оборвал он собеседницу. — Это все в прошлом, и это следует забыть. И Грехобора в том числе. Иди мимо нашего города, Повитуха.

— Я не могу... — развела она руками.

— Не вынуждай меня... — с угрозой начал он, но девушка перебила:

— Я стану отступницей, если не буду подчиняться богам, дэйн, — напомнила она, и тут же всем телом вздрогнула от его яростного шипения:

— Мне плевать! В город ты не пойдешь!

Лекарка отпрянула, видя, сколько гнева и ненависти полыхает в пронзительных глазах, смотрящих на нее. Несчастливая повторяла себе, что после того, как он воспользовался Даром, его чувства и поведение слишком противоречивы, непоследовательны, напоминала, что с ним теперь нельзя спорить, ему нельзя перечить и уж тем более — прикасаться к нему нельзя, но...

Глупое желание успокоить, объяснить мужчине, почему ей так важно попасть в город, заставило забыть все, и дотронуться до широкого запястья:

— Послушай...

Его сила, еще не до конца уснувшая, не покинувшая тело, мгновенно отозвалась на касание. Обида, ярость, ревность, которые дэйн все еще не мог подчинить, всколыхнули и усилили дар, единственной целью которого было убийство магов.

Тело, привыкшее действовать мгновенно, пришло в движение. Палач перехватил тонкую девичью руку, дернул жертву к себе, а через миг сильные ладони легли на подбородок и затылок несчастной и резко дернули. Безжизненное тело кулем упало на грязный пол землянки...

* * *

... — Нет, не я. Тебе все снится. Ты устал, дэйн... очень устал... — ее голос лился, журчал, рассыпался эхом, становясь все тише, синие глаза не отрывались от затуманившихся глаз дэйна. — Тебе нужно отдохнуть. Спи... спи...

Отяжелевшие веки мужчины закрылись, тело обмякло, скованное волшбой.

Повитуха быстро поднялась и, стараясь не скрипнуть дверными петлями, не хлопнуть покосившейся створкой, неслышно выскользнула из землянки. Замерла, дрожа от напряжения и тяжело вдыхая сладкий лесной воздух, а потом, путаясь в подоле ношеного платья, бегом направилась в сторону города.

Он не простит ее за это. Она не только воспользовалась его Даром, чтобы увидеть, *чем* закончится их неожиданная встреча, но и сотворила запрещенное волшебство. Богам все равно, что маг тоже хочет жить. Они равнодушны ко всем стремлениям и желаниям отверженных. Закон един — маг не имеет права сопротивляться дэйну, даже если тот хочет его смерти. За эти девять лет повитуха возненавидела богов так же горячо, как некогда любила. И, что греха таить, виноват в зарождении этой ненависти был дэйн по имени Волоран.

Василиса и ревность.

— Ну уж нет! Забирай свою брюхатую и идите, куда хотите! — вопли Багоя были слышны даже на кухне, где гремели горшками Василиса и Зария.

Девушки переглянулись.

— Чего это он так орет? — с любопытством спросила стряпуха у помощницы, откидывая с вспотевшего лба влажные волосы. — Опять что ли с Грехобором поцапался? Прямо легкие выплевывает.

Прошло уже пять дней с того момента, как маг предложил Лиске кольцо. Все это время мужчина жил в харчевне, ожидая возвращения дэйна, и выслушивая нападки хозяина заведения.

А Багоя швыряло, как лодку в шторм. Сам не знал, чего хочет. С одной стороны, присутствие странника корчмаря раздражало, и он всячески демонстрировал свое недовольство, не забывая чествовать почем зря «дурную девку без мозгов» за то, что решила обмужаться с магом. С другой стороны, маг вызвал оживление в народе, и харчевня ломилась от посетителей.

Когда же прагматичная Васька напомнила Багою о том, что *пока* она лишь невеста и особо под венец не стремится, харчевник сдулся и больше уже в ее адрес не бухтел, сосредоточившись на «женихе этой полоумной».

Во-первых, хозяин таверны строго-настрого запретил магу «изголяться» в харчевне. Грехобор ничего не мог возразить, и сейчас, даже если к нему и подходили с просьбой забрать грехи, лишь разводил руками.

Во-вторых, словно не веря в постоянство своей кухарки, корчмарь решил приложить все возможные усилия, чтобы не дать этим двум перекинуться даже парой слов. Багой не подпускал к Грехобору даже Зарию и обслуживал разрешенного сам.

Стряпуху это все очень забавляло, ибо прежде, чем подойти к магу харчевник всякий раз творил какие-то охранные знаки и шел к столу, где сидел богопротивный чародей, с таким героическим лицом, словно собирался закрыть собой амбразуру вражеского ДЗОТа.

Да, все происходящее выглядело до крайности забавно, но невозможность и словом перекинуться с женихом — что ни говори, злила стряпуху. Хотя... еще сильнее задевало ее то, что жених не особо горевал о таком повороте судьбы и сам встречи с нареченной не искал. Будто рад был, что все так обернулось. Василиса в душе кипела, как горшок со щами... Да, она не красавица, но все-таки и не записной урод! К тому же кухня всего в двух шагах от

обеденного зала, что уж, так сложно зайти, спросить, как дела? Все?таки от смерти его, эгоиста, спасла.

А пока стряпуха терзалась всяческими страстями, посетители приходили и уходили — только готовить поспевай. «Кабаний Пятак» оброс даже не популярностью, а самой настоящей славой — народ валом шел поесть неведомых яств, а заодно посмотреть на мага и его невесту.

Вкушая Васькину стряпню, каждый при этом свято верил, что избавится от болезней и обретет еще немыслимое количество всяких полезностей. Шутка ли — девка приняла кольцо у мага, и теперь тот безвылазно сидел в корчме, как простой смертный, не шалапутит и вообще старался лишней раз не попадаться на глаза зевакам. Стало быть, в стряпне Багоевой кухарки таится сила невиданная, возможно самими богами дареная! Стало быть, налегай! От любой хвори помочь должно, раз уж мага на коротком поводке держит.

Число болящих, излеченных чудодейственным Лискиным харчем, мог бы смутить даже заслуженного медика, спасшего не одну жизнь. Одни говаривали, будто от ее щей перестает болеть сердце, другие трескали тушеную капусту и исцеляли суставы, а какая?то кумушка и вовсе отведала блинов, после чего счастливо понесла, на что уже и не надеялась... Ваське даже страшно становилось есть собственную стряпню — мало ли...

Да еще и Зария, слыша перечисления всевозможных чудес, постоянно краснела и смущалась. Однажды несчастная девушка влетела на кухню с такой скоростью, что Василиску обдало порывом ветра. Чернушка даже про хромоту забыла. И ей что ли стряпня помогла? Может, котлеты к ноге прикладывает тайком? Но когда избранница мага услышала от помощницы рассказ очередного «исцеленного», то сразу бросила готовку, вышла в зал и надела на голову посетителю миску со взбитыми яйцами. Правда, после этого прошел слух, что в результате у мужика, прежде лысого, как коленка, начали расти волосы...

— И думать не смей! — снова заорал из обеденного зала Багой. — Даже ни-ни!

Васька снова прислушалась:

— Неужто опять поцапались?

— Непохоже, — тихо возразила чернушка. — Он к жениху твоему все равно по-доброму... как ко мне относится. Хоть и шумит, но не со зла, а так, для остратки. Вроде и бесполезные, и ударить жалко... Что?

Девушка испуганно захлопала глазами, поймав недоумевающий и возмущенный взгляд Василисы. Та смотрела на помощницу с чувством глубокого удивления:

— Ты не бесполезная, Зария, — твердо произнесла стряпуха. — Просто тебе... уверенности не хватает. И ты постоянно думаешь, будто в чем?то виновата. Это не так.

— Я сказал — не пуцу! — продолжил выводить свое соло Багой.

Любопытство стало неодолимым. Стряпуха, бросив все дела, выскользнула в зал. Ну, надо же понять, из?за чего все эти вопли! Грехобор, против обыкновения, не мышился за столиком в углу, а хмуро стоял неподалеку от входа, скрестив на груди руки.

— Чего орет?то? — тихо спросила у него Васька.

Маг скользнул по нареченной мимолетным взглядом и снова отвернулся ко входу. Вот только...

девушка растерялась, поняв, что в глазах мужчины отразилась... обида.

— Он не пускает рожающую, — коротко ответил он.

— То есть, как?! — не поняла Васька. — Почему?

И она принялась энергично проталкиваться через посетителей, сгрудившихся в дверях.

На порогах харчевни стояла полная молодая женщина, державшаяся за живот. Глаза у нее были мутными от накатившей боли, а пальцы руки, вцепившейся в перильца, побелели от напряжения. Спутник женщины выглядел взволнованным и растерянным. По всему было видно — он не знал, что делать и в данной ситуации оказался бессилён.

— Багой, ты что? — всплеснула руками Василиса. — Пусти их немедленно! Не на улице же ей от бремени разрешаться! Она ведь рожает уже!

— Вот именно! — рывкнул корчмарь и попытался отодвинуть стряпуху прочь. — А рожают всегда с повитухами.

— И что?

— А то. Пущу ее и, глазом моргнуть не успеешь, как на пороге появится повитуха!

— Дак, а в чем дело?то? Это ж хорошо! Или ты сам ребенка принять хочешь?

— Два мага в одной харчевне! — взвыл корчмарь. — Да еще и ты! Вы меня со свету сживете!!! Мне и так кусок в горло от переживаний не лезет...

— То?то, гляжу, отошал, — окидывая округлившегося трактирщика критическим взглядом, промолвила Лиска. — Измучился, бедный, от наплыва посетителей и тройной выручки... всю ночь, поди, деньги считаешь, совсем сон потерял, шатаешься, вон, от усталости.

— Васька! — в голосе Багоя послышался нешуточный гнев.

— Пусти их, ну что ты в самом деле? — быстро сменив тактику, ласково запела Василиса. — У тебя ж от одного Грехобора посетителей вдесятеро прибыло, а уж, когда о повитухе прознают... ты ведь единственный корчмарь во всем городе, кто не боится магов!

Хозяин «Кабаньего Пятака» нахмурился, женщина на крыльце глухо застонала, ее муж побледнел, Грехобор напрягся, а Багой, наконец, подергал себя за длинный ус и махнул рукой:

— Твоя правда! Ладно, заходите! Но за комнату платите вдвойне и, чтобы деньги — вперед!

Нет, он не исправим. Закатив глаза, стряпуха направилась было на кухню, но, вспомнив о выражении глаз жениха, решила не строить из себя капризную Изольду, ждущую серенад, и подошла первой:

— Ты обиделся?

— Что? — маг обернулся.

Похоже, он опешил от этого прямолинейного вопроса, а также от того обвинительного тона, каким он был задан.

— Я видела. Ты обижен. На что?

— Ни на что, — помолчав, ответил мужчина. — Маги не имеют права на обиду.

— Значит, ты неправильный маг. Потому что ты явно обижен. Чем? — кухарка не знала, почему ей так важно получить ответ, но отступить не собиралась. Важно и все.

— Василиса... — со вздохом покачал головой Грехобор.

— Я уже... давно Василиса! — она в последний момент решила?таки с женским лукавством утаить свой возраст и продолжила: — Что ты со мной, как с маленькой? Либо на вопрос ответь, либо не строй из себя оскорбленного праведника!

Теперь маг развернулся к ней, удивленно переспросив:

— Давно? Я думал, лет восемнадцать... — его взгляд скользнул по лицу невесты, остановился на волосах. — Ты курносая и эти кудряшки... как у ребенка.

И, не удержавшись, мужчина отвел ото лба девушки мягкую прядь.

— И ямочки на щеках...

Васька замерла. Нет, она не была невинной дурочкой, все?таки двадцать четыре года... но сейчас, от этого незатейливого прикосновения у девушки даже в горле пересохло и сердце в груди замерло, а потом заколотилось быстро-быстро, как после стометровки.

Мужчина смотрел на нее с затаенной грустью, а говорил, словно сам с собой, будто забыл, что она может его слышать. И в голосе звучала щемящая нежность. Лиска поняла, что слабеет. Если он сейчас скажет что?то еще, да хотя бы прочтет ей отрывок из инструкции по пользованию скороваркой, она окончательно сомлеет. Потому что... Вот ведь дала ему природа все, чтобы дурехи, вроде нее, сами собой в ноги падали!

Грехобор, наконец, отвлекся от созерцания легких кудряшек и встретился взглядом с широко распахнутыми, полными удивления глазами невесты, вспомнил, *кто* он, и хотел было отстраниться, пробормотать извинения, но она слегка подалась вперед, и он сделал то, на что, наверное, никогда бы не решился — коснулся нежного лба.

Доверчивая. Ласковая. Такая маленькая по сравнению с ним. Красивая. Он хотел отступить, уйти, напоминал себе о том, что она и взгляда на него не бросала все эти дни, но пальцы против воли скользнули по теплой бархатистой коже от виска вниз, обвели линию подбородка, дотронулись до полных губ. Это мимолетное прикосновение сводило с ума. Оно было первым за девять лет.

Он боялся оторвать взгляд от ее блестящих глаз, смотрящих на него так, словно она ждала... взгляд мага остановился на слегка приоткрывшихся губах.

— **Заренка...** — тихо произнес он, и мучительно медленно стал склоняться к ее лицу...

— **ВАСИЛИСА!** — грозный окрик Багоя заставил девушку вздрогнуть, и зашипеть от досады.

Вот ведь таракан усатый! Да чтобы она еще раз ему обед приготовила?! На сухарях сидеть будет! На хлебе и воде! Нет, просто на воде! Лиска готова была зашипеть еще яростнее, видя, как Грехобор поспешно отступает от нее, словно от заразной, и отводит взгляд. А уже через

миг... через миг все сладкие мечты Васьки пошли прахом, потому что в глазах ее жениха, устремленных куда-то поверх невестиной головы, отразились последовательно: неверие, удивление, а потом... радость. Он шагнул к двери и неровным голосом произнес:

— Милиана.

И, словно в подводном балете, Васька медленно повернулась и увидела на пороге харчевни свой приговор. Расстрел через повешение. И никакой амнистии. Потому что в дверях стояла такая стройная, такая красивая девушка, с такими длинными толстыми косами, что захотелось взвыть и убиться об стену. А еще эта волшебная незнакомка, эта фея, эта модель, этот нежный цветок, эта... *мымра* так же жадно смотрела на *Василисного* Грехобора и улыбалась. А по безупречному фарфоровому лицу катились бусинки слез. Твою ж мать...

— Это кто? — еле слышно спросила Лиска, не надеясь, впрочем, на ответ.

Судя по взглядам, которые бросала на Грехобора вновь прибывшая, она являлась либо давнишней любовью, либо нынешней, то есть как бы то ни было — костью в Васькином горле. Третий лишний! Точнее третья. Вот эта самая фея!

Воспоминание о неслучившемся поцелуе потускнело, а затем и вовсе отступило, оставляя в душе пустоту. И чего это она?

— Мы росли вместе.

Надо же, услышал. Мало того, ответил! Только непонятно — похвалился или пожаловался. Пока стряпуха раздумывала, маг торопливо двинулся к двери, утратив интерес ко всему прочему — к стонущей женщине, ее перепуганному мужу, гудящим посетителям. Он остановился в полушаге от Милианы и смотрел на нее, впитывая каждую черточку некогда дорогого лица. А ведь думал, да что там — был уверен, — будто забыл ее, но...

— Мили... ты все такая же, — улыбнулся маг. — Девять лет прошло, но ты точно такая же...

— А ты постарел, — Повитуха протянула руку к щеке мужчины, однако в последний миг замерла, так и не дотронувшись.

В глазах отразилась борьба, а на лице замешательство, но магесса проиграла битву с собственной совестью и опустила руку.

— Я рада, что с тобой все в порядке, Грехобор.

Васька, которая уже собралась возвратиться обратно на кухню, подальше от творящегося на ее глазах романтического воссоединения, остановилась. Она не видела лица мага, но это ей и не требовалось. Его еще секунду назад гордо расправленные плечи ссутулились, словно на них лег невидимый, но тяжкий груз, а по харчевне будто пронесся ледяной сквозняк.

Стряпуха замерла, раздираемая противоречивыми желаниями. С одной стороны, хотелось уйти с гордо поднятой головой и не мешать этим двоим (которые так замечательно смотрелись рядом и так друг другу подходили) выяснять отношения. С другой стороны, голос совести кричал, даже вопил, что *ее* мага сейчас ну ни в коем случае нельзя бросать на растерзание этой... этой... в общем, этой звезде, рядом с которой сама Васька казалась в лучшем случае бледно подмигивающим болотным огоньком.

«Иди к нему. Посмотри на его лицо. Иди! Да что ж ты дура какая!»

«Сама дура», — ответила Василиса своей упрямой внутренней собеседнице и сердито выдохнула. Вот с детства ей всех убогих жалко — то кошку трехногую домой притащит всю в лишаях, то собаку блохастую с бельмом на глазу... теперь вот, смотри?ка, выросла. Людей ущербных собирает. Начала с Зарии, потом вот на этого, Господи прости, жениха переключилась. Ой, дура-а-а...

И осознавая собственную глупость, как и то, что об этой глупости она в ближайшем будущем обязательно пожалеет, кухарка направилась к Грехобору, ловко лавируя между посетителями. Зеваки не торопились расходиться, с любопытством посматривали на двух магов и перешептывались. Тьфу, сплетники проклятые.

Мимолетный взгляд на лицо жениха подтвердил, что Василиса поступила верно — выглядел он так же, как тогда, когда впервые переступил порог Багоевой харчевни: растерянный, обескураженный. Вот ведь вертихвостка ослепительная — чего пришла, все испортила? Васька встала рядом с Грехобором, решительно взяла его ладонь в свою (сильные пальцы мгновенно переплелись с пальцами невесты), после чего обратилась к сопернице:

— Ты кто?

Та открыла рот, но не нашлась, что сказать — так и застыла, глядя на их руки. Васька и сама не ожидала, что нареченный так в нее вцепится — едва суставы не захрустели. Но удивления своего девушка не показала, лишь улыбнулась в тридцать два зуба, источая во все стороны убийственное обаяние, и спросила:

— Я таки осмеливаюсь узнать ваше имя. Как звать?

Незнакомка тотчас отступила на шаг, вскидывая руки и показывая отсутствие мизинцев. — Я Повитуха. У вас роженица.

— Да. БАГОЙ, ПРОВОДИ! — проорала Василиса так, что вся харчевня вздрогнула от фундамента до крыши, а магесса и вовсе побледнела. — Милости просим.

Последнее девушка сказала сварливым голосом Бабы Яги, оставшейся без ступы и метлы.

— Понимаешь ли ты, с кем стоишь рядом? — осмелилась поинтересоваться Повитуха. — Он же маг!

— И?

— Он — Грехобор!

— И?

— Но он же проклят! Ты можешь потерять душу...

— Он мой жених, — и Васька подняла их сцепленные руки, показывая заблудшей красавице венчальное кольцо. — Имею право трогать, где хочу.

Почему?то от этих, вполне невинных слов рука мага дрогнула, а Повитуха залилась краской, отчего стала просто убийственно хороша. Интере-е-сно, они сейчас о чем подумали? Васька озадачилась. Вообще?то она имела в виду место, так сказать территорию, а не... место. Тьфу! Короче, не то, что они тут все себе решили.

Немую сцену оживил скатившийся с лестницы спутник роженицы — бледный, с вытянутым лицом и отчаянными глазами. Повитуха мгновенно взяла себя в руки, повернулась, и пошла следом за ним, оставляя позади жениха с невестой.

— Руку верни. Мне готовить надо, — буркнула неизвестно на что злящаяся Васька, безуспешно пытаясь вытащить свою ладонь из железной хватки мага.

Грехобор обернулся, глядя на нее так, словно она говорила с ним на иностранном языке.

— Василиса, ты...

И тишина. Да она, она, уже четверть века — она. Васька снова попыталась освободить свою конечность. Не отдает. Не отдает!

— Ты чудачка... — выдохнул он.

Стряпуха хлопала глазами. Вот тебе и комплимент. Она помолчала. Нахмурилась. А потом с удвоенной энергией стала высвобождать ладонь.

— То ты на меня и не смотришь, на кухне прячешься, а то вдруг во всеуслышание говоришь, что моя невеста, — мужчина не то сердился, не то недоумевал.

— Меня к тебе Багой не пускал, — Васька, наконец, вырвала руку. Свобода! — А если недоволен, что сам не подошел?

— Я не навязываюсь.

— А-а-а. Гордый. Ну, молодец.

Ужасно хотелось ему врезать.

Но маг, не подозревая, что рискует схлопотать по физии, спросил:

— Почему не пускал? Думал, я обижу?

— Нет. Боится, что замуж пойду, — призналась девушка.

Грехобор замолчал. Казалось, даже дышать перестал. Испугался?

— А ты пойдешь?

— Куда?

— Замуж. За меня.

Василиса возвела очи горе. Вот ведь — мужики! Только что с отвалившейся челюстью созерцал прелести мимо проходящей красотки и вот уже снова зовет замуж. Везде они одинаковые. Везде!

— Даже и не знаю... Я не решила еще. К тому же тебя трогать нельзя, — выкрутилась девушка, надеясь свести все к шутке, но, забыв при этом, что шутки и Грехобор — два взаимоисключающих понятия.

Сказать, что в ответ на невинную поддевку мужчина опешил — значит, ничего не сказать. Он

шагнул к невесте, замер в двух шагах, а потом...

— Трогай. Где хочешь. Тебе можно.

И вот в этот миг пришла пора краснеть Василисе. Она залилась таким качественным, таким кумачевым румянцем, что ее можно было тащить впереди наступающих войск, вместо знамени. Девушка придушенно откашлялась и, пытаясь не провалиться сквозь землю, поспешила на кухню. А пока мчалась к заветной плите и сковородкам, всячески стараясь отогнать от себя видения тех мест, которые она была бы совсем не прочь потрогать...

* * *

Роженица счастливо разрешилась от бремени, впустив в мир дочку. Гордый отец лично огласил это на всю таверну и, выложив на стол кошель с золотыми, угощал выпивкой каждого и радовался тому, что девочка родилась самой обычной, без малейшей склонности к магии.

В общем, пир в «Кабаньем Пятаке» стоял горой, а народа собралось столько, что яблоку было негде упасть. Василиса и Зария с ног сбились, кружась у плиты и печи, а Багой все не торопился закрываться. Стояла уже глубокая ночь, когда последние, изрядно поддавшие гуляки, повисая друг на друге, покинули заведение.

Определив Повитуху в соседнюю с роженицей комнату, Багой сурово обвел взглядом пустой зал, о чем-то там подумал, закатив глаза к потолку, и пошел на кухню. Зария домывала последние тарелки, Василиса оттирала от нагара жаровню. Хозяин таверны окинул трудяг благостным взором и спросил:

— Ну что, девки, устали, поди? Вот вам, отдохайте, — корчмарь ухмыльнулся и широким жестом водрузил на стол глиняную бутыль, после чего, крайне довольный своей немислимой щедростью, отбыл.

— Чего это он? — удивилась Зария.

— Выручку посчитал, — авторитетно угадала Васька, откупоривая бутыль. — Давай стаканы.

Что такое твердое «нет», Зария пока не знала, но и пить не хотела, поэтому воспользовалась отводом глаз, игнорируя слабые укоры совести. Зато Лиска с огромным удовольствием пила вишневую настойку, смакуя каждый глоток.

В таверне царил тишина. А на тружениц, наконец, навалилась усталость. Говорить не хотелось, но молчание было уютным — Зария чувствовала себя удивительно спокойно. Может быть, оттого, что рядом с Василисой все казалось простым и легким? Эту диковинную девушку словно окружал ореол добра и веселья.

— Ты хорошая, — вдруг тихо сказала чернушка. — Очень. Я не заслужила такой доброты.

Стряпуха вместо ответных слов порывисто обняла помощницу.

— Дуреха ты, — беззлобно сказала она, потрепала девушку по плечу и поднялась на ноги. — Все, спать. Еле ноги волочу.

Зария про себя улыбнулась, думая, что еле ноги волочит Василиса не только из-за усталости, но и из-за Багоева подношения. Однако в ответ промолчала.

Лиска кое-как вскарабкалась по лестнице, держась за перила. Так, где тут у нас право? Где лево? В темноте ни черта не видать! Она попыталась разглядеть татуировки, но в потемках это было попросту невозможно, поэтому Выська пошла строго по азимуту, то есть туда, куда повела интуиция.

— Тьфу, оказия. Право... лево... вот! Туда! — и девушка, ввалившись в темную комнатушку, побрела к кровати, на ходу раздеваясь. Чертово платье! Юбки, завязки, замаешься, пока распутаешь! Исподнюю рубаху уморившаяся стряпуха решила не снимать. Сил уже не было с ней возиться.

Уф... Ну вот и все.

После раскаленной кухни ночная прохлада приласкала тело, и уставшая Василиса вытянулась на кровати, счастливо застонав. Уткнулась носом во что-то теплое и погрузилась в сон. Хорошо!

Грехобор и чудо.

Он проснулся в тот же миг, когда дверь в комнату распахнулась.

Маг не имел права закрываться на засов, прятаться от людей, поэтому войти в его покой мог любой, когда пожелает. Интересно, кто это. Опять колдун? После их разговора, в конце которого Глен в ярости растворился в воздухе, Грехобор все время ждал повторного появления.

Этот малый явно не был из числа тех, кто легко прощает обиду и пренебрежение. Ведь именно высокомерие он по ошибке услышал в словах собеседника. А тот не стал объяснять, что всего-навсего говорил правду. Ему — разрешенному магу — было глубоко и искренне плевать на судьбу колдунов — ведь именно из-за таких, как Глен, люди ненавидели таких, как Грехобор.

Пока мужчина вспоминал своего призрачного собеседника, незнакомец, проникший в комнату, приблизился к ложу, чем-то шурша в темноте. Обитатель покоя подобрался, приготовился... и окаменел, уловив запах сдобы и корицы. Умопомрачительный запах, который сегодня жадно вдыхали посетители «Кабаньего Пятака». Нет, не может... теплая мягкая рука легла магу на грудь. Стряпуха прижалась к жениху, уткнувшись носом в плечо, и затихла. А он лежал, боясь даже дышать, боясь, что его неистово бьющееся под этой ладонью сердце разбудит спящую.

Женщина. Рядом с ним.

Давно забытые чувства взметнулись, будто пламя. Неужели она... нет, неправда. Ошибка. С ним такое просто не может... мужчина подавил стон, когда Василиса прижалась теснее, что-то бормоча. Кровь грохотала в ушах, но даже сквозь этот грохот маг разобрал:

— Жених называется, а сам на другую смотрит... — она обиженно сопела, но глаза были плотно закрыты.

Грехобор скрипнул зубами. Успокоиться. Надо успокоиться. Она просто бормочет во сне. Если он сейчас ее разбудит, то она развернется и уйдет. Навсегда. А ему не хотелось — больше всего на свете не хотелось! — ее терять. Уж лучше просто лежать так. Слушать ее дыхание, чувствовать ее запах. Он ощущал себя почти человеком, когда она находилась рядом.

Девушка продолжала сладко сопеть и время от времени терлась носом о его плечо, вынуждая мага замирать, кусать губы и давиться глухим беззвучным стоном. И, словно почувствовав неуловимую дрожь, волной прошедшую по телу, Василиса мягко погладила напряженную

мужскую грудь.

Это было уже чересчур. Грехобор задохнулся от переполнявших его противоречивых чувств. Хотелось прижать к себе эту желанную смешливую и самоуверенную кудряшку, хотелось жадно касаться ее, и при этом страшно становилось при одной мысли, что этим может напугать, обидеть, потерять навсегда.

Но он слишком долго был один. Слишком долго жаждал ласки, обычной человеческой ласки, пусть даже замешанной на жалости... Поэтому он не мог сейчас отказаться от предложенного тепла, даже, если это станет ошибкой.

Маг осторожно приподнялся на локте, разглядывая свою избранницу. В слабом свете луны, льющемся из окна, она казалась какой-то призрачной и оттого еще более желанной. Грехобор коснулся разметавшихся по подушке кудрей. Осторожно убрал непослушные локоны от спокойного лица. Провел кончиками пальцев по нежным скулам, шее, мягкому плечу, скользнул по запястью, коснулся кольца, которое она надела зачем-то на безымянный палец, и замер, переведя взгляд на молочное тело.

На Василисе не было ничего, кроме нижней рубашки. Весьма, хм, короткой... Слишком короткой. Особенно в глазах мужчины, девять лет не лежавшего рядом с полуодетой женщиной. Маг напомнил себе, что нужно сдерживаться, ведь она, наверняка, попала в его покой по какой-то ошибке (надо сказать этой ошибкой, настоящей на вишне, недвусмысленно и сладко пахло от ее губ), что он, по сути, пользуется ее беспомощностью, но... Боги, какая она была красивая! И в свете луны казалась мраморной...

От теплых осторожных прикосновений по телу бежали мурашки. Василиса потянулась навстречу этим нерешительным, но таким ласковым рукам и блаженно застонала от удовольствия. Маг смотрел, как девушка улыбается и изо всех сил подавлял желание рвануть проклятую сорочку, которая мешала ему добраться до Василисы. Невыносимый чувственный голод подстегивал, требуя утоления. Рано. Он так хотел насладиться ей и так боялся, что все внезапно закончится.

Но вдруг темные ресницы дрогнули, открыв подернутые дымкой желания глаза.

— Грехобор... — девушка замерла.

Замер и маг, давая ей возможность отстраниться, давая ей главное — *выбор*.

— Ты когда-нибудь меня поцелуешь?!

Большого поощрения ему не требовалось. Мужчина наклонился к пахнущим вишней губам, мягко коснулся их, напоминая себе, что не нужно торопиться, что надо держать себя в руках, что...

Василиса развеяла его благоразумие в пыль, выгнувшись, притягивая к себе, вжимаясь всем телом. Жалкие остатки самообладания пошли прахом: жених лихорадочно потянул с невесты так мешавшую ему рубаху. Девушка принялась яростно ему помогать, шипя и путаясь в рукавах. Закончилось все тем, что проклятая сорочка собралась у нее где-то над головой и надежно спеленала сластолюбницу.

Грехобору стало смешно. Девушка билась, пытаясь выпростать руки и добраться до избранника. Он не дал ей такого шанса, удержал за локти, мешая стянуть надоевшие путы, убрал от лица ткань и снова накрыл рот поцелуем.

Василиса забилась, требуя вернуть ей утраченную свободу, но мужчина не подчинился. Невеста протестующее мычала, требуя прекратить сладкую пытку и принудить захватчика к капитуляции. Но вместо этого только сильнее запутывалась. А жениха вполне устраивала ее временная беспомощность. Его руки и губы жадно изучали желанное тело, извивающееся, бьющееся на скомканных простынях. И это тело пылало, дрожало, умоляло прекратить дразнящие ласки...

— Прекрати! Отпусти меня! Немедленно!

Он чуть было не подчинился по вбитой за девять лет привычке во всем повиноваться, но в голосе Лисы, помимо звенящей ярости, было и не менее звенящее желание.

— Нет.

— Нет?

Сколько чувств она вложила в это короткое слово! И негодование, и недоумение, и протест. И сразу снова забилась, пытаясь стянуть с себя перекрученную рубашку, но сильные руки уверенно вжали девушку в матрац.

— Пусти! Ты обязан слушаться! — пыхла она, пытаясь освободиться. — Я твоя невеста, я требую...

— Не обязан, — сказал он и усмехнулся, наблюдая за тем, как она извивается.

От этой красноречивой ухмылки Василисе немедленно захотелось его пнуть и... и просто захотелось. Потому что сейчас он был... совсем не таким, каким она его знала. Не покорным, отрешенным и ущербным. А... самым обыкновенным. Тем, каким был до того, как его безнадежно изуродовало что-то, о чем девушка пока не имела представления. В его глазах были смех, желание, восхищение... На Лиску никто никогда так не смотрел, поэтому она ослабла, любуясь.

А маг, пользуясь тем, что избранница, наконец, перестала биться и брыкаться, без труда сдернул с ее плеч тесные путы и накрыл своим телом.

О-о-о-о... И Василиса уже забыла, что хотела вырваться, потому что... О-о-о-о... И ни разу не возникло ни единой мысли — покрасить или побелить? Вообще мыслей не возникло. Потому что этот мужчина, словно был частью ее самой.

И когда его губы скользили по ее груди, а руки по бедрам, девушка глухо стонала от восторга. Никто не касался ее с такой жадностью, с такой нежностью, так осторожно и так уверенно.

В какой-то миг его ласки перестали быть нежными, сильные пальцы впивались в ее тело, но дрожь удовольствия сотрясала девушку. Грехобор потерял себя, растворяясь в страсти, которую не ожидал когда-либо снова испытать. Он прижимал к себе избранницу, и сердце заходило от восторга. Она есть. Есть! И они вместе...

Когда маг открыл глаза, на улице уже занимался рассвет. Девушка спала рядом, прижавшись к нему всем телом. Мужчина ласково провел по округлому плечу и... оцепенел, глядя на свою изувеченную ладонь. На безымянном пальце правой руки тускло переливалось широкое кольцо.

Он теперь муж.

Тихо одевшись, новоявленный супруг беззвучно вышел из комнаты. Некоторое время он стоял возле закрытой двери, осмысливая произошедшее. Осмысливать не получалось, потому что перед глазами недвусмысленно мелькали воспоминания о предыдущей ночи. Хотелось даже махнуть на все рукой и вернуться обратно — в теплую постель к неслышно дышащей женщине. Но... по чести сказать, он побоялся. Что если ее поступок был продиктован жалостью? Или — того хуже — крепкой вишневой наливкой? Что если, проснувшись, она не пожелает больше ни видеть, ни слышать мужчину, с которым легкомысленно провела ночь?

Он не хотел, чтобы она неловко оправдывалась или чувствовала себя глупо. Не хотел, чтобы всю жизнь стыдилась его, словно какой-то позорной тайны. Пусть решает сама. Потому что, пока никто ничего не знает, у нее еще есть возможность сделать вид, будто ничего не произошло. Он это поймет и не осудит. А она сможет устроить свою жизнь, не нося до смерти клейма любовницы мага.

Поэтому Грехобор спустился вниз, устроился за столом в самом дальнем углу, который давно облюбовал, и уставился на свои сцепленные руки. Хоть и не хотелось тешить душу напрасными мечтами, но маг вновь и вновь проговаривал про себя такое дикое, такое чужое слово — муж.

— Йен, прости меня.

Звучание давно забытого имени резануло слух, и маг вздрогнул, поднимая глаза на Милиану.

Она села за его стол, устраиваясь напротив:

— Йен, я... я ужасно соскучилась.

Васькино туманное утро

Никогда. Больше. Не буду.

Василиса лежала с закрытыми глазами. И повторяла про себя эти четыре слова, будто буддистскую мантру. А потом еще и разразилась положенным в данном случае протяжным: «Ом-м-м-м...»

Только это уже была не мантра, а стон страдания.

Иногда она приподнимала тяжелые веки и, казалось, будто они скользят со скрипом. Да что ж за день сегодня! Издеваются что ли в небесной канцелярии? Это же надо было такое солнце включить...

Ой, голова... Ой, все остальное...

Ну, зачем, зачем пила эту гадость? Ведь знает же, что будет. Дело в том, что у Васьки, мать которой страдала пристрастием к спиртному, так вот у Васьки была суровая непереносимость алкоголя. Бокал пива или стопка водки на утро превращали девушку в медузу — желеобразное дрожащее существо, полупрозрачного типа и тошнотворной внешности.

А воспоминание о том, как она запуталась в собственной нижней рубашке, заставило незадачливую соблазнительницу и вовсе впасть от стыда в кратковременную кому.

М-да, эротический пассаж явно удался. Поддала наливочки, ошиблась комнатой, разделась, уснула поверх ничего не подозревающего мужика, потом полезла к нему в объятия, дыша «духами и туманами», а в самый решительный момент и вовсе запуталась в смехотворных

остатках одежды. Как только он вообще на нее посмотрел? О, ужас... Наверное, просто сжалился над пухлой пьяненькой дурехой.

Сжалился. И тут же в памяти всплыли подробности минувшей ночи. А так же взгляд, полный голода и восхищения. Подсознание, измученное алкоголем, услужливо напомнило, как маг на Ваську смотрел, и что последовало за этим осмотром. О-о-о... Даже похмелье отступило. Потому что ну очень хотелось снова почувствовать все заново.

Ну, ничего. Сейчас поправим здоровье, припудрим носик, подождем, пока с лица сойдет отпечаток подушки, вернем романтическую свежесть, и...

Держись, чудище окаянное! Живым не уйдешь.

Василиса скатилась с кровати, кое-как привела себя в порядок, и осторожно прокралась на лестницу.

Ой, только бы никого не встретить!

Как хорошо, что маг ушел. Если бы она с такой физией проснулась рядом с ним, есть подозрение, что вместо восхищенного взора получила бы вопль ужаса, после чего была бы незамедлительно придушена подушкой.

Тихой мышкой крадучись по скрипучей лестнице, Васька радовалась про себя тому, что посетителей в таверне еще не было, вот только...

— Мили, прекрати убиваться. Я живой, здоровый, хватит лить слезы.

Грехобор. Повитуха.

Ох, как Лиске хотелось подойти, схватить вертихвостку за косы... Но представив себя — помятую, опухшую, с торчащими во все стороны космами на фоне этой аккуратненькой, чистенькой, нежненькой дивы... Бр-р-р. Они рядом будут смотреться как стюардесса элитного авиарейса и кондуктор старого ЛиАЗа на маршруте Пупыкинск-Заволокино. Это не говоря о том, что нынче утром Лискиным видом можно доводить людей до инсульта.

Поэтому тихонечко. Мимо. Мышкой. Сейчас поправим здоровье, пригладим волосенки, затащим потуже шнуровку корсажа, чтобы отыскать талию, возьмем сковородку побольше. И вот тогда... Сначала, конечно, Грехобору настучать, чтобы не беседовал с сомнительными красотками, а потом... бой будет страшным. Пока же пусть щебечет, птычка, недолго ей осталось.

Зария, отмерявшая муку на хлеб, застыла, созерцая прошмыгнувшую в кухню стряпуху.

— Ты захворала? — спросила чернушка шепотом.

Васька мысленно застонала, понимая, что не зря предусмотрительно кралась вдоль стен.

— Чем помочь?

— Бульончику бы... — жалобно всхлипнула никудышная пропойца и смиренно сжалась на лавке между квашней и ведром. — А еще веревку и мыло. Помоюсь — и в горы...

Зария не знала этой старой, как мир, шутки, поэтому не поняла, ни причем тут горы, ни зачем перед этим мыться... Она притащила из погреба горшок со вчерашними щами и быстро

разогрела несчастной столь необходимое «лекарство».

Через полчаса, сытая, порозовевшая и подобревшая Василиса возвратилась к жизни. Хорошо?то как! И отпечаток подушки рассосался, и глаза проморгались.

— Спасибо, Зария. — с чувством сказала кухарка, но в этот миг в голове у нее что?то щелкнуло, и девушка спросила: — А что такое Заренка?

— Звездочка, — помощница улыбнулась, стряхивая с рук муку. — Кто тебя так ласково?

— Грехобор, — Василиска вздохнула.

Искать сковородку расхотелось. Мало того, сытый организм впал в непередаваемо лирическое состояние.

— Зария-я-я, — тихо позвала Лиска. — А я теперь жена.

Что?то яростно громыхнуло. Вскинувшись, стряпуха увидела опешившую чернушку, которая держала пустую руку в воздухе.

— Ты крышку уронила, — улыбнулась кухарка. — И не дышишь.

— Я... ты... ой, — Зария подняла крышку, положила ее на стол, села, встала... — Ой. А это очень больно?

— Что?

— Ну... женой стать. Мне говорили, что очень.

— А? — Васька опешила. — А почему ею становится должно быть больно?

— Так... он и ты... вы же... — помощница сделалась бардовой, будто томат. — Да?

— Ну, дык, — ничего не понимая, кивнула Василиса.

— И не больно? Не страшно?

— Чего бояться?то?!

— Долга, — еле слышно сказала Зария.

— Какого долга?

— Супружеского.

Васька прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ах, вон оно что!..

— Зария, мне уже лет семь не страшно, — хромоножка открыла от удивления рот, оглядывая Василису, словно та только что призналась в том, что содержит гарем из мужиков.

— Как?

— Вот так, — девушка пожала плечами и направилась к печи. — Неприятно немного было, но чтобы прям жутко больно — нет.

Зария промолчала, накрыла кадку с тестом чистым полотенцем и вдруг хмыкнула. А потом негромко рассмеялась. Василиса, удивленная таким ярким и нехарактерным для ее помощницы проявлением эмоций, подозрительно посмотрела на помощницу:

— Ты чего?

— Багой теперь не только сон потеряет, но и дар речи... — Зария прыснула, зажав ладонью рот.

Следом рассмеялась и Василиса.

Еще через полчаса стряпуха шмыгала между столиками, стараясь не смотреть в угол, где все еще сидели Грехобор и Милиана. Нет, ну вот что на них смотреть? Бежать, бряцая металлом, и орать: «Руки прочь от моего мужика, курица общипанная!»? Как?то несолидно. Эта малохольная ведь рассыплется сразу.

Нет, можно, конечно, подойти и поинтересоваться — не засиделась ли Повитуха на одном месте? Бабы, поди, рожать хотят, спасу нет, так не пора ли...? Но всякий раз, когда ревнивица пыталась подойти к столику, за которым разговаривали маги, Багой свирепо окликал ее и требовал какой?нибудь помощи. Причем срочно. То ему стаканы принеси чистые, то кувшин с брагой из погреба подними, то скажи, сколько там пряностей осталось и не надо ли докупить, то просто подойди и посмотри, вон у того стола одна нога не короче ли другой?

В общем, задергал, рабовладелец проклятый. А еще он для острастки каждый раз делал такую зверскую физиономию, что хоть стой, хоть падай. Сразу хотелось подойти и подергать за усы, дабы малость обвисли. Эх, балда. Поздно стращать... поздно! Но вот как ему скажешь?

Засим имею сообщить, что минувшей ночью обрела статус супруги?

Разрешите доложить: коварный маг под покровом тьмы похитил мою девичью честь?

Позвольте поставить вас в известность относительно того, как я провела первую брачную ночь?

Или просто: уведомляю, пока ты, таракан усатый, дрых, я нализалась вишневки и забралась в постель к магу. Вон к тому, который в дальнем углу сидит. Во-о-от...

От этих нелепых мыслей на лицо лезла улыбка и Васька старательно хмурилась, чтобы не сойти за городскую сумасшедшую, которой нравится, что хозяин гоняет ее по всей харчевне с дурацкими поручениями. Чай, не фаст-фуд тут — улыбаться всякой идиотии.

И Василиса снова убежала на кухню, потому что, выражаясь словами Багая: «Ты это... там посмотри... а то убежит чего?нибудь. Или пригорит». Тьфу, сатрап. Ну, ничего. Подхватив поднос с очередным заказом, стряпуха снова выпорхнула в зал. К счастью, путь к заказчику пролегал аккуратно в тот угол, где шушукалась парочка магов. Поэтому, направляясь к посетителю, Лиса не удержалась.

Тем более в этот самый миг на лице магессы отразилась странная решимость. Повитуха медленно потянула подрагивающие тонкие пальцы к щеке Грехобора.

Ну, все! Надоело!

— ЗАВТРАК!

Милиана подскочила и перевела затуманенный взгляд на горластую кухарку, которая, с

грохотом поставила на их стол поднос со снедью.

— Василиса? — негромко и певуче спросила девушка. — Тебя ведь так зовут?

— Для посетителей я — Василиса Евтропиевна, — отозвалась Васька. — И звать меня не надо. Сама подойду.

И она так многозначительно посмотрела на соперницу, словно из ее грозных слов становилось ясно, что если Василиса Евтропиевна к Повитухе и явится, то только в черном балахоне и с остро отточенной косой на плече.

— Ты извини меня, — ласково попросила Милиана. — Я и Грехо... Йен, выросли вместе. Мы любили друг друга и...

— Довольно, — Грехобор, он же Йен, нахмурился. В харчевне вдруг стало холодно. — К чему ты это говоришь?

— Просто пытаюсь объяснить твоей невесте, что после стольких лет разлуки мне бы хотелось побыть рядом с тобой, поговорить. Она ведь не будет против разговора?

Вот это Василиса уже проходила. Мы всего лишь друзья! Мы только болтаем. Он мне совсем неинтересен, как мужчина. А что у него из кармана в один прекрасный день будет свисать кружевная бретелька моего бюстгальтера, так это просто потому, что у нас такие доверительные дружеские отношения.

— Конечно, она не будет! — Василиса расплылась в такой фальшивой, такой широкой улыбке, словно снималась в рекламе зубной пасты. Все ее лицо, вся она сама стала одной сияющей гримасой. — Беседуйте на здоровье! Только я бы попросила в припадке воспоминаний руки к моему мужу не тянуть!

Стало еще холоднее. В глазах мага появились льдинки, но он промолчал. Василиса еще раз улыбнулась Милиане, являя той на обозрение всю челюсть вместе с зубами мудрости. А после этого, решив исполнять арию Мефистофеля до последнего аккорда, повернулась к Грехобору и, мгновенно сделавшись прежней, сказала:

— Доброе утро! — с этими словами она обхватила лицо своего избранника ладонями и поцеловала.

Раз, другой, третий.

Когда именно он отозвался на эту бесцеремонную собственническую ласку, она не поняла, да то было и не важно. Главное — отозвался. А когда Василиса оторвалась от мага в харчевне стояла тишина, словно после автоматной очереди.

— Мне было очень хорошо этой ночью, — отчетливо произнесла девушка в этой тишине, после чего, поцеловала мужа в обезображенный шрамом висок и, невозмутимо напевая, направилась к другому столику.

Глен решает вопросы жизни и смерти

Он не знал, сколько шатался по городу. День сменялся ночью, ночь — днем, но колдун продолжал неприкаянно бродить по Аринтме, ни на что не обращая внимания.

Разговор с Грехобором разворошил старые обиды и сомнения, поднял в душе волну уже привычной ярости. Ничего не хотелось. Даже идти к *ней*. Какой смысл? Зачем?

Мертв.

Да, дэйн достал?таки Глена, и тот, смертельно раненый, полз и полз, теряя силы, и умер, уронив голову на холодные руки, когда последние жизненные токи покинули агонизирующее тело. А потом... потом пришла ОНА.

— Тебя трудно найти, — раздавшийся над ухом мягкий вкрадчивый голос заставил колдуна вздрогнуть от неожиданности. — Ты не явился на встречу. Ушел из харчевни. В чем дело?

Ее речь лилась и журчала, мелодичная, певучая. Казалось, ее можно слушать часами. Слушать и ни о чем не думать, растворяться в нежной музыке интонаций. И еще ей нельзя не подчиниться.

Но Глен промолчал.

Женщина, стоящая напротив, была прекрасна. Каштановые блестящие волосы, струились, собранные на затылке резным гребнем. Бархатная кожа, казалось, светилась изнутри. Аккуратный прямой нос, красивые нежные губы, золотисто-карие глаза в обрамлении густых ресниц. Плавные плечи, полная грудь, пышные бедра... Она была совершенством. Желанным и недостижимым.

Однако Глен смотрел и не замечал чарующей прелести. Он видел мрак. Тьму, что облюбовала этот прекрасный сосуд, сделала его своим домом, своим вместилищем. Колдунья редкостной силы. Равно ненавидящая людей и магов. Такая же, как он.

— Говорил с Грехобором, — мужчина поморщился.

Маг сказал ему нечто странное, нечто, что колдун никак не мог понять и обдумать. И сейчас, в присутствии Анары, пришлось на время отодвинуть эти мучительные воспоминания куда?то на дальний краешек сознания, забыть про них.

— Никогда прежде я никого так сильно не хотел убить, как этого...

— О... я понимаю, — Анара тонко улыбнулась. — Грехобор всегда отличался от прочих магов... Может быть, мы с тобой все же найдем местечко поукромнее, поговорим?

Колдун кивнул и двинулся следом за женщиной. Она вела его извилистыми улочками, иногда столь узкими, что от одной стены дома до другой можно было дотянуться, просто раскинув руки в стороны.

Наконец, ведьма скользнула к одному из неприметных домишек, стоявших на самой окраине. Покосившаяся постройка доживала последние дни — фундамент просел, крыша сползла набекрень, а дверь болталась на единственной покореженной петле.

— Итак? — Анара скользнула в черный проем и повернулась к колдуну. — Дай, угадаю. Он не будет помогать?

— Нет.

— Так я и думала. Однако попробовать стоило, — женщина задумчиво потерла подбородок и с

легкостью заключила. — Значит, придется от него избавиться. Пока этот упрямец крутится около Василисы, мы ничего не сможем сделать. Зря ты ушел — мало ли что могло произойти?

— Что? — Глен усмехнулся. — Ну, если только с дэйном сцепится за девчонку.

— Это было бы слишком хорошо, и именно по этой причине подобное не случится. — Анара задумчиво посмотрела на собеседника. — Ты говоришь, там еще крутится ущербная девка? Эта... как ее...

— Зария, — нахмурился колдун.

— Точно. Зария, — женщина покачала головой. — Звездный Свет... жрицы всегда давали идиотские имена своим детям. — Она свободная?

Глен кивнул.

— Хорошо. Погуби. Нам нужна испорченная лантея, и эта кривобокая подойдет, как никто.

Колдун оторвался от косяка, к которому прислонился, и подошел к заговорщице.

— Ты кое-что забыла. Я всего лишь дух, достаточно сильный для того, чтобы не раствориться, но бестелесный. Как ты предлагаешь мне совершить задуманное?

Анара перевела взгляд на мужчину и сладко улыбнулась:

— Приведи ее сюда, а остальное... сделают другие. Более осязаемые.

От этих слов душу колдуна словно кольнула ледяная игла. Анара была воплощенным злом и, глядя на нее, становилось сразу понятно, почему обычные люди так ненавидят магов и колдунов, но... она обещала вернуть Глену жизнь. А, видят Боги, ничего он не желал столь сильно!

Другое дело — сможет ли он ради этого погубить девушку, которая не заслуживала такого ужаса? Сможет убить ее, чтобы выжить?

Постепенно к покосившемуся домику стягивались другие колдуны. И каждый рассказывал о том, чего смог добиться. Анара выслушивала всех, давала новые поручения. На нее смотрели, как на богиню, поклоняясь невиданной силе, уму и красоте. И каждый колдун мечтал о том, чтобы ее слова о свободе для их племени оказались пророческими.

Глен не интересовался дальнейшим ходом дел. Ему следовало возвращаться. И, раз Грехобор не хотел помогать, колдун собирался сделать так, чтобы маг не сумел и помешать. Если же ради этого придется причинить боль Василисе... что ж.

А Зария?

...Когда Глен вновь явился в «Пятак», то первым делом скользнул на кухню, где у плиты, напевая незамысловатую песенку, хлопотала черноволосая тоненькая девушка.

Она уже не выглядела такой болезненно худой как в первый день их знакомства. Стала веселее и будто светилась. Словно почувствовав его появление, чернушка обернулась, улыбнулась и вернулась к прерванному занятию.

Колдун представил на миг, как это лицо исказится болью, как покорность судьбе снова погасит

блеск глаз, скрытых за длинной челкой, и руки сами собой сжались в кулаки. Он не хотел поступать с ней так подло и жестоко. Но он хотел снова стать живым. И не мог представить, как сделать одно без другого...

Почему же так сложно принять решение? Прежде он никогда не испытывал сомнений. Если видел цель и знал путь, которым можно ее достичь — смело шел вперед. И получал, что хотел. Но отчего теперь он колеблется, размышляет, словно пытается... избежать неминуемого или оправдать то, что оправданию не подлежит?

Как поступить? Что делать, если совесть в разладе с самой собой? Она требует спасти единомышленников и не обижать ту единственную, благодаря которой спасение возможно. Колдун злился на себя, на Зарию, которая так некстати все осложнила, на Василису, которая встретила его на пути, на дэйна, который его убил и особенно — на Грехобора, который не желал ему помогать.

Противоречивые, но до крайности недобрые мысли захлестнули рассудок и Глен почел за благо оставить таверну, в которой все вызывало ярость и горечь. Он выскользнул в распахнутую дверь и замер возле крыльца. О, если бы у него был какой-то шанс, хоть малейшая надежда, хоть крошечное прозрение!

— Сволочь жестокая, — прошипел он, опускаясь на землю. — Прекрати свои игры. Слышишь, Маркус? Хотя бы раз не будь такой бессердечной скотиной...

— Не слышит, — спокойный голос Грехобора заставил колдуна вскинуть голову. — А если и слышит — все равно не ответит.

Маг стоял неподалеку, прислонившись спиной к прогретой солнцем стене харчевни.

— Когда я только начал свой путь, то частенько срывал горло, пытаюсь до него докричаться. Не получилось ни разу...

— Что тебе? — буркнул колдун, которому не хотелось беседовать и уж тем более разговаривать по душам.

— Ничего, — разрешенный маг пожал плечами и прикрыл глаза. — Я жду свою... Василису. Хочу поговорить, понять кое-что.

Дух в ответ промолчал. Между ними все уже сказано, поэтому нет смысла опять сотрясать воздух. Нужно просто действовать так, как задумано, следовать цели. Но как же сложно на это решиться!

Ерунда. Он сможет.

— Как поживает Анара?

Спокойный вопрос застал Глена врасплох. Грехобор по-прежнему стоял, прислонившись к стене, закрыв глаза, впитывая тепло утреннего солнца. Выглядел он равнодушным и совершенно безучастным.

— Жива. Здорова. Жестока, — коротко ответил Глен.

— Она в городе?

— Тебе?то что?

— Ничего, — согласился маг. — Просто удивляюсь. В нашу последнюю встречу она была полна решимости удалиться на покой. Старуха устала.

— Старуха? — колдун хмыкнул, вспоминая роскошную женщину, вызывающую у любого мужика прилив вполне однозначных плотских желаний. — Занятно.

Грехобор пожал плечами, словно давая понять, что ничего занятного в чей?либо старости не находит. Его собеседник замолчал ненадолго, а потом не выдержал:

— Почему ты отказываешься помочь?

Стоящий рядом мужчина вздохнул, но промолчал.

— Ты что не понимаешь, что твой отказ все только усугубляет? — разозленный его равнодушием, снова заговорил Глен. — Ты...

— Скажи, что стало с магами, которых вы освободили? — перебил рассерженного духа Грехобор.

Колдун застыл. Каким образом шатающийся по лесам и полям странник, который по несколько месяцев и словом?то ни с кем не перекидывается, мог знать? Откуда?

— Они живут... — хрипло начал Глен, но собеседник снова перебил его.

— Они мертвы. И умирали один за другим. Все. И твоя выходка ничего не дала.

— С чего ты это взял?

— С того, что твои друзья — колдуны. И ты колдун. Вам не нужны маги. Вот новые друзья с проклятой силой — да, но не маги. Особенно молодые, без назвища, с силой, которая сводит их с ума. Так ведь и случилось с теми освобожденными. Верно? А когда они обезумели, их перерезали, как скот.

— Ты...

— И дэйны рыщут уже не в поисках магов, а в поисках колдунов. Как быстро они позабыли про пустые Клетки. Не пустились в погоню, не ловят сбежавших. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что маг без назвища больше седмицы не живет, если только его дар не сдерживает дэйн. Вы, дураки, даже не представляете, как сила уродует нас. Вас она просто подчиняет, а магов — ломает, долго, мучительно, пока не убьет. Что? Думал, это сказки — что магу без дэйна не прожить? Решил, Клетки созданы из жестокости?

Оглушенный новым знанием колдун молчал. Грехобор же, не открывая глаз, безжалостно продолжил:

— Будь ты поумнее, ты бы задумался еще и вот над чем — куда ушла сила умерших? К детям или взрослым? Как они справляются с Проклятым даром? Сам?то долго привыкал?

Привычный гнев затопил сознание Глена, когда он вспомнил, как получил силу. Стоящий

рядом маг горько усмехнулся, ощутив эту ярость.

— Я свою силу не просил! — рявкнул колдун, надеясь, что хотя бы этот довод заставит черствого собеседника сбросить личину надменности.

— Никто не просит, — отрешенно ответил Грехобор. — От дэйнов есть один существенный прок — когда мага убивают они, его сила никому не вредит. Она исчезает, растворяется в силе дэйна. И еще палачи никогда не причиняют страданий. Резко, быстро. Сам видел. Знаю. А что творите вы? Войско собираете? Какой ценой?

Глен стиснул зубы.

— Тебе ли говорить о цене? Маг, убивший дэйна?

— Мы говорим не обо мне, — Грехобор не обращал внимания на гнев стоящего рядом мужчины. — Мы неспроста сидим в Клетке до получения назвищ, колдун. Без соглядатайства и защиты дэйна сила сжирает ребенка-мага заживо. Ты никогда не задумывался, почему дэйны появляются сразу после рождения мага? Не для того, чтобы уничтожить, нет... для того, чтобы спасти.

— И убивают, наверное, тоже ради этого? — едко процедил сквозь зубы колдун.

Грехобор открыл глаза. Он вспоминал, как обучают дэйнов. Давным-давно он, еще несмышленный мальчишка, тихонько проскользнул к двери Цетира, чтобы послушать, чему наставляют палачей. Он слушал и отказывался понимать. Тогда отказывался.

— Дэйны не всегда могут спасти мага, — терпеливо объяснил он злящемуся рядом колдуну. — Иногда сила слишком велика, слишком злобна для младенца. Она убьет ребенка и пойдет гулять среди людей, ища кого-то покрепче, кого-то, способного ее воспринять. А когда найдет, завладеет человеком, будет сводить его с ума, уничтожать все то доброе, что в нем есть.

— Боги! — Глен даже схватился за голову. — Тебя послушать, так добрее и прекраснее дэйнов только новорожденные ягнята. А все маги и колдуны — воплощенное зло, которому без разницы кого убивать, лишь бы убивать!

— Колдун, — маг не возвысил голос, но вокруг стало холоднее, будто бы яркое летнее солнце перестало согревать землю, уступив место зимнему ветру. — Что ты при жизни делал хорошего? Чем занимался, пока не был убит? Напомнить? Воровство. Угодие плоти. Ты на спор соблазнял невинных девушек. Ты обманывал их, называясь суженым и предлагая принять от тебя поддельное кольцо. А наутро, исполнив «супружеский» долг преспокойно уходил. Прихватывая и свою жалкую подделку. Иногда еще ты околдовывал тех, кто не хотел тебя и не поддавался на уговоры принять венчальное украшение. Ты...

— Хватит! — рявкнул Глен, и так засадил кулаком по распахнутой двери, что крепкое дерево жалобно застонало под ударом. — Я свои грехи знаю! И я горжусь ими! Всеми!

Грехобор грустно усмехнулся.

— Даже убийством двадцати шести магов? — мужчина оттолкнулся от стены и сделал пару шагов навстречу колдуну. — Двадцати шести детей? О-о-о... не знал, что духи могут бледнеть. Любопытно.

— Что... ты... такое... несешь? — слова выталкивались из горла с трудом.

— А ты решил, раз умер, грехи не пристанут? Вроде как мертвые срама не имут? — Грехобор подошел еще ближе. — Не-е-ет, колдун. А теперь подумай. Ты рассказал о разговоре между Отцом и дэйном, ты заронил в души колдунов мысли об использовании магов. Ты виноват в смерти «спасенных».

— Нет... — хрипло, неверяще прошептал Глен. — Это ложь. Я никого не убивал. Я хотел...

— Но они умерли, — безжалостно напомнил маг и пригвоздил: — Колдун, я — Грехобор. Я вижу все твои грехи. Все. Ты думаешь, как еще я мог узнать про Клетку? Про смерть магов? Мне не надо говорить с людьми — содеянное ими говорит за них. Мне не нужно узнавать новости и секреты — они для меня все на виду. Мне достаточно просто посмотреть. Ты убийца, колдун. На тебе повисло слишком много чужого горя и страданий. Потому что твои поступки причинили слишком много зла. Так что ты будешь делать со своими грехами, а?

Маг знал, что последует за его словами. Хриплое: «Возьми!» Протянутая рука. Молящий взор. Как всегда. Его могут презирать, ненавидеть, но когда знаешь, что на твоей душе лежат страшные в своей жутости поступки, а рядом стоит тот, кто может тебя от них очистить, избавиться навсегда — неизменно попросишь о помощи. О спасении.

А у Йена никогда не было выбора. Он собирал чужие чувство вины, злобу, ненависть, обиду, досаду, зависть. Брал, раз за разом, убивая в себе тот малый свет, что еще оставался. Это — его жизнь. Сейчас он заберет у колдуна зло, которое его переполняет, как ливень полноводную реку, и уже через миг Глен снова будет смотреть на него с ненавистью и презрением, потому что собственные грехи перестанут над ним довлеть, они станут грехами Грехобора.

И это было главной причиной человеческой ненависти. В маге люди видели лишь скопище пороков и зла. А о том, что пороки и зло эти — их собственные — страждущие, избавившись от них, забывали. Навсегда. Лишь оставалось где-то в душе смутное воспоминание о нескольких мгновениях беспомощности и унижения, да и то оно блекло со временем, выцветало, стиралось, а потом и вовсе забывалось навсегда.

Маг уже привычно вскинул руки, собираясь выполнить то, что было предначертано, когда взгляд упал на кольцо.

Венчальное украшение.

Он более не изгой. Не бесприютный странник. Он — муж. Он имеет право выбора. И у него есть та, ради которой он может и должен жить. Поэтому он отступил от колдуна и ответил, чувствуя несказанное облегчение от возможности впервые в жизни отказать:

— Нет. Твой грех останется при тебе.

Глен сделался пепельного цвета, лицо застыло, в глазах промелькнула мольба.

— Грехобор...

— Нет, колдун. Придется тебе с этим жить. И искупать самому, если хватит сил.

Странно. Как духа могут не держать ноги? Глен рухнул на землю, запустил руки в волосы. Убийство...

— Я уже мертв, — глухо сказал он. — Я не смогу искупить...

И услышал, как глубоко вздохнул Грехобор.

— Как ты оттолкнул Василису? — спросил он вдруг.

— Не знаю, — через некоторое время отрешенно ответил Глен. — Разозлился. Видел, что удумала та карга, и вспомнил себя... ненавижу магов! Сволочи...

— Согласен, — спокойный ответ Грехобора слегка остудил кипящую злость.

Глен поднял голову, встречаясь взглядом с магом.

— Зачем ты об этом спрашиваешь?

— То есть, ты не хотел принять силу Шильды? — пренебрег его вопросом Грехобор.

— Нет. Сдалась она мне — постоянно с ней борюсь. Одна злоба да ярость, — колдун передернулся и повторил вопрос. — Зачем тебе?

— Где ты умер?

Похоже, отвечать ему маг не собирался.

— В коридоре Цетира, — ответил мужчина. — Думал, что вырвался, а оказалось — нет.

— Кто тебя убил?

— Дэйн, который постоянно сюда ходит, — поморщился собеседник.

Разрешенный маг хмыкнул.

— Грехобор! Что ты пытаешься понять?

— Стоишь ли ты того, чтобы помочь тебе вернуться к жизни.

Колдун замер. Перед глазами почему-то замелькали разноцветные круги. Неужели он это всерьез? Неужели может? Вот так, не разрывая его душу на части, не заставляя делать страшный выбор, не принуждая губить ни в чем не повинную девушку?

— Ты говоришь так, словно это просто, — шепотом сказал колдун, не осмеливаясь говорить громче, боясь не спугнуть надежду.

— Не совсем... Чтобы вернуть тебе плоть, мне нужно проникнуть в Цетир, на то место, где тебя убили. Мне нужна будет кровь, которая течет в жилах дэйна, убившего тебя. И мне нужна будет Сила, чтобы отдать ее в обмен на твою жизнь.

— Но... это... невозможно.

Грехобор усмехнулся:

— Возможно. В Цетир мы с Василисой отправимся после возвращения дэйна, достать кровь не будет такой уж сложностью, а ненужная тебе сила Шильды подойдет для обмена. Ты спас Василису, без нее... — маг прервался и покачал головой. — Но я не буду помогать тому, кто продолжит раздувать свару против дэйнов. Готов ли ты заплатить за свою жизнь такую цену? Готов отступить? У тебя есть выбор. Подумай, колдун.

Оглушенный, растерянный, Глен исчез, а маг прикрыл глаза, продолжая ждать появления жены.

* * *

— Ну что, отыскал свою беглянку? — дед Сукрам нагнал дэйна на обратном пути в город.

Палач магов мрачно кивнул. Рассказывать попутчику о встрече с Повитухой, применившей против него запретную волшебную силу, ему не хотелось, но как отделить одно от другого?

— Нашел, — в итоге ответил он и коротко поведал о том, что раскрыла ему память дома, а после замолчал, размышляя на неприятную для себя тему. О встрече Грехобора и Повитухи. Насколько он помнил эту особу, она перевероршит весь город, но мага найдет. И как же он устал держать этих двоих на расстоянии друг от друга!

— ...с тобой.

Мужчина очнулся, понимая, что, погружившись в невеселые думы, прослушал длинную речь старого торговца. Обидится дед.

— Так ты не против? — тем временем спросил попутчик.

— Нет, — коротко ответил дэйн, так и не поняв, на что именно соглашается.

— Вот и ладненько! А то разговоров об этой стряпухе — аж уши вянут. Да и интересно, как девка на новом месте?то устроилась. Сразу в харчевню поедем иль тебе еще куда надо? — обрадовался Сукрам.

Палач магов лишь вздохнул, смиренно принимая наказание судьбы — теперь за собственную рассеянность придется ему сопровождать болтливого старика в «Кабаний Пятак», куда дэйн, по чести говоря, не особо стремился попасть. Потому что был абсолютно уверен, что непременно столкнется там с Повитухой. А столкнувшись, по закону будет обязан ее покарать. На глазах Грехобора. Снова. И если маг и в этот раз сойдет с ума от злости, харчевня Багоя простоит недолго.

...Повитуха, конечно же, оказалась в таверне. И, конечно же, она сидела за тем самым столом, где обычно устраивался Грехобор. Девушка угрюмо следила за перемещениями Василисы, которая ее свирепо не замечала. Вот совсем.

Это было чем?то новым. Неужто отчаянная стряпуха не побоялась магессы? Хотя... Грехобора ведь она тоже не испугалась. Дэйн прищурился. Интересно, что тут произошло за время его отсутствия, и почему Повитуха сидит одна? Может, стоит подождать со справедливой карой? Внутреннее чутье подсказывало — именно сейчас с Василисой нужно подружиться — ее поддержка и задор окажутся весьма и весьма кстати.

— Прости меня.

Васька чуть не налетела на мужчину, внезапно возникшего у нее на пути.

— Ты... — начала было она, тыча пальцем ему в грудь, словно намереваясь расстрелять или хотя бы проковырять ногтем. — Ты...

— Прости, — и дэйн обезоруживающе улыбнулся. — Когда дело касается Грехобора, я... плохо

собой владею.

Девушка смерила его изучающим взглядом и сварливо поинтересовалась:

— Думаешь, вот так просто, да? Сказал «прости» — и все?

— Не все? — он вздохнул. — Ну... могу седмицу провести без сладкого. Это будет достаточно сурово. Что скажешь?

Лиска покачала головой. Чего уж греха таить — обижаться подолгу она не умела, да и не любила. Это ж сколько сил душевных надо потратить на то, чтобы подогреть в себе злобу? Да тыфу на них! Есть дела поинтереснее.

— Иди уже, садись, — махнула она рукой. — Пирогом накормлю с капустой. Раз уж без сладкого остался.

Дэйн усмехнулся, подсаживаясь к Сукраму.

— Хорошая девка, — заметил дед. — За что ты прощения?то просил?

— За глупость, — ответил палач магов, которому теперь все произошедшее между Грехобором и Василисой представилось в несколько ином свете. — Она магу невестой стала. О том и повздорили.

— Да ты сам хотел засватать никак? — догадался прозорливый торговец.

— Хотел. Теперь уж поздно.

— Значит, не твоя она, — утешил дед. — Твоя бы другого не выбрала.

Старик, конечно, заметил тень, пробежавшую по лицу мужчины, но не стал ударяться в расспросы. Зачем?

— Наверное, — согласился дэйн. — Хотя... невеста — не жена. Невеста вполне может на другого смотреть, да и жених тоже. Это ведь, если поженятся...

— Что? — Василиса, подошедшая с подносом, выхватила последнюю фразу разговора и заинтересовалась. — Что — «если поженятся»?

Палач магов хотел было сказать, мол, сама не знаешь? А потом вспомнил... не отсюда девка.

— Семьи разные бывают, — пододвигая к себе тарелку с лакомством, произнес он. — Кольца в Чаше Откровений хватает смелости брать не у всех. Многие обходятся без них. Боятся смерти, но и одни оставаться не хотят. Поэтому следуют не воле богов, а обычной приязни. То есть не ищут нареченных, а живут с теми, кого сочтут достойными.

— Нареченный?то ведь и умереть мог, а счастья всем хочется, — поддакнул дед Сукрам, улыбаясь Василисе.

Та присела на лавку, с любопытством внимая.

— Семей без колец много. Но жизнь их всегда одинакова — привязанность вроде бы есть, но ссоры и измены — тоже. Другое дело — нареченные, соединенные богами. Кольца оберегают их семью. Жена не посмотрит на другого, муж не заглядится на другую.

— Что так? — недоверчиво удивилась Василиса. — Изменить что ли... не получится?

Девушка вспомнила рассказ Зарии о том, что боги оберегают женщин и мужчина не может... Ха-а-а...

— Так не захочет, — в этот миг развеял ее не совсем приличные подозрения старик. — Не нужен никто ему кроме жены. Так?то...

— Хм-м-м... — глубокомысленно промычала Василиса, потирая подбородок. — И... магов это тоже касается?

Дэйн хмыкнул. Сукрам спрятал усмешку в бороду.

— Всех касается, девочка, — ответил за дэйна дед. — Иначе что ж это за воля богов, ежели ее кто угодно нарушить может?

— Хм... — опять изрекла Лиска и на всякий случай уточнила: — То есть, если какая-то драная коза посмотрит на моего мужа, мне бояться за его благоразумие нечего?

Дэйн подавился пирогом и закашлялся.

— Ни боже мой! — успокоил стряпуху торговец и, похлопав сотрапезника по спине, продолжил: — Дальше взглядов дело не пойдет. Да и то... взгляды эти сластолюбия будут лишены. Как есть говорю. Хотя... тут еще все ж таки помнить надо, что иные козы пытаются другой раз извести жен.

— Хм...

Василиса просияла и поднялась. На губах ее цвела улыбка. Очень медоточивая. Слишком. И вот, распространяя вокруг волны чудовищного обаяния и жуткой радости, стряпуха направилась напрямиком к одиноко сидящей Повитухе.

Зария и волки в овечьих шкурах

Он вернулся! Вернулся!

От понимания этой потрясающей, невероятной, восхитительной истины на лице то и дело расцветала блаженно-счастливая улыбка. Даже искалеченная нога почти не тревожила. Казалось, вот-вот оттолкнешься от пола и взлетишь! Надо же, как быстро привыкаешь к хорошему...

Зария все реже робела, все меньше и меньше боялась. Она уже не стеснялась разговаривать, даже задавать вопросы и иногда возражать! Пока еще не совсем уверенно, но все же... Она не просто говорила, ее *слушали!*

А пару дней назад, когда незаметная колченогая чернушка собирала со столов опустевшие миски и кружки, один из посетителей ей улыбнулся и поблагодарил. На нее больше не смотрели с отвращением. Из взглядов людей пропадала брезгливость, не появлялась в них и злоба.

Девушка покачала головой. Надо же, как все изменилось. Багой не позволил ей вернуться в дом, где она раньше жила, сказав в своей обычной грубоватой манере:

— Нечего шляться туда-сюда. Вас, дур, только выпусти за порог, мигом учудите чего?нибудь.

Разбирайся потом. Тут живи.

И хотя было непонятно, в чем он разбирался, и что именно могла учудить Зария, бродившая, словно тень, несчастной стало будто бы теплее от этой неуклюжей заботы.

Правда, корчмарь нет-нет, да бухтел о том, что «девки эти проклятые кого угодно разорят, оставят в одних подштанниках по миру бродить с протянутой рукой». Однако бродить в подштанниках, собирая милостыню, прижимистому харчевнику явно не грозило. И Зария это понимала, однако понимала и то, что, не будь Багой человеком добросердечным (пускай и сварливым), он не оставил бы ее жить при «Кабаньем Пятаке» даже в том случае, если бы купался в барышах.

Поэтому на ворчание хозяина таверны девушка не обижалась. Ей было хорошо здесь. И впервые хорошо оттого, что на нее не смотрели, как на пустое место. Может потому и дышалось тут легче? Даже надоедные хвори, и те отступили — не осталось противной слабости, не кружилась голова, не мелькали перед глазами белые пятна. А кашель? Кашель, который был ее постоянным спутником, который душил, заставлял захлебываться и давиться — исчез. Закончилось постылое супружество, и будто крылья душа расправила...

Зария улыбалась, помешивая в горшке тушащиеся овощи. Интересно, кто *он*? Девушка чувствовала — незнакомец хранит какую-то тайну, но какую — понять не могла. Не видела она *его*, а потому не могла посмотреть в душу, только слышала голос — ласковый, негромкий... Да и тот во сне. Но *он* не был сном. Это она точно знала. И сейчас, ощущая в груди щекочущее тепло, понимала — *он* вернулся! В такие мгновения чернушка забывала о своем уродстве, о том, что обычно вызывала у мужчин брезгливую жалость, а не восхищение. Она чувствовала себя красивой, потому что ее считал красивой *он*, а *ему* она верила, потому что... просто верила и все. Оттого-то и была... счастлива?

— Здрава будь, красавица! Ты что ли тут кашеваришь?

Этот веселый голос, раздавшийся от двери, ведущей на задний двор, заставил девушку вздрогнуть и втянуть голову в плечи. Все же наследница лантей еще пугалась людей, особенно мужчин. Особенно незнакомых. Особенно тех, кто так весело смотрит и говорит так беззлобно. Потому что... странно это, когда обращаются вот так... слишком по-доброму.

Но незнакомец, вошедший на кухню, улыбался, словно встретил хорошенькую нарядную горожанку, а не хромую костлявую чернушку в скромном платье. Парень был симпатичный и едва на пол-ладони выше ее, Зарии, жилистый, с коротко стриженными русыми волосами. Он выглядел приятно, вот только глаза... Сердце ухнуло куда-то вниз, и девушка попятилась, сжимая в побелевшей руке деревянную ложку, которой только что помешивала стряпню. Наследницу Лантей не обманешь широкой улыбкой, не спрячешь от нее душу, не скроешь помыслы, не утаишь истинную сущность. И вот как раз сущность незнакомца была ужасна...

— Хм... значит, не врут про тебя. Нутро человечье насквозь видишь, да, девка? — парень продолжал улыбаться, только взгляд сделался колючим и пристальным. — Ну что? Давай знакомиться? Я — Джинко. Ты это имя запомнишь. И меня запомнишь тоже.

Говорил он вкрадчиво, тихо... Последние слова и вовсе прошептал.

Зария выронила ложку и кинулась к двери, но покалеченная нога, которая еще мгновение назад казалась здоровой и сильной, вдруг предательски ослабла, подвернулась, а боль прострелила от щиколотки до бедра. Миг, и спасительно распахнутая в обеденный зал дверь захлопнулась, а между створкой и девушкой возник Джинко.

Он, по-прежнему не переставая улыбаться, шагнул вперед:

— Что ж ты такая неловкая, — покачал головой. — И бегать не умеешь, и кричать боишься? Иди сюда, курочка, поквохтай... Вдруг услышат?

Злой насмешник стремительно шагнул к девушке и, словно играючи, ударил кончиками пальцев по горлу. Рождающийся в груди крик рассыпался жалким шелестом, который оказался не громче судорожного вздоха. Скользящий удар жестких пальцев лишил чернушку способности кричать и даже дышать полной грудью. Зария судорожно хватала ртом воздух, стискивая ладонями шею. Мужчина отступил на шаг.

— Молчишь, красавица? — он усмехнулся и добавил: — Молчи. Говорливые женщины — такая пытка для ушей.

Онемевшая хромоножка открыла рот, собираясь с силами, пытаясь закричать, но... как в кошмарном сне смогла только жалобно засипеть.

— Никак? — с деланным сочувствием поинтересовался мучитель. — Это хорошо. Крики нам тут совсем не нужны.

Поняв, что сейчас с ней сотворят что-то страшное, чернушка почувствовала в душе прилив доселе неведомых сил. Она стремительно повернулась к столу, хватая первое, что попало под руку — это оказался деревянный пест, которым растирали пряности. Впервые в жизни Зария пыталась дать отпор судьбе и та над ней так жестоко насмеялась, подсунув под руку не нож, не сковородку, а это бесполезное посмешище.

Но девушка не собиралась сдаваться, даже понимая всю тщету сопротивления. Очень уж сильно она хотела жить.

— О-о-о, какая прелесть... — Джинко рассмеялся и, не глядя, задвинул щеколду на двери, ведущей в обеденный зал, и снова двинулся к жертве. — А мне говорили, будто ты покорна. Все стерпишь. Хочешь, скажу, кто говорил?

Не сводя взгляда с мужчины, Зария сделала шаг назад, уговаривая себя не бояться. Ведь совсем рядом — в зале — люди. Их разговоры и смех слышны даже сейчас, когда сердце грохочет у нее в ушах и одновременно с этим пытается выпрыгнуть через горло. Совсем рядом дэйн, Василиса, Багой. Они помогут.

— Он приходит к тебе каждую ночь, да?

Тонкая рука, судорожно сжимающая деревянный пест дрогнула.

— Говорит, как ты красива, как желанна?

Мягкий шаг вперед.

— Говорит, что искал именно тебя? Он не произносит слова «Люблю», но ты-то все равно понимаешь...

Теперь девушка вздрогнула всем телом.

— А еще он так нежно касается тебя. Так осторожно, так ласково, что ты чувствуешь себя величайшим сокровищем, истинной драгоценностью, красавицей...

Зария чувствовала, что начинает задыхаться, воздух застрял в груди, отравляя горечью.

Джинко сделал легкий шаг вперед и вправо, продолжая вкрадчиво угадывать:

— Но ты не видишь его, не можешь посмотреть ему в глаза. Ты не знаешь, как он выглядит, не знаешь, кто он. Не знаешь, живет ли он сейчас вообще.

Тонкая рука бессильно опустилась, пальцы разжались. Чернушка выронила свое смехотворное оружие.

— Но ты уверена: он — твоя мечта. Твой нареченный. И однажды он появится и даст тебе кольцо. А потом... — еще один шаг, — станет *мужем*.

Почему тело перестало подчиняться? Почему... Зария смотрела в лицо своему мучителю, шатаясь от страха и перед ним самим и перед словами, которые он говорил.

— Он делал так множество раз. Приходил к девушке. Улыбался. Дарил кольцо. Проводил ночь. И уходил, — еще шаг и мужчина оказался по правую руку от своей жертвы. — Но и кольцо забирал с собой.

Зария беспомощно повернула голову вправо, не веря жестоким словам, надеясь, что... но он не лгал. Тот, кто казался размышлявшей дурочке ожившей мечтой и впрямь, совершал все то, о чем говорил Джинко. Наследница Лантей опустила голову. Боль расплзалась в душе черным туманом, застилая глаза непроглядной пеленой.

— Зачем?.. — едва слышно спросила несчастная. — Для чего?

— Дуреха... Причина стара, как мир. Самый обычный спор, — еще один скользкий шаг и мужчина оказался у нее за спиной. — Какой смысл соблазнять хороших вертихвосток? Они и так всегда готовы раздвинуть ноги. То ли дело записной урод, который давно отчаялся, что на него хоть кто-то позарится. Недоверчивая, настороженная, замкнутая. Соблазнять такую гораздо увлекательнее... Сложнее. И тем приятнее впоследствии станет победа.

Ей бы бежать. Ударить его, пока он так близко, и кинуться в зал, но проклятое тело одеревенело. Она зажмурилась. Спор...

— Знаешь, он сдался. Ушел отсюда. Сказал — не получается. Ты не вызываешь страсти. И вроде бы давно готова к койке, но... как бы помягче сказать... он — не готов. А еще сказал, что, даже зажмурившись, тебя не отодрать. Но я решил — попробую. Мы спорили на коня и пять монет серебра. Ежели и моя попытка провалится, придется объявить ничью. Но я все же рискну. Конь и серебро — хороший куш. Ты хоть с лица чудище, но под юбкой обычная девка, чего ж тут думать?

С этими словами он заломил окаменевшей от ужаса и отвращения жертве руки за спину, дернул к себе, а свободную руку запустил под тощие юбки, бесстыже задирая их чуть не к самому поясу девушке. Сквозняк прогулялся по голым ногам

— Помогите... — прошептала Зария, глотая обжигающие слезы. — Помогите...

— Да не шипи ты на ухо, — разозлился мучитель. — Я буду нежен. Сама подумай, кто еще на тебя позарится? А так хоть бабскую радость познаешь!

Один вздох, второй... Наследница лантей погружалась в зыбкую отрешенность. Не чувствовать.

Не слышать. Ни себя, ни мир. Вдох. Выдох. И вот его голос доносится откуда?то издалека, даже прикосновения грубых рук почти не ощущаются. Вдох. Выдох. Она ничего не чувствует. Совсем.

И вдруг больной тычок под ребра. Мучитель бросил жертву на пол и зло выругался.

— Не врал, гаденыш! И сила?то мужская в тебе девку не чует! — он навалился сверху, обшаривая костлявое тело, надеясь нащупать хоть что?то, что пробудило бы желание... Увы... Насильник пыхтел, сквернословил, потел, но...

— Уродина! — отпихнул он от себя несчастную.

Та дрожала всем телом. Сухие рыдания раздирали покалеченное горло, хотелось кричать, биться затылком об пол. Что угодно, только бы не чувствовать ничего, не слышать, не понимать. Умереть.

— Ну уж нет... Ежели Джинко за что берется, то до конца доводит! Я этот спор выиграю. Тебя надо девичества лишить. Значит, так тому и быть. А ну не трепыхайся! — и он отвесил девушке тяжелую оплеуху, а когда голова Зарии дернулась от удара, чернушка увидела, что мужчина тянется... тянется... к песту, которым она пыталась от него защищаться и который уронила, сломленная унижительными речами.

Ненависть всколыхнулась в груди огненной волной, заставляя вырываться, сопротивляться, стучать ногами по полу. Хотелось убить проклятого мучителя, убить жестоко, так же жестоко, как он издевался над ней! Уничтожить, растерзать.

— Да лежи ты! — прошипел мужчина, снова отвешивая жалкой жертве оплеуху. — Хватит биться?то. Думаешь, спасать прибегут? Дурища. Да если и прибегут, так только посмотреть! Спасибо скажи, что девкой не помрешь!

Схватив недавнее оружие Зарии, палач повернулся к жертве. Эх, не было б запрета... чего уж врать?то, Джинко был бы не прочь отведать этой девчонки! Вот только не для того он тут. Не ее девичью забрать честь (нужна сто лет), а умение любить. Потому и говорил он эти жестокие слова, потому и унижал. Нужно было вытоптать, выжечь в наследнице лантей все доброе, что было в душе, уничтожить бесследно, изуродовать, извратить.

А идея с пестом кстати пришлась — вон как забились, дуреха. Джинко покрутил в руках деревяшку, усмехнулся, глядя в расширившиеся от ужаса глаза. Красивые глаза — пронзительные, синие-синие... Боится, ненавидит. Но этого мало. Ее ненависть еще не так сильна, как то требуется.

Он снова рванул юбки жертвы едва не к самому подбородку. Унизить растоптать так, как можно растоптать только невинную девушку... Погубить.

Холодный порыв ветра ураганом ворвался в кухню, сбил насильника с ног, швырнул на пол и поволок прочь, протащил кубарем, попутно приложив спиной к столу, с которого на Джинко с грохотом посыпались тарелки и миски, а потом щелкнул засов, дверь распахнулась и на пороге возник Грехобор.

Маг понимал, что за его самоуправством последует мгновенное наказание. Возможно, смерть. Понимал и то, что дэйн уже, наверняка, почувствовал волшебство и от ее присутствия проснулся его собственный дар. Но это было не важно. Ничто не имело значения, кроме съжившейся на полу девушки с растрепанными волосами, задранном подолом и синяками на заплаканном

лице. Одного взгляда на это униженное беспомощное создание было достаточно для того, чтобы прилив слепой ярости подавил рассудок.

Он не мог дотронуться до нее, не мог утешить, да и вряд ли его прикосновения подарят облегчение, но... видеть это. Сила Грехобора словно поток, прорвавший запруды, рвалась из тела. И остановить ее было уже не в его власти.

В тот миг, когда Йен услышал голос мужчины говорящего *такое*, когда услышал стон Зари, благоразумие отступило под натиском гнева.

Что, если бы на месте этой несчастной девушки оказалась его Василиса? Одной этой мысли оказалось достаточно, чтобы в груди разгорелась яростная злоба, а страх перед наказанием — поблек.

— Люди добрые, помогите! Остановите его! — Джинко отползал от разъяренного мага, елозя локтями и задом по доскам пола и подвывая от ужаса. — Он ведь меня убьет!

Дэйн возник напротив Грехобора, закрывая собой обидчика Зарии и сцепляя руки в охранное заклинание. Маг зарычал, стараясь проломить защиту.

— Остановись! — ледяное спокойствие палача магов всколыхнуло в Йене еще большее бешенство, и он лишь усилил натиск. — В чем дело?

Джинко, поднявшись на ноги, стремительно оценил ситуацию и затараторил:

— Я на кухню заглянул, уж больно хотелось на стряпуху посмотреть здешнюю, а тут он...

Дэйн напрягся, когда Грехобор снова кинулся на возведенную им невидимую стену.

— Что «он»? — спросил один из посетителей.

— Там девчонка была, так он ее... — Джинко обвел всех безумным взглядом. — Я только пристыдить хотел, а он меня магией!

За спиной дэйна с грохотом упал поднос. Василиса.

Грехобор и ярость

Грехобор краем сознания понял, что жена бросилась к помощнице, но это ни на миг не отвлекло его от происходящего. Ярость, усиленная уверенностью, что скорее поверят этому ублюдку, чем ему — магу — помогла продавить защиту дэйна. В зале стало холодно, словно в погребе. А потом еще холоднее. И еще.

Закопченный потолок с широкими черными балками начал стремительно схватываться инеем, стены седали, колючие льдинки осаживались на столы, скамьи и доски пола. Дыхание людей превратилось в сизые облачка пара. А дэйн, казалось, уже и моргал с трудом. Да, Йен был сильнее. Всегда. И тогда, в Клетке Магов, его гнев смогла остановить только Мили, да и то лишь потому, что закрыла Волорана собой. Но сегодня... сегодня Грехобора не остановит никто.

Дэйн, понимая, что не выстоит, последним усилием потеснил мага, выигрывая драгоценные мгновения. Прошелестел, выскальзывая из ножен, клинок, тускло блеснула серая сталь, со свистом рассекая звенящий и морозный воздух, а потом оружие нашло жертву и безжизненное

тело упало к ногам палача.

— Не в этот раз, Грехобор. Достаточно бойни в клетке магов.

Маг остановившимся взглядом смотрел на неловко распростертое на полу тело обидчика Зарии. Темное пятно растекалось по скобленным доскам, и разрубленное плечо зияло страшной раной. На мертвом белом лице застыли удивление и испуг. Широко распахнутые глаза незряче таращились в потолок. А ведь всего миг назад жил и не подозревал, что так все обернется...

Йен глядел в застывшие зрачки и понимал — сила, поднявшаяся сейчас в нем гигантской волной, застыла, замерла, потому что обрушить ее стало не на кого. Она рвалась прочь, но отпустить ее не было причины. Он замер, сдерживая яростную магию, чувствуя, как перехватывает горло. Из старого шрама медленно текла по виску капля тягучей обжигающей крови...

Пока внутри мага бушевала стихийная борьба с самим собой, Василиса, ни о чем таком не подозревавшая, пыталась растормошить Зарию, которая скорчилась на полу и смотрела вокруг волчьими глазами.

— Зария... Зария... Чш-ш-ш... — стряпуха гладила несчастную по гладким черным волосам, шептала что-то утешительное и все пыталась поднять девушку на ноги, довести до лавки, но тщедушная помощница упиралась с невиданной силой.

— Что за... — Багой, растолкавший зевак и протиснувшийся, наконец, на кухню, замер на пороге.

Трактирщику хватило беглого взгляда чернушку, чтобы отметить и разорванную одежду, и дикий взгляд, и дрожь по всему телу. Мужчина окинул владения Василисы тяжелым взглядом и, заметив на полу деревянный пест, спросил несвойственным ему пересушенным голосом:

— А это зачем?

Лиска пожалала плечами, мол, кто ж его знает, может, упал, когда отбивалась. Но в этот самый миг Зария вскинула голову и зло, громко, чтобы все слышали, ответила:

— Он иначе не мог сделать то, зачем пришел. У него не получалось.

И было в ее словах, в том, как они прозвучали, что-то очень страшное. Черное. Корчмарь перевел взгляд на Василису, потом на венчальное кольцо, украшавшее ее безымянный палец, потом поглядел на стоящего над распростертым телом Грехобора... и вдруг шагнул к чернавке, рывком поставил ее на ноги и встряхнул, пытаясь тем самым привести обычно спокойную тихую и боязливую девушку в чувство, изгнать из ее глаз, лица и голоса черную злобу.

Зария свирепо зашипела и с кошачьей яростью начала отбиваться. Бесполезно. Не родилась еще та баба, которая бы вырвалась из Баговых лапищ. Хозяин таверны вжал в себя бьющуюся чернушку, неловко поглаживал ее широкой, словно лопата, ладонью по трясущимся узким плечам и приговаривал:

— Ну-ну-ну... покричи, покричи. Вот умница, вот молодец.

И девушка глухо выла, упираясь лбом в его выпирающую, словно бочонок, широкую грудь.

— Покричи, покричи... — повторял корчмарь, не выпуская несчастную и не давая ей

трепыхаться слишком уж яростно. — Ну-ну-ну...

Васька выбежала во двор, сдернула с веревки сушившееся там вязаное одеяло — теплое, нагретое солнцем — и вернулась с ним обратно на кухню.

Когда ласковая шерсть спеленала бьющуюся кричащую девушку, та несколько успокоилась, хотя по лицу все еще ползли слезы и зубы стучали от запоздалого ужаса.

Багой мягко опустил Зарию на скамью, стоящую у стены и сказал:

— Хватит, все уж закончилось. Никто теперь не тронет...

— Не тронет?! — закричала Зария, срывая горло. — Да мало ли вас, кто насмеяться надо мной снова решит!!! Так же вот — на спор — уродину пощупать да девичества лишить. А ежели мужская стать воспротивится, так можно, как он, пестом попробовать! Что с уродом?то якшаться. Ему и то внимание за радость! Давайте! Кто еще хочет меня «порадовать»?! — она кричала, захлебываясь в рыданиях, давась словами, слезами, воздухом, а потом сжалась вся и заревела, как ребенок — безутешно, в голос.

— Сдурела? — удивился Багой. — Да я первым буду, кто хребет тому уроду переломит. А уж опосля и пест этот в самое нужное место ему засуну, чтобы осанка прямая была и походка приметная. А ты не блажи. Ишь, чего удумала.

Зария вскинулась, во все глаза глядя на рассерженного Багоя и, будто бы не веря собственным ушам.

— Чего глазами хлопаешь? Батка Багой девок своих в обиду не даст. Я, вон, замучился ухажёров от тебя гонять. Только на этой неделе четверо подходили — дозволения просили с тобой побеседовать. Отбиваться устал от окаянных. Всю душу вымотали!

Он продолжал еще что?то говорить, а Зария тихо всхлипывала, боясь поверить в то, что впервые ее не обманывают, не насмеются, не хотят поиздеваться.

— ...по миру меня пустите, девки сумасшедшие. Одна с магом спелась, за другой мужики хвостом ходят... А ведь какая девка была — шмыгает, как мышка, никому и дела нет, никто и не смотрел. Так нет же — отъелась, округлилась, откуда только что взялось!

— Я... я... — виновато залепетала несчастная.

— Хватит реветь! Какие тебе женихи? Приданое еще не справили, и дома нет. Тьфу! Кому я тебя такую отдам? Всего добра — два платья. Чтоб потом говорили, будто девки у батки Багоя — нищие?

Он в досаде махнул рукой, мол, надоели вы мне все.

— Багой, — мягко сказала Василиса. — Какое приданое, а? Ей бы поспать. Успокоиться.

Но корчемник лишь покачал головой:

— Ее сейчас дэйн расспрашивать будет, вон, мужику твоему тоже на месте ровно не сидится, а это не дело, чтобы маг без разрешения силу применял. Так что поспать я ее позже отправлю. Ты... это... ты девка еще или он...? — неуверенно и как?то неловко поинтересовался мужчина у Зарии.

Она молчала. Хозяин таверны вздохнул, похлопал девушку по острому плечу и воззрился под ноги.

А Василиса только теперь, когда все волнения улеглись, заметила, что на обычно жаркой кухне холодно, как в холодильнике. Бр-р-р! И иней вокруг. Просто голливудские спецэффекты какие-то. Вот только с такими спецэффектами недолго и без здоровья остаться. Стряпуха огляделась, пытаясь понять, что случилось. По спине тут же побежали мурашки, причем не только и не столько от холода: в нескольких шагах от девушки друг напротив друга, застыли в молчаливом противостоянии два брата. Маг и дэйн.

Сейчас их родственное сходство угадывалось куда острее, чем прежде. Странно, что никто больше его не замечает. Во взгляде обоих горело упрямство. Один собирался не допустить, второй намеревался сделать то, что считал нужным. Лица застывшие. Если не знать подоплеку случившегося, может показаться — просто стоят, раздумывая о чем-то. Но по левому виску Грехобора, по безобразной борозде шрама медленно ползла тяжелая капля крови. Словно пот, она просачивалась сквозь кожу, и катилась, оставляя на изуродованной скуле красную блестящую линию.

Дед Сукрам, сидевший за столиком, настороженно следил за обоими мужчинами, Повитуха и вовсе вскочила и теперь бессильно сжимала кулаки, не решаясь подойти.

Остальные посетители харчевни сбились в кучу, испуганно взирая, то на мага, то дэйна, но уходить при этом не собирались. Нашли развлечение!

И тут до Василисы дошло — кровь! У него по скуле течет кровь. Ему больно! Поэтому, забыв обо всем на свете и, как всегда, не раздумывая, девушка кинулась к мужу, вклиниваясь между братьями и нарушая их молчаливую борьбу.

— Ты поранился?!

Она осторожно повернула к себе лицо Йена и ласково, стараясь не причинить боли, стерла багровую дорожку уголком полотенца.

Взгляд мага, еще несколько отрешенный, непонимающий, обратился на нареченную. Та смотрела снизу вверх, и в глазах было столько переживания, столько сочувствия, что он даже удивился — чем она так обеспокоена? А потом по скуле скользнула мягкая ткань, а Василиса спросила:

— Больно?

— Что? — не понял он.

— У тебя кровь идет. Больно?

— Нет...

Грехобор потрясенно смотрел на свою женщину. Жалеет его? Беспокоится? Испугалась? Он кончиками пальцев убрал с ее лба непослушную кудрявую прядь и ответил негромко:

— Уже нет.

Она с облегчением выдохнула и прильнула к нему, обнимая за талию. Глядя поверх ее кучерявой макушки на дэйна, Йен уже с трудом вспоминал причину своего гнева. Странно. Вот

только что душу затапливала черная тьма, только что кончики пальцев покалывало от рвущейся с них силы, и вдруг все разом закончилось.

Прижав к себе жену, маг гладил ее озябшие плечи и думал о том, что, не встретясь она ему тогда, на пустой рассветной улочке, он бы уже давно лишился возможности и гневаться, и любить, и просто жить.

Тем временем, Василиса успокоилась и бросила взгляд под ноги. А там...

В общем, увидев нелепо раскинувшееся в луже подмерзшей крови мертвое тело, Васька заорала так, что даже дэйн отшатнулся.

Никогда прежде она не видела покойников, во всяком случае таких, которых едва не до пояса рассекли мечом. Поэтому, выплеснув в звуке все свои впечатления на этот счет, Лиска уткнулась лицом в грудь мужа и затряслась. Ей стало ясно в этот миг две совершенно очевидных вещи. Первое. В ближайшее время «Кабаний Пятак» перейдет исключительно на вегетарианское меню. Второе. Смотреть сны про искромсанного покойника, Василисе Евтропиевне предстоит до пенсии. И очень даже вероятно, что в этих самых снах вышеозначенный покойник будет слоняться за ней везде, где только сможет. По этому поводу девушка решила еще немного поорать и даже позволила себе взорваться мелкой дрожью.

Грехобор растерялся.

Его отчаянная жена, только что бесстрашно шагнувшая к разъяренному магу, теперь тряслась, как взятый за уши крольчонок. Йен обнял трусиху и растерянно спросил:

— Ты что?

— Он... он... мертвый... совсем, — с хлюпающими паузами проговорила Лиска сорванным и оттого хриплым от ора голосом.

Маг вскинул недоумевающий взгляд на дэйна, не заметив даже, что в таверне заметно потеплело, и иней на стенах и потолочных балках растаял.

Дэйн на вопросительный взгляд Грехобора также недоуменно пожал плечами: ну покойник, ну разрубленный, ну и что?

— Да ты, дочка, мертвых никогда не видала? — догадался Сукрам. — Сробела?

В ответ Василиса утвердительно что-то промычала и теснее прижалась к мужу. Дэйн оглянулся на сгрудившихся вокруг посетителей и кивнул двум мужикам, стоящим ближе остальных. Те все поняли без слов, подхватили Джинко за ноги и поволокли прочь, оставляя на полу размазанную кровавую дорожку.

Грехобор, мягко отстранив Василису, дождался очередного кивка брата и, едва заметно перебрав пальцами воздух, уничтожил кровь, марающую половицы. При этом никто из этих двоих даже не задумался, что впервые за всю жизнь они действуют сообща, в согласии. А вот по лицу Повитухи, наблюдавшей эту картину, скользнула легкая тень.

— Что случилось? — дэйн вытер меч о тряпку, которой Василиса обычно стирала со стола, и бросил замаранную в ведро с нечистотами. — Объясни.

Задай он этот вопрос раньше — беды было бы не миновать. Маг не стал бы отвечать, просто не

смог бы. Даже не услышал бы вопроса. Сила рвалась из него, требуя выплеснуть ее на первого, кто попадет под руку. И тогда палачу магов пришлось бы убить Грехобора за неподчинение.

Но теперь волшба не рвалась прочь, не бредила душу. Ласковое прикосновение Василисы будто согнало пелену гнева с глаз, и мужчина успокоился. А дэйн вдруг вспомнил постоянное напряжение молодого мага, когда та, кого в то время звали Милианой, была с ним.

Ни дня Йен не был спокоен. Ни минуты... Он напоминал натянутую тетиву и мог сорваться в любой момент, чтобы убивать и быть убитым... Поэтому диковинное чувство *правильности*, которое палач магов ощутил сейчас, глядя на брата, обнимающего Василису, подтолкнуло дэйна к мысли о том, что зря он был против соединения этих двоих. Возможно...

— Я услышал случайно... — Грехобор коротко поведал о случившемся, чувствуя, как жена все теснее жметя к нему, все крепче стискивает в объятиях, словно это не он защитил несчастную девчонку, а его самого едва спасли от страшной расправы деревянным пестом.

Багой, стоявший рядом с чернушкой, с каждым сказанным словом мрачнел все сильнее, а Зария заливалась краской стыда, унижения и гнева. Сидела, опустив глаза в пол — пунцовая и жалкая.

Когда маг замолчал, по залу пронесся ропот.

— Да, натворили дел чада... — прошептал дед Сукрам, покачивая головой.

— Врет он все! — выкрикнул кто-то из толпы. — Как вы можете верить *магу*?!

Дэйн резко обернулся к говорившему, а Васька еще мгновение назад жалко дрожащая и льнущая к мужу, вдруг воинственно вскинулась и вырвалась из его объятий.

— Это кто там вякает? — рявкнула девушка таким страшным голосом, словно сама была магом. Причем магом, готовым к немедленной расправе со всеми виновными и непричастными.

Посетители снова зароптали. Грехобор этого ждал, он не был удивлен, но все равно к горлу подступила привычная горечь. Он маг... оправдаться почти невозможно.

Вот только почему-то из толпы в центр зала кто-то вытолкнул темноволосого долговязого парня, а один из завсегдатаев «Пятака» выкрикнул:

— Дэйн, не слушай! Первый раз его тут видим! Пусть сперва скажет, откуда взялся!

— Точно! И гнать его! — загудели остальные.

Йен потрясенно обводил глазами людей. В харчевне творилось странное доселе невиданное действо: здесь защищали мага. Ему поверили, его не требовали изгнать. Наоборот, тот, кто выкрикнул обвинения, тот, кто оклеветал Грехобора, теперь стоял перед дэйном. Перед дэйном, который *тоже* поверил магу.

— Зачем напраслину возводишь? — недобро спросил палач. — Откуда взял, что он врет? Что кричишь бездоказательно?

Сробевший обвинитель изменился в лице и, заикаясь, произнес:

— Дык... он маг!

— И? — Василиса свирепо уперла руки в бока и взялась наступать на нескладного парня, сверкая гневным взглядом. — Ты тут откуда? Может, нарочно приперся на мужа моего наговаривать? Что?то не помню, чтобы ты поесть заказывал! Сидел, сбитень цедил да озирался, как хороняка последняя!

Рассвирепевшая стряпуха шла на долговязого с таким лицом, словно собиралась накрутить из него котлет, причем без помощи мясорубки — одними руками. Грехобор не пустил. Притянул к себе, обнял и... тайком улыбнулся в кучерявую макушку жены. Дэйн, заметив тень этой улыбки в глазах мага, хмыкнул, но тут же повернулся к клеветнику:

— Стряпуха дело говорит — сюда те, кто магов боятся, не ходят. Кто?нибудь знает, с кем он явился?

Василиса снова высвободилась из объятий мужа, и в этот раз Йен не стал ее удерживать. Наоборот, настороженно заглянул жене в глаза, словно пытаясь что?то для себя выяснить. А она, тем временем, повернувшись к долговязому парню, тихо сказала:

— Так ведь с гадом этим и пришел, верно?

Дэйн нахмурился и посмотрел на Василису как?то особенно пристально, а она, меж тем, продолжила:

— Ему ведь нужна была помощь — вдруг бы девчонка закричала? Или вырвалась? Тогда бы ты отвлек внимание на себя. Устроил бы тут дебош или драку. Правильно?

Парень застыл, стремительно меняясь в лице.

— Ты чего несешь, коза? — прошипел он. — Головой что ли ударилась?

— Он — колдун, дэйн, — не поворачивая головы к палачу магов, тем временем заявила Лиска. — Слабенький, но колдун. Я его знаю.

— Ты... поплатишься ведь! — долговязый отступил на шаг, уже понимая, что отпираться нет смысла.

Грехобор видел промелькнувшие на лице парня ненависть, желание жить, страх, ярость... Вот он резко взмахнул руками, что?то прошептал и растворился в воздухе, как и не было.

Однако дэйн резко подался вперед, глядя незрячими глазами куда?то в пространство, запоминая ореол волшбы. Теперь найдет.

— Дэйн, — негромко окликнул палача магов до того молчавший Сукрам. — Они не просто так это все затеяли. Помяни слово старого лиса.

— Зария говорит — на спор, — подал голос Багой.

— Тю! На спор такое не творят, — заспорил дед.

— Они и раньше спорили на женщин, — тихо сказала чернушка, кутаясь в одеяло. — Я видела, он не лгал.

По харчевне вновь прокатился ропот — посетители переглядывались, перешептывались, качали головами. Дэйн, нахмурился и подался вперед, пристально глядя в глаза Василисе. То, что он там увидел, по всей вероятности озадачило его, и он вопросительно посмотрел на Йена.

Тот кивнул в ответ на молчаливый вопрос.

— Ты смотрела на него *неотрывно*, пока он говорил? Постоянно? — обернулась стряпуха к помощнице.

Этот вопрос заставил наследницу лантей вздрогнуть всем телом. Она с ненавистью смотрела в глаза Лиске и молчала.

— Зария?!

— Нет, — сквозь зубы ответила девушка.

А Грехобор в этот миг шагнул к жене, жестко проговорив:

— Убирайся.

Но она, словно не слышала его:

— Он сказал не всю правду. Да, раньше делали такое на спор. Но на тебя я не спорил!

— Ложь, — прошептала Зария. — Все ложь.

— Нет! Посмотри на меня. Я не лгу. Посмотри, пожалуйста!

— Убирайся! — рявкнул Грехобор и, схватив Василису за руку, развернул ее к себе.

Однако она вырывалась, не отводя взгляда от Зарии, пытаясь во что бы то ни стало приблизиться к ней:

— Ему нужно было *испортить* тебя. Унизить. Заставить поверить в то, что ты всем противна и ничего не стоишь. Заставить тебя ненавидеть!

— Дэйн! — не выдержал Йен.

Палач магов шагнул вперед. Василиса вздрогнула, и затараторила еще быстрее:

— Не поддавайся ненависти! Все, что я говорил — правда. Я никогда не видел никого столь же красивого и светлого. Поверь! Поверь мне! — стряпуха воздела руки в охранительном жесте. — Я все сделаю, Грехобор! Все, дэйн! Расскажу все, что знаю! Дайте только ей объяснить...

Но в этот миг палач магов сплел ладони в замок и ударил стряпуху в грудную клетку. Та согнулась, хватая ртом воздух, и в тот же миг серая смазанная тень отлетела прочь, покинув тело девушки.

Потеряв защиту и связь с Василисой, Глен стоял, пошатываясь. Он не ломал голову над тем, что теперь стал виден. Он все пытался поймать взгляд Зарии, словно бы не было на свете ничего важнее.

— Никогда больше не смей ее подчинять, — Грехобор, подхвативший бесчувственную жену, вроде бы говорил спокойно и негромко, но отчего-то все, кто были в этот миг в таверне, отступили от мага на несколько шагов. — Никогда.

Зария переводила взгляд с обморочной Лиски на колдуна и обратно.

— Зария... — прошептал дух.

Девушка отвернулась.

Дэйн кивнул Багою, указывая глазами на чернушку. Корчмарь все понял без слов — приобнял настрадавшуюся за острые плечи и повел к лестнице. Следом за ним отправился и маг, бережно держащий на руках бесчувственную жену.

— Давай, неси сюда, — махнул рукой хозяин таверны. — Зария, а ты вот тут приляг. Приляг, приляг. Нечего тебе одной сидеть.

Грехобор было нахмурился, не желая оставлять девушек. Еще возьмутся слезы лить до вечера. Однако следовало признать — вместе им будет спокойнее, чем поодиночке. Будут друг дружку утешать, глядишь, и забудутся...

Когда же маг спустился вниз, в обеденный зал, то даже усмехнулся, глядя на то, как посетители, словно ни в чем не бывало, рассаживаются по своим местам, сетуя на то, что еда остыла и, словно бы не помня — почему это случилось, и кто тому был виной.

Багой возвышался за своей стойкой в окружении глиняных кружек и бутылей, незыблемый, как скала. Люди негромко переговаривались, обсуждая насущные проблемы или просто сплетничая. Словом, все было, как всегда. Привычный уклад. Маг удивился тому, как быстро он привык ко всему этому: стуку ложек, звуку отодвигаемых скамей, Багоеву густому басу, гомону десятков голосов, позвякиванию посуды. Он чувствовал себя... дома?

— Как я погляжу, ты еще не наигрался.

Голос Милианы был тих, спокоен, но Грехобор все равно уловил в нем зарождающийся гнев. Не желая снова ставить под удар «Кабаний Пятак», маг кивнул Повитухе, указывая на выход. Она поднялась и направилась прочь. Шли в молчании и, лишь отойдя на расстояние нескольких улиц от харчевни, он ответил спутнице:

— Я не играю.

Она топнула ногой:

— А что ты делаешь? Что. Ты. Делаешь?! — девушка отбросила за плечо тяжелую косу, до сего момента лежащую на груди. В этом движении было столько едва сдерживаемой ярости, столько... отчаяния. — Ты выбрал пару! Предложил кольцо! И кому? Обычной девчонке! Она даже не знахарка!

— Мили...

— Напомни, уж не ты ли говорил о невозможности обычной жизни для таких, как мы? Не ты ли убеждал, что рано или поздно эта... сила вырвется из-под контроля? Тогда, зачем? Скажи, объясни!

Он всегда был с ней честен. Всегда. А потому не мог солгать и сейчас:

— Это не мое решение, Мили. Я не выбирал ее.

— Но тогда... — она развела руками, не понимая.

Пришлось пояснить:

— Я лишь хотел закончить свой путь. И предложил ей кольцо, чтобы умереть.

Мужчина грустно улыбнулся.

Повитуха смотрела на него с ужасом, прижав ладонь к губам, даже сделала шаг назад. Грехобор закрыл глаза и глубоко вздохнул, вспоминая события, сейчас казавшиеся такими далекими, почти неправдоподобными.

— Я почти сорвался. Почти. В одной деревне была девочка... она меня не заметила... сидела на траве, играла... только руку протяни... Заешь, когда на тебе сотни чужих грехов, сила становится еще злее, еще яростнее. Ее почти невозможно сдержать... — он отвернулся, посмотрел застывшим взглядом туда, где среди десятков крыш виднелась та самая — покрытая новой глиняной черепицей. Крыша «Кабаньего Пятака», кров, под которым сейчас спала женщина, которую подарили ему боги.

— Василиса даже не понимала, что это за кольцо. Оно ей просто... понравилось. Дэйн сказал, девушка не отсюда. Не знает наших порядков.

— То есть... — неуверенно уточнила Повитуха, — она... не любит тебя?

— Нет.

— Тогда почему ты — муж?

Он не был уверен и потому сказал откровенно:

— Я не знаю, Мили. Может, причина в том, что минувшей ночью она была слегка навеселе, когда пришла ко мне. Может, пожалела. Может... хотела удовлетворить любопытство. Не знаю.

Грехобор говорил это каким-то пустым, лишенным чувства голосом и оттого становилось понятно — как больно ему озвучивать свои догадки.

Повитуха застывшим взглядом смотрела в пустоту.

— Значит, она не выбирала тебя... Не могу поверить!

Магесса и впрямь растерялась. Как же так? Василиса мага не любила. Кольцо взяла по незнанию. Так к чему тогда все эти поцелуи? Нарочитая ревность, собственничество? Мили не понимала, и это заставляло ее беспокоиться.

— Почему же? — в голосе мужчины послышалась горечь. — Ты ведь тоже меня не выбрала.

— Грехобор...

Маг покачал головой, отказываясь принимать этот мягкий укор. Девять лет он расплачивался за то, что однажды сотворил. Девять лет не видел ту, из-за которой нес свою неподъемную ношу. Девять лет назад она легко сказала ему «нет», а сейчас смотрит так, как смотрела давно — с пониманием и... нежностью. Почему именно теперь? Почему?

Девушка шагнула к собеседнику, словно почувствовав его смятение, горечь и тоску, словно желая их усилить:

— А если я скажу, что сделала ошибку, что, будь у меня возможность повернуть время вспять, то я бы поступила иначе? Что тогда?

Грехобор перевел взгляд на Милиану. Тонкая, с тяжелыми косами, белым изможденным лицом. Глазищи эти невозможные...

Воспоминания замелькали в голове, закружились, будоража и бередя. А потом мужчина тихо, но твердо сказал:

— Я муж, Мили. Ты опоздала на девять лет.

Он отвернулся и пошел прочь, однако остановился от брошенного в спину вопроса:

— А если бы ее не было?

— Не знаю, — честно признался он, не оборачиваясь. — Но она есть. И пускай она рядом всего лишь из жалости — это все меняет.

Миллиана застыла, глядя ему вслед.

Девять лет назад.

— Тебе мало того, что у нее отобрали имя? Хочешь искалечить ей жизнь навсегда? — по рукам молодого мага ползли инеистые дорожки.

Брат стоял напротив, спокойно глядя на беснующегося противника.

— С чего ты взял, что я решил калечить ей жизнь? — этот спокойный вопрос лишь еще больше разозлил Йена.

— Она не хочет быть с тобой, ясно? Ты просто не оставил ей выбора! Оставь ее в покое!

— Нет, — холодное упрямство в голосе дэйна заставило Проклятую силу вскипеть.

— Она — моя! И ты не влезешь между нами! Ясно? Не влезешь!

— Влезу, — в глазах дэйна вдруг промелькнула злость. — Влезу и заберу ее подальше от тебя. Вы друг друга убиваете. Хочешь ее смерти?

— Нет! Я хочу твоей смерти! — сила вырвалась из-под контроля, рванулась прочь.

Брат успел защититься, но магом уже завладело безумие. Йен более не понимал, что делает, кого пытается убить. Им владела удушающая ярость. Она влекла его за собой, подчинив рассудок и волю, лишив возможности остановиться, усугубляя гнев и отчаяние, вынуждая убивать всякого, кто возникал на пути.

Лишь пронзительный женский крик заставил его очнуться, сбросить пелену безумия и оглядеться вокруг. Йен стоял среди оледеневших руин. Клетка, какой он ее помнил, более не существовала, разрушенная едва не до основания. Мага окружили дэйны, а среди развалин тут и там виднелись безжизненные, вывернутые тела, заваленные каменными обломками.

Йен испуганно озирался, тяжело и сипло дыша. Он растерянно озирался и, постепенно приходил в разум. Руины. Иней на обрушившихся стенах. Сизые облачка пара, срывающиеся с губ живых. И всего в двух шагах от расвирепевшего мага, среди каменных обломков стояла на коленях Милиана и закрывала собой распростертого без сознания Волорана. Ее руки, сплетенные в замок, побелели от холода и напряжения, но из последних сил сдерживали свирепый натиск.

— Мили...

— Не трогай его! Не трогай! — закричала она, срывая голос.

— Милли... — он совсем растерялся, потому что не помнили ничего из случившегося, потому что не хотел пугать или причинять боль.

— Не тро-о-огай!

...Дэйны хотели уничтожить Йена. И, если бы не вступился Волоран, молодого мага казнили бы на месте. Но старший брат потребовал суда Маркуса и ему уступили.

Поэтому ту ночь, которая должна была сделать Милиану свободной от Клетки, девушка провела рядом с Йеном. Он спросил:

— Мили, это все сделал я? — а в глазах было столько ужаса и боли, что ее сердце сжалось: — Я ничего не помню... Почему?

И он осел на засыпанный обломками пол, пряча лицо в ладонях.

— Не бойся меня... Пожалуйста, не бойся меня...

Ей было страшно. Безумно страшно даже подходить к нему. Но больше и вовсе никто не осмеливался. А он был... испуган и одинок. Поэтому она подошла. Хотя ноги подгибались от ужаса. И опустилась рядом. И обняла поникшие плечи. И что?то говорила, и гладила по волосам, в которых, словно покрывшаяся инеем, серебрилась длинная белая прядь. И она вытирала уголком передника рану на его лице, оставленную каменным обломком — длинную борозду, пролегушую от виска до кадыка. Он не чувствовал боли и смотрел в пустоту. И даже не верилось, что он может причинить кому?то зло. Такой он был потерянный и опустошенный. Но она?то знала, она помнила...

А потом дэйны подняли его на ноги, и повели в чудом сохранившееся крыло Клетки, и втолкнули в келью с надежной дверью. Он оглянулся, ища глазами Милиану, и та не смогла равнодушно уйти. Шагнула следом и тяжелая дверь захлопнулась за ее спиной.

Девушка обнимала его — такого холодного, измученного, застывшего. Говорила какие?то слова утешения, а потом положила израненную поседевшую голову себе на колени и гладила, гладила по волосам. Он уснул, но даже во сне, крепко стискивал ее ледяную ладошку, боясь, что Милиана уйдет, лишит его утешения.

Но она не могла уйти. Не столько потому, что жалела его, сколько потому, что теперь безумно боялась. Лихое дело: маг, еще не получивший назвище, убил несколько десятков послушников. Убил дэйна. Разрушил Клетку и... выжил! Это казалось невозможным, ведь даже Жнец не мог за один раз уничтожить стольких людей, наделенных силой, и не упасть при этом осушенным. А Йен смог. И это испугало не только дэйнов. Сам заключенный под стражу был от этого в ужасе. Милиана же... просто осталась рядом, помогая пережить эту ночь.

— Не меняет, — прошептала магесса. — Ничего это не меняет...

Василиса и воспоминания.

Василиса приходила в себя с трудом. Ощущения были такие, словно переболела гриппом. Почему?то ломило все тело, горло саднило, а в голове творился маленький апокалипсис —

разрывы бомб и свист снарядов. Самое же обидное заключалось в том, что она совершенно не помнила, как очутилась на кровати. Вот только что смотрела на наглеца, обвинившего ее мужа в попытке изнасилования, и — бац! — уже валяется, глядя слезящимися глазами в потолок и мечтая застрелиться...

Поднявшись на локте, девушка увидела Зарию. Та свернулась калачиком рядом. Лиска огляделась. Кровать оказалась та же самая, на которой нынешней ночью поддавшая стряпуха предавалась плотским бесчинствам.

— Зария? — тихо окликнула она помощницу. — А мы чего здесь делаем?

Чернушка даже не посмотрела в ее сторону, не повернула головы и продолжила глядеть остановившимся взором в потолок. Из синих глаз, прикрытых длинной челкой, катились медленные тяжелые слезы.

— Зария?

Тишина.

Васька вздохнула. Не то что бы ей так уж нестерпимо хотелось почесать языком, но молчание тревожило. Говорить было необходимо, хотя в горле першило, и слова давались с трудом. Увы. Поддержать молчание Зарии значило бы поддержать ее на пути к суициду, все равно как помочь намылить веревку или подсказать, как грамотнее вязать узел. Поэтому Василиса не нашла ничего лучше, как предаться воспоминаниям.

Воспоминания были, прямо скажем, далеко не радужными, но Зария вряд ли бы прониклась веселыми побасенками о студенческой юности.

— Ну чего ты, как при смерти? — пробубнила Лиса и села, сжимая пальцами виски. — О-о-ой... Голова моя... Слушай чего расскажу. Ну, это что бы ты не думала, будто такая особенная и все печенюшки этого мира сыплются только на твою голову. Сие есть неверное убеждение. Печенюшек у этого мира хватит всем. Даже тем, кто вообще печенье не любит. Таких засыпает по самую маковку обычно. О-о-ой, мать твою, больно?то как!

Она свесила ноги с кровати, снова застонала и, лишь отдышавшись и прокашлявшись, начала:

— В общем, было мне тогда семнадцать лет. Мордочка вся в прыщах, щеки пухлые, все остальное тоже весьма рыхлое, кучеряшки на голове торчат, а растущую грудь разрывает от всяческих томлений и волнений. То хочется любви роковой, то подвигов, то приключений, то еще какой-нибудь ерунды, вроде пироженки с кремом или конфетки шоколадной. В голове романтические бредни, смутные мечты и полное отсутствие мозгов. И тут встречается мне мальчик... Не мальчик, а ожившая мечта — высокий, стройный, глаза голубы-ы-ые, а улыбка такая, что сердце заходится. Красивый мальчик был. Ну, прям настоящий принц. Да что там принц! Принц это даже как?то мелко. Бог. Молодой, красивый, улыбчивый бог. Спустился с небес, чтобы волновать мой девичий покой. Мы жили по соседству и часто виделись. И каждый раз при встрече он мне улыбался. Я навывдумывала невесть что! Мы ни разу не разговаривали, но воображение само создало образ героя. Я знала, что он самый благородный, самый отважный, самый-самый в общем. Откуда знала? Даже не спрашивай. Я так решила. И он обязан был соответствовать, сама понимаешь.

Стряпуха пригладила волосы и снова легла, только перекадилась на бок, чтобы видеть молчаливую слушательницу.

— Так вот. Виделись мы часто, но он не пытался познакомиться. Да еще и постоянно ходил в компании приятелей. И я решила, что он любит меня, но не решается признаться. То есть до такой степени любит, что боится моего отказа. Вдруг, он встанет передо мной на одно колено, протянет мне розу, руку, сердце, а я окажусь надменной гордячкой — отвернусь и пройду мимо? В общем, следовало дать ему понять, что настроена я благосклонно. Поэтому теперь каждый раз, когда мы виделись, я, перебарывая стеснение, тоже ему улыбалась. Но, конечно, молчала. Ведь он же рыцарь, он должен сам сделать первый шаг! В общем, я ждала. В семье тогда были нелады, отец бросил мать, она погрузилась с головой в работу, была раздражительна, придирчива, а по временам и поддата. Поэтому я носила свое счастье и свои надежды глубоко в сердце, ни с кем ими не делилась. Мой принц, мой рыцарь, мой прекрасный бог был моей тайной. Я думала о нем, засыпая и много-много раз вспоминала в течение дня, иногда безо всякой цели выходила из дома, чтобы встретить его случайно на улице и обменяться улыбками.

Девушка замолчала, а Зария впервые за весь ее долгий монолог заинтересованно пошевелилась, и перевела взгляд на рассказчицу, не понимая, зачем та решила поведать ей о своей юности, да еще и столь пространно.

— Месяц... — продолжила тем временем Василиса. — Он улыбался мне месяц. Не говорил ни слова. Никуда не водил. Просто улыбался. Но пару раз, проходя мимо, будто бы невзначай касался руки, плеча. О-о-о... В моих фантазиях мы уже были семьей с тремя детьми, домом у моря и прочими необходимыми атрибутами счастья.

Лиска хмыкнула.

— Однажды я шла в магазин. Смотрю, а он стоит у входа в парк. Один! Без приятелей. Конечно же, я сразу расцвела в улыбке. Ну и он тоже расцвел. И вдруг, представляешь, протянул мне руку. Руку! Мне — нескладной толстухе со свежесдавленным прыщом на подбородке! Но по-прежнему молча.

Василиса потерла рукой лоб и вздохнула.

— Что я тебе хочу сказать... Улыбка — это единственное, что было в нем хорошего и запоминающегося. В общем, мой первый раз случился через пять минут, в этом же парке. В кустах. Были там такие дремучие заросли, в которых и стадо коров могло заблудиться. Не говоря уже о влюбленной парочке — Принце и его Даме. От восторга, что он, наконец-то, решился — подошел ко мне, переборол смущение (ха-ха-ха) я даже не поняла, что мой первый раз как-то совершенно не похож на волшебное таинство. Произошло все крайне поспешно. Было неприятно, неудобно, да он тут еще сопел... — Лиска посмотрела на Зарию. — А потом, когда все закончилось, смотрю я в шуршащие над головой ветки и думаю: «А если тут клещи?» Понимаешь? Не о нем. Не о том, что случилось. Не о том, как случилось. О клещах. Вдруг, думаю, укусят, я ж с ума от ужаса сойду! А сама смотрю на принца своего и понимаю... Какая же я ДУРА. Он был... не знаю. Совершенно никакой. Ореол таинственности померк, и молодой прекрасный бог стал просто неловким подростком, так и не стащившим с себя до конца штаны. И себя тоже со стороны будто увидела. Так мерзко стало. Потому что ясно ведь, что ни один влюбленный мальчик с любимой девочкой так не поступит. Но я же не простая девочка. Я же ДУРА.

Чернушка смотрела на рассказчицу широко раскрытыми глазами, слезы в которых давно высохли. В расширившихся зрачках отражались: понимание, жалость, обида.

— Думаю, будет лишним тут говорить о том, что мой прекрасный принц просто поспорил. На

меня. Точнее не совсем на меня, а на то, что сможет добиться от девушки самого главного, не сказав ей ни слова. Честно говоря, сейчас вспоминаю это все и думаю — какой же сообразительный был мальчик. С совестью нелады, зато смекалка достойна восхищения. Кого он выбрал? Правильно — закомплексованную, застенчивую, страшенькую. Ту, которая в себя не верит, но при этом очень хочет быть любима, хочет вызывать восхищение.

Зария резко выпрямилась и посмотрела на Василису с такой жалостью, словно она была героической мученицей. Та же продолжила:

— Конечно, на свидания меня он не позвал. А и позвал бы если, я бы все равно не пошла. Извиняться — не извинялся. Правда, и не глумился. Рассказал друзьям, те поржали. Да еще, судя по моему прибитому виду, в правдивости его рассказа можно было и не сомневаться. Какое-то время у меня за спиной посвистывали парни, некоторые девчонки перехихикивались и сплетничали. А мне, собственно, не оставалось ничего, кроме как попытаться стать незаметной. Конечно, с моей комплекцией это проблематично. Да еще на почве несчастной любви ела я ну просто как бройлерная курица: постоянно и в неограниченных количествах, закидывала в себя еду, как в топку. Поправилась еще больше, стала как автобус. Но прыщи хоть прошли. В общем, вот такая трагедь. Ела и плакала, плакала и ела.

— Ты... — робко начала чернушка.

— Ревела я, — откровенно сказала Василиса. — Недели две. Хорошо еще мать с работы возвращалась поздно и поддатая. Заплетающимся языком меня строила, напоминая о том, что после ухода отца мы должны друг друга поддерживать, а я, видите ли, равнодушная и мне плевать, что у нее на душе. В общем, я жалела, что не могу жить в холодильнике. Это было единственное место, в котором находилось все то, что мне на тот момент требовалось: тишина, отсутствие посторонних, холод и еда. Хотелось залезть туда, съесть все, что найдется на полках, окоченеть, заснуть и не проснуться. Да еще беспомощность эта... Ну как я ему отплатить могла? Никак. В общем, единственный выход подвернулся — узнала, что в соседнем городе учат на поваров. И была такова. Мать далеко, еда в поварском — всегда в наличии, да и не знал меня там никто. Смеяться было некому. Но мужчин я с той поры как-то опасалась.

Зария покачала головой, значения некоторых слов она не поняла, но общий смысл истории остался ясен, поэтому чернушка осторожно спросила:

— И вообще-вообще некому было пожалеть?

— Пожалеть? — Лиска усмехнулась. — Да кто ж знал-то, что меня жалеть надо? И потом, кому такое расскажешь? Сама ведь виновата. Пошла за мечтой. Поверила. Дура наивная. Оно, конечно, первая любовь — всегда трагична. Но не до такой же степени! Этот красавец улыбчивый меня ведь не только чести девичьей лишил, он меня веры лишил. В семнадцать лет такое предательство пережить сложно. Особенно, когда не на кого опереться. Так что тебе повезло, Зария. Сегодня рядом с тобой были те, кто вступились, защитили и утешили. У меня тогда ничего этого не было: ни сострадания, ни поддержки. Только еда.

— Но...

— Без «но», — девушка снова потерла лоб. — Когда я, спустя несколько месяцев, уехала учиться, меня подселили к старшей девушке. Так вот, у нее имелся жених. Юрка. Он приходил каждый вечер и был... вот с лица вообще никакой. Но сердце золотое. Увидел меня и, наверное, по лицу понял, что я от всего мира готова спрятаться под кровать. Пожалел, в общем. Все пытался меня разговорить, я в ответ только бурчала. А потом он припер меня к стенке и

допросил с пристрастием, мол, почему у меня всегда такой вид, будто я и мыло купила, и табуретку достала, а на веревку денег не хватило? Я ему что-то нагрубилa, но он не отставал, да еще и поддатый был слегка. В общем, вырваться у меня не получалось, расспросами своими он меня до истерики довел, я раскричалась на него и выплеснула все, что накипело. Главным образом, о том, какие все мужики гады.

— И что... он сказал? — тихо спросила Зария.

— Ну, во-первых, когда он выслушал историю моей трагической любви, то даже протрезвел. Во-вторых, сказал, что таких парней, как мой Принц надо подвешивать за одно место на центральной городской площади. В-третьих, сказал, что может в виде бесплатной услуги начистить ему рыло. И в-четвертых... он донес до меня главное — то, что один оказался сволочью, не значит, будто все остальные — такие же. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, — чернушка вновь опустила голову. — Ты хочешь сказать, что не все мужчины такие, как Джинко... Вот только... только твой Принц тебя силой не принуждал и не пытался... пестом... потому что иначе не получается.

— Ха! — резко села Василиса. — Вот я взрослая уже, испорченная жизнью женщина и *не верю*, что у него не получалось.

— Он не смог! — выкрикнула Зария, захлебываясь от стыда и унижения.

— Не ори, — Лиска поморщилась и продолжила: — Мужчина, если здоров, может всегда. Ну, в вашем случае, если он еще и не женат. И не важно, красива ты или нет. *Всегда*, Зария. А если для него этот раз еще и не первый, то тем паче.

— Но...

— Без «но», — снова строго осадилa ее Васька. — Знаю, что говорю. Ну, сама подумай головой?то. Ему надо было не просто тебе юбки задрать. Коли так, стал бы он драгоценное время на разговор тратить, унижать тебя, растолковывать причины. Пришел бы, сделал дело и ушел требовать с дружка выигрыш.

— Ты не знаешь наверняка...

— Знаю. Я была толстой, прыщавой, неуклюжей, некрасивой — совсем не во вкусе парня, который на меня спорил. И ничего. Справился. Не думаю, что здешние мужчины так сильно отличаются от тех, которые населяют мой... мою родину. Так что прекрати страдать и ненавидеть всех вокруг. На душе от этого легче не станет — поверь. Ну и... все равно ведь не получилось у него ничего. К тому же, в твоём случае, злодей примерно наказан. Как в сказке.

И стряпуха откинулась на подушки. В душу, словно коровью лепешку бросили. Так противно сделалось! Она снова так и видела себя: глупую толстушку, навывдумывавшую всякой чуши о незнакомом парне. И ведь даже не то противно, что парень ни на грош не был принцем, а что она — по романтической дурости — наделила его всеми чертами благородного, честного и смелого человека. Повелась на улыбку. Поверила даже не словам, пустой оболочке.

Девушка прикрыла глаза, пытаясь вернуть растраченное самообладание. Сколько раз после того случая она пыталась перенастроить себя, вернуть прежнюю доверчивость, прежнюю открытость. Увы. С той поры во всяком, даже самом приятном человеке, Василиса постоянно подозревала какую-нибудь гнильцу. Знала — нехорошо это, но поделаться с собой ничего не могла. И все равно периодически ошибалась, обжигалась, плакала, кляла, на чем свет стоит,

собственную дурость и снова постигала очередные уроки терпения. Получалось плохо.

Но рядом был Юрка — друг, и Настя — Юркина жена и бывшая Лискина соседка. Вот вдвоем они как-то ее тянули, поддерживали, так сказать, принуждали к миру. И снова Васька пробуждала в душе надежду, что где-то, все-таки ходит ее единственный, тоже ищет, тоже страдает, ошибается, и вот они встретятся рано или поздно, как Настя с Юркой, и все у них будет хорошо. Увы. За приступом веры и надежды, следовал очередной и не менее острый приступ разочарования.

Поэтому-то, наверное, и тянуло Василису к Йену, который так же мыкался, задыхался от одиночества и невозможности растратить силу сердца на кого-то, достойного любви. Девушка помнила, как он смотрел на нее сегодняшней ночью — с восторгом, неверием, надеждой... Так вот что значит — встретить родную душу? Увидеть отражения себя самой в глазах другого человека...

— А как ты смогла... забыть? — тихий вопрос вывел Лису из задумчивости.

Она перевела взгляд на собеседницу и ответила:

— Чтобы забыть, нужно сосредоточиться на чем-то другом. Увлечение. Работа. Усталость. Вот вторым и третьим я тебя обеспечу легко, причем прямо сейчас.

И она снова решительно села на кровати.

Голову слегка отпустило, даже першение в горле стало относительно терпимым.

— Но... все... знают... и Багой, — прошептала со своего места помощница.

— И?

— Они меня видели.

— И?

— Мне стыдно... — тихо призналась Заря.

Василиса фыркнула:

— Стыдно? Стыдно было бы, если бы это ты на него поспорила, а не он на тебя. Ладно, хватит стенать. Идем, посмотрим, что на кухне творится. Багой там один хозяйничает. И — сердцем чую — надолго его оставлять нельзя.

О богах, молитвах и желаниях.

Шахнал привалился спиной к черной стене и медленно сполз вниз. Боги... в груди разливалась пустота. Что же он натворил? Зачем? Никогда ранее он не искушался, не сомневался, всегда был тверд. Так как же, как с ним могло случиться *это*? Почему? Почему?!

Тело била дрожь, ноги налились тяжестью, в голове гудело.

Скоро о случившемся станет известно всем и что тогда?

Мужчина глухо застонал и несколько раз ударился затылком о стену, надеясь, что боль вернет ясность мысли. Увы.

Но он ведь не был виноват, он не хотел этого, он... ошибся.

* * *

— Не отвечает? — полный почтения негромкий голос отвлек Шахнала от сосредоточенной молитвы. Однако мужчина не повернул головы. Закончил священнодействие и лишь после этого неторопливо поднялся с колен.

В выпуклых пузатых боках чаши откровений отражалось мерцание свечей и искаженный силуэт молодой послушницы, которая стояла у подножия лестницы и, запрокинув голову, смотрела на жреца. Совсем еще девочка. Облаченная в черное бесформенное одеяние, скрывающее малейшее очарование юного тела, с волосами, упрятанными под черное же покрывало, схваченное на лбу широкой красной лентой.

Мариоса приняла обет служения всего полгода назад, однако уже сейчас являла все задатки ревностной служительницы богов, была примерной молельницей и постницей. Однако девчоночье любопытство и свойственную своему возрасту непосредственность смирять еще не научилась. Впрочем, Шахнал был для нее почти что божеством, и девчужка жадно ловила каждое его слово, старалась угодить, услужить.

Он от нее уставал.

Щебетала, как сорока, суежилась без пользы, одолевала болтовней и вопросами. Впрочем, пост, смирение и кротость рано или поздно сделают свое дело по укреплению плоти и сосредоточению рассудка. А пока приходилось терпеть. Вот и сейчас девчонка увязалась за жрецом, ожидая ответа.

— Молчит? — вновь спросила она, поспешно кланяясь отцу и касаясь поцелуем полы его одеяния.

— Молчит, — ответил тот, коснувшись перстом ее лба и тем самым, благословляя. — Странно это все.

Жрец направился к выходу из Храма.

— Почему, отец мой? — послушница спешила следом.

Шахнал недовольно покосился. Вот ведь, увязалась. Мариоса была миловидная — округлая, с яркими веснушками на нежных щеках и блестящими карими глазами. Наказанье любопытное!

— Потому что Маркус всегда отвечал, сколько я себя помню, — ответил отец, мысленно взывая к смирению и кротости, которые не позволили бы раздражению просочиться в голос. — Все слишком странно. Отдал приказ об истреблении магов и колдунов, а теперь тишина...

Миновав аллею морогунов, Шахнал свернул к обители: длинному зданию со множеством крохотных коморок для послушников и молельников. Из трапезной потянуло запахом хлеба и печеного кэлахая. Жрец попытался вспомнить, когда в последний раз ел? Понял, что не знает. Мысленно пообещал себе зайти по дороге в «Пятак» и стремительно поднялся по витой лестнице на второй этаж, туда, где располагались классы и библиотека. Если когда-либо за время существования отцов Маркус не отвечал на молитвы, узнать об этом можно только из старинных книг.

— Отец мой, ответьте, правильно ли это — уничтожать магов? — неугомонная послушница

уселась у ног своего обожаемого пастыря и с восхищением заглянула в его бесстрастное лицо.

Ни дать ни взять — собачонка, которую подобрали на улице, покормили и обогрели. Впрочем... почти так оно и было. Семья девушки отдала ее в Храм, чтобы избавиться от лишнего рта. Если же учесть, что этот самый рот не только ел, но еще и не закрывался ни на миг, Шахнал очень хорошо понимал родителей Мариосы... Впрочем молельник тут же одернул себя за недостойные мысли и ответил спокойно, без тени раздражения в голосе:

— Негоже простым смертным одобрять или не одобрять волю Богов. Для нас она — закон. Который нужно исполнять. Небесный промысел человеческому уму неподвластен.

— Но если...

— Никаких «если», Мариоса. Всегда. Беспрекословно. Повиноваться.

Девушка кивнула, и снова набрала в грудь воздуха для нового вопроса...

— Тебе не будет сложно принести мне воды? — быстро, пока послушница не успела произнести ни слова, попросил Шахнал.

Девушка с готовностью кивнула и бросилась на первый этаж — в трапезную. Мужчина же устало потер переносицу. Когда-то давно он был таким же. Любопытным, суетливым мальчишкой, с миллионом «почему» и неодолимым желанием сделать мир лучше. Сочувствовал магам, дэйнам, колдунам. Но со временем пламя, гревшее в душе, погасло. Яростному рвению на смену пришли смирение, хладнокровие и понимание того, что если маги и невиновны в собственной судьбе, то колдуны — как один — преступники. А еще через некоторое время отец перестал жалеть и магов.

Мариоса, принесшая воду, снова опустилась на пол, скользнула губами по облачению жреца, снова дождалась касания лба перстом, но теперь сидела молча, только во все глаза смотрела на мужчину, склонившегося над книгами. Тот сделал несколько глотков, перелистывая пожелтевшие страницы, и погрузился в чтение.

Увы, фолиант за фолиантом откладывались в сторону безо всякого результата. В Шахнале зрело недовольство. Ни-че-го. Совсем!

Предпоследнюю книгу отец распахнул с такой яростью, что порвал ветхий корешок. Через пару минут захлопнув и ее, жрец взял в руки последний том. В груди разгорался гнев, подогретый глухим раздражением. Надо успокоиться.

— Нашел, — хриплым голосом, наконец, сказал молельник. — Тут сказано, что Маркус может замолчать, если мирские хлопоты утомят его. Тогда он предоставляет смертных себе самим, предпочитая не вмешиваться.

— Значит, он просто... отдыхает? — наивно спросила девушка. — А когда вернется, дэйны как раз разберутся с магами?

— Да, — гнев в груди Шахнала разгорался все сильнее.

Конечно, Маркус — бог, и пути его неисповедимы, но как он мог бросить людей в дни подобной смуты!

Рывком поднявшись со скамьи, отец стремительно вышел из библиотеки, забыв про Мариосу.

Маркус не отвечает на молитвы, однако это не значит, что молитвы при этом должны заканчиваться. Никто не знает, когда бог вновь снизойдет до смертных, через день, год или эпоху, но, вернувшись, он пожелает знать, что не забыт. На то и нужны жрецы. Вот только... как ни крути, а не хотел Шахнал впустую простаивать на коленях, взывая к молчаливой пустоте. Не хотел зазря доказывать тишине, что он?де по-прежнему верит и почитает бога.

Да и за что его почитать?

Эта дикая мысль появилась и пропала, оставив в душе еще большее недовольство.

— Отец мой?

Шахнал остановился и повернулся к послушнице, что все это время следовала за ним, будто тень. Девушка стояла, привалившись спиной к стене, и терла виски.

— Что такое? — нахмурился мужчина.

— Голова закружилась... — Мариоса попыталась сделать шаг, охнула, и стала оседать вниз.

Выругавшись про себя, жрец подхватил отяжелевшее тело. Еще одна напасть! Злясь неведомо на что, молельник понес подопечную в келью, досадуя, что забыл проследить, чтобы дуреха поела, вместо того, чтобы всюду за ним ходить хвостом. Вот и получается — он не пошел в трапезную, потому что не испытывал голода, а послушница, потому что не имела права что?то делать без разрешения старшего. Вот ведь...

Мысли прервались, когда девичья рука, до того безвольно лежащая на плече мужчины, вдруг обхватила его за шею. Жрец ощутил, как теплое тело доверчиво льнет к нему, как вздымается от дыхания полная мягкая грудь. Показалось, будто послушница трется щекой о его плечо... Раз. Другой. Третий. Он сбился с шага, остановился, и внимательно посмотрел на девушку. Та безвольно лежала на его руках — щеки бледные, глаза закрыты. Странно. Однако уже через миг Шахнал снова ощутил все те же поглаживания. Не останавливаясь, жрец посмотрел на свою ношу — ничего. Несчастливая была неподвижна.

Войдя в келью послушницы, мужчина осторожно опустил подопечную на жесткое узкое ложе. Девушка свернулась клубочком и медленно приоткрыла глаза:

— Отец мой?

— Что, дитя?

— Посидите со мной...

— Тебе нужно поесть, — игнорируя ее просьбу, мужчина направился к двери.

— Пожалуйста, всего минутку! Одной так страшно...

Раздраженный вздох вырвался из груди Шахнала. И все же он вернулся к кровати и опустился на краешек, глядя на девушку. Ребенок еще. Не понимает, что здесь — в святом месте — все одиноки. И к этому надо привыкать уже сейчас. Однако стоило молельнику сесть, как послушница взяла его руку, и, приложив к своей щеке, закрыла глаза. Вздохнула. Дитя неразумное.

— Мама гладила по голове, когда я болела... — непонятно к кому обращаясь, прошептал

девушка.

Жрец закрыл глаза. Его тяготила эта ситуация. Тяготила и смущала. Но все же девочка была на его попечении. Он был ее отцом, пусть и духовным, но отцом. Поэтому он мягко провел ладонью по голове, покрытой черным покрывалом. Еще раз, и еще. В его прикосновениях не было ласки. Они были бездумными, поскольку сам Шахнал в это время думал о том, что прочел.

Маркус не отвечает. Он покинул своих чад. Божественного надзора больше нет, но есть приказ. И приказ до сего момента исполнялся беспрекословно. Даже восставшие колдуны, по сути, только помогли дэйнам. Сейчас, конечно, вся эта шушера затихла, но Шахнал понимал: ненадолго. Маги же... насколько открылось жрецу из Чаши Откровений, почти все они взяли кольца. Причем из тех, кто взял, умерла только половина.

Перед смертью всегда обостряются чувства, так и маги давали кольца знахаркам, повитухам, магессам. Хотя были и отказавшиеся... Палачи, Избавители — словом, те, которых боялись. Избавители приходили за умирающими, теми, кто мучился от боли. А палачи... казнили тех, кто не заслуживал жить. Чего уж греха таить, таких среди людей было немало.

Так вот Палачам и Избавителям отказывали почти всегда. Кто захочет принять кольцо у такого отщепенца? И именно такие, по мнению Шахнала, были самыми опасными. Если они переметнутся к колдунам...

— Отец мой... — слабый шепот заставил жреца очнуться от тягостных мыслей и посмотреть на послушницу.

Жрец даже удивился, увидев ее. Так задумался, что забыл, где находится.

— Отец мой... Какие у вас сильные руки. И нежные.

Девушка повернулась и мягко поцеловала его ладонь, глядя своему пастырю в глаза. Потом еще раз. И еще. На четвертом поцелуе внутренней стороны ладони коснулся влажный язычок. Мужчина застыл. Соблазнительница тоже. Закусила губу, медленно приподнялась, снимая с волос покрывало. Длинные медные локоны рассыпались по плечам. Мариоса вновь поднырнула под руку молельника и потерлась макушкой о его ладонь, побуждая вновь гладить ее по волосам.

Шахнал бездумно подчинился, пытаясь осознать происходящее. В груди бушевал ураган самых противоречивых чувств — от наслаждения до ужаса. Глупая. Что творит? Не понимает будто, что он чужой ей... как она только...

Послушница закрыла глаза и слегка подалась вперед. Рука Шахнала соскользнула с затылка и оказалась на шее. Слово со стороны мужчины наблюдал происходящее.

Вот, задержавшись, его ладонь медленно двинулась вниз, с наслаждением ощущая бархатистость теплой женской кожи. Какая она нежная! Вот пальцы наткнулись на грубую ткань одеяния, замерли. Двинулись обратно, прошли по шее, скуле, очертили губы.

Мариоса приоткрыла рот и поймала перст своего наставника. А во взгляде темных глаз вспыхнуло хмельное обещание. Жрец застыл, парализованный этим чувственным призывом, а потом дернул послушницу к себе...

Для него, всю жизнь посвятившего посту и молитве, отрекшегося от большинства плотских

желаний и радостей, каждое прикосновение, каждый сорванный с губ девушки поцелуй были откровением. Она что-то шептала, когда он жадно задирает ее черное одеяние, выгибалась, предлагая свое нежное тело его торопливым и неумелым рукам, а потом глухо вскрикивала, запрокинув голову, рассыпая золото волос, впивалась ногтями в мужские плечи, кусала его шею, губы... все кончилось быстро. Слишком стремительно обрушилась на Шахнала волна удовольствия, слишком поспешно он, обессиленный, упал на нее... слишком скоро наступила расплата.

— Нет, нет, пустите, пустите! — рыдания, маленькие кулаки, бьющие его по плечам, извивающееся тело. — Не надо! Хватит! Пожалуйста-а-а!!!

Жрец отпрянул, с ужасом глядя на то, как послушница в разорванном платье сжимается на разоренном ложе.

— Нет! — закричала она, стоило ему попытаться протянуть к ней руки. — Не надо больше! Умоляю, не надо!!!

Последние слова Мариоса прорыдала, пытаясь отодвинуться как можно дальше от Шахнала, сгребая на себя скомканную простыню. Мужчина сидел, раздавленный, оглушенный, медленно осознавая, что натворил. Сильничал. Девчонку. Ребенка еще... Он? Строгий молельник, держащий пост уже более пятнадцати лет, отказывающий себе в малейших послаблениях, в самых ничтожных плотских радостях?

После содеянного он более не имеет права возносить молитвы богам. Не имеет права приближаться к храму. Не имеет права не то что, прикоснуться к Чаше Откровений, но даже и просто смотреть на нее. Такие, как он, даже на жизнь права не имеют.

— Уходи. Я не трону, — тусклым голосом выдавил из себя мужчина.

Послушница скатилась с кровати и бросилась прочь из кельи.

Осознание произошедшего обрушилось на полечи всей тяжестью, заставляя сердце обмирать и грохотать в висках. Он теперь отступник. Он... пал.

Мариоса, придерживая разорванное на груди платье, неслась вперед. Ей казалось, что ее преследуют, что вот-вот настигнут, призовут к ответу... поэтому она бежала, все быстрее и быстрее, не обращая внимания на первые тяжелые капли дождя, упавшие с неба. Медные волосы развевались на ветру, но собирать их было некогда. Скорее, скорее! Вниз по улице, в дом, где она будет в безопасности! Вспышка молнии осветила безумное лицо, заставляя редких прохожих испуганно шарахаться прочь. Впрочем, едва странная девушка исчезала из виду, люди отчего-то тут же забывали, что встречали ее. А дождь усиливался...

Вот и знакомая покосившаяся дверь, еще пара шагов и беглянка влетела в дом. С платья и волос текла вода, башмаки промокли. Скинув грязную обувь, она подбежала к камину и без сил рухнула на пол.

— Послушница пришла, — с усмешкой сказал сидевший в старом кресле молодой парень. — А ты что это в такую погоду домой прибежала?

— Дай одежду чистую, — прерывисто произнесла Мариоса, все еще стараясь отдышаться после сумасшедшего бега.

Парень поднял брови, но ничего не возразив, пошел в соседнюю комнату и вернулся оттуда со

стопкой чистой и сухой одежды. Девушка принялась поспешно раздеваться, но мокрое платье липло к телу, и она безуспешно пыталась стянуть его с себя. Парень, понаблюдав какое-то время, в два шага пересек разделявшее их расстояние, рывком сдернул с нее облачение и отвернулся, не мешая переодеваться.

— Ты что влетела, словно за тобой гонятся? — спросил он, снова возвращаясь в кресло.

— Не знаю, — буркнула девушка, плетя волосы.

От холода ее еще колотило, но постепенно послушница приходила в себя.

— Ты, да не знаешь? — парень хмыкнул. — А почему ты не в келье? Выгнали?

— Сама ушла, — Мариоса перекинула влажную косу через плечо и поднялась с пола.

— Не получилось, послушница?

Девушка на миг замерла, глядя в огонь, а потом медленно повернула голову.

— Получилось, — промурлыкала она, сбрасывая, наконец-то, личину запуганной девчонки. — Наш святоша пал. Я же говорила тебе, Комиаш, что смогу совратить кого угодно.

И она потянулась, не замечая тени брезгливости, промелькнувшей на лице парня. Женщины его не привлекали, а такие, как она, раздражали сильнее всего.

— Сама? — прищурился он, глядя, как тускнеет обольстительная улыбка.

— Нет, — налет превосходства мигом слетел с Мариосы. — Пришлось привораживать...

— Анара будет довольна, — парень усмехнулся. — И как тебе?

— Никак, — передернула плечами блудница. — Чего можно ждать от мужчины, у которого никогда не было женщины? Минуту слушаешь, как сопит, а потом устраиваешь истерику «ты лишил невинности маленькую девочку!»

Дом сотрясся от раската грома. Мариоса втянула голову в плечи, а ее собеседник расхохотался:

— Ты лучше не произноси больше слово невинность, Мариоса. А то мало ли...

Колдунья фыркнула, но промолчала.

— Он ничего не заметил? Уверен в том, что сделал? — спокойный голос Анары заставил беседующих обернуться. Женщина стояла у окна, с удовлетворением глядя на бушующую стихию.

Мариоса фыркнула:

— Даже опытные мужчины не всегда могут понять, девственница перед ними или нет. А уж этот...

— Хорошо. — Анара позволила себе улыбку. — Ты меня не разочаровала, дорогая. Иди, отдохни и поешь. Вряд ли там у тебя было на это время.

— Госпожа, он узнал, почему не отвечает Маркус. — вспомнила колдунья. — Тот решил отдохнуть.

— Я знаю. — Анара махнула рукой, отпуская «послушницу». Та кивнула и быстро ушла, оставляя госпожу наедине с Комиашем.

— Как закончится дождь — иди к святыне. Если он еще там — прогони прочь, скажи, что пришел мстить за сестру. Он должен уйти. Гони его из города, упрекай, скажи, что Мариоса повесилась. Он должен убить себя. Сам. Должен возжелать смерти так, как ничего на этом свете не желал.

— А если он ушел?

Анара улыбнулась:

— Если он ушел, значит, он уже хочет смерти.

О любви, доброте и семейных ценностях

— О, кто пришел! Только мы тут не рождем и не собираемся. А тебе не пора ли идти искать страждущих? — с милой улыбкой спросила Василиса Повитуху, вошедшую на кухню.

— Дэйн запретил мне уходить. Я должна понести наказание, — Милиана смотрела на то, как ловко Василиса орудует у печи. — У тебя дар.

— Какой? — Васька швырнула деревянную ложку в корыто с грязной посудой и повернулась.

— Ты вкладываешь в то, что делаешь, частичку души. А душа у тебя добрая, — задумчиво ответила магесса, продолжая наблюдать за стряпухой.

— Я вообще — девчонка хоть куда, — ответила Васька и вытащила из недр печи горшок с супом.

Зария, проشمгнувшая на кухню за новыми порциями, удивленно оглядела Повитуху, но промолчала. Чернушка не хотела находиться там, где ее всего несколько часов назад мучил колдун, поэтому, набрав полный поднос исходящих паром и ароматами мисок, торопливо поковыляла обратно в обеденный зал.

Василиса же, придерживав помощнице дверь, удивленно оглянулась на соперницу, пытаясь понять, зачем та сказала ей приятное.

— Не жди подвоха. Я не пытаюсь тебе польстить и подружиться, просто хочу понять. Ты добрая. Потому и помогла Йену.

Та-а-ак.

Лиска, осознав, что вот после этих?то слов и начнется главное действие, оставила от греха подальше раскаленную сковородку. А то вдруг захочется воспользоваться не по назначению.

— Вещай, — милостиво разрешила кухарка. — Хотя, давай я сама за тебя все изложу?

Повитуха настороженно кивнула, чувствуя приближение мага. Только бы не помешал...

— Я пожалела Грехобора. Он ведь ничего, кроме жалости не заслуживает. Ну, действительно

— что в нем хорошего? Шрам на половину лица. Пальцев нет. Голова седая. Изгой. Маг, к тому же. До него и дотронуться?то нельзя. Шляется по дорогам. Скиталец без роду, без племени, без гроша за душой. Одним словом — скотина бесприютная, а не человек. Да и, между нами говоря, — Васька доверительно понизила голос: — женщины у него аж девять лет не было. Разве это мужчина? Ни опыта, ни воображения, согласна?

Повитуха закивала.

— Да и полюбить такого... прямо скажем, сердце не шевельнется. Господи, да как, как такого любить?

— Он сказал мне, что ты и женой его стала... по глупости, — осторожно промолвила Милиана.

— М-м-м, сказал? — Василиса шагнула к собеседнице, которая от откровенного разговора слегка расслабилась и растеряла избыток настороженности. — Почуял настойку, видимо. Ну, разумеется. Чего уж греха таить. Напилась. Мужика захотела. Конечно, предпочтительней был бы кто попримечнее, но, увы. Под боком оказался только этот. И я подумала, что для одного раза вполне себе подойдет. Ну, в конце?то концов, он, хоть и чахлый, но попользовать?то можно... правильно? К тому же видно ж — бесхозный мужик. Мне все равно, а ему приятно.

Повитуха снова кивнула.

— Кто ж знал?то, что так у вас все сложно, — продолжила Василиса. — Я?то думала, потискаю его и отпускаю на волю. Больно сдался. А тут, вон какая оказия. Кольца. Ну и в постели он...

— Не очень, — закончила за нее Милиана.

Повитуха, наконец, успокоилась. И с чего она вдруг решила, что девушка не так проста? Проста. Даже более чем. И замечательно, что все это она сказала сама. Грехобор, наверняка, слышал — недаром магесса его больше не чувствовала...

— И вот теперь дилемма. Как избавиться от ненужного мужа? Кольца?то никто не отменял. Вариантов тут два, как я понимаю. Убить себя, милостиво перед смертью позволив тебе жить с ним долго и счастливо. Или, что гораздо приемлемее — его. Главное, ничего не перепутать.

И стряпуха, скрестив руки на груди, выжидающе уставилась на собеседницу, ожидая от нее предложений.

— Я... — Повитуха растерялась.

Про кольца?то она совсем забыла! Вбила себе в голову, что, если б не Василиса, все могло сложиться иначе, но упустила из виду главное: кольца. Такой союз не расторгнуть ни магией, ни колдовством. Лишь смертью.

Видя, как замелькали у нее в глазах мысли, Василиса сжала кулаки и шагнула вперед:

— Ты — дура, — она подошла к магессе вплотную и, не убирая с лица милой улыбки, проговорила:

— Я его тебе не отдам. Никогда. Хоть с кольцом, хоть без него. Не потому, что собственница. Не потому, что хочу насолить. А потому, что все, что я сейчас сказала — неправда. Это твои мысли о нем. Не мои. Лучше скажи, где ты была те девять лет, что он скитался один? Где?

— Я...

— Ну да, ты, — наступала на нее Василиса. — Про себя я все знаю.

— Дэйн не позволял...

— Ах, не позволял! — стряпуха усмехнулась. — А сейчас, значит, позволил?

Мириана отступала, шокированная таким натиском:

— Ты не понимаешь...

— Точно! — Василиса щелкнула пальцами, выражая высочайшую степень справедливости этих слов. — Не понимаю. Я не понимаю, как можно было отпустить скитаться в одиночестве и отчаянье любимого человека. Как можно было наплевать на него из-за каких-то дурацких запретов. Поэтому смирись. Тебе не надо, так я подобрала. И теперь он мой. Все.

— Он тебе не нужен! — рассерженно хлопнула ладонью по столу Повитуха.

— Он не нужен тебе, — стряпуха схватила магессу за руку чуть повыше локтя, и едва не закричала от полыхнувшей во всем теле боли.

Тем не менее, данное обстоятельство не поколебало Лискину решимость и она, еще сильнее стискивая плечо Повитухи, не обращая внимания ни на боль, ни на попытки соперницы вырваться, продолжила:

— Зато он нужен мне. Он на меня смотрит так, словно красивее в жизни не видел. И обнимает, будто роднее нет никого. А когда он меня коснулся первый раз — просто коснулся, не поцеловал даже — я думала у меня сердце из груди выпрыгнет. И плевать мне, что там у него плохого было в прошлом. Он мне нужен в настоящем и будущем. Я его не знаю совсем, но в одном уверена — он злодеем быть не умеет. Поэтому, еще раз сунешься к моему мужу и будешь говорить, что он тебе, спасу нет, как нужен — все космы повыдергиваю и не погляжу, что ты магесса.

— Отпусти! — Мириана отпрянула в ужасе.

— Ты поняла меня?

— Отпусти!

Но Василиса только сильнее сжала плечо Повитухи, не обращая внимания на боль, огнем полыхающую во всем теле.

— Ты меня поняла?

— Да, да, только отпусти! — в голосе Мирианы слышался неподдельный ужас.

Василиса отдернула руку, и магесса отпрянула, глядя на стряпуху глазами, в которых плескался страх.

— Если ты не врешь, и в «Пятаке» тебя действительно держит дэйн, то не попадайся ни мне, ни Йену на глаза. А если соврала... — Лиска снова схватила соперницу, но на сей раз уже двумя руками, встряхнула, словно пыльное одеяло и четко, отдельно произнесла:

— Я из тебя всю душу вытяну и по ветру пущу.

О несомненной пользе доверительных бесед

Глен сидел напротив дэйна и растерянно смотрел тому в глаза. Впервые за долгое время колдун не находил, что сказать. Все эти месяцы он прятался, таился, боялся разоблачения, боялся выдать себя, потому что был уверен — дэйн, увидев его, найдет способ уничтожить бесплотного отщепенца. Поэтому сейчас вышеозначенный отщепенец оказался буквально раздавлен простой истиной — палачу магов нет до него никакого дела.

— Ты мертв, — спокойно сказал дэйн. — Духи и призраки — это дело Отцов. Дэйны же отвечают за материальное.

— То есть ты сообщишь Отцу? — севшим голосом спросил Глен.

— Я в дела духовные не вмешиваюсь, — дэйн даже не смотрел на собеседника, предпочитая наблюдать за посетителями харчевни. — Единственное, на что я имею право — сделать так, чтобы ты не мог больше подчинять себе Василису или кого бы то ни было еще. Так что мне от тебя ничего не нужно. Можешь... быть свободен.

Какое-то время колдун молчал, пытаясь осознать услышанное, а потом, понимая, что терять все равно нечего, спросил:

— А если мне от тебя нужно?

Похоже, этим вопросом ему, наконец, удалось заинтересовать дэйна, по крайней мере, тот перевел взгляд на бесплотного наглеца.

— Прощение этой хромоногой девушки?

— Мне нужно снова стать живым, — отдельно произнес колдун, готовясь к вспышке гнева со стороны палача магов.

Но вспышки не последовало. В воздух камнем упало всего одно слово.

— Нет.

— Но...

— Я не торгуюсь с магами и колдунами. Не помогаю им. Не заключаю сделок.

Глен прищурился. Помолчал. И вдруг усмехнулся:

— А я не колдун. Как ты сам сказал — я дух. Очень полезный дух.

В его голосе прозвучало такое неприкрытое ехидство, которого слуга богов не мог не заметить. Дэйн повернулся к Глену и вопросительно вскинул бровь, позволяя тому говорить.

— Никто из колдунов не знает, что я раскрыт. Они уверены — я на их стороне, прячусь тут, выведываю. Я могу продолжать беспрепятственно ходить к ним и рассказывать, что они задумали, могу...

— Я понял, — прервал поток его красноречия собеседник. — Ты решил примерить на себя личину предателя. А взамен хочешь жить. Вот только, понимаешь ли ты при этом, что, как

только станешь живым, я сразу же тебя убью?

Лицо духа застыло.

— Скотина бессердечная, — жестко произнес он.

Дэйн пожал плечами.

— Ты осознаешь, что это случится сразу же после твоего возрождения? И уйти ты не сможешь. Так стоит ли вообще начинать?

Колдун открыл было рот, чтобы обрушить на палача магов обличительную тираду, как вдруг у него из-за спины раздался спокойный ровный голос:

— Он может отдать свой дар во время обряда возвращения и стать обычным человеком. Думаю, эта плата из числа тех, которые не вызывают возражений, — Грехобор появился бесшумно и, не спрашивая разрешения, опустился на скамью. — К тому же, я пообещал ему помощь. Он спас мою жену.

— И? — дэйн сложил руки на груди. — Для проведения обряда нужна моя кровь, отданная добровольно.

— Я знаю, — по-прежнему невозмутимо кивнул маг.

— И как ты собираешься взять ее у меня?

— Никак.

Палач магов смотрел с удивлением. Грехобор, пожав плечами, пояснил:

— Во мне течет та же кровь.

Теперь пришло время удивляться колдуну. Стыдно говорить, однако лишь сейчас Глен заметил удивительное, но отчего-то столь неуловимое сходство между мужчинами.

— Вы братья? — неверяще спросил он и тут же сам себя поправил: — Не может быть...

В ответ на него так выразительно посмотрели, что недоверчивый призрак опустил голову, пристыженный.

— У меня странное чувство, — вновь перевел взгляд на брата дэйн. — Словно ты ищешь проблем.

— Тебе кажется, — Грехобор тоже сложил руки на груди, отчего сходство между этими двумя усилилось многократно.

— Хочешь сказать, чутье меня подводит?

— Такое бывает, — маг мельком взглянул на колдуна и продолжил: — Как бы то ни было, я ему помогу. На нем много грехов, и некоторые из них не очень-то просто искупить. Есть и такие, какие и не загладить никогда. Но он хочет попытаться.

— И?

— Как много ты встречал колдунов, желавших искупить вину, дэйн?

Тот задумался, а потом кивнул, подтверждая правоту сказанного.

— Хорошо. Делай, что считаешь нужным, но... — палач магов смерил Глена тяжелым взглядом.
— Если он решит остаться колдуном — проживет недолго. Иди, я тебя отпускаю. Пока отпускаю.

Дэйну не пришлось повторять дважды, дух растаял в воздухе, словно его и не было. Волоран же перевел взгляд на брата.

— Итак?

— Я никогда не задавал тебе этого вопроса, — задумчиво проговорил Грехобор, выводя пальцами замысловатые узоры на столешнице. — Но зачем ты тогда так поступил?

Собеседник хотел было, как обычно, промолчать, но вдруг его собственный дар обострился до предела. Дэйны прекрасно чувствуют, когда маги балансируют на грани, когда боль и ярость усиливает их темную силу, грозящую вырваться из-под контроля. И сейчас в Грехоборе откуда-то поднималось отчаянье, которое грозило бедами всем находящимся поблизости. Опять. Волоран обреченно вздохнул.

— Это было необходимо.

— Зачем? — глухо повторил брат.

— Чтобы не допустить твоей смерти. Повитуха... она тебя губила.

— И ты решил принести в жертву себя, да? — раздражение звенело в его голосе, кончики пальцев покрылись мерцающим инеем. — Неужели ты не понимал, что со мной произойдет, когда я узнаю, какую жестокость ты с ней сотворишь?

— Предполагал, — коротко ответил дэйн, с удивлением глядя куда-то за спину мага. — Однако думал, ты себя переборешь, как обычно.

Он вновь перевел взгляд на брата. Иней уже поднялся по рукам Грехобора до самых локтей — серебрился на коже, на ткани безыскусной рубахи. Не к добру.

— Мили...

— Грехобор, хватит, — жестко оборвал его Волоран. — Ты девять лет влачишь вот такое жалкое существование именно из-за Мили, но продолжаешь ее защищать. И ведь приворота нет. Так что за странная привязанность? Чем она так хороша, объясни? Чем? Обыкновенная себялюбивца. Всегда такой была. Всегда знала, что ты ради нее готов на все. Единственный достойный поступок, который она совершила — встала перед тобой, когда ты собрался убить меня. Хотя... скорее всего просто поняла, что в этом случае будет некому над ней трястись.

— Не смей...

— Смею. Ты должен был стать Знахарем. Тем, кто живет на окраине деревни, лечит людей и скотину. Одним из тех немногих магов, которым говорят «спасибо», которых не боятся, не проклинаят, не ненавидят. А кем стал? Грехобором. Человеческим уродом, способным только собирать чужое зло. Ты навеки замарал себя, перекроил свою душу, убив тех, кто не

заслуживал смерти. И вспомни, почему это произошло? Только потому, что твоя Мили...

— Прекрати! — руки мага уже до самых плеч искрились от инея.

Однако дэйн устал молчать. Брат был его единственной болевой точкой. Из-за него он долгие годы все никак не мог избавиться от остатков чувств. И вот теперь, когда, казалось бы, дэйн целиком отдался служению богам, успокоился и утратил последние переживания, *забыл* о них, все началось сначала.

— Ну, нет, — заупрямился Волоран. — Ты сам начал этот разговор. А я уже порядком устал то и дело покрывать тебя и спасать, защищать и ограждать от ошибок и их последствий.

— Защищать? Меня? Ты? — и столько было в голосе мага неверия, насмешки и удивления, что его собеседник в ответ на эти слова горько усмехнулся.

— А ты думаешь, я пошел в дэйны от большой любви к фадирам?

Иней медленно таял, вот он опустился до локтей. Грехобор выглядел озадаченным.

— Что?

— Эта таверна — прямо?таки заколдованная какая?то, — вздохнул дэйн. — Все тут сегодня стремятся выяснить отношения. До твоего рождения меня дважды звали в послушники. Дэйны забирают детей с четырехлетнего возраста. А мне было уже шесть, и меня дважды звали нести служение. Я очень подходил: спокойный, тихий, разумный не по годам. Почти лишенный переживаний. Одним словом, осененный богом. Те чувства, которые я испытывал, были слабые. Но они были. И мне не хотелось их лишаться. Когда ты родился... — мужчина вздохнул, вспоминая... — Ты был смешным. Почему?то волосатым, хотя в нашей деревне младенцы всегда рождались лысыми. Отца не было, Повитухе помогал я. Младенцы не улыбаются, а ты мне улыбнулся. Я тогда что?то почувствовал. Не помню что именно, но что?то странное. Приятное. А потом раздался стук в дверь.

Иней сполз до запястий. Маг ловил каждое слово, сказанное ровным почти безразличным голосом.

— Она заплакала. Мать. Тихо. Повитуха пошла открывать, а она смотрела на тебя, лежащего у нее на груди, и плакала. Я видел, что она не считает тебя чудовищем, не хочет отдавать. Я много раз ходил потом по роженицам. Много раз заглядывал им в глаза. И, несмотря на понимание нашей правоты, почти все отдавали детей с болью. Тот дэйн, который пришел за тобой, был немолод. Весь седой, но все еще статный. Он потом стал моим наставником. Он протянул к тебе руки — не вырвал, а аккуратно взял. А она прошептала: «Кто теперь позаботится о моем малыше?» И из глаз текли слезы.

Ему не надо было продолжать, Грехобор все понял без слов. Однако брат продолжил:

— Я учился оберегать тебя. Заботиться. Учился помогать сдерживать твой дар. Еще один всплеск чувств — радость — когда мне сказали, что ты станешь Знахарем. Боги одарили тебя возможностью помогать людям. А при том, насколько злобной была твоя сила, это — редкость. И вот я иду, порадовать тебя и вижу: ты обнимаешь Повитуху, а твоя душа чернеет. Я *видел*, что ты задумал. *Видел* последствия. И поступил так, как поступал все эти годы. Позаботился о тебе.

— Я не оценил, — в отличие от спокойного голоса дэйна, голос Грехобора был сиплым,

сдавленным.

— Ты никогда не ценил. Для тебя я всегда был злом, — равнодушно уточнил палач магов. — Единственный раз, когда мне действительно захотелось причинить тебе вред, случился в тот день, когда ты предложил кольцо здешней стряпухе.

При упоминании о жене мороз снова сковал руки Грехобора и пополз вверх.

— И она меня пожалела, — мужчина перевел взгляд на свои ладони, увидел иней, и усилием воли заставил себя успокоиться.

— Не могу назвать ее жалостливой, — не согласился дэйн. — Скорее уж милосердной. Она умна и прямолинейна. Жалость таких людей проявляется иначе. Они не станут взваливать на себя чужое ярмо. И помогать его тащить тоже не будут. Вернее помогут сбросить. Такие, как она, жалеют деятельно.

— Она не отсюда, дэйн. И... — маг замолчал.

Трудно было говорить о том, что он только что услышал. Трудно было признать это. Он, конечно, понимал. Все понимал. И даже сам говорил это Милиане. Но услышать подтверждение своей правоте из уст жены оказалось очень тяжело. Неизмеримо больнее, чем он предполагал. Почему? С какой стати это так его хлестнуло? Грехобор пытался разобраться в себе. Пытался понять. Видимо за то короткое время, что маг провел под крышей харчевни, он впервые ощутил всю прелесть слова «дом». А когда Василиса касалась до него, когда осталась с ним на ночь...

Мужчина не мог объяснить то, что чувствовал. Не мог облечь в слова. Он не знал таких слов. Понимал лишь, что эта женщина нужна ему. Нужна так сильно, как он не предполагал. И это осознание пришло лишь тогда, когда он услышал то, что она говорила о нем.

Грехобор был лишен сурового равнодушия и спокойствия дэйна. Поэтому сейчас он испытывал боль и ее сила пугала. Даже после предательства Мили он не чувствовал такой пустоты в душе, такой тоски. Почему?

Да просто потому, что ему *необходима* ее любовь. Как воздух. Как вода. Как сон. Как хлеб. Понимание этой истины заставило мага окаменеть. Как бездумно он принимал ее касания, запрещая себе радоваться им и убеждая, что причина неожиданной ласки кроется в жалости. Он запретил себе хотеть ее, претендовать на нее, любить ее. Убеждал себя, что достаточно испытывать благодарность. Не позволял себе даже мечтать об ином! Он и Мили так сказал.

Вот только услышав свои собственные доводы из уст жены, понял: врал сам себе. Ему было необходимо, жизненно важно, чтобы Василиса его любила. Седого, со шрамом, бесплодной душой и пустотой в карманах. С тяжким грузом своих и чужих грехов. А теперь от понимания, что это невозможно, что его мечта неосуществима — хотелось взвыть.

— Я вижу тебя и ее, Йен, — брат первый раз назвал мага по имени, несмотря на запрет. — Поверь, в этот раз ты не ошибся в выборе женщины. Так что...

— Грехобор! — маг вздрогнул.

Зария торопливо ковыляла к столу, за которым беседовали братья, и отчаянно махала руками:

— Грехобор! Лиске плохо!

Гроза

Маг сорвался с места, в два шага пересек расстояние до кухни и подскочил к жене. Она сидела на лавке, привалившись спиной к стене, и дрожала. Бледная, с синюшными губами, закатившимися глазами, прерывисто дышащая.

— Заренка! — Йен подхватил ее на руки, дотронулся губами до потного лба. Ледяной.

— Дышать...не...могу... — кое-как выдохнула девушка, отчаянно стуча зубами. — Что...это...

Она пыталась совладать с собой, посмотреть на мужа, но тело не подчинялось. Грехобор прижал жену к себе и заглянул в незрячие глаза. Вздрыгнул, быстро огляделся и тут же, не раздумывая, вышел со своей ношей на задний двор. Он только-только пнул ногой дверь, как над головой раздался оглушительный раскат грома. Черные набрякшие тучи рассекла длинная кривая молния. В лицо ударил резкий порыв ветра. И небо обрушилось на землю потоками ливня.

Стихия рвалась и ревела, швыряла в лицо пригоршни воды, хлестала по щекам и плечам, заливала глаза, неслась ревущей рекой с крыш, устремлялась ручьями по земле. Йен стоял в непроницаемой стене воды, по-прежнему держа жену на руках. Мокрые волосы облепили лицо, одежда насквозь промокла, но маг этого словно не замечал, он крепко прижимал к себе дрожащее тело, подставляя его хлещущим струям дождя.

Василиса уткнулась лбом в теплое плечо и судорожно вдыхала свежий воздух. Обрушившийся на нее ливень унял неистовую дрожь, изгнал из тела холод, вода словно смывала боль и слабость, согревала, возвращала силы, дарила способность дышать, возвращала к жизни.

Мягкая рука, до того бессильно висящая, обвила Грехобора за шею. Девушка теснее прижалась к мужу, словно впитывая его силу. Они стояли долго. Дождь все лил и лил, но, даже несмотря на сполохи молний, продолжавших рвать небо, он затих. Сейчас это был просто сильный ливень уже мало похожий на водопад. Василиса, наконец, совладала с собой и смущенно попросила:

— Поставь, я тяжелая.

Йен подчинился, но, опустив жену на землю, тут же развернул лицом к себе, и, гневно встряхнул:

— Зачем ты прикасалась к Повитухе?

Василиса струхнула. Самым бесславленным образом. В голосе и взгляде мага было что-то такое... несвойственное ему прежде — жесткость, требовательность. Девушке стало страшно. Не по себе. И она уставилась под ноги, стараясь не встречаться с мужем взглядом. Поняв, что вот так сразу ответа от нее не добьешься, Грехобор слегка подтолкнул жену, вынуждая зайти под широкий навес, где у рачительного Багоя прятались узкий верстак и кое-какой нехитрый инструмент.

— Зачем? — повторил мужчина.

Лиска с тоской подумала о том, что, похоже, придется?таки ответить, иначе между ними разгорится первый семейный скандал. А ей совсем-совсем не хотелось скандалов. Ей было горько. И не хотелось передавать мужу суть их с Повитухой отвратительного диалога.

— Василиса! — впервые в его голосе прозвучали властные нотки.

Стряпуха вздрогнула. Вот уж не думала, что ее мягкий, тихий, постоянно сомневающийся в себе Йен может говорить таким тоном. По коже побежали мурашки. А такой ли он тихий? И вообще, ее ли он? Внезапно Василисе захотелось исчезнуть. Подальше. Желательно, на другой материк... но сильные руки держали крепко, поэтому девушка не нашла ничего лучше, как спрятать голову... под мышку Грехобору. И оттуда уже пробормотать ответ.

Ужасно хотелось разреветься. Ну вот, что она за человек-косяк?

— Ты... что? — Грехобор бережно отстранил жену от себя, чтобы заглянуть в глаза. Но это оказалось проблематично, потому что Лиска упрямо смотрела под ноги. Наконец, страдальчески вздохнула и отдельно повторила:

— Я. Ей. Угрожала.

— Угрожала? — ему показалось — ослышался. — Ты? Угрожала? Ей?

Василиса всплеснула руками, досадуя на то, что в мужья ей достался такой тугодум.

— Она пришла, и начала... и любить?то тебя не за что, разве только из жалости, и зачем ты мне такой сдался, да ничего в тебе особенного, да на что я могла позариться...

В голосе девушки звенел нарастающий гнев.

— Она такое сказала? — перебил ее Грехобор, опуская руки и делая шаг назад.

Жена, наконец, вскинула на него гневные глаза:

— Нет... Это говорила я. Потому что именно это она хотела услышать. А Повитуха твоя стояла и согласно кивала на каждое слово! — Василиса совсем раздраконилась. — Ей-богу, Йен! Еще раз ее увижу, просто все патлы повыдергиваю! Неужто и ты уверен, что я с тобой, ну... В общем, только потому осталась на ночь, что перебрала Баговой наливки. Я похожа на такую? Нет, ты скажи! Похожа?

Она наступала на мужа, тыча пальцем ему в грудь:

— Если бы ты мне был не нужен, я бы устроила такой ор, что тут все стекла бы повывлетали. Я никогда, слышишь, никогда не осталась бы с мужчиной только потому, что меня вдруг потянуло к плотским радостям! Ну и... разозлилась я, — виновато заключила девушка. — Разозлилась и встряхнула ее немного. А что, она уже нажаловалась?

И Лиска виновато посмотрела на мага, взирающего на нее полными удивления и недоверия глазами.

— Нет... — он попытался подобрать слова, чтобы не испугать жену. — Но... тебе стало плохо именно из-за того, что ты ее «немного встряхнула».

— Да-а-а? — она встрепенулась, поняв, что ругать за самоуправство, похоже, не будут.

— Василиса, — глубокий вздох. — Ты совсем ничего не знаешь о магах?

Отрицательное покачивание головой в ответ.

Грехобор снова вздохнул и принялся объяснять:

— Повитуха очень сильная магесса. Ее сила передается через прикосновение — может облегчать боль, лечить, — но действует так только на рожаящих женщин. Дело в том, что ребенок, он безгрешен и его светлая душа создает... преграду для всего злого, что может случиться с будущей матерью. Сглаз, порча, болезни, магия — все это беременную женщину обходит стороной. И именно это позволяет Повитухе без последствий прикоснуться к роженице. В противном случае, злая сила начинает иссушать женщину, подпитывая Повитуху, делая ее сильнее. Но при этом душа магессы чернеет. А если она почернеет — не будет больше Повитухи.

— А...

— Появится Дева Мораки, — Грехобор убрал со лба мокрые волосы. — Это редкие магессы. Их за долгие сотни лет было не больше десятка, и они внушают ужас даже нам. Дева Мораки теряет рассудок. Ее целью становится насыщение — она вновь и вновь иссушает. Людей, магов, кого угодно. Морака — богиня — создала первую Деву просто ради шутки.

— Ничего себе, шуточки! — тут же возмутилась Василиса. — да у вас тут все... через... через... задний двор!

— Морака жестокая богиня. Поэтому Повитухи боятся прикосновений людей, а тут ты... Потрясти ее захотела... — мужчина неверяще усмехнулся. — Да она теперь к тебе близко не подойдет. Хорошо еще, дождь шел, а если бы нет? Ты бы погибла, понимаешь?

Он сжал ее лицо в своих изувеченных ладонях, жадно вглядываясь, ища отголоски страха в глубине зрачков. Но там не было страха. Только любопытство.

— Как так?

Вот, что за женщина?

— Лишь живая, текучая вода, может устранить последствия магии. Река, ручей, дождь. Вода очищает, смывает боль и скверну. Но только, если она живая. Вода из колодца, постоявшая в ведре даже полчаса — уже не поможет. Эта вода — мертвая. Не трогай больше магов, Василиса.

Она с готовностью кивнула и тут же задала новый, но очень волнующий ее вопрос:

— А почему... такое не происходит, когда я дотрагиваюсь до тебя? — девушка провела ладонью по насквозь промокшему плечу мужа. — Ни боли, ни страха...

Грехобор улыбнулся уголками губ и покачал головой:

— На тебе нет смерти. Нет тяжких грехов. Прикосновение к такому магу, как я, заставляет людей вспоминать все свои самые неприглядные поступки, словно заново их проживать, убивая этим душу, но тебе... нечего вспоминать.

— Как? — удивленно спросила Васька. — Однажды я списывала на контрольной в техникуме. Постоянно ездила на автобусе без билета. А уж сколько раз ела после шести вечера...

Муж улыбнулся, склонился к уху жены, ладонью упираясь в стену рядом с левым ее плечом:

— Я никому не расскажу, — шепнул он.

— Обещаешь? — она подалась вперед.

— Да.

Другая ладонь уперлась в стену справа от Василисы. Кающаяся грешница и сама не заметила, как оказалась в кольце мужских рук.

Маг смотрел на девушку и лишь теперь отмечал, какая она... Он не знал, как объяснить самому себе, то, что чувствовал в этот миг. Желанная? Наверное, да. Кудри отяжелели от воды, на ресницах блестели дождевые капли, мокрое платье облепило грудь — высокую полную, так тяжело вздымающуюся...

Мысли о том, что не надо к ней больше прикасаться, потому что ее жалость не доведет их обоих до добра, вылетели из головы. И вдруг сразу после этого пришло осознание сказанного ею раньше...

Грехобор резко наклонился, ловя теплые мягкие губы. Она отозвалась сразу, подалась к нему, обхватила руками за талию, запрокинула лицо... Оглушительный удар грома заставил их вздрогнуть. Василиса отстранилась на миг, пристально посмотрела мужчине в глаза, нежно, кончиками пальцев провела по безобразному шраму, тянувшемуся от виска, а потом снова потянулась к губам.

Он целовал ее жадно, словно боялся, что его ненаглядная Заренка вырвется и убежит, бросит, больше не подпустит к себе, словно хотел ухватить побольше счастья, которое так скупко уготовила ему судьба.

Молния.

Стон.

Оглушающий раскат грома.

Стена воды, падающая с крыши.

И тепло ласкового податливого тела.

Порыв ветра.

Торопливые руки скользнули под одежду, лаская его спину. Мокрая ткань липла к коже, мешала, и он рывком сдернул рубаху через голову, швырнув на верстак.

Молния.

Раскат грома.

Косые потоки ливня хлестнули по разгоряченной спине.

Грехобор целовал запрокинутое лицо, собирал губами дождевые капли, катившиеся по покрасневшимся щекам.

Сильные пальцы очертили линию позвоночника, заставляя Василису выгибаться, захлебываясь блаженством.

Молния.

Гром.

Порыв ветра.

Дождь, летящий в лицо, остужающий пылающую кожу.

Вскрик. Горячие губы касаются груди, облепленной тонкой насквозь мокрой тканью.

Долгий протяжный стон:

— Йе-е-е-н...

Слабость, шум крови в ушах, нетерпеливость. Ближе! Маг подхватил жену под бедра, недрогнувшей рукой смахнул с верстака все, что на нем лежало, усадил Василису, жадно и безостановочно целуя.

Молния.

Стон.

Раскат грома. Шум дождя.

Еще, еще сильнее...

И снова вспышка и раскат грома, только уже не снаружи, а внутри тела, жаркая волна стихийного наслаждения, удовольствие, потоком несущееся по венам...

Они никак не могли успокоить дыхание. Не хотелось отстраняться, двигаться, говорить. Василиса слушала стук сердца мужа, глядя через его плечо на сплошную стену дождя. Наверное, ей следовало зябнуть, но под кожей неслись горячие токи. Не было ни неудобно, ни стыдно. Просто уютно и хорошо, настолько хорошо, что она впервые озвучила то, что проговаривала про себя много раз:

— Я никому тебя не отдам.

Его сердце на мгновение замерло, а потом губы скользнули по нежной шее к уху:

— Даже если отдашь — не уйду. И тебя не отпущу.

От этих слов горло у Василисы судорожно сжалось, и она снова потянулась к мужу.

Мириана бежит от себя.

Она мчалась прочь от этого места, прочь от дэйна, Грехобора, Василисы, прочь от воспоминаний. Прочь от себя.

Слепой дождь бил по лицу, смешиваясь со слезами. За что ей это? Зачем? Она девять лет мучилась, пыталась убежать от себя, от прошлого. Девять лет безжалостно вырывала из памяти все, что было связано с ним, и все напрасно! Один взгляд, и понимание накрыло волной: она его любит. Несмотря ни на что. Любит. Все еще любит.

Повитуха споткнулась и рухнула на мокрую мостовую. Рыдания сотрясали худое тело. Не было

сил подняться. Ничего не хотелось. Только лежать здесь в канаве. И здесь же умереть. Или хотя бы забыть. Навсегда. Но воспоминания упрямо возвращались к тому времени, когда он был рядом. За что?

— За что-о-о? — глухо прорыдала она, уткнувшись лбом в сырую мостовую.

А спину десятками холодных плетей хлестал и хлестал дождь.

Она увидела их, когда ей было одиннадцать. Два брата шли рядом. Маг и послушник, который скоро должен был стать дэйном. Такие похожие и такие разные. Один спокоен, второй отчаянно жестикулирует, что-то рассказывая. Она подбежала ближе, и уставилась на них, как на диковину.

— Вы братья? — зачарованно глядя то на одного, то на другого спросила девочка. И тогда... он улыбнулся ей и кивнул. А Мили отчего-то своим детским умом поняла, что ни один юноша на свете сможет с ним сравниться. Он был... самым лучшим!

Милиана бегала за Йеном и Волораном всюду, засыпая вопросами, жадно заглядывая в глаза. Неразлучная тройца...

Потом Волоран стал бывать с ними все реже, а Мили все чаще оставалась с Йеном. Год, другой, третий...

— Милиана... — Йен смотрел на нее виновато. Она даже не поняла, почему. Неужели о чем-то догадывается? — Мили...прости.

— За что?

— Твои чувства... ты... прости, но... они безответны.

Она отступила на шаг и обхватила себя руками за плечи.

— Ты точно это знаешь?

— Да. Я... ты мне дорога, Милиана. Поэтому я не хочу тебе врать. И никогда не буду.

Девушка отвернулась и лишь едва заметно вздрогнула, когда теплые руки обняли ее и осторожно развернули.

— Неужели моей любви не хватит на двоих? — она смотрела на него с такой надеждой, с такой верой!

— Мили...

Он отвернулся, и пошел прочь. Боль, обида, горечь подкатили к горлу.

— Постой! Йен... пожалуйста, побудь со мной.

— Я не тот, кто тебе нужен, Милиана, — юный маг покачал головой. — Не надо. Ты еще встретишь...

— Пожалуйста! Побудь со мной! Просто... будь... рядом... прошу.

И он был. Сперва как друг, потом... как мужчина. Милиана вздрагивала, лежа на мостовой,

вспоминая. Он целовал ее и раньше, но в тот раз... он зашел дальше и она не остановила. Да и не хотела останавливать. Знала все, помнила его жестокие в своей правдивости слова, и не остановила. Ей казалось, будто Йен испытывает к ней что-то, и это помогало жить.

Она понимала, это неправильно, это самообман, но Йен был ей нужен. Нужен, как всегда. Вот только у Волорана были другие планы.

Он ждал девушку, сидя у двери ее кельи, глядя застывшим спокойным взглядом в пол. Милиана замерла. В последние седмицы она видела его редко и лишь издали, поэтому искренне удивилась, встретив так близко.

— Зачем ты пришел? — едва слышно спросила она.

— Пусти меня к себе, — тихо попросил он.

Она ничего не понимала, но послушно распахнула низенькую дверь, пропуская гостя вперед. Дэйн смотрел на нее долго. Очень долго. Словно принимая какое-то непростое решение.

— Ты похудела. И теперь еще больше похожа на жеребенка фадира, — заметил он.

Милиана пожала плечами:

— Не хочется есть.

— Мили... — Волоран глубоко вздохнул и протянул ей раскрытую ладонь. — Прими мой дар.

Девушка задохнулась. Она смотрела на кольцо в его руке, понимая, что ей предложили. Хотелось броситься наутек. Что он творит? Зачем? Она не могла согласиться, и не могла сказать «нет».

— Что ты... зачем?!

— Да или нет, Милиана?

— Волоран!

— Да или нет?

Однажды взяв, кольцо нельзя вернуть. Его можно или принять, или отказаться. Она не могла взять венчальное украшение, она уже столько лет была с Йеном... но она не могла сказать «нет» Волорану. Если он умрет... она не простит себя. Если она скажет «да»... Йен не простит ее. Выбора не было. Они оба понимали это.

— Да... — дрожащими руками она взяла кольцо и надела его на палец, становясь невестой.

— Я приду к тебе вечером, — также спокойно сообщил ей Волоран, и впервые коснулся ее — дотронулся тыльной стороной ладони до щеки. — Спасибо.

А вечером, когда она в растерянности сидела на кровати и пыталась понять, что же ей теперь делать, пришел Йен. Ему рассказали о помолвке брата...

Произошедшее после этого являлось Милиане во снах каждую ночь.

Боль. Ревность. Гнев. Йен смотрит на нее, и от кончиков пальцев к запястьям стремительно

ползет иней.

Она колотит в двери, но он наложил заклинание, которое ей не снять. Она рывком поворачивается к нему, но Йена больше нет. Человека больше нет. Есть маг, власть над которым взяла Проклятая сила. Дышащее свирепой стужей чудовище стоит напротив и волны ледящей силы расходятся от него.

А потом дверь срывает с петель, Миλιана хочет бежать, но врезается в Волорана. Он что-то кричит, пытаясь достучаться до брата. Но тот не слышит. Не понимает. Потому что его больше нет. И свирепая сила растекается в стороны, обращая в лед все живое, что встречается ей на пути. А Йен не видит этого. Не понимает, кем стал.

И люди, с которыми Милиана дружила, которых знала уже много лет — гибнут один за другим. Они падают на пол оттого, что стужа добиралась до их сердец. И Клетка содрогается, кладка идет трещинами, камни падают...

Два брата стоят друг напротив друга. С одним Милиана еще недавно делила ложе, а другой сегодня по прихоти судьбы стал ее нареченным. Она любила обоих. По-разному, но любила. Кто бы ни победил в этой схватке, проигрывали все. Как бы Милли не боялась, она видела, что творит Йен... и встала на его пути.

— Убирайся! Пошла вон! — рычал он.

— Нет! Не трогай его! Не трогай! — кричала она в искаженное мукой лицо Йена. — Он твой брат!

Девушка лежала на мостовой и дождь хлестал трясущуюся от рыданий спину. Магесса захлебывалась слезами. Она не хотела вспоминать. Но вспоминала. Злобу Йена, опустошение в глазах Волорана, когда брат прошипел ему, что Миллиана предпочла остаться в заточении с ним — убийцей, лишь бы избежать участи сделаться невестой дэйна. Больно... как же было больно тогда. Почему она промолчала? Почему не попыталась помирить их? Зачем она вообще родилась на свет?

Мициана сжала зубы. Она не хотела помнить. Она хотела умереть.

— Встань. Холодно.

Она вздрогнула от неожиданности, но все же оторвала голову от мокрой ледяной мостовой и глухо сказала:

— И что? Заболею? Все равно этот проклятый дар не даст умереть. Мучением больше... мучением меньше... В сущности никакой разницы.

— Ты всегда болеешь очень тяжело. Встань.

— Уйди, — впервые в жизни Мили ненавидела этого мужчину. — Сгинь, дэйн. Или убей. Я устала страдать.

Девушка не собиралась подниматься, она так и лежала, прильнув к холодным камням, словно к материнской груди.

— Вставай.

Волоран протянул магессе руку и снова требовательно повторил:

— Поднимись.

Да что ж пристал!? Повитуха отшвырнула от себя его ладонь, вскочила, и прокричала мужчине в лицо:

— Отстань!!!

Слезы текли по лицу, смешиваясь с дождем, тело колотила дрожь, но Милиана словно не замечала этого. Единственное, чего ей действительно хотелось — чтобы дэйн оставил ее в покое. Не говорил. Не предлагал помощь. Не стоял рядом. Какая ему...

Сильные руки притянули ее к теплой груди.

— Успокойся. Не плачь.

Он говорил это равнодушно, словно не хотел утешать, а лишь бездумно повторял то, что принято говорить в подобных случаях. В голосе не прорезывалось и толики сочувствия или беспокойства. Точно таким же тоном он мог бы сказать ей: «Умри» или «Я тебя ненавижу». Любые слова, которые обычный человек при помощи интонаций наполнял оттенками смысла — от боли до восторга — в его устах звучали пресно. Никак.

Теплые ладони гладили Милиану по голове без малейшего намека на ласку. Но он касался ее. Магессы. Сам. Укутал в свой плащ. Для такого, как Волоран, это было... наивысшим выражением участия. Понимание этого сломало жалкие остатки гордости и силы воли. Девушка заплакала навзрыд, уткнувшись лбом в широкое плечо, выплескивая горечь, накопившуюся за девять лет скитаний. Она плакала долго, проклятый дар несколько раз за это время пытался восстать, поднимался в душе темной волной, но сила дэйна каждый раз подавляла его.

Дождь давно стих, и теперь только ручьи под ногами напоминали о грозе. Мужчина, по-прежнему обнимая магессу, посмотрел на темнеющее небо. Суматошный, тяжелый день подходил к концу.

— Ты плачешь по нему? — тихо спросил Волоран, когда Милиана устала рыдать и стояла, оцепенев, прижимаясь к нему всем телом.

— По себе, — глухо ответила она, делая судорожный захлебывающийся вдох.

— Почему? — дэйн продолжал гладить девушку по голове, но не пытался заглянуть в глаза. — Тебе нужно радоваться.

— Радоваться?

— Вы, наконец, свободны друг от друга. Ты свободна. Разве это плохо?

Милиана вскинулась.

— А когда я стану свободной от тебя? Разве это — свобода?

Она отступила, зная, что палач не станет ее удерживать, и потянула засаленный шнурок, висящий на шее.

На выдавшей виды веревочке болталось... кольцо. Венчальное кольцо. Магесса показала его собеседнику и сказала, напоминая:

— На мне оковы. Ты сам заключил меня в них.

Мужчина долго смотрел на поблескивающий в сумерках стальной ободок, потом медленно-медленно обвел его указательным пальцем, слегка касаясь руки Повитухи.

— Ты могла отказаться.

— Я? Могла? — девушка отдернула руку с украшением, вновь пряча шнурок за пазуху, вытерла слезы и ответила: — Да, могла. И ты бы умер.

— Верно.

— Неужто, я кажусь такой подлой? — спросила она с плохо скрываемой болью в голосе. — Неужто ты ждал от меня отказа? И даже мысли не допускал о том, что я не хочу становиться убийцей? Ладно. Пусть. Я — маг. Зло. Легко могу погубить. Предположим так. Но неужели ты даже не подумал о том, что я... не хочу твоей гибели? Я знаю тебя большую часть своей жизни. Ты учил меня подавлять проклятую силу, успокаивал, когда она не подчинялась, даже еду с кухни таскал!

— Я знал, что ты не откажешь. Почти был уверен, — дэйн пожал плечами. — Но все равно у тебя был выбор.

Девушка смотрела с болью, досадуя, что он не понимает, и она вынуждена объяснять ему столь очевидные для нее и столь непостижимые для него истины.

— Не было выбора. Никогда. Единственный раз жизнь предоставила мне шанс, счастливый случай — возможность стать обычным человеком. И ты меня его лишил.

— Лишил? — дэйн грустно улыбнулся. — Я сидел под твоей дверью всю ночь, Миллиана. А утром я пришел в келью, где заперли Йена, с едой и теплой одеждой, и увидел тебя, спящую у его ног. Как собаку.

Милиана закрыла глаза. Вздохнула. Открыла. Волоран в совершенстве умел прогонять ее тоску. Стоило ей хоть минуту поговорить с ним — и в душе сразу поднималась горькая досада. Зато грусть проходила. Бесследно.

— Вол... дэйн! Я не верю, что мы смогли бы стать семьей. — Магесса решила раз и навсегда поставить точку в этом вопросе, занимавшем его, судя по всему, последние девять лет.

— Почему? — палач магов и впрямь не понимал.

Он ее сведет с ума. Всегда сводил. Да что ж за мужик такой!

— Во-первых, ты меня не любишь. Во-вторых, мне не хотелось себя унижать. В-третьих...

— Унижать? — ему показалось — ослышался.

Повитуха снова вздохнула:

— Дэйн, ты ведь все равно не стал бы моим мужем.

— Стал бы.

— Да ты... — она задохнулась. — Бесчувственная деревяшка! Хочешь сказать, если бы я той ночью пришла к тебе, ты бы принял меня? Конечно, нет! Разве ты хотел меня? Хоть когда-то? Я могла нагишом перед тобой сплясать, соблазняя, а ты бы сказал, что я тощая, как жеребенок фадира. Только и всего.

— С чего ты это взяла? — недоуменно спросил он.

— Ты презирал меня! — яростно продолжила она и вдруг осеклась, понимая смысл ранее сказанного. — Ты *ждал* меня у двери всю ночь?

Волоран пожал плечами.

— Когда я предлагал кольцо, я предлагал не только помолвку, чтобы отвести тебя от брата. Я предлагал все. И я не пошел бы к Чаше, если бы не хотел тебя. На такую жертву даже ради Йена я бы не пошел. Ты ведь не могла этого не понимать, Мили.

Она вздрогнула и отступила на шаг назад.

— Замолчи. Просто замолчи.

Девушка закрыла лицо руками. Теперь вместо слез ее душил смех. Боги, что же она натворила, чем прогневала судьбу?

— Зачем я тебе? Почему ты говоришь мне об этом? Почему сейчас? Почему ты всегда был против того, что мы с Йеном вместе?

— Не плачь, — он вздохнул и стер мокрые дорожки с ее лица.

Милиана застыла, удивленная прикосновением. По телу пробежала дрожь, почувствовав которую, мужчина нахмурился и отдернул руки.

— Идем обратно, — дэйн подтолкнул магессу в сторону «Кабаньего Пятака». — Холодно.

— Ты не ответил, — напомнила Повитуха, послушно шагая рядом.

Волоран помолчал, а потом объяснил:

— Я старался не вмешиваться. Но он всегда был на грани срыва. А ты рядом с ним — несчастна. Вы убивали друг друга. Я надеялся, что когда Йен получит назвище, между вами все закончится, и вы успокоитесь. Но потом узнал, что вы решили уйти на Перехлестье. Служить богам. Этого я допустить не мог.

— Мы не собирались идти на Перехлестье, — возразила девушка и чуть не упала, когда мужчина дернул ее за локоть.

— Что?

— Мы никогда не собирались идти на Перехлестье, — повторила она. — Я собиралась идти одна.

Он вглядывался в ее лицо. На город спустились сумерки, но еще было достаточно светло. Волоран смотрел на Милиану, но не находил в ее глазах даже тени лукавства.

— Глупая, — наконец, произнес он. — Маленький глупый жеребенок.

Магесса горько усмехнулась, услышав это:

— Да. Глупая. Но жить тут, и понимать, что я никогда не стану любимой... — она осеклась.

— Любимой?

В сгущающихся сумерках Милиана, закрыв глаза, кивнула. Для дэйна не было секретом, как сильно она хотела стать человеком, как жадно искала любую возможность, перечитала стопы книг, ходила за советом к Отцам, постоянно пропадала в библиотеке Клетки. Не было мага более одержимого желанием отринуть дар, чем Мили. И девчонка нашла два способа. Точнее не нашла. Узнала о том, что такие способы есть.

Первый — стать женой дэйна. Но не просто женой, а нареченной, союз с которой благословят боги. Тогда сила палача магов просто уничтожит темную суть, сделав магессу простым человеком. Второй способ был... менее милосердным. По сути, он не делал мага человеком, лишь запирали его дар. Перехлестье.

Перехлестье всех дорог, стихий и миров. Там не было места магии, попавший туда лишался проклятой силы. Становился человеком и жил, посвящая себя служению богиням.

И, несмотря на то, что жизнь на Перехлестье была строга и полна трудов, несмотря на то, что, придя туда однажды, покинуть это место было уже невозможно, Перехлестье стало мечтой Повитухи.

Но Волоран впервые слышал о желании быть любимой. И если она так этого хотела... значит...

— Когда ты предложил мне кольцо... ты сковал меня по рукам и ногам, — тихо сказала девушка и вскинула на дэйна укоряющий взгляд. — Я не жена и не невеста. И не человек.

Он шел молча, что-то решая. Вспоминал события девятилетней давности, накладывая воспоминания на новое знание. Все представлялось в ином свете, не таким, как казалось прежде. Но тогда...

— Грехобор тебя не любил? — осторожно спросил палач магов.

— Может, по-своему. Но не так, как любит Василису, — призналась, наконец, Повитуха. — Он... к ней полон нежности. Он любит ее недостатки, ее достоинства. Всю ее. А меня... жестоко ревновал и был непримирим к моим слабостям.

Дэйн снова остановился. Повернулся к девушке. Нахмурился.

— А ты его? Любила?

Она закусил губу, отводя глаза. Открыла рот... но дэйн вдруг подобрался. Взгляд сделался пронзительным и острым, из него словно ушло все человеческое. Магесса сглотнула, зажмурилась, кусая губы... и ойкнула, когда мужчина дернул ее куда-то вверх по мостовой:

— Идем. Быстрее.

Повитуха не возражала. Когда Волоран становился дэйном, отстраняясь, растрчивая даже те жалкие чувства, что умел испытывать, с ним нельзя было спорить. Они шли тесными извилистыми переулками, поворачивая, то в одну, то в другую сторону. От однообразных серых

домов уже рябило в глазах, и скоро Мириана совсем перестала понимать, куда они так несутся. А уж обратный путь и вовсе не нашла бы.

— Стой.

Дэйн замер, вскинув руку и прислушался. Девушка послушно замерла. Они остановились на перекрестке двух улочек в уже почти сгустившейся тьме. Пахло дождем и мокрым камнем, гулкое эхо отражалось от стен. Здесь было неприютно и тоскливо.

— Как таких, как ты, земля только носит? Я из-за тебя сестры лишился! Она прибежала вся растерзанная, в слезах. Надругался над невинной девушкой, собака?! Она плакала, а пока я бегал за водой, повесилась прямо на пояске под потолочной балкой! Ты убийца! Ничтожество, прикрывшееся добродетелью!

Мириана вопросительно посмотрела на Волорана. Тот бесшумно шагнул на звук негодующей речи. Беззвучно выскользнул из ножен меч.

— Убирайся, душегубец! Будь я вправе — убил бы тебя, погань проклятая! Сколько еще девочек ты погубил? Сколько ссильничал? А? Говори! Сколько еще руки на себя наложили, козел похотливый?!

Дэйн исчез за углом приземистого домика. Мириана прислонилась к холодной стене и стала ждать. Не было надобности следовать за палачом магов, когда тот вершит свой суд, да и не ее это дело. Поэтому девушка терпеливо ждала.

Короткий хриплый вскрик вырвал магессу из задумчивости. Из-за угла пахло сыростью, прелью и плесенью. Сила колдунов. Только от нее такая вонь.

Тем временем за углом дома кто-то захрипел, забулькал... Рухнуло на камни мостовой тяжелое тело. Мириана прикрыла глаза, повторяя про себя — ее это не касается.

— Идем, — Волоран вынырнул из полумрака, поддерживая висящего у него на плече... Шагнула!

Молельник был весь в ссадинах, одежда его оказалась грязной и рваной, да и сам он мало чем отличался от Мирианы, успевшей прорыдаться в городской в луже: спутанные волосы слиплись от воды, лицо окаменевшее, губы искусанные, костяшки пальцев разбиты, словно мужчина в бессильной ярости колотил кулаками по камням. Но, что самое важное...

— На нем заклятье, — сипло сказала Повитуха. — И не одно. Кто может наложить заклятье на Отца?

— Выясню, — коротко ответил Дэйн и повторил. — Идем.

Глен начинает понимать

— Заря...

Чернушка в который раз обошла по крутой дуге возникшего у нее на пути духа и снова направилась в обеденный зал. Суматошный день закончился, следовало навести в корчме порядок — собрать со стола пустую посуду, выбросить в помой остатки еды, подмести пол и присыпать его свежей соломой...

Пока в питейном зале громыхал за своей стойкой Багой, девушке было проще не замечать навязчивого колдуна. Да корчмарь, раздосадованный тем, как обидели его хромоножку, несколько раз напускался на Глена и прогонял призрака прочь. Но сейчас хозяин таверны ушел в кладовую, и Зария осталась одна. Поэтому опостылевший ухажер сразу же возник из воздуха прямо перед ее глазами.

— Зария!

И снова девушка молча обошла его. Хромота у нее после недавнего злключения усилилась, нога разболелась, а в горле стоял комок. Но приученная к боли и молчаливому терпению, чернушка продолжала работать: собирала грязную посуду и, скособочившись под весом тяжелого подноса, носила свою ношу на кухню.

— Послушай меня...

Обида и злость всколыхнулись в душе, но девушка безжалостно подавила гневный порыв. Несмотря ни на что — ни на уверения Василисы, ни на неуклюжие уговоры Багоя, ни на оправдания обидевшего ее колдуна, — она по-прежнему считала, что все сказанное ей несостоявшимся насильником — правда. Она урод. Ее не любят. Да и кому такое в голову придет? Что в ней любить? Ущербная, колченогая, истощенная... Жалкая пародия на женщину.

Но кое-что сказать Глену все-таки следовало. Потому что нога болела и всякий раз обходить пусть и бесплотного, но такого навязчивого духа, чернушке надоело. Да и неудобств причиняло немалых.

— Я благодарна тебе, — негромко произнесла она.

Сердце в груди болезненно сжалось, воздух с трудом просачивался в пересохшее горло, душа плакала, но Зария заставила себя улыбнуться.

— Благодарна? — Глен выглядел встревоженным.

Он всматривался в девичье лицо, занавешенное длинной челкой, и глаза его темнели.

— Да. Если бы не ты... Не твой поступок. Я бы так и не поняла, что мне здесь не место, — она снова улыбнулась — грустно и задумчиво. — Когда луна пойдет на убыль, я пойду в храм Богини и стану послушницей. Пусть во мне есть дурная кровь и из-за этого я на всю жизнь останусь только в младших, я стану служить...

Глен закрыл ей рот рукой, обрывая клятву, которую девушка чуть было не произнесла. Ему редко удавалось воздействовать на материальное, но сейчас гнев, боль и страх оказались слишком сильны.

— Замолчи и слушай.

Девушка зажмурилась, стараясь сдержать слезы. Однако она привыкла быть покорной и не осмелилась вырваться. Поэтому сделала, как просили: замолчала и слушала.

— Я стану человеком. И приду за тобой. Я никогда от тебя не откажусь. Да, не был я хорошим. И вряд ли стану лучше. На мне много грехов, таких, о каких тебе и знать не нужно. Но я — весь твой. Со всеми этими грехами. Только твой. Я сейчас не могу тебя поцеловать, коснуться даже не могу, пока ты не спишь. Но даже сейчас я могу доказать, что мои слова — не пустой звук. Дай мне срок, Зария. Дай мне чуть-чуть времени. Не делай того, что собралась. Подожди.

Какая разница — месяцем раньше или месяцем позже, ведь так? Просто подожди. Я вернусь — клянусь тебе. Но ты только дождись. Потому что к кому же и зачем мне возвращаться, если ты откажешь? Кивни. Кивни, если согласна.

В его голосе было столько мольбы! Но Зария отрицательно помотала головой.

Колдун закрыл глаза. Не верит. Ни единому слову не верит.

— Посмотри на меня.

И снова отрицательное покачивание головой.

— Зария... Ты ведь видишь правду. Видишь, когда тебе лгут. Посмотри на меня. Я скажу последнее — единственное, что не сказал. И если ты считаешь, что это ложь — клянусь тебе — я уйду.

— А если я хочу, чтобы ты ушел сейчас? — хрипло спросила девушка.

— Сначала посмотри на меня! Я промолчу, если ты не хочешь меня слушать. И уйду. Обещаю. Но *посмотри...*

Чернушка открыла глаза и посмотрела на собеседника. Она не верила. Не верила. Это не правда...

А Глен ждал. Ждал, пока она спросит, и он сможет сказать, что любит ее. Ждал... Она должна спросить. Должна!!!

Нет. Зария отступила.

Шаг, другой.

Отвернулась.

Молча.

Колдун сжал кулаки. Он хотел подойти к ней, хотел произнести признание, рвущееся с губ, но вовремя остановился. Прежний Глен легко забывал свои обещания. Новый Глен был полон решимости не повторять ошибок прошлого. Он хотел сдержать принесенные ранее клятвы. Обе, что дал ей.

Увы, призрак, хотя и преисполнился желания измениться раз и навсегда, пока еще слабо представлял — как именно это сделать. Решимость решимостью, но надо же с чего-то начать, а у него, прямо скажем, для этого было слишком мало возможностей, да к тому же еще и полное отсутствие поддержки. В него никто не верил. Его никто не ждал. О нем никто не переживал. И уже тем более, никто не собирался ему помогать. Он был один. И победить ему предстояло самого себя. Только — вот беда! — он не знал, с чего начать. Куда идти? И как удержаться от острого желания, ставшего уже настоящей потребностью, видеть *Зарию*?

— Если передумаешь, просто позови, — это было единственное, что он еще мог добавить. Единственное, что ему оставалось.

Проклятый дар! В душе черной волной поднималась злоба. Поэтому, не давая себе время на раздумья, колдун переместился туда, где его ярость могла найти выход, не причиняя вреда простым людям и, тем более, девушке, которая так много для него значила.

Определенно, быть духом — своеобразное преимущество. Только подумал о том, где хочешь очутиться, и вот ты уже там, а как — сам не понял. В Логове было тепло. Глен до сих пор удивлялся тому, что может ощущать жар, холод, ветер. Он не мерз, не изнывал от духоты, но он *чувствовал*.

Сегодня здесь было людно. Дюжины две колдунов негромко переговаривались, что-то обсуждая, и поглядывали на кресло, стоящее перед камином. Кресло Анары.

Мужчины пока не видели возникшего из ниоткуда бесплотного сообщника, но некоторые непроизвольно поежились, ощутив присутствие сторонней силы.

Хозяйка Логова не обратила на появление призрака внимания, она разговаривала с мужчиной, державшимся в тени. От незнакомца исходили волны такого могущества, что Глен замер, не решаясь приблизиться. Колдунья, почуяв его смятение, обернулась и поманила новоприбывшего к себе. Тот подчинился, с опаской косясь на странного гостя.

Широкий лоб незнакомца был чистым и гладким. Да и вообще все его лицо казалось лишенным возраста: ни складок в уголках губ, ни мелких морщин, разбегающихся от глаз. Ничего. словно бы этот человек никогда не улыбался, не смеялся, не хмурился, не грустил. Однако, несмотря на эту более чем странную особенность, диковинный гость Анары выглядел далеко не молодым. Что делало его таковым? Холодная пронизательность голубых глаз? Тяжелый пронзительный взгляд из-под прямых темных бровей? Спокойная уверенность, сквозящая в каждом движении? Почти осязаемые волны небывалой Силы, разбегающиеся во все стороны? Что? Глен никак не мог понять и вдруг запоздало сообразил. Жнец. Перед ним стоит Жнец!

Поняв это, колдун принялся рассматривать мужчину с еще большей жадностью. Тот был... незапоминающимся. Таким, которого увидев мельком, потом и не вспомнишь. Да что там — мельком! Отвернись сейчас Глен, и попытайся воссоздать в памяти это гладкое чистое лицо — ничего не получится. Взгляду, словно не за что было зацепиться, а разуму запомнить. Разве только врезалось в память, что русые волосы Жнеца убраны в косу, доходившую почти до лопаток, а правая рука закована в кольчужную перчатку: от плеча до кончиков пальцев.

Заметив столь пристальное внимание к своей персоне, Жнец, видимо, решил удовлетворить любопытство (или подтвердить догадку?) пристально изучающего его духа и пошевелил пальцами. Латная рукавица замерцала, и ее хозяин усмехнулся, увидев, как опасливо отпрянул от него на несколько шагов Глен.

— Мне твоя душа не нужна, — успокоил маг колдуна. — Я больше не слуга богов.

Анара поднялась с кресла, оглядывая могущественного гостя и зазывно улыбнулась.

— Ну, так что? Ты решил? Присоединишься?

Жнец снова перевел взгляд на собеседницу. Она знала о своей красоте и о том, какую власть она дает ей над мужчинами. Знала и пользовалась тем и другим. Никто не мог устоять. Но на Жнеца ее улыбка произвела несколько иное впечатление. Вместо того чтобы загореться вожделением, мужчина нахмурился, подошел ближе и пристально посмотрел в глаза соблазнительнице. Та, конечно, не отпрянула в испуге и улыбка ее ни на миг не поблекла, но Глен-то видел, что прекрасные руки сжались в кулаки.

— Я неприятен тебе, верно? — с тонкой усмешкой прошептал Жнец.

— Перетерплю, — в тон ему ответила Анара.

— Стоит ли? Может, поищешь кого-то более... почтительного?

Женщина напряглась:

— Ты отказываешься?

И снова усмешка тронула губы мага. Он отвернулся, скользнул взглядом по жадно прислушивающемуся Глену, прищурился, и что-то неуловимое мелькнуло в светлых глазах. Колдун не успел понять — что именно.

— Разве можно отказаться от такого предложения? — ответил вопросом на вопрос Жнец, и Анара заметно расслабилась, разжав судорожно стиснутые кулаки.

— Думаю, нет, — она вновь медово ему улыбнулась.

Но улыбка в очередной раз пропала втуне, маг снова оглядел Глена, и направился к выходу, не удостоив собеседницу ответа.

— О-ох, — та бессильно опустила в кресло. — Силен, гаденыш.

На прекрасном лице промелькнула тень, и колдуну на миг показалось, будто перед ним сидит не молодая женщина, а высохшая старуха с мертвыми глазами. Но морок развеялся, стоило Анаре пошевелиться. Колдунья шумно выдохнула, и снова обрела прежнюю безмятежную царственность: ни сомнений, ни страхов, только властность и привычка повелевать.

— Где ты был? — требовательно спросила женщина, поворачиваясь к духу.

— Исправлял ваши ошибки, — зло огрызнулся тот.

Глен и подумать не мог, что сейчас клокочущая в груди злоба спасает ему жизнь — Анара всерьез подумывала над тем, чтобы развеять кажущегося ей бесполезным призрака по ветру.

— Ошибки? — с холодной надменностью переспросила хозяйка Логова и тут же отчеканила: — Я не допускаю ошибок.

— Ах, не допуска-а-аешь... — уважительно протянул Глен. — То есть Джинко сам себя отправил в таверну? Это дурак никогда ничего не делал правильно. Ты поручила мне одно, я согласился, и вот — я возвращаюсь, а ты, оказывается, решила действовать иначе. Какая прелесть. Я и забыл, сколь стремительно женщины меняют свои намерения.

— Не говори так со мной, мальчик, — опасным голосом сказала Анара. — Не забывайся.

— Знаешь, что, госпожа... — колдун шагнул вперед и навис над колдуньей. — Твой слуга пытался погубить ее пестом для перетирки пряностей! На кухне. Тогда как всего через стену в обеденном зале трапезничали дэйн и Грехобор. А этот кретин даже заклинание Тишины наложить не догадался! В итоге на ее вопли сбежался чуть не весь околоток. Но и это еще не все. Его сообщник тоже отличился, воспользовавшись при побеге Даром. Так что дэйн запомнил его. О, и самое главное: ни один из твоих посланников ничего не добился. Девчонка цела, невредима, ненавидеть не стала. Одним словом — шуму наделали, а результата нет. Или тебе сказали другое?

Анара скрипнула зубами, но... промолчала. А Глен тем временем продолжил:

— Поэтому, чтобы исправить сотворенное этими двумя дураками, мне пришлось так

изворачиваться, что я уже сам в своей лжи запутался.

И он отошел от колдуньи, всем видом изображая оскорбленного в лучших чувствах преданного слугу.

— Но ты... смог? — помолчав пару мгновений, вкрадчиво спросила женщина.

— Не совсем. Но она все?таки решила уходить к лантеям, как ты и хотела.

— Она не испорчена, — в голосе говорившей звучала искренняя досада. — Ты можешь ее привести?

— Нет, спасибо Джинко. Она мне больше не верит.

Колдунья в сердцах стукнула кулаком по подлокотнику старого кресла и резко поднялась на ноги, словно собиралась выместить гнев на ком?то из присутствующих.

— Есть еще одна возможность, — дождавшись, пока собеседница возьмет себя в руки, продолжил Глен. — Девчонка очень верит Василисе. Я бы даже сказал: боготворит ее. Понимаешь, о чем я? Предательства подруги она не перенесет. Ее не обязательно губить, лишая невинности. Или обязательно?

— Нет... — злодейка с предвкушением улыбнулась. — Как мы это сделаем?

— Василиса из другого мира и...

— Вот ведь дрянь! — Анара прищурилась. — А я?то гадала... продолжай.

Глен коротко изложил свой план, видя, как напряженное лицо колдуньи разглаживается, обретая привычное самоуверенное выражение.

— А ты молодец... — с легким удивлением признала женщина, как только дух замолчал. — Когда все закончится, думаю, ты станешь по левую руку от меня. А по правую... — она мечтательно прикрыла глаза, — по правую станет Жнец.

— Почему он? — колдун опустил на пол, наблюдая за собеседницей.

Бесплотный дух знал, как она любила смотреть на всех сверху вниз, и теперь старался всячески закрепить злобную радость своей госпожи, потешив ее самолюбие.

— Жнецов боятся даже самые сильные маги, даже дэйны, — тем временем назидательно произнесла Анара. — Жнец способен убить любого, у кого есть душа. Любого.

— Зачем нам такой опасный маг?

— Только он может ходить по другим городам. Он и у Грехобор. Они единственные, кто могут влиять на дэйнов по ту сторону переправы, за пределами Аринтмы. А зачем мне это — не твоего ума дело. Важно то, что он здесь и на нашей стороне, — отрубил Анара.

Глен ничего не ответил, понимая тщетность дальнейших расспросов.

Жнец.

Маг, способный убить дэйна. Маг, не подчиняющийся более воле небожителей. Увидев

однажды всю мощь силы Грехобора, Глен осознал убогость способностей колдунов. Они не умели всецело пользоваться свой дар. Никто из них — даже самый могущественный — не обладал и десятой долей той силы, которую явил Грехобор, а если и обладал, то не мог ее подчинить. Наоборот, это сила подчиняла себе хозяина и, если он сопротивлялся, терзала его так свирепо и люто, что смертная оболочка не выдерживала.

Даже Глен сейчас справлялся со своим даром только потому, что был мертв. Его дух боролся постоянно, страдал, раздираемый сотнями противоречий, влекомый темными желаниями и гневом, но телесных страданий он не испытывал, и это облегчало противостояние.

И вот — Жнец. Маг, рядом с которым даже всеильная Анара была ничем. И, если такой как он действительно решил пополнить ряды мятежных колдунов, вероятность победы Анары существенно возростала. А ведь до сегодняшнего дня дела шли с переменным успехом. Вот только... зачем ей Жнец? Понятно, что для какой-то конкретной цели. Но, что это за цель? Убить дэйна? Отца? Магов? Ну не Маркуса же она собралась уничтожить, в самом-то деле!?

— Анара!

Дверь лачужки распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и в Логово ввалился запыхавшийся, сырой до нитки и забрызганный грязью мальчишка лет тринадцати. Он мелко дрожал, и первым порывом было — пожалеть испуганного, замерзшего ребенка, вот только... у того, кто заглядывал в его не по-ребячески злые глаза, мигом отпадало желание сочувствовать.

Синол — так звали мальчика — получил свою силу всего три недели назад, и за это время из непоседливого подростка превратился в жестокого звереныша. Хорошо осознавая свое превосходство над простыми смертными, он научился ловко использовать проклятый дар. Перво-наперво расправился со всеми давними и недавними обидчиками, а затем и с родителями, которые стали казаться ему самодурами. А уж после родителей пришел черед младших сестер и братишек, заботиться о которых не входило в планы юного колдуна.

Еще недавно Глен спокойно отмахнулся бы от всего этого, говоря себе, что случившееся с Синолом — просто судьба, не было у мальчишки выбора, он лишь стал тем, кем обрек его стать проклятый дар. Да, именно так и подумал бы Глен несколько дней назад. Но сейчас... что-то не давало ему покоя. Три недели назад. Именно тогда умерли те самые маги, которых они «освободили» из Клетки.

— Анара, там дэйн! Он убил Комиаша! — выдохнул тем временем запыхавшийся парнишка и привалился к стене.

— Где — «там»? — хладнокровно спросила колдунья.

— На окраине квартала, недалеко отсюда. Мы гнали святошу, и дэйн...

— Комиаш снова использовал силу? — перебила рассказчика женщина.

— Ага. Этот дурак отец, никак не хотел слушаться, все лопотал, что пойдет на суд, мол, пусть карают по всей строгости, заслужил и все такое... и Комиаш решил его подтолкнуть.

— Идиот! — магесса поднялась с кресла. — Дэйн один?

— Да, — Синол вытер лицо рукавом грязной рубахи.

— Ты, ты, ты и ты, — обводя глазами колдунов, командовала Анара. — Идите и разберитесь с

ним. И вы трое тоже. Семерых должно хватить, чтобы измотать его. Отвлекайте его от Синола и помните — магией дэйна не убьешь, но клинок поразить может. Остальные — вон и быстро. Вам нужно как можно скорее достичь западного убежища. Ты еще здесь?! — сверкнула колдунья глазами, заметив, что Синол по-прежнему нерешительно переминается с ноги на ногу.

— Только семеро? — робко спросил он.

— Я не могу разбрасываться людьми.

— Но... — парнишка осекся и повесил голову, не выдержав яростного блеска глаз госпожи. — Слушаюсь.

— Нам тоже надо уходить, — Глен поднялся на ноги.

— Да, — отрывисто бросила Анара, направляясь к выходу.

— Зачем нам другие города? Маги? — со всем возможным равнодушием спросил дух.

Женщина окинула спутника презрительным взглядом:

— Задай себе вопрос, правдоискатель, — почему у нас стало так много новых колдунов?

— Я...

— Мне надо пополнять ряды! Молодыми. Сильными. Яростными. Теми, кто захлебывается силой. А для этого мне нужны маги. Не думал же ты, что я пойду на Маркуса одна? А я хочу сокрушить этого божка. Уничтожить всех дэйнов. Дать безграничную власть колдунам.

Колдун едва нашел в себе силы сохранить невозмутимость и даже отрицательно покачал головой. Анара же, не обращая более внимания на духа, накинула капюшон и скрылась в сумерках уходящего дня.

Да уж. Справился со злостью. Глен усилием воли подавил поднимающуюся в груди ярость. Как же так? Как получилось, что его желание помочь обернулось *этим*? И как он мог быть настолько туп, что не понял — его просто используют, его и его желание спасти других, сделать мир лучше, хоть чуточку справедливей? И как он мог не заметить, что вместо блага творит черное зло?

Когда призрак, разъяренный подслушанным разговором между жрецом и дэйном, наткнулся на Анару и в сердцах рассказал ей о своем плане, она разве что от восторга не запрыгала. Он?то, дурак, мечтал о свободе для всех. И вот результат... стал всего лишь бестелесным пособником, пешкой, соглядатаем.

Глен печально усмехнулся. Что ж, по крайней мере, последние сомнения в правильности сделанного выбора отпали. В этот миг очень кстати колдун вспомнил про дэйна. Палача магов ждет встреча с семью противниками. Дух растворился в воздухе.

Надо помочь. Вдруг этот бесчувственный гад не справится в одиночку? Колдун сосредоточился. Сознание на миг помутнело и вот он уже стоит в темном переулке — невидимый, неслышимый, незаметный.

На город опускались плотные сумерки и нападавшие все рассчитали верно. Они не

отвлекались на спутников дэйна — испуганную худосочную девку и едва стоящего на ногах мужчину в грязном и рваном облачении молельника. Глен с трудом признал в молельнике Шахнала. От красивого, властного, самоуверенного мужчины осталось лишь жалкое апатичное подобие себя самого: застывший взгляд, устремленный в темноту, безвольная поза. Не человек — тряпичная кукла. К тому же кукла, с которой дурно обращались.

Впрочем, колдун созерцал раздавленного жреца всего несколько мгновений, а потом его жадный взгляд вновь устремился туда, где кипела жаркая схватка. Хотя... сложно было назвать хладнокровное уничтожение колдунов — схваткой. Глен прежде никогда не видел, как сражаются дэйны. Ему вообще казалось, что мечи она таскают для красоты и устрашения. Как же он ошибался!

Палач знал свое дело. Вот он подался вперед, выбивая оружие из рук неприятеля, потом клинок скользнул к горлу нападавшего, а когда там открылась глубокая рана, дэйн уже отвернулся, утратив к заливающемуся кровью колдуну всякий интерес. Этот бой был единственным быстрым текучим движением, которое затронуло всех, несмотря на то, что длилось всего несколько мгновений.

Наверное, за это время можно было успеть сделать всего три или четыре вдоха. Словом, помощь дэйну была не только не нужна, она бы его только отвлекла, вынудив растягивать схватку...

Вот последний из нападавших упал ничком к ногам убийцы. Палач медленно обвел взглядом распростертых в нелепых позах, еще недавно живых людей. Никто из них не шевелился и даже не стонал. Дэйн повернулся к спутникам, как вдруг один из колдунов стремительно сел, в судорожно сжатых пальцах блеснул короткий метательный нож.

Глен узнал Синола. Он кинулся было к подростку, но оружие коротко свистнуло, прорезая полумрак... Дэйн не успеет! Призрак рванулся вперед, забыв про то, что бестелесен и ничем не сможет помочь. Нож пролетел сквозь него и вонзился в цель.

Тонкая девушка, оттолкнувшая палача магов, пошатнулась и опустила голову, удивленно глядя на торчащую из груди сталь. Узкая ладонь нащупала холодное железо, столь неуместное в теплом теле. Глен знал — у метательных ножей почти нет рукояти, так — небольшой черен, чтобы зажать между пальцами. Такой клинок входил в тело иногда и заподлицо — не вытащишь. К счастью Синол не обладал ни впечатляющим мастерством метателя, ни силой. Однако и этого броска, попавшего в цель только потому, что жертва оказалась слишком близко, было достаточно.

Лицо девушки заливала мучнистая бледность. В полумраке Глен вдруг узнал магессу, жившую последние несколько дней при «Кабаньем пятаке».

Ярость затопила рассудок. И почувствовав, как руки наливаются силой, колдун повернулся к метнувшему нож подростку. Синол не сопротивлялся, он уже умирал. Глен лишь ускорил неизбежное. Еще одна смерть на его совести. Ну и пусть. Дух обернулся. Повитуха тяжело привалилась плечом к стене и смотрела на него полным боли взглядом. Глаза девушки стекленели. А через миг она осела на грязную мостовую.

Глен никогда не видел, как умирают маги. Не знал, как покидает их сила. И вот сейчас, оторопев, наблюдал за происходящим.

Темные глаза Повитухи стали глубокими, как колодцы. Последние отблески осмысленности исчезли из остановившегося взгляда, а тонкое тело покрыли мелкие капли воды. Вода

просачивалась сквозь кожу, словно пот.

Девушка выгнулась и... обзор Глену закрыл темный силуэт. Дэйн опустился на колени рядом с умирающей, уверенным и быстрым движением вырвал из груди клинок, прижал руку к ране, из которой толчками бил родничок черной крови.

Стало жарко, так жарко, словно рядом пыхала печь. И вдруг магесса, которую колдун уже считал мертвой, застонала. Капли воды исчезали, словно высыхали от нестерпимого жара. Дэйн сидел неподвижно, глядя на несчастную. Правой ладонью он зажимал рану, а левую нерешительно держал над рукоятью меча.

— Отпусти... меня... — с трудом прошептала Повитуха.

— Дэйн!

Глен обернулся к тому, кто окликнул палача магов. Отец на неуверенных ногах приблизился к распростертой на мокрой мостовой девушке.

— Тебе нужно добить ее, пока сила...

— Знаю, — оборвал его дэйн.

Сила. Проклятая сила.

Призрак смотрел на мучения Милианы, сжимая кулаки. Пока сила не отыщет новое пристанище, новый сосуд, магесса будет жить. А когда проклятый дар перетечет в другого, она умрет. И появится новый колдун. Дэйны — единственные, кто могли этому воспрепятствовать. Только от их оружия и от их руки маги умирали, не перенося свое проклятье на простых людей. Но этот дэйн почему-то медлил. Он сдерживал рвущуюся из умирающего тела силу, и... колебался?

— Дэйн! — голос Шахнала окреп.

А если палач магов уберет руку от страшной раны? В кого выйдет сила девчонки? Глен посмотрел на бывшего молельника. Теперь он обычный человек. Его не защищают боги. Он крепкий и сильный. Из него выйдет прекрасный колдун... именно такой, какой необходим Анаре.

— Больно... — еле слышно прошептала магесса. Она дышала прерывисто и хрипло. В груди что-то сипело и булькало, а капли воды то проступали, обсыпая кожу, то вновь исчезали.

— У...бей... — с усилием проговорила девушка.

— Ты и вправду хочешь умереть? — тихо спросил дэйн.

Глен затаил дыхание, не понимая происходящего, но осознавая, что стал свидетелем чему-то не совсем обычному.

— Боль-но...

— Дэйн! — Шахнал подошел еще на пару шагов.

Волоран наклонился к уху Милианы и что-то прошептал. Глаза умирающей широко распахнулись, в них — опустевших, бессмысленных — отразились боль и паника. А потом...

смирение.

— Так что? — переведя взгляд на ее лицо, снова спросил палач.

Магесса покачала головой и облизала пересохшие губы. По ее лицу прошла судорога... но тонкая рука поднялась и стиснула запястье дэйна.

— Дух, — бросил Волоран через плечо. — Мне нужен Грехобор. Быстро.

Ничего не понимая, Глен исчез, оставляя странную троицу.

— Что. Ты. Делаешь? — Шахнал сделал еще один шаг и обессилено привалился к стене дома. — Она магесса.

— Она моя нареченная, — не отрывая взгляда от Мили, равнодушно ответил дэйн. — И она хочет жить.

Молельник зажмурился. За последние сутки весь его мир перевернулся с ног на голову. Еще вчера он бы сыпал проклятья на голову дэйна и требовал смерти Повитухи, но сегодня... сегодня он уже не мог позволить себе такой роскоши. Он сам был ничуть не лучше этих двоих. И поэтому Шахнал сказал совершенно другое:

— Ты не сдержишь ее долго. С такой раной она не выживет, как бы ты ни старался.

— Знаю.

— И наступит момент, когда тебе придется...

— Да. Но ей надо увидеть Грехобора, — дэйн чуть сильнее надавил на грудь Милианы и капли воды, вновь обсыпавшие тело, исчезли. — Она его любит.

Вопросов у жреца прибавилось, но он благоразумно промолчал, лишь опустил на мостовую, не в силах стоять на дрожащих ногах.

Магесса смотрела в равнодушные глаза дэйна. О, как ей хотелось, чтобы он *понял* ее! Хоть раз услышал! Нет. Взгляд мужчины был пуст и спокоен. Ей снова захотелось умереть. Навсегда перестать быть. Не балансировать на тонкой грани бытия и небытия, не испытывать ни радости, ни боли. Только тишина, темнота и пустота. Какими они казались желанными! Но в груди хлюпало и свистело, а каждый вдох причинял страдание. Девушка с трудом разлепила пересохшие губы и прошептала:

— Я... всегда... любила...

— Позже.

Дэйн еще сильнее вдавил ладонь в рану. Кровь, остановленная магией, уже не сочилась сквозь пальцы, но выступающие капли воды исчезали неохотно. Медленно. Слишком медленно. Чем большую муку испытывала магесса, тем сильнее становился ее темный дар.

— Он придет, и ты сама все скажешь, — сказал Волоран. — А пока молчи.

Из ее глаз покатались слезы. Они смешивались с каплями воды, обильно выступившими на лице и висках. Дэйн опустил взгляд с лица девушки на рану в ее груди. Ему не справиться. Слишком сильна боль. Слишком велики страдания.

Ладонь палача легла на рукоять меча.

Грехобор не успеет увидеть Повитуху.

Ничего не поделаешь и не изменишь...

— Разрешите мне стать твоим мужем... — его спокойный голос заставил Милиану поднять отяжелевшие веки.

— Что? — сипло, едва слышно выдавила она.

— Разрешите...

Она даже перестала дышать и посмотрела на него с паникой. В черных зрачках разрастался страх. Капли воды, выступавшие сквозь одежду стали крупнее и тяжелее, они стекали по телу, оставляя причудливые дорожки.

— Я... — она смолкла. Горло сжалось, в груди полыхало.

Первый раз в жизни Повитуха боялась дэйна. Нет. Боялась *Волорана*. Точнее того, что он ей предлагал. Голос не слушался, поэтому Мили только слабо кивнула. Это было именно то разрешение, которого ждал мужчина. Не отрывая жесткой ладони от груди магессы, он склонился к ее лицу.

Твердые губы мягко коснулись ее пересохших, потрескавшихся. Девушка понимала — для дэйна происходящее лишено трепета, это всего лишь... прикосновение. Без чувств, без ласки, без желанья, без любви. И от осознания этого чувство страха лишь росло и крепло.

Губы, которые всегда казались ей холодными и жесткими, на деле оказались теплыми и удивительно нежными. Он касался ее мягко, осторожно, а взгляд серых глаз при этом был устремлен в ее испуганные, широко распахнувшиеся от ужаса.

Легкий вздох и поцелуй становится глубже. Дыхание перехватывает оттого, что его сила подавляет, приглушает ее дар, скрепляя связь между двумя нареченными. Темная магия отступала под натиском светлой силы дэйна.

Не было взрыва восторга, не было страсти или равнодушия. Мили ощущала твердую, непоколебимую... нежность. Волоран целовал ее так, словно боялся причинить боль. Поцелуй длился и длился. Осторожный, приносящий облегчение.

В какой-то миг Милиана просто закрыла глаза и отдалась этой утешительной ласке. И в тот миг все изменилось. Вместо равнодушного палача ее губ касался любимый и любящий человек. Она забыла о том, кто он, о том, как он к ней относится и, очарованная самообманом, подалась навстречу этим желанным нежным губам. Вдох — и мужчина замер. Выдох — и поцелуй стал глубже. И мир кружился, кружился, кружился, а сердце вспыхивало, но не от боли, а от жгучего счастья.

Он здесь. Он рядом. Он ее любит.

Пусть самообман, пусть! Она умирает. И хочет уйти во тьму, обманувшись иллюзией счастья. Вдох — последняя боль тает, вытесняемая надеждой. Выдох — тонкая рука зарывается в густые волосы, вынуждая мужчину склоняться, чтобы быть еще ближе.

— Зачем я здесь? — ледяной голос Грехобора вырвал умирающую из сладкого забытья, нарушил очарование лжи.

Мириана с ужасом смотрела в невозмутимое лицо дэйна, освобождающегося из ее объятий. Он... она... они...

Взгляд упал на кольцо, возникшее в его ладони. Теперь он может надеть его на палец, может дотронуться до нее, заявить на нее свои права... всего один поцелуй и он стал ее мужем. Почти стал...

— Йен, она умирает, — словно бы ничего особенного между ними не произошло, спокойно сказал палач магов. — Нужна помощь.

— Ты ее не убил? — Грехобор подошел ближе, и опустился перед Повитухой на колени.

Впервые за долгое время она видела обоих братьев так близко, и осознание этого заставило ее всхлипнуть.

— Нет.

— Почему?

Волоран пожал плечами:

— Ты бы расстроился. А мне надоело тебя успокаивать.

Маг выглядел растерянным. Глядя на прикрытую рану девушки, он осторожно положил ладонь поверх руки дэйна.

— Я не помню, как это делать... — негромко сказал Йен.

— Тогда просто попрощайся, — дэйн рывком выдернул руку и отошел прочь, оставляя брата и магессу наедине.

Он никогда и никому не признался бы, что желает для Мили спасения. Ведь если она умрет, все... изменится. А он не был уверен, что знает, как себя вести в этом случае.

Волоран не просто так потребовал от Глена позвать брата. Благородным порывом — дать Повитухе попрощаться с тем, кого она так боготворила — тут и не пахло. Все было намного проще. Когда-то давно Грехобор должен был стать Знахарем. Когда-то давно он умел лечить. И лечил все — любые хвори. И заживить подобную рану для него не составило бы труда. Когда-то.

Сейчас маг вполне мог оказаться бесполезным, мог утратить свой дар за годы скитаний и лишений. И дэйн этого боялся. Но все же... если Йен сможет вылечить Мили, сможет вернуть хотя бы частицу своих *настоящих* возможностей, его жизнь и судьба станут иными. Он вновь получит шанс помогать людям, употреблять свой темный дар во благо. Он перестанет страдать и терзаться, сможет жить без боли и скитаний. Да, будь у него выбор, сумеет ли он вспомнить — все изменится. И в этот раз, дэйн был уверен, брат поступит верно. Если же нет... что ж, как бы то ни было — это единственный шанс для обоих начать жить. Жить, а не существовать, преодолевая невозможное.

Утратив поддержку дэйна, Повитуха быстро теряла силы. Неосознанно она протянула руку к

Волорану и попыталась позвать его по имени, но губы не слушались. Бисеринки воды снова выступили по телу. Йен, осторожно повернул лицо умирающей к себе и шепотом произнес:

— Он не может сейчас тебе помочь, Милиана. Его сила не даст мне тебя вылечить.

— Йен... скажи... — острая боль заставила тонкое тело выгнуться, но Повитуха должна была договорить до конца: — у меня... есть... надежда... крохотная надежда... есть?..

В ее голосе звучало столько боли и мольбы, что лицо мужчины дрогнуло:

— Закрой глаза, — приказал он и глубоко вздохнул, отнимая ладонь от безобразной раны.

На кончиках пальцев засеребрился иней.

Милиана подчинилась.

В груди воцарился мертвенный холод. Обжигающий, перехватывающий дыхание, но не пугающий, а приносящий покой. Магесса не знала — хорошо это, или плохо, не видела ни застывшего лица Грехобора, ни подавшегося вперед Шахнала, не заметила как, скользнул по ее лицу непроницаемым взглядом и отвернулся Волоран. Все, что имело сейчас значение — успокаивающий холод. Утешительная стужа.

Повитухе казалось, будто она летит. Или плывет. Она уже не понимала. Хотелось открыть глаза и посмотреть, что же такое с ней происходит, но веки налились тяжестью и уши заложило. Зато перед мысленным взором мелькали видения прошлого, наполненные радостью, болью, печалью. Все самые дорогие ее сердцу воспоминания.

Это смерть?

Она не знала, и было все равно.

Покой.

Если эта прохлада, дарящая мир ее душе, и есть смерть, то она с радостью примет ее.

Возможно, через несколько мгновений на нее обрушится клинок палача, потому что Йен не справился, потому что она... сошла с ума. Милиана позволила дэйну поцеловать ее. Ему — равнодушному, ее — живую. Осознавая, как низко она пала после этого в его глазах, Повитуха едва смогла сдержать рыдания.

На пороге смерти нет смысла себе врать. Она, столько времени прожившая с Грехобором, цеплявшаяся за него... так отозвалась на поцелуй. И неважно, что именно было причиной этого поцелуя. Он этого не узнает. Никогда... только себе она могла признаться. Сейчас. Они так похожи... они такие разные. Зачем она так поступила? Зачем? Как ни обманывай себя, представляя, что тебя целует другой, все равно понимаешь — это ложь. И то, что случилось между ней и дэйном — тому подтверждение. Лишь бледное подобие...

Эти мысли промелькнули и исчезли, оставляя лишь смутное сожаление. Думать становилось все труднее. Хотелось перестать... быть.

«Я не хочу чувствовать. Я не должен чувствовать. Но по твоей вине я испытываю все то, что мне совершенно не нужно».

Вот, что сказал Милиане Волоран перед тем, как отправить Глена за Грехобором. И сейчас

воспоминания об этих словах заставили тело магессы вспыхнуть огненной болью.

Кто? Кто еще заставит его чувствовать? Все сомнения, все попытки отринуть жизнь и страдания, разлетелись, как палые листья под порывом ветра. Он насмеялся. Но дэйны лишены иронии. Он не всерьез. Но дэйны всегда серьезны. Он никогда не стремился чувствовать. Но он любил брата. В памяти всплыли те слова, что он сказал после приговора Грехобора. Тогда ей, переполненной болью, граничащей с безумием, они показались насмешкой. «Теперь я могу доверить тебе свою жизнь... но вряд ли рискну доверить сердце».

Сердце... У него нет сердца! Бесчувственный насмешник... Она отказалась от Йена, взяв кольцо у старшего брата. Она заставляла Волорана чувствовать. Волноваться за брата, радоваться за него, переживать. Она поднимала на поверхность через толщу отчуждения те немногие эмоции, что умел испытывать дэйн. И поэтому вынуждала его чувствовать все то, чего он не хотел, *не должен* был чувствовать.

Никто никогда не нуждался в Мили. Люди? Они призывали Повитуху, но, едва она выполняла свой долг, ей указывали на дверь. Йен? Нет. Он мог быть рядом, но все же находился где-то далеко. Всегда далеко. Дэйн? Смешно.

Однако никогда, никогда прежде магесса не ощущала себя причастной к чему-то, к кому-то... И пускай, ее жалкая жизнь нужна была лишь для того, чтобы равнодушный палач не терял связи с тем человеческим, что в нем еще оставалось, пускай!

«По твоей вине я испытываю все то, что мне совершенно не нужно».

Горечь его слов породила в Повитухе острое желание жить. Жить! Ради того...

Глаза распахнулись сами собой, изо рта вырвалось облачко пара. Магия в ней бесновалась и рвалась прочь, разъяренная от того, что ее обманули. Грехобор, все еще стоявший перед девушкой на коленях, пошатнулся и оторвал ледяную ладонь от заиндевевшей одежды. Милиана поморщилась. Больно. Болела рана, к горлу подкатывала тошнота, темный дар бился и ревел в груди. А еще холодно. Ей было холодно. Зубы стучали.

Борясь с дурнотой, несчастная отвернулась... и уткнулась носом в грудь дэйна.

— Ты закончил? — спросил Волоран брата.

Тот сел на мостовую, наблюдая, как палач прижимает к себе магессу, усмиряя ее разбушевавшуюся силу. Девушка повернула голову, встретилась взглядом с Йеном, и в глазах застыла немая мольба.

— Да, — прошептал Грехобор, отвечая на оба вопроса сразу.

Повитуха прикусила губу, испытывая почти нечеловеческое счастье. Она жива. И Грехобор сказал «да». Остальное не имеет значения.

Никогда не разговаривайте с незнакомцами

Василиса присела на скамью и перевела дыхание. Харчевня сегодня, ну просто ломилась от посетителей. Это был какой-то тихий ужас. Складывалось впечатление, будто в этот день посетить «Кабаний пятак» вознамерилась вся Аринтма. Мало того, вся Аринтма при этом решила заказать себе трапезу не менее чем из трех блюд.

Не сказать, что Василиса этому досадовала, но закрутилась она буквально в штопор. И, хотя Багой, стеная, ругаясь, бурча, бухтя и жалуясь, притащил на кухню парнишку лет тринадцати для помощи, все равно к концу дня стряпуха валилась с ног. Она устала, забегалась, взмокла, да к тому же третьи сутки жила, как незамужняя. Грехобор все не возвращался. Это расстраивало девушку, которая скучала по своему избраннику и переживала о том, как бы тот со своим неизменным «везением» не вляпался в какую-нибудь неприятность, до которых был великий мастер.

А началось все с того, что два дня назад, в комнате кухарки возник прозрачный, но очень обеспокоенный Глен и сбивчиво поведал о трагедии, случившейся на окраине города. Василиса, которая по жизни снималась с ручника очень неторопливо, даже не занервничала. Она растерянно проводила Грехобора, а тот совершенно обыденно, словно имел многолетний опыт подобных прощаний, чмокнул ее в щеку, сказав: «Я скоро вернусь...»

Не-е-ет. Васька не переживала. Она проводила благоверного и отправилась на кухню. К тому же буквально через час там вновь материализовался Глен. Пряча взгляд и путаясь в словах, дух с горем пополам объяснил девушке, что?де Повитуха была при смерти, Грехобор ее спас, и сейчас они в каком?то Цетире что?то решают.

Все просто и понятно, настораживало только одно — призрак при разговоре упорно смотрел или под ноги, как нашкодивший двоечник или в потолок, как набедокуривший дошкольник, а еще он безостановочно извинялся, из?за чего обретал сходство с жалким холуем. В общем, все это только взвинтило Ваське нервы.

Да и разговор по душам с колдуном ничего хорошего не принес. Припертый к стенке, Глен признался, что во сне не единожды вселялся в тело Василисы без ее на то разрешения. Представив, как какой?то сомнительный мужик, расхаживает, облачившись в ее роскошные формы, Лиска обозлилась. Однако призрак, почуяв, что своим признанием ничего хорошего не добьется, вытащил припасенный в рукаве козырь и поведал стряпухе о том, какой печальной участи помог ей избежать в заброшенной лесной землянке.

— Если бы я тебя не оттолкнул, ты бы приняла силу Шильды и стала колдуньей. Считаю — умерла, — говорил он, птясь от разъяренной собеседницы. — Колдуны все забывают, стоит проклятому дару войти в них. А сила, живущая в них, стремится уничтожить все то, что когда?то делало человека человеком.

— Подожди, но...

— Нет уж, это ты подожди, — Глен нахмурился, и скрестил руки на груди. — Ты вот гневаешься, что я твое тело занимал. Так если бы не занимал — не спас бы Зарию.

Василиса помолчала, а потом кивнула, признавая правоту колдуна. И, не в силах скрыть любопытство, спросила:

— А почему колдуны все забывают?

— Из?за дара, — хмуро ответил мужчина. — Чем сильнее маг, тем страшнее и яростнее его дар. Человек не то что воспротивиться, вздохнуть не сможет без боли, особенно если сила в него без согласия перешла.

— А ты соглашался?

— Нет. Но мне повезло. Я сиротой был. Один. Никого убивать не пришлось. А вот другим...

В этот момент на кухню зашла Зария. И Глен тот час резко отвернулся и исчез. Чернушка так и застыла, увидев колдуна, а потом поджала губы и снова вышла в зал. Молча. И молчала после этого все оставшиеся дни.

Может быть, именно потому, что призрак и наследница лантей вели себя тоскливо и молчаливо, а может потому, что сама Лиска, наконец-то, снялась с ручки, к вечеру ее начало потряхивать от нехорошего предчувствия.

Ночь она провела, ворочаясь с боку на бок, утро, громыхая кастрюлями и сердясь на весь свет, день прошел в предвкушении того, как самая огромная сковорода вступит в контакт с головой Йена, едва тот вернется, вечер был посвящен тоске, ночь — тревоге, а нынешнее утро, прямо скажем, откровенной панике. Одним словом, наплыв посетителей помогал стряпухе справиться если не с одиночеством, то уж с тоской и желанием наделать глупостей — точно.

Таким образом, к обеду второго дня Василиса была готова сделать все, что угодно, но хоть как-то, развеять похоронную атмосферу, воцарившуюся в душе и на вверенной ей кухне. Хотелось поговорить с Зарией, но та столь упрямо, столь агрессивно молчала, отгородившись от всего мира невидимой стеной отчуждения, что Василиса поняла — ей эту стену не пробить.

Потому удрученная безрадостными мыслями она варила, жарила, парила и старалась не думать о том, что ее короткая семейная жизнь, похоже, обещает закончиться внезапно и трагично, потому что едва только Йен появится на пороге, его ждет смерть. Лютая и страшная. Он будет либо убит сковородой, либо задушен в объятиях, либо утоплен в слезах. Со способом убийства Васька еще не определилась, но пока склонялась к первому.

Однако вечером неизвестность и тоска стали совершенно невыносимы, и девушка решила хоть как-то развеять свою печаль — выйти в обеденный зал, где сидели люди, с которыми можно было перекинуться хотя бы парой слов.

Увы, народа почти не осталось. Лишь Багой о чем-то беседовал в углу с посетителем, которого невозможно было разглядеть в виду того, что половина сальных свечей в подвешенном к потолку тележном колесе — уже потухла. В таверне царил уютный полумрак. Негромко переговаривалась пара завсегдатаев, сидящих с кружками пива — мужики спорили о том, насколько страшны видии.

Василиса вздохнула, понимая, что тоска ее только усугубляется — поболтать было не с кем, поэтому девушка обреченно отправилась собирать со столов тарелки. Она уже набрала целую стопку, когда услышала, как скрипнула входная дверь. На пороге возник мужчина. Он застыл в проеме и аринтмский вечер расплылся синильной темнотой за его плечами. Незнакомец же словно раздумывал, стоит ли заходить. В таверну тянуло сквозняком и сыростью — проклятый дождь лил уже третьи сутки. Лиска зябко поежилась и махнула мужчине:

— Заходи быстрее, холодно. Чего замер?

— Приглашаешь, хозяйка? — слегка улыбнулся незнакомец.

— Приглашаю, приглашаю! — скороговоркой повторила Василиса, досадуя на неторопливость посетителя.

Тот зашел, огляделся, и опустился на краешек скамьи, стоящей у входа. Ишь, какой застенчивый. Однако... воспоминания о том, как вел себя Грехобор, впервые оказавшийся в «Пятаке», заставили стряпуху задуматься. Вот ведь... странные тут мужики. В нашем мире уже давно распластались бы на сиденье и требовали пива и закусок.

— Мил человек, не жмись у двери, садись сюда, — Василиса указала на соседний к ней стол, с которого как раз собрала грязную посуду. — Там не убрано, да и сквозит. Чего тебе принести? Похлебки или жаркого? Еще есть пироги, правда, с мясом все подъели, остались только с капустой.

На лице мужчины отразились сомнения, однако, поколебавшись, он все-таки прислушался к совету кухарки и пересел за указанный ею стол. Но вид при этом имел такой, словно не понимал, что вообще забыл в этой таверне и зачем сюда завернул. Сытый что ли?

Все вопросы отпали сами собой, когда незнакомец вскинул ладони, демонстрируя отсутствие мизинца на левой руке. Правая изувеченной не была, но почему-то оказалась до самого плеча закованной в латную рукавицу. Станный посетитель взглянул на Василису и сказал:

— Мне бы просто обогреться, хозяйка.

— Маг? — полу-утвердительно спросила догадливая стряпуха и, дождавшись кивка, направилась в сторону кухни.

Еще один. И тоже какой-то жалобно-несчастный. Эх, бедолаги. Прямо как чувствуют, что только здесь их и примут.

Васька взяла самую большую тарелку, наполнила ее доверху жарким, положила на краешек огромный кусок хлеба и пару пирогов, после чего вернулась в трапезную и поставила кушанье перед незнакомцем. На лице пришедшего отразилось удивление, и Василиса поняла — ее не ждали. Видать, он и впрямь решил, будто она позволит гостю посидеть на краешке скамьи несколько минут, переводя дух, после чего выгонит обратно в промозглую ночь. Наверное, именно поэтому мужчина глядел на тарелку с мясом так, словно там копошился клубок змей.

— Это вкусно, — кивнула Лиска на блюдо, про себя забавляясь его смятием. — Или ты не ешь мясо?

— Ем. — Маг осторожно взял левой рукой ложку, зачерпнул жаркое, нерешительно посмотрел на исходящее ароматами яство и отправил ложку в рот. При этом в глазах у него промелькнула какая-то покорная обреченность. Вот мужчина медленно, без энтузиазма начал жевать... и невзрачное лицо осветила широкая улыбка. Он даже прикрыл глаза от удовольствия, точь-в-точь, как когда-то Йен.

Йен. Эх... Васька вздохнула и развернулась, чтобы уходить, как услышала:

— Хозяйка, ты тоже магесса?

— Я? — стряпуха даже растерялась. — Нет. Почему ты решил?

— Потому что вкусно.

Девушка удивленно вскинула брови, искренне не понимая, и чужак пояснил:

— Все, что готовит обычный человек, для мага имеет вкус горечи, — он помолчал, а потом вежливо склонил голову. — Составь мне компанию, хозяйка, если тебе не противен вид мага. Я давно не говорил с человеком.

— Почему? — заинтересовалась Василиса, опускаясь на лавку напротив посетителя.

— Маги недостойны домашней еды, собственного крова, друзей, семьи и... участия людей, — мужчина отправил в рот следующую ложку жаркого, и снова улыбнулся. — Наш удел — скитания, тишина и одиночество.

— Глупость какая, — возмутилась Лиска. — Со стороны послушать, так маги просто первородное зло какое-то.

— Так думают люди.

— Муж у меня — маг. И он — не зло! Он добрый и самый лучший, — твердо подытожила девушка.

— Муж? — ложка замерла на полпути к тарелке. — Ты — жена мага? Простая девушка? Даже не травница? Не колдунья?

— Да. Простая девушка.

— Это... поразительно, — незнакомец откинулся к стене. — Ты, хозяйка, и впрямь не считаешь нас злом. Почему?

— Там, где я прожила большую часть своей жизни, нет магов, — коротко пояснила Василиса, которая до сих пор не понимала, хорошо или плохо то, что она оказалась в этом мире.

И тут же в животе шевельнулся страх. А вдруг кто-то поймет, что она здесь по ошибке и отправит назад? Нет-нет! Ей нельзя назад! Йен еще не познакомился со сковородкой. Она еще не устроила ему первый в их совместной жизни семейный скандал, не закатила истерику, не вынудила валяться в ногах и умолять о прощении, а потом жадно и нетерпеливо примириться. Нет! Никуда она не отправится. Поэтому девушка закончила:

— Люди порой бывают гораздо хуже любого из вас.

— Наверное, скучаешь по дому? — мужчина с наслаждением вдохнул аромат жаркого, и отправил в рот очередную ложку.

— По матери, — Василиса печально улыбнулась, однако разговор отвлекал ее от грустных мыслей, да и незнакомец, судя по всему, не собирался отправлять ее обратно — в туалет торгового центра.

Некоторое время они сидели в тишине. Гость наслаждался едой, Василиса наблюдала за тем, с каким удовольствием он ест. А когда тарелка оказалась пуста, девушка забрала ее и отправилась на кухню. Помощница встретила стряпуху привычным уже молчанием, но та впервые не попыталась нарушить гнетущую тишину. Она устала от ожидания, от суеты, от тоски по мужу. И, потому, нацедив в кружку травяного чая, не говоря ни слова, отправилась обратно.

Маг сидел там же, где она его оставила и, прищурившись, глядел на Багоя. На лице незнакомца застыло ожидание. Увидев Василису, посетитель восторженно встрепенулся, глядя на кружку с благоухающим напитком.

— Спасибо, хозяйка.

Девушка кивнула, опустила на стул, и слегка наклонив голову, спросила:

— Расскажи, кто ты?

Оживленное лицо мага разом утратило краски, стало тусклым, неприметным, словно кто-то погасил огонь, делавший его живым.

— Я — Жнец.

— Э-э-э... собираешь урожай?

— Можно и так сказать. Души. Я сборщик душ, которые здесь не должны быть, — мужчина поднял правую руку, и по стальной перчатке пробежали язычки белого пламени. — Я — Судья. Палач. Смерть.

В который раз Лиска себе удивилась. А она привыкала к этому миру. Во всяком случае, ей ни на миг не захотелось сбежать, упасть замертво или завывать от ужаса. Ну, Жнец. Ну, души собирает. Кому что. А вот сияние руки заморозило девушку. Она даже потянулась, чтобы дотронуться до металлической ладони, но мужчина резко отстранился, гася призрачное пламя.

— Нельзя!

— Ой... прости... — смутилась любопытная.

— Дотронешься до нее, пока горит пламя, и умрешь, — Жнец вернул руку на стол. — Любое живое существо, у которого есть душа, коснувшись руки, погибает.

— А когда она... не горит? — уточнила практичная Васька.

— Когда не горит, это просто рука, — маг усмехнулся, — ты как моя нареченная. Такая же любопытная.

Он искренне поражался спокойствию и непосредственности собеседницы. И, что уж скрывать, наслаждался ими — никогда прежде Жнец не получал столько тепла, участия и добра... Он даже думал, будто подобное попросту невозможно. Не бывало прежде, чтобы человек и маг сидели друг против друга и разговаривали. Просто разговаривали о жизни...

— Наверное, тяжело ее зажигать? — простодушно спросила девушка. — Йену было трудно сдерживать свой дар.

— Йену?

— Моему мужу. Грехобору.

— Грехо... — взгляд мага потяжелел: — Грехобор принял от тебя кольцо?

— Да, — стряпуха кивнула.

— Мне говорили, будто Грехобор стал отступником. Предал магов, богов, связался с... — мужчина прервался, нахмурился. — Он здесь?

— Нет, — Василиса посмотрела на правую руку мага и задумалась. — Скажи... ты сюда просто так зашел?

— А разве можно зайти иначе?

Девушка покусала губы и ответила:

— Можно. А можно и просто так.

Жнец усмехнулся. Его взгляд скользнул за спину собеседницы, а потом вновь обратился к Василисе.

— О вашей харчевне такая слава идет, как же ее миновать?

Стряпуха прищурилась:

— Мне муж как-то говорил, что все маги говорят правду. Что они не умеют лгать. Это правда?

— Да.

— А если нужно солгать?

— Мы не лжем. А что?

— А разве я не могу просто так спросить?

Мужчина выпрямился, отставил в сторону недопитый стакан с чаем и чуть подался вперед.

— Можешь, — сказал маг и добавил: — Я вижу чувства людей. Всегда.

— То есть ты знаешь, что я сейчас испытываю...

— ...страх, — закончил ее фразу Жнец.

— Ну да, — Василиса мрачно кивнула.

— Но не за себя, — заметил собеседник.

— Ты пришел за Грехобором? — напряженно спросила девушка.

— Я отвечу тебе, но перед этим пообещай выполнить мою просьбу. Она не опасна.

— Хорошо.

— Нет. Я пришел не за Грехобором, — он подождал мгновение, а потом спросил: — Теперь я могу озвучить свою просьбу?

— Можешь.

— Не сопротивляйся, — с этими словами Жнец стремительно встал из-за стола, дернул собеседницу на себя и рука, закованная в сталь, стиснула горло Василисы.

Ничего себе — неопасная просьба! Васька, парализованная ужасом, зажмурилась. Сейчас по стальной рукавице пробегут прозрачные языки ослепительного пламени, металл вспыхнет, и жертва... Интересно, это больно? Она обожжется? А если останется ожог? А еще хуже, если запахнет паленым. Бе-е-е. Стряпуха поймала себя на том, что снова думает о какой-то безумной ерунде, тогда как смерть уже вот-вот заглянет ей в глаза. Если, конечно, умирающая их откроет. А она, уж поверьте, не собиралась допускать такой оплошности. Ну все, еще миг, другой, третий, четвертый... да сколько ж ей так стоять?

— Отпусти ее.

Жнец не отдернул руку, но хватка на шее девушки ослабла.

Лиска опасливо вздохнула, приоткрыла один глаз. Жива вроде. Значит...

Кто это сказал? Голос и знакомый, и нет. Никак не получается вспомнить, где же доводилось его слышать. Василиса точно знала — за ее спиной все столики пусты, если не считать того, в углу, где расположился Багой с припозднившимся посетителем. Кто тот незнакомец? Ну не корчмарь же это приказывает, таким твердым ровным голосом? Или он? Да что...

— С чего бы? — голос Жнеца был спокоен и безлик, словно говорил не человек, а какая-то неодушевленная компьютерная программа. Давным-давно у Лиски была такая на стареньком компе — было забавно вносить туда какие-нибудь эмоциональные предложения, типа: «Офелия, любовь моя! Вернись, изнемогаю!» или еще какую-нибудь феерическую чушь. И программа проговаривала текст бездушным, лишенным интонаций голосом. В духе Марьи Искусницы: «Что воля, что неволя — все равно».

И снова девушка поймала себя на том, что думает о какой-то ерунде, тогда как сильные руки Жнеца удерживают ее, не давая вырваться, но более, правда, и не лишая возможности дышать.

— Я тебе приказываю. Отпусти девушку.

Жнец усмехнулся:

— А кто ты такой, чтобы отдавать приказания *мне*?

— Фирт, отпусти. Она не в твоём праве.

Тот, кого назвали Фиртом, лишь еще ближе прижал к себе Василису. Стряпуха почувствовала прохладу, исходящую от мага, и по телу прошла волна крупной дрожи. Ее заступник, стоящий позади, видимо, принял эту дрожь за страх.

— Не бойся, он тебя не тронет. Фирт!

— Я должен был понять, что без тебя тут не обошлось. Стало скучно там, наверху, правда, Маркус? И тебе понадобилось место среди смертных, да? Особое место, чтобы и не узнал никто, и поучаствовать во всем происходящем удалось. Верно?

— Ты ошибаешься, — все также спокойно проговорил невидимый Лиске мужчина.

Девушке очень хотелось обернуться, посмотреть в лицо говорившему, но Жнец держал ее крепко, не давая увидеть, понять. Оставалось только слушать.

— Я был в Храме, у Чаши, Маркус, — возразил маг. — Эта девушка не избранница Грехобора. Его судьба была связана с другой. Равной ему по силе. Ты все поменял себе на забаву, думая, что никто не сумеет это исправить. Только ведь девчонка может умереть. Стоит мне лишь захотеть и твой план рухнет.

— Ты ошибаешься. Она — его нареченная. Глен должен был соединить свою жизнь именно с ней.

Недоумение. Холод в груди, вызванный испугом. Осознание сказанного и волна удушливого жара — то первобытный ужас поднялся в груди. Василиса окаменела. Что? Что?

— Имя Грехобора — Йен, — все также невозмутимо поправил бога Фирт. — Не Глен. Да, созвучно, но...

Тишина. Однако девушка даже сквозь пелену паники и страха почувствовала, как тот, кого назвали Маркусом, хотел что-то возразить. Хотел и... не возразил. Так бывает, когда человек готов сыпать аргументами, но вдруг понимает — аргументы лишь подтвердят его неправоту.

— Ваш бог ошибся? — шепотом, почти неслышно, произнесла стряпуха, закрывая глаза.

Почему ей так больно? И дышать нечем, воздух комками застревает в гортани.

— Он вел свою игру, — спокойно ответил Жнец. — И ты в ней только пешка. Но я решил подыграть противоположной стороне. Поэтому ты пойдешь со мной.

— И что теперь? — голос стоящего за спиной Василисы мужчины снова изменился, наполнился мощью и силой. — Зачем ты здесь?

— Я лишь заберу эту дивную девушку с собой, — также невозмутимо ответил мужчина. — Ты притащил ее сюда, а мне надлежит отправить обратно. И ты не будешь мне мешать.

После этих слов рука, удерживавшая Василису за шею, вновь налилась тяжестью.

По всей видимости ответ Жнеца не удовлетворил того, кто назывался Маркусом. Васька ощутила, как воздух в помещении набряк, сделался вязким от выплескивающейся силы. Она не поняла, почему двое мужчин, ранее обсуждавшие видий, застыли, словно неживые. Не поняла, почему в голосе бога, что-то говорящего Фирту проступает даже не опасение. Страх.

Впрочем, все это прошло мимо Васьки не потому, что она была от природы так уж твердолоба. Нет. Просто в этот самый момент девушка всеми силами души не хотела осознавать жестокую правду — все происходящее с ней лишь ошибка. Она сама — ошибка. И Йен. Тоже ошибка.

— Мы с тобой не закончили один разговор... — тем временем спокойно сказал Жнец. — Мой ответ — нет.

Бойтесь исполнения желаний

Цетир был пуст. Здесь царила торжественная и звонкая тишина. В просторном зале, на широкой скамье лежала бледная, очень слабая и вся какая-то, словно еще больше истончившаяся, Милиана. Узкие окна по случаю непогоды никто не закрывал, и теперь на полу блестели лужи. Здесь было полутемно, просторно, зябко и после таверны Багоя — всегда ярко освещенной, переполненной посетителями и ароматами Василисиной стряпни — совершенно неуютно. Несколько скамей, три широких грубо сколоченных стола, сальные свечи на глиняных подставках — вот и все убранство.

— Я передал, — Глен появился внезапно, заставив Шахнала вздрогнуть.

Жрец осенил себя защитным знаменем и даже пересел на другую скамью, стараясь держаться подальше от колдуна, за что тот час заслужил презрительный взгляд последнего.

— Сердилась? — осторожно спросил Йен, тогда как его изуродованные ладони продолжили мягко скользить над раной Повитухи.

— Нет. Совсем нет. Все поняла. Хотя, я не успел толком объяснить... — призрак махнул рукой и

замолчал, с любопытством глядя на происходящее.

Ему было по-настоящему интересно поглядеть на то, как лечат, да не просто лечат, а вытаскивают из мира духов почти умершую магессу.

— Со мной все хорошо, — Мили в который раз попыталась перехватить руку мужчины. — Я в порядке.

— Я должен перепроверить.

— Йен. Я жива. Не переживай, — ей, наконец, удалось перехватить запястья Грехобора. — Ты все сделал правильно.

Она понимала состояние Йена. Помнила, как много лет назад, после сокрушительного всплеска ярости и осознания того, что он натворил, маг пытался спасти тех, кого еще совсем недавно бездумно расшвыривал — убивая и калеча. Помнила, какое отчаяние поселилось в его глазах, когда он понял — дар к исцелению утрачен. Помнила его страх, бессилие... обиду. Обиду на нее — Милиану.

Волоран, все это время стоявший у открытого окна, бесстрастно заметил:

— В городе не осталось дэйнов.

Эти слова оказались настолько неподходящими к ситуации и всеобщему напряжению, что несколько мгновений все присутствующие просто смотрели на палача магов, ничего не говоря. Первым очнулся бывший Отец, который, откашлялся и спросил:

— Почему ты так решил?

— Мы находимся в Цетире. Здесь живут послушники, дэйны. В каждом городе их всегда не меньше сотни — чтобы сдержать магов и колдунов. Но мы зашли в пустой Дом. Защита, которая должна была не пустить магов, не сработала. Значит, дэйнов здесь нет.

— Но... пока в городе есть колдуны или маги, дэйн никогда его не покинет...

— Дэйны уходят из Дома, забыв про защиту, лишь в одном случае, — Волоран, наконец, обернулся к присутствующим. — Если их зовет видия. Но видии отказались помогать нам, когда узнали волю богов.

— То есть дэйны ушли не поэтому? — нахмурился Шахнал.

— Поэтому. Вот только...

— Видии могли встать на сторону колдунов, лишь считая их дело правым, — возразил ему Грехобор. — Но тогда они обрекают этим на гибель дэйнов и магов, даже тех, кто послушался богов.

— А если их обманули? — робко спросила Повитуха.

— Видии — видят, — дэйн хотел было опять отвернуться, но замер, заметив, как Глен усмехнулся и покачал головой. — Что?

— Они видят лишь исход. Их видения слишком зациклены на магах, и только на них. Поэтому ваши девчонки смотрят на то, что будет с *магами*, если те продолжат помогать дэйнам. Они не

задумываются, что будет, если они помогут колдунам.

— Объясни? — заинтересовался палач.

— Обращаясь к дару, видия задает конкретный вопрос. И получает ответ. Без возможности трактовать его как-то иначе. Ее учили смотреть только на магов, не на колдунов, — дух пожал плечами. — Когда я поспорил, что смогу соблазнить видию... — он поморщился, но продолжил:

— Я долго к ним присматривался. Но сумел понять главное: они удивительно зашоренные. Видят только то, что прямо перед глазами. Эта девчонка проверяла — не маг ли я. Но ей даже не пришло в голову заподозрить — не колдун ли. Защита на их покоях стоит только против силы. Это хорошо, если туда рвется маг. Но колдуны не используют силу постоянно, и поэтому любой из нас может хоть всю жизнь прожить рядом с видией. Единственное условие — не пользоваться Даром.

— Значит колдуны вполне могли обмануть видий, — полувопросительно сказала магесса.

— Да. Только откуда колдуны знают об... — Йен поймал взгляд призрака и покачал головой. — Ясно.

Волоран вздохнул. Отвернулся.

— Йен?

— Да. — Йен ответил на его молчаливо заданный вопрос, не задумываясь.

Конечно, он пойдет с братом, это не обсуждалось.

— Колдун. Ты идешь с нами.

Глен кивнул.

— Повитуха.

— Я здесь не останусь, я тоже... — Мили с трудом села на лавке и даже попыталась подняться на ноги, но тут же ссутулилась и обхватила себя за плечи, услышав спокойное:

— Нет.

— Но...

— Оставьте нас ненадолго, — дэйн подождал, пока комната не опустеет, подошел к Милиане и сел рядом на лавку.

— Я должен наказать тебя за неповиновение. Не забыла?

— Нет, — девушка неуверенно повернула голову и посмотрела на мужчину.

— Мне нужна клятва.

— Клятва?

— Что ты будешь жить, как бы больно тебе не было.

— Это наказание? — негромко спросила Повитуха.

— Да.

— Но...

— Милиана!

— Клянусь.

— Хорошо, — Волоран, наконец, повернулся к ней: — Ты просила отпустить тебя. Просила дать свободу. Я даю ее тебе.

— Что? — магесса пошатнулась.

— Шахнал отправит тебя на Перехлестье. Где ты станешь жить, как обычный человек.

— Я...

— Ты останешься моей женой, но при этом будешь свободна настолько, насколько это возможно.

— Постой...

— И, конечно, я понимаю — то согласие я получил лишь потому, что ты хотела жить. Можешь не мучиться угрызениями совести. Я понимаю, ты надеешься, что, мы никогда не встретимся больше, Повитуха. Пусть с опозданием, но я выполняю твоё желание. — закончил мужчина и глубоко вздохнул.

— Но... тогда... — Милиана заставляла себя говорить, хотя горло сжималось, — ты... перестанешь... чувствовать.

Мужчина улыбнулся с легкой грустью.

— Дэйн не должен чувствовать.

— И это все?

— Я дал тебе то, о чем ты мечтала, чего просила. Что еще надо? — он не понимал. Никогда не понимал ее.

— Быть женой. Матерью. Женщиной... — тихо, не замечая катящихся по лицу слез, ответила девушка.

— Ты никогда не станешь женой Йена, — терпеливо объяснил ей дэйн.

— А если... я попрошу... тебя?

Он замер на время. А потом тихо произнес:

— Милли, тебе не приходило в голову, что мне тоже хочется быть любимым? Не быть заменой? — он покачал головой и отвернулся. — Не ощущать, как от простого прикосновения замирает и содрогается от отвращения та, кому я отдал кольцо? Не видеть, как после поцелуя она просит о шансе у другого?

— Нет, Волоран! Это не так. Послушай! Я не...

— Хватит. — дэйн резко поднялся, и в два шага оказался у двери. — Я итак все понял. Когда освоишься там... построй свою жизнь, как считаешь нужным. А сейчас иди. Шахнал доведет тебя. Его сил хватит, чтобы защитить вас обоих, к тому же колдунам вы не нужны.

Волоран не обернулся, когда она позвала его. Он выполнил ее просьбу. Теперь нужно было думать о другом.

* * *

— Йен... — она прорыдала его имя, цепляясь за широкие плечи. — Йен! Пожалуйста, попроси его. Убеди оставить меня. Пожа...

Грехобор прижал ее к себе, ожидая, пока утихнет истерика.

— Ты говорил, что надежда есть!

Он молчал.

— Ты ошибся...

Девушка смотрела с запоздалым пониманием. И на лице застывала маска отчаяния. Слезы высохли. Им на смену пришло оцепенение. Повитуха даже позавидовала дэйну — когда душа коченеет, ничего не болит.

— Объясни им, — отступив от мужчины на шаг, Мили вытерла слезы. — Расскажи, что я не плохая. Что я просто ошиблась, хорошо?

— Хорошо, — маг ласково провел рукой по ее щеке, прощаясь. — Прости меня.

Она судорожно кивнула, отстраняясь. Вздохнула. Посмотрела на закрытую дверь Цетира, за которой оставила дэйна. А затем кивнула Шахналу, терпеливо ждущему в стороне, и побрела, не оборачиваясь, прочь.

Она уходила.

Снова.

Так, как уходила сотни, тысячи раз за эти девять лет. И, считая каждый шаг, отделявший ее от Аринтмы и тех, кто там остался, Милиана молила Богов лишь об одном: «Позвольте мне вернуться!»

Грехобор смотрел ей вслед, в бессильном гневе сжимая кулаки. Как он хотел все изменить... Не причинять ей боли. Никогда не видеть ее слез. Не слышать отчаяния в ее голосе... «Ты обещал!»

Он говорил, что у нее есть надежда. Ему и впрямь казалось, будто она есть. Еще несколько месяцев назад, до встречи с Василисой, до возвращения сюда — в Аринтму, он бы сказал — нет. Ее нет и не может быть. Но сейчас все изменилось, перепуталось, переплелось, перехлестнулось.

— Глен, — негромко позвал маг колдуна, зная, что тот уж точно находится где-то неподалеку.

И действительно, дух в тот же миг возник справа от Йена и замер, таким же остановившимся взором всматриваясь в спины уходящим — тоненькой, пошатывающейся девушке и ссутулившемуся высокому мужчине.

— Она справится? — осторожно спросил призрак.

— До Перехлестья продержится, а дальше... лишь она одна знает.

— Дэйн уже готов идти, — напомнил Глен. — Мы ждем только тебя.

— А ты можешь снова добраться до Василисы? Я хотел...

— Ей не нужно знать, — дэйн вышел из дверей Цетира как раз вовремя, чтобы услышать последний вопрос брата. — Для всех мы — здесь. Лечим Повитуху.

— Ее имя — Милиана, — Йен недобро посмотрел на брата. — Запомни уже это, коли сам отправил ее туда, где она перестанет быть магессой.

— Я помню, — дэйн усмехнулся. — А ты помни, что не можешь владеть обеими, как бы тебе того ни хотелось.

— Думай, что говоришь! — пальцы Грехобора начали стремительно белеть от инея.

— Знаешь, — щелкнул пальцами Волоран, не обращая внимания на гнев мага. — Все же наша судьба — насмешница. Ты встречался с Повитухой, но она стала моей нареченной. Я собирался сделать женой Василису, но она приняла кольцо от тебя. В этом есть некая издевка, не находишь?

— Издевка?! Ты... — Йен шагнул к брату, но тут же остановился.

Рвущаяся из глубины души ненависть, неуправляемая сила, кипящая злоба... все изменилось. Он впервые почувствовал свой дар иначе. Горечь и боль поднимались в душе, но теперь их будто бы стало возможным сдерживать. Маг посмотрел на свои изувеченные руки. Иней на пальцах стремительно таял, и через миг от него не осталось ничего — даже капель воды. Йен просто... заставил его исчезнуть. Грехобор провел рукой по шраму — от виска до кадыка. Наказание Маркуса. Вечная метка, по которой его будут узнавать. Рана, которая откроется сразу, стоит ему хоть немного потерять контроль над силой. Она всегда кровоточит, стоит ему начать волошбу. Мужчина посмотрел на ладонь. Ничего. Перевел взгляд на брата... и опешил оттого, каким пронизывающим, изучающим взором Волоран смотрел на него.

— Дар подчиняется? — уточнил дэйн.

— Да... — растерянно кивнул маг. — Только я не знаю — почему...

— Ты изменился.

Сказав так, палач магов коротко свистнул, запрокинув голову в небо.

— Рад, что твоя злоба теперь не подхлестывает твой дар.

Он не стал объяснять, для чего сказал то, что сказал. Не стал извиняться. Он нарочно так больно ударил Йена словами, вынуждая его — столь легко выходявшего из себя — расвирепеть. Грехобор все понял. Значит, слова будут лишними, тогда к чему тратить на них время?

— После того, как видия отказалась помогать дэйнам, нам пришлось переселить ее, — сказал Волоран, всматриваясь в затянутое низкими тучами небо. — Она находится в заточении и считается предательницей.

— Тогда почему она жива? — прекрасно помня разговор дэйна с Отцом, спросил Глен.

— Мы не имеем права причинять ей вред. Поэтому, — дэйн отступил, чтобы фадир, плавно спускающийся с неба не задел его крылом, — единственное, что можно было сделать — запереть ее.

Фадир спустился. Гордое, красивое животное. Широкие крылья стегнули воздух, по лужам пробежали волны ряби и вот черный могучий жеребец замер посреди двора Цетира.

Но через мгновение трепещущие ноздри втянули влажный воздух и конь, захрапев, вскинулся на дыбы, пытаясь передними копытами размозжить голову бесплотного Глена. Копыта беспрепятственно прошли сквозь воздух, но колдун, забыв, что могучий жеребец не может причинить ему вреда, отпрянул, уклоняясь.

— Тихо, фадир. Тихо... — дэйн перехватил поводья скакуна и пояснил. — Чует колдуна, вот и нервничает.

— Ну да, — фыркнул Глен, на всякий случай отойдя на несколько шагов от беспокоящегося животного. — Духа чует, а на мага внимания не обращает.

Грехобор спрятал улыбку и шагнул к громадному коню, протягивая руку.

И фадир, ненавидящий магию, фадир, не позволяющий никому, кроме Волорана, приблизиться к нему, так вот, фадир радостно фыркнул, подставляя мощную голову под руку изувеченную руку мужчины, выпрашивая ласку.

— Красавец... — Йен держал коня за поводья и гладил, гладил, прижавшись щекой к доверчивой морде, а потом обернулся к брату и спросил: — Ты так и не дал ему имя?

— Он — фадир, — Дэйн поставил ногу в стремя и забросил себя в седло. — Этого более чем достаточно. Оставь животное в покое.

Волоран протянул брату ладонь:

— Долго еще мне ждать, пока вы налаживаетесь?

Грехобор подтянулся, ухватив дэйна за руку, и вскочил на фадира позади наездника.

— Не люблю летать, — вздохнул маг. — С тобой — тем более. Сажу тут, как похищенная невеста.

В этот миг что-то словно кольнуло Йена в сердце. Он и не понял сначала — что именно, а потом с запоздалым удивлением осознал — он не злится, не обижается, мало того он только что... пошутил?!

— Ты... вы... он же *фадир*! — тем временем выдохнул стоящий в стороне Глен.

Колдун имел весьма забавный вид — столько отразилось в его глазах удивления и неверия. Призрак и впрямь был ошарашен. За то незначительное время, которое он знал двоих братьев, ему открылось столько необъяснимого и странного, сколько он не видел за все годы своей

далеко не рутинной жизни.

— Глен, — Волоран внимательно посмотрел на колдуна, словно не услышал его изумленного вопроса. — Тебе нужно перенестись за Топи, к разрушенной Клетке Магов. Проверь там все и... не подведи. Огромные крылья фадира хлестнули воздух, копыта звонко ударили о камни мостовой и через миг черный скакун взмыл в пасмурное небо, унося на своей спине мага и дэйна.

Уйти нельзя остаться

Зария в оцепенении сидела в углу кухни на лавке и смотрела в потолок. Там, между скатом крыши и закопченной балкой плел свои тенета паук. Он деловито перебирал лапками, и тонкая нить тянулась и тянулась, тянулась и тянулась... Так же медленно, но неустанно тянулись мысли в голове чернушки. Их впервые было так много. Зария ведь не привыкла думать. Она привыкла терпеть. Поэтому сейчас мысли разбегались в голове и мельтешили, мельтешили, мельтешили — одна другой тягостнее.

Она запуталась. Ей было больно. Страшно. И впервые хотелось с кем-нибудь поговорить, выплеснуть все, что накипело и не давало покоя, душило и мучило.

Наследница лантей казалась себе букашкой, попавшей в паучью сеть — чем сильнее она трепыхается, тем прочнее облепляют тело липкие нити и тем быстрее ползет к своей жертве страшный хозяин ловушки.

Что случилось с ней? Почему? Раньше она знала свою судьбу. Каждую ночь та являлась ей в кошмарах. Иногда она приходила в образе свекрови, подающей похлебку с запахом ядовитых трав. Иногда в образе мужа, замахивающегося на Зарию тяжелым кулаком. Иногда в образе безобразной старухи, тянущей к жертве костлявые руки, смыкающиеся на горле и душащие, душащие, душащие...

Зария должна была умереть. Давно. Еще тогда, в переулке, когда вмешалась Василиса. А вместо этого чернушка неожиданно для себя стала свободной. Как? Разве можно обмануть судьбу? Разве предназначение не является единственным? Неужто жизнь не такая, какой ее заранее упредили Боги? Столько вопросов, мыслей, столько нужно понять, но Зария, словно околдованная, сосредоточилась совсем на другом...

Он ей солгал.

Когда? В какой миг? Она не смогла это разглядеть. Но чувствовала ложь. Он ей солгал. Но ведь она сказала ему уходить — и он ушел. Тогда почему она вновь и вновь вспоминает то, что следует выбросить из головы?

Девушка стиснула голову ладонями и застонала. Спихватилась, зажала рот рукой, боясь быть услышанной. Ее бросало то в жар, то в холод, по телу то ползла мелкая дрожь, то оно вдруг раскиселивалось от нахлынувшей слабости. И голова. Казалось, голова вот-вот лопнет.

Надо поговорить. Надо рассказать кому-то, что у нее на душе. Кому-то, кто умнее, кому не так больно и тяжело думать, тому, кто поймет и сможет дать правильный совет. Василиса! Чернушка подскочила со скамьи и так быстро, как могла со своей хромотой, поковыляла в обеденный зал.

Странно. В харчевне было пусто и тихо. Лишь Багой ссутулился за пустым столом и задумчиво разглядывал глиняную чарку.

— Багой... — Зария робко приблизилась.

Несмотря на то, что корчмарь никогда не обижал наследницу лантей, она все равно в душе побаивалась его. Слишком сильно было привычное неверие в то, что она — Зария — заслуживает чего-то иного, кроме колотушек и насмешек.

— Ты не знаешь, где Василиса?

Хозяин «Кабаньего Пятака» горько усмехнулся и опрокинул в себя чарку. Поморщился, а потом, не глядя на собеседницу ответил:

— Ушла. С магом.

— А... — девушка переступила с ноги на ногу, — когда вернется?

— Никогда, — корчмарь задумчиво посмотрел в стакан. — Она не вернется. Маг увел ее насовсем.

— Но... она же обещала остаться! — забыв о почтении, Зария сверлила глазами корчмаря, требуя ответа. — Она не хотела уходить!

— Я тебе так скажу. Насильно ее никто не тащил. Пошла сама.

Багой наклонился, поднял с полу глиняную бутылку, наполнил чарку и снова с каким-то остервенением опрокинул ее в себя.

— Даже. Не. Попрощалась? — с трудом выдавливая из себя слова, спросила чернушка, ища в лице мужчины хоть что-то, что укажет на обман. И не находила.

— Не до того, знать, было, — он разгладил усы. — Она... дура набитая. Ведь говорил, говорил — не жди добра от магов! Нет... поперлась.

Но Зария уже не слушала. Она медленно пятилась к кухне и судорожно пыталась сделать вдох. Но горло словно стиснула ледяная рука. Воздух с трудом просачивался в гортань и, казалось, царапал ее до крови. Внезапно накатил приступ кашля, удушающий, разрывающий грудь. Девушка скорчилась на полу, закрывая ладонями рот, и кашляла, кашляла, кашляла... а в голове пульсировала в такт неистовому сердцебиению одна единственная мысль: «Ты никому не нужна. Никому не нужна. Никому».

И в этот миг яркой вспышкой стала понятна ложь Глена! Та самая, которая все эти дни не давала покоя. Он клялся, что никогда от нее не откажется. И ушел, нарушив обещание.

«Ты никому не нужна».

Чем сильнее надежда, тем страшнее пустота в душе, когда она умирает. И сейчас наследница лантей задыхалась боли. Той, которая сильнее телесной. Потому что ее ничем нельзя облегчить.

Девушка поднялась с пола не сразу. Ноги подкашивались, в голове стоял гул, но врожденное упрямство в который раз взяло свое. У Зарии не было иной судьбы, кроме той, что ждала ее при рождении. Пока в ее жизни была веселая хохотушка Василиса, казалось, что надежда жить, быть счастливой, нужной, обычной — есть. Но вот Василиса ушла. И сразу стало понятно — судьбу не обмануть, не высмеять, не разменять. Она одна. От рождения и до смерти.

Предначертание. Какое страшное слово! Каким холодом, какой безнадежностью от него веет. Но ее предначертание дано от рождения. И, пытаясь вырваться из его власти, она лишь набила новых шишек. Бессмысленно бороться с волей богов. Ей можно только покориться. Ее предназначение — в служении. И она должна идти туда — в обитель к лантеям. Не стоять у печи, не ковылять по залу на потеху насмешникам. Она должна выполнить волю богов. И умереть с чувством осознания завершенности своего пути.

Тут для нее ничего не осталось.

Зария неслышно выскользнула из кухни, мягко прикрыв дверь черного хода. На Аринтму плотной пеленой опустились сумерки. Но боязливую девушку больше не пугали ни тени, мелькающие в переулках, ни подвыпившие прохожие, ни лай собак из-за заборов. Лунное серебро делало город чужим, неузнаваемым, страшным. Однако чернушка, словно не замечала этого. Она просто шла прочь, не взяв с собой ни одежды, ни еды. Она шла и шла. Сначала медленно, потом быстрее, еще быстрее и еще, и еще. И под конец почти бежала, припадая на изувеченную ногу, задыхаясь, давясь слезами, рыданиями, воздухом, тоской и отчаянием. Она бежала туда, где находилось святилище лантей,

И горемыке было невдомек, что она не сможет пойти так далеко в одиночестве, без защиты. Она не знала, что через несколько кварталов больная нога подломится, в груди что-то надсадно дернется и холодный воздух впервые прольется в горло потоком. И она захлебнется. Захлебнется влажным обжигающим ветром и упадет. А подняться уже не сумеет.

Нет, девушка всего этого она не знала, как не знала и того, что нынешний путь станет для нее последним, что, когда боль и опустошение отступят, она особо остро поймет свое одиночество. А вокруг будет равнодушно шуметь глухой черный лес. И он будет петь над ней свою песню, а последняя из рода лантей останется лежать, глядя в пустоту незрячим остановившимся взглядом.

Вот только...

— Ты куда это на ночь глядя, дочка? — скрипучий старческий голос заставил Зарию вскинуть голову.

Дед Сукрам натянул поводья, удерживая лошадь. Повозка заскрипела и остановилась, а старик с облучка строго взирал на запыхавшуюся беглянку.

— Раздетая, одна... Эх... Ну, чего молчишь?

— К лантеям... — виновато проговорила Зария, опуская голову. На нее вдруг нахлынул необъяснимый суеверный ужас.

— Ой, дуреха! — дед хлопнул себя по колену. — Дык, это ж в другую сторону! Тьфу. Замуж тебе надо, чтобы блажь всякая в голову не лезла, ишь. Ладно, садись, чего смотришь? Залезай, говорю! Назад отвезу.

— Зачем? — чернушка обхватила плечи руками и отступила на шаг. — Я не хочу назад.

— Хочешь, не хочешь... У Багоя живешь? Да. Работу он тебе дал? Дал. Что за неблаго...

Зария развернулась и молча поковыляла прочь. И пусть внутри все дрожало, она не собиралась возвращаться.

— Да куда ты? Тьфу, блаженная... Стой! — Сукрам, кряхтя, слез с повозки и догнал упряму.

— Жить надоело?

— Да! — девушка резко развернулась. — Надоело! Я, как... как башмак без пары! И оставить глупо и выкинуть жалко! Среди живых людей, словно тень! Вспоминают обо мне только когда надо что-то: или обругать, или пристыдить, или подать чего. А я? Я живая! Я нужной хочу быть! Не дурой бесполезной, над которой только смеются!

Она сорвалась на крик, а потом тихо закончила:

— Я хочу в Святилище Богини. К лантеям. Во мне течет их кровь. Не надо меня останавливать.

Дед покачал головой. Помолчал. Сдвинул на лоб шапку. Почесал затылок. И вздохнул:

— Поехали, отвезу. Не бросать же тебя тут, дурную.

Все еще дрожа, то ли от своей отчаянной храбрости, то ли от холода, то ли от страха, чернушка приблизилась к повозке и кое-как вскарабкалась, устраиваясь на соломе. Сукрам молча тряхнул поводьями и смиренная лошадка, терпеливо ожидавшая, когда люди обо всем договорятся, потрусил вперед.

Старик молчал. Не пенял Зарии, не взывал к совести, не надоедал нравоучениями, даже не кряхтел и не вздыхал, ехал себе, будто рядом не сидела нежданная попутчица.

Мелькали стены домов, из окон которых лился теплый уютный свет, где-то скрипела вывеска, а может это ставень жалобно всхлипывал на ветру. В городе было тихо. Но вот телега миновала городские ворота, покидая Аринтму. За стеной шумел лес... Девушка свернулась калачиком и смотрела остановившимся взглядом в борт телеги. Под неспешное покачивание повозки, под шепот ветра и размеренный скрип колес чернушка задремала.

Она проспала всю ночь, укутав ноги подолом платья и для тепла зарывшись в солому. И до самого рассвета ее не терзали ни холод, ни тряска, ни иные неудобства. Наследница лантей спала без сновидений, провалившись в черную пропасть небытия.

Все это время возница нет-нет, а поглядывал на спутницу и покачивал головой. Он не был согласен с решением Зарии, но, тем не менее, все же вез ее туда, куда она так просила. Старик не собирался больше вмешиваться — каждый сам решает, как жить и уж коли дуреха вознамерилась порвать со всем миром разом, он переубедить ее больше не хотел. Иногда, чтобы поумнеть, человеку необходимо совершить ошибку.

— Где мы? — тихий голос, еще хриплый от сна, отвлек Сукрама от безрадостных мыслей.

— Да вот уж третий западный перекресток миновали. К вечеру будем на заставе, но там уж сама пойдешь, девка. Лантеи мужчин не привечают, так что мне туда путь заказан.

— Спасибо... — тихо промолвила Зария, а потом, приглаживая растрепавшуюся косу, сказала:

— Прости меня, дедушка...

— Глупая ты. Как есть глупая, — не оборачиваясь, проворчал возница. — Сидела у бога за пазухой, так нет, вздумала характер показать. Вот верно говорят — бабе ума отмерили, чуть больше курячьего. Чего тебе там нужно, у этих лантей? Поклоны класть денно и ночью? Молитвы возносить? Иль судьбу искать?

— А хоть бы и судьбу, — чернушка вытянула из косы последнюю, запутавшуюся в ней соломинку и задумчиво посмотрела старику в спину.

— Ты во мне дыру не прожигай, — хмыкнул он, почувствовав ее угрюмый взгляд. — Лучше рядом, вон, садись, развлеки старика, чай всю ночь слушал, как ты сопишь.

И он придержал свою сивку, дожидаясь, пока девушка переберется поближе, после чего продолжил:

— Судьба сама к тебе придет. От нее не убежать, девка. И не спрятаться. Но бывает, чем настырнее ищешь, тем труднее найти. Тут просто перетерпеть надо. А так... чего тебе в святилище томиться? Выйди замуж лучше, ребятенков нарожай...

— Кому? Кто меня, такую, возьмет замуж? Кому от меня детей захочется? — девушка сердито расправила подол старенького платья и вдруг с тоской подумала о том, что красивый наряд небесно-голубого цвета, который подарила ей Василиса, так и остался в харчевне Багоя. Впрочем, зачем ей теперь наряды? Они ей и прежде были не нужны, а теперь и подавно.

Дед неодобрительно покосился на девушку и переспросил:

— Какую «такую»?

— Костлявую, недужную, колченогую, — Зария поджала губы и припечатала: — Страхолюдину.

— О, говорю ж — глупая, — Сукрам покачал головой. — Ты ж сама из себя страхолюдину сделала, а теперь сидишь и жалуешься. Чего глаза выпучила? Мать?то не учила тебя что ли?

— Чему? — девушка даже выпрямилась. — Чему не учила?

Старик внимательно посмотрел на собеседницу. Неужто не знает? Да как же?

— Раз ты из рода лантей, должна бы знать, — сказал, наконец, хозяин старой повозки. — У вас уродство от сердца идет. Лантеи ведь богине любви служат, а она хоть и щедрая, но каверзная. Потому, пока вы счастливы, пока сердце горит — вы все красавицы. И люди, вас видя, добрее становятся, и радость в жизни только прибывает у всех. А уж коли лантея предается горечи, лелеет боль или обиду в сердце — тут ей и болезни, и несчастья, и всякая другая пакость. Запомни, девка: чем сильнее обида, тем злей болезнь.

— Но ведь...

— Что? Лантеи, так уж среди них повелось, только и могли, что жаловаться, грустить, да предаваться недовольству на всех и вся. Вот и не стало их почти.

— Да как же не жаловаться! — воскликнула потрясенная девушка. — Если боги лишили нас сыновей!

Измученный дед аж поводья выронил от этого внезапного и яростного крика, столь пронзительно и надрывно прозвучавшего в утренней тишине.

— Чего орешь, окаянная? — подбирая вожжи, пробурчал дед. — Набралась глупостей не пойми откуда и орет. Никто ничего вас не лишал. Сами себе жизнь испоганили, а боги виноваты. Других забот у них нет как будто.

— Да что ты...

— То. — Веско припечатал старик. — Я тут не просто так языком мелю. Сукрам пожил — Сукрам знает. Побольше твоего, между прочим. Кровь лантей сильная, вот и рождаются у вас девчонки, чтобы наследие не прервалось. Только лишь если кровь мужа сильней окажется — мальчик родится. И боги тут ни при чем. Они вам детей не раздают, как пряники на ярмарке. Они помогают, но сами за вас делать ничего не станут, уж не обессудь. А то, что лантеи почему?то мужиков себе выбирали послабее, да попослушнее — только ваша вина. Видать, прабабки твои побаивались мужниной власти, не хотели под чужую волю идти, чай, дочери богини, куда там. Не пристало им похлебки варить, да мужика обстирывать. Возомнили о себе невесть чего. Вот и получили. Любовь, девка, штука тонкая. Тот, кто любит, тот не берет, а отдает. Без меры, без счету, ничего взамен не требуя. А вам только дай, дай, дай, да побольше. Вот и посмеялась над вами богиня. Коли вы поклонения ищете, а сами любить слишком гордые — получите.

— Но... тогда... ведь...

— Все не так, как тебе говорили, да, дочка?

Зария потрясенно кивнула.

— Я, девка, жизнью ученый. Где только ни бывал, чего только не видывал, с кем только не беседовал, — дед важно пригладил плешивую бороденку и приосанился. — Когда слушать умеешь — много чего откроется. Так что ты не думай, будто я тут стариковскими бреднями тебя потчую. Поразмысли над сказанным, да в омут головой не бросайся. Подумай сперва. Сходи в свое святилище, только клятвы зря давать не торопись. Посмотри, как живут те, к кому ты так стремишься, и реши, нужно ли тебе их житье-бытье.

Сукрам помолчал, и вдруг лукаво спросил:

— Неужто в сердце никто не запал тебе, что так легко из мира решила уйти? Красивая ж ты девка. Отъешься, хромать перестанешь — женихи к Чаше за кольцами в очередь выстроятся.

Зария грустно улыбнулась, вздохнула и как?то совершенно незаметно для себя, начала рассказывать попутчику свою короткую, но полную горечи жизнь. Рассказала про мать, про отца, про мужа, про свекровь, про Василису... Ни с кем она еще не говорила так долго, никому не изливала душу. Она не жаловалась, просто перечисляла свои злоключения, и на душе становилось легче. Прав был дед Сукрам — тем, кто умеет слушать, открывается многое. Вот и узнал возникший все о Зарии, а заодно — многое о тех, кто ее окружал.

— Как звать?то его, сокола твоего сизокрылого? — когда чернушка прервалась, спросил дед.

— Глен, — Зария ссутулилась.

— Глен, значит... — собеседник покачал головой и хмыкнул. — Глен... Ну и что же ты горюешь? Пообещал ведь тебе мужик, что вернется. Так нет, ваша бабская забава — непременно в грусть-тоску впасть, ожидаючи. Иль никак нельзя без терзаний?то?

Девушка поджала губы, а потом, наконец, промолвила:

— Он сказал, что никогда от меня не откажется. И солгал. Ушел и...

— Тю! — присвистнул старик. — Дак он ведь слово тебе же, дурехе, данное сдержал! Да к тому же — ушел и отказался, то, девка, не одно и то же. Ушел — вернется, — рассудительно отметил дед. — Как же ему еще и тебе угодить, и не солгать было? Ты сама его прогнала, а теперь слезы

льешь. Вот же ж курячья натура!

— Но... — Зария замолчала, не зная, что сказать.

Сукрам со всех сторон выходил правым, а она — дура душой. Как есть курячья натура.

— Что «но»? Молчишь. Сама себе беду придумала, сама страдаешь, сама чахнешь. Эх... — старик хлопнул себя в сердцах по колену и замолчал.

Он мог бы добавить к уже сказанному еще много чего, мог бы предложить Багоевой чернушке повернуть назад, но не стал. Хватит. Пусть сама решает. Голова на плечах есть. Поэтому остаток дороги дед развлекал попугайчицу обычной стариковской болтовней.

Василиса налаживает контакт

Лиска всегда боялась лошадей. Такие махины! Сзади подойдешь — лягнет. Спереди — укусит. Ну их. Девушка могла бесконечно восхищаться красотой и грацией этих животных, но желательно через экран телевизора, монитор компьютера или рамку картины. Там лошади ей очень даже нравились, вызывали всяческий восторг и восхищение, но вблизи...

Когда над тобой нависает гигантская голова с огромными зубами и слишком умными для животного глазами — поневоле ждешь какой-нибудь пакости. К тому же животные прекрасно чувствуют неуверенность и страх, а, значит, шансы быть укушенной или отмеченной на счастье отпечатком подковы поперек лба для Василисы возрастали многократно.

Поэтому сейчас, сидя на спине исполинского жеребца, стряпуха в почтительном трепете старалась не дышать, не ерзать, не вертеться и вообще не жить. Она оцепенела и только широкая грудь Жнеца, в которую девушка вжималась лопатками, дарила призрачное ощущение если не безопасности, то хотя бы относительной устойчивости.

Конь шел себе и шел, могучие мышцы перекачивались под тем самым местом, в котором у Василисы жил целлюлит, и девушке хотелось взвыть от ужаса. Земля была где-то далеко-далеко внизу, пожалуй, если свалишься, падать будешь трое суток, не меньше.

— Ты боишься? — удивился Фирт, почувствовав, как одеревенело тело спутницы.

— Чего тут бояться? — огрызнулась Василиса дрожащим голосом. — Палач везет меня на гигантской скотине в темную ночь — какие, в сущности, пустяки! Особенно, если учесть, что сегодня меня чуть не придушили, и я почти увидела бога.

Мужчина за ее спиной хмыкнул, но ничего не сказал.

А стряпуха отчаянно молилась о том, чтобы их путешествие оказалось недолгим.

Фирт ехал молча, надежно, но без грубости прижимая к себе добычу. Добыча же, притерпевшись и изнемогая в тишине, принялась отчаянно вертеть головой по сторонам.

До сего дня Лиска видела только лес и Аринтму, поэтому сейчас жадно любовалась ночными видами незнакомого мира. Страшный жеребец нес наездников через бескрайние поля (или это были луга — Василиса не понимала разницы) и незнакомые созвездия сияли над головами путников, а луна — бледно-голубая и пугающе огромная, заливала все вокруг мертвенным светом.

В прозрачном полумраке поле переливалось сотнями огоньков. Сперва Василиса приняла эти мерцающие точки за светлячков, но потом поняла — светлячки слишком крупны и отчего-то парят *над* колышущимися травами, реют в воздухе и словно что-то нашептывают, будто провожая припозднившихся путников. А ветер нес над землей пряный сладкий аромат...

Скаун шел медленно, то и дело останавливаясь, и Фирт снова и снова вынуждал упрямое животное двигаться дальше. Василиса любовалась ночью, но при этом ловила себя на том, что по коже нет-нет да пробежит легкая дрожь, не имеющая ничего общего с ознобом. Казалось, будто здешняя природа при всей своей чарующей красоте таит какую-то опасность. И темные сполохи, похожие на рваные клочья тумана мелькали в свете мерцающих огоньков — неуловимые, почти незаметные они омрачали картину всеобщего умиротворения.

— Неприкаянные души, — ответил на невысказанный вопрос девушки Жнец. — Пока я рядом, можешь не опасаться. Они боятся магии. Это поле охраняет от людей владения колдунов.

— И долго нам еще по нему ехать? — поинтересовалась практичная Вася.

— Пару дней. Надо добраться до Дальних скал.

— А потом?

— Внутрь.

— Внутрь... скал? Зачем?

— А зачем люди ходят к скалам?

— Вот уж не знаю. Любоваться? И вообще, ты всегда такой многословный?

— А ты всегда болтаешь без умолку? — по голосу было слышно, мужчина улыбается.

Его, видимо, забавляло Лискино любопытство и ее острый язычок. А вот девушке было несладко.

— Фирт...

— Жнец. Люди не могут называть магов по имени. Только по назвищу.

— Фирт, — выслушав его замечание, повторила Василиса. — Давай будем друг с другом откровенны. Я пока веду себя очень спокойно. Заметь, я не сопротивлялась, когда ты хватанул меня своей магической рукой. Не билась в истерике, когда ты торговался, прикрываясь моими формами, как щитом. Я даже слова против не сказала, когда ты взгромоздил меня на это копытное чудовище. Сейчас мы едем по полю, полному призраков. И я по-прежнему совершенно спокойна, настроена на философский лад и пытаюсь быть любезной. Так вот. Если ты не хочешь провести остаток нашего пути оглохшим от моей истерике — ответь на несколько моих вопросов. Очень прошу.

— Я маг, — сказал ей мужчина.

— И?

— Тебе положено меня бояться, — не особо надеясь на успех, напомнил Фирт.

Собеседница лишь безразлично пожала плечами и, извернувшись, посмотрела в глаза Жнецу.

— Это можно расценивать, как разрешение на истерический припадок?

Он усмехнулся.

— В скале пролегает подземный коридор. Он приведет нас... в Жилище.

— Жилище?

— Это место, где в последние месяцы собираются колдуны. Их предводительница — Анара — отыскала это укрытие и защитила его от дэйнов. Там новообращенных колдунов учат подчинять дар, делают сильными и злыми.

— Зачем? Нет, не отвечай, — Василиса наморщила лоб, соображая. Маги, дэйны, колдуны, призраки... — Они хотят свободы от дэйнов?

Жнец не стал подтверждать или опровергать ее догадку, лишь спросил:

— Почему ты не боишься меня? Я в любой миг могу сделать так, что тебя не станет.

— Ну да, можешь, — Василиса поерзала, стараясь устроиться удобнее. — Но ведь не сделаешь. Иначе, чего ты так переполошился, когда я едва не коснулась твоей рукавицы еще там, в таверне?

— Возможно, тогда тебе было рано умирать?

— Нет. Ты меня не убьешь, — стряпуха улыбнулась, услышав за спиной негромкую добродушную усмешку. — Кем был тот, кого ты назвал Маркусом?

— Он провозгласил себя богом.

— Я не о том. Его голос был мне знаком. Это Багой? Или кто?то еще?

— А разве, кроме Багоя, там был еще кто?то знакомый тебе?

Василиса потерла подбородок, но промолчала. Для нее было диким понимание того, что она, похоже, работала на...

— Ты сказал ему, что, если он не придет в... — Василиса попыталась вспомнить название, но не смогла и закончила: — в то место, я погибну. Но зачем ему приходить туда из-за меня?

— Ты нужна ему, — просто ответил Жнец. — Именно он притащил тебя сюда.

— Но зачем?

— По какой?то причине он хотел, чтобы именно ты соединилась с Гленом. Мне эти причины неведомы, да и неинтересны. Возможно, глупо искать смысл в том, что может оказаться всего лишь безумной прихотью древнего старика. Но, как бы то ни было, он всегда находился рядом с тобой. И пусть он ошибся, так глупо и нелепо перепутав Йена и Глена, ты по-прежнему ему нужна. Поэтому он отправит Зарию к лантеям. Поэтому мы едем с тобой в Жилище. Он обязательно придет в Капитэорнолас.

— Капи... — Василиса оставила бесплодные попытки выговорить невыговариваемое слово, которым можно было лечить заикание, и спросила: — Что это?

— Единственное уцелевшее святилище Мораки.

Несколько мгновений Василиса вспоминала — откуда ей известно это имя? А потом в памяти всплыли рассказы Багоя и Зари, и стряпуха подскочила, забыв о том, что сидит не на ровной скамье, а на неудобной лошадиной спине:

— Это та самая злыдня, которая безостановочно пакостит?

Фирт замер. Не просто замер, он окаменел и выпустил из рук поводья. Как?то рвано вздохнул, подавился и... расхохотался. Бледные огоньки бросились врассыпную, прочь от неожиданно развеселившегося мага.

Девушка поразилась столь бурной реакции. Вроде бы ничего смешного не сказала, а поди ж ты. Нет, пусть человек смеется, не жалко, но чтоб так...чуть ли не до икоты... Ой, чудно!

— Морака... единственная... богиня... которую боятся все, — кое?как промолвил маг, задыхаясь между приступами смеха. — А ты — злыдня....

И снова засмеялся.

Но Василиса не собиралась сдаваться.

— Раз боятся, чего ж тогда не поклоняются? Не пытаются задобрить? Ну, там подарить что?нибудь.

— Потому что Морака равнодушна к почестям и заискиванию, — все еще улыбаясь, Жнец подобрал поводья и тронул коня. — Ее не задобришь. Чем истовее ее молили о милости, тем сильнее и злобнее она делалась, тем больше бед творила. Люди со временем поняли это и разрушили все ее храмы. Тот, в который мы едем, сохранился лишь потому, что богиня не позволила его уничтожить. Так он и стоял, заброшенный, пока Анара не открыла.

— То есть мы направляемся в Капи...в храм Мораки?

— Нет. Жилище находится в другом месте.

— Но мне?то зачем туда ехать?

— Тебя требует Анара.

Жнец помолчал, размышляя. Он привык избегать откровенных разговоров. И почти всегда отвечал вопросом на вопрос, предлагая собеседнику самому додумывать ту правду, которая ему ближе. Но эта девушка... беседовать с ней оказалось делом увлекательным и настолько приятным, что ответы срывались с языка сами собой — искренние, не приправленные лукавством.

Грехобору повезло — его нареченная очень отличалась от здешних женщин. Да что там отличалась! Она была совершенно другой. И если подозрения Фирта, относительно причины нахождения Василисы в этом мире, были верны, то невольную путешественницу оставалось только пожалеть.

Пожалеть не потому, что ее вырвали из привычной жизни и швырнули в новую непонятную и опасную реальность на растерзание колдунам, магам и дэйнам... нет. Уж чем-чем, а трудностями Багоеву стряпухе было не испугать. Жизнерадостности и стойкости в ней хватит

на пятерых. Жнецу было жаль свою спутницу потому, что он видел и понимал то, о чем она не догадывалась — как только они доберутся до Жилища, эта симпатичная кудрявая болтушка — ошибка Маркуса — вернется в свой мир. Ее вышвырнут вон, как ненужную вещь.

Более того, Жнец даже знал способ, при помощи которого Анара это совершит. Маг встрепенулся... мысли об Анаре напомнили ему о том, что он собирался сделать с Василисой до приезда в Жилище и что сделать забыл, увлекшись пустой болтовней. То, что лишит жену Грехобора всяких шансов, если, конечно, Фирт правильно понял откровения девушки.

— Чуть не забыл, — маг покачал головой, словно коря себя за легкомыслие, и остановил лошадь. — Не обижайся.

— На что? — девушка повернулась к нему и с подозрением нахмурилась.

— Будет немного больно.

С этими словами мужчина стиснул запястья Василисы.

Жертва дернулась — его ладони были, как раскаленные сковородки — и заорала, после чего предприняла энергичную, но безуспешную попытку если не вырваться, то хотя бы оглушить коварного обидчика.

Запястья жгло, пекло, саднило. Лиска дрыгалась и пыталась лягнуть Фирта, чтобы хоть как-то отплатить за вероломство, но вместо этого лягнула коня, и тот рассерженно заржал, переходя в галоп.

Жнец держал крепко. Боль нарастала, Василиса орала, конь мчался, и вдруг все закончилось — палящее жжение исчезло, будто его не было, а Фирт отпустил руки девушки и натянул поводья, запрещая жеребцу беситься.

Подопытная же с недоумением и обидой уставилась на запястья. Там, где прежде переплетались затейливые татуировки, помогавшие обладательнице ориентироваться в пространстве, сейчас не было ничего.

Магия вытравила узоры, оставив лишь легкое покраснение.

— Вот, что ты натворил?! — рассердилась девушка. — Ты хоть знаешь, как больно их наносить и как противно, когда они подживают и зудят, а потом болячка отваливается? А? Что молчишь? Зачем ты это сделал?

— А для чего мне нужно, чтобы ты знала, куда идти? — вопросом на вопрос ответил Фирт и замолчал, давая понять, что больше разговоров не будет.

И действительно, весь оставшийся путь они провели в тишине. Лиска была обижена и разозлена, а Жнец вполне логично считал, что время разговоров истекло.

Прозрение Шахнала

Шахнал бросал косые пристальные взгляды на бредущую рядом магессу. Сказать ему было нечего, но взор против воли возвращался к молчаливой спутнице. Тонкая девушка плелась, глядя вперед и при этом ничего перед собой не видя. Она спотыкалась, оступалась, подворачивала то одну ногу, то другую и была похожа на шарнирную деревянную куклу, у которой разболтались крепления. Вроде и не сломанная, но при этом все равно какая-то

неисправная.

Но, что больше всего настораживало бывшего жреца — девушка улыбалась. На ее лице застыла отстраненная, лишенная всякого выражения полуулыбка, которая, вкуче с неровной спотыкающейся походкой придавала Повитухе вид безумный и страшный.

Они шли уже пятые сутки. Спали под открытым небом, ели то, что Шахналу удавалось испросить в попадавшихся на пути деревнях. Иногда им давали черствый хлеб, иногда остывшую, слипшуюся кашу, пару раз ребятишки потчевали их грязной, только что вытащенной из земли репой.

Спутница Шахнала не проявляла интереса к еде. Она жевала то, что он ей приносил безо всякого интереса, а смотрела в пустоту. Они не разговаривали. Не перебросились даже парой слов. И он не просил ее заходить с ним в поселения, зная, как отнесутся люди к появлению у своих жилищ магессы. Она всегда оставалась на дороге одна. Садилась куда?нибудь в тень под дерево или просто в траву и перебирала складки запыленной юбки, словно искала на ветхих заплатках таинственные письма.

Иногда она улыбалась каким?то своим мыслям. Улыбалась этой страшной застывшей улыбкой. Если они шли, то в эти мгновения она обычно ускоряла шаг и чуть ли не бежала, а если ели, то переставала жевать и прикрывала глаза, будто прислушиваясь к чему?то внутри себя.

Путники не отдыхали, останавливаясь на ночлег только, когда опускались сумерки, и поднимаясь в путь с первыми лучами солнца. Они устали, вымотались, были грязны и истощены. Но упрямо шли туда — к заветной цели. Повитухе странствие давалось легко. Она была, словно дикий зверь, который привык насыщаться тем, что пошлют боги, или вовсе ложиться спать голодным прямо на земле.

А вот мужчине приходилось несладко. Он, хотя и посвятил жизнь посту и молитве, все же не был так закален, как шагавшая рядом с ним девушка. Его терзали голод, холод, усталость, невозможность омыться и лечь спать пускай и на твердом, но все же человеческом ложе. Здесь же кроватью служил ворох травы или веток, от земли тянуло сыростью, утренний туман заставлял съеживаться от влажности и холода...

Аринтма давно осталась позади. Под ногами странников вилась дорога, ведущая к Третьему причалу. Они доберутся до него через седмицу, если не будут сбавлять шага. И там лодочник повезет их к Началу неба — так называлось место, к которому ходило лишь одно утлое суденышко с двумя узкими прямоугольными парусами: белым и серым.

От Начала неба идти придется недолго. Но просто так на Перехлестье не попасть. Эти земли принимали только тех, кто действительно нуждался в них. Нуждался сильнее, чем в жизни.

Шахнал никогда не испытывал сострадания к магам. Прежде он даже не задумывался — могут ли они чувствовать, о чем?то заботиться? Ему достаточно было того, что в них жила темная страшная сила, мешавшая людям видеть в лишенцах хоть что?то человеческое. Жрец некогда свято верил — каждый из отверженных сам виноват в своих страданиях. А, значит, несет заслуженную кару.

Кто?то, более тонко чувствующий или жалостливый, возразил бы, что безгрешный ребенок не может быть виновным хоть в чем?то. Такому непримиримый служитель богов ответил бы, что скверна, пустившая корни в юной душе, иной раз оказывается страшнее обычного зла — ведь она часть естества, а значит, такое дитя никогда не будет обычным милым ребенком. Оно будет Злом. И принесет с собой тоже только зло.

Да. Легко рассуждать, не видя перед глазами этих самых детей. Не видя рожениц, у которых забирают только что родившегося младенца или отцов, не успевших даже взглянуть на долгожданного ребенка. Легко было бросаться словами, не догадываясь, каково потом матери, чье тело продолжает жить законами естества, наливая грудь молоком, а сердце тоской. Ему казалось, будто родители должны понимать — они выпустили в мир чудовище и лучше ему умереть, чем продолжать жить среди людей.

Вот только... после собственного грехопадения у самого жреца отчего-то ни разу не возникло желания проститься с жизнью. Напротив, он жаждал прощения. Он не хотел погибать! Он раскаивался, и, чего уж скрывать, когда его повстречали мстители, малодушно спешил к Грехобору. К презренному магу.

Павший отец шел к нему, чтобы тот принял на себя его грех. И даже на миг в голове Шахнала не возник вопрос о том, что будет чувствовать сам Грехобор, взвалив на себя такую ношу. Не интересовало это грешника, как не интересовало и то, что мужу Василисы, может, вовсе не хочется принимать его страшную вину. Он — маг. Это его долг. Остальное — отца не волновало.

Так что изменилось? Вроде, солнца так же встают, и маги все такие же презренные, но почему-то Шахнал, глядя на идущую рядом Повитуху, впервые ощутил... сомнения? Жалость?

— Не вини себя, — вдруг подала голос спутница. — Ты не насильничал эту девочку. Да и не простая она девочка была. Колдунья. Сильная.

— Что? — он остановился.

— Она на тебя заговор наложила на мертвой воде. Сильный очень. — магесса мельком взглянула на мужчину и снова перевела невидящий взгляд на дорогу.

— Заговор? Откуда... зачем? — выдавил, наконец, он.

— Чтобы ты пал. Я вижу ворожбу колдунов. Каждый маг видит. Иногда мы даже можем ее снять. — Милиана убрала от уголка губ прядку волос, выбившуюся из косы. — На тебя почти наложили еще один — заставляющий желать смерти, но не успели довести до конца — те люди в переулке и брат твоей послушницы, — объяснила магесса, почувствовав вопросительный взгляд.

— Для чего?

— Не знаю, — девушка пожала плечами. — Что происходит после смерти жреца?

Ее спутник крепко задумался. Он никогда не размышлял о том, что случится с храмом после его ухода. Есть и другие служители. Вот только... с Маркусом говорил лишь Шахнал. Только он имел право взывать к богу, говорить с ним, быть услышанным и выслушанным. Никто более не обладал равной ему силой...

А действительно? Что случится, если нести людям волю богов будет некому?

— Тогда ищут другого отца... — ответил недавний молельник. — А до тех пор волю небожителей оглашают видии.

— Разве видии могут говорить с богами? — в голосе Мили не прозвучало удивления, да и сама она смотрела только перед собой, не переводя взгляда на собеседника... однако в ее вопросе

словно бы таился какой-то невысказанный намек. Но — какой — Шахнал никак не мог разобрать.

— Не знаю, — честно ответил мужчина. — А это важно?

— Нет, но... — магесса на миг посмотрела на спутника. — Что, если видии окажутся на стороне колдунов? Им в таком случае не составит труда выдать волю колдунов за волю Маркуса?

В глазах Шахнала отразился запоздалый ужас, когда жрец осознал сказанное.

— Я должен вернуться! — он так рванул на груди ворот одеяния, словно то начало его душить.

— Ты ничем не поможешь, — напомнила Милиана. — Ты пал. И не услышишь волю бога.

Служитель понурился, признавая правоту Повитухи. Больше говорить им было не о чем, и остаток дня они прошагали молча, каждый думая о своем и глядя в пустоту. Со стороны, должно быть, они являли собой дикое и жалкое зрелище — два запыленных странника, едва переставляющие ноги — изможденные, с остановившимися взглядами и печатью безнадежности на осунувшихся лицах...

Когда сумерки начали сгущаться, остановились на ночлег.

Шахнал, устраиваясь спать на жесткой подстилке из еловых веток, все пытался понять, почему магесса выглядит такой... застывшей. Она словно медленно умирала — истончалась, слабела, бледнела, будто каждый новый шаг, отделявший ее от города, отнимал у девушки силы. Однако жрец не мог спросить Повитуху о том, что с ней творится — не хватало духу обратиться к этой странной полуживой или лучше сказать полумертвой страннице. Вот только и молчать больше мужчина тоже не мог.

Он никогда никого не любил.

Не понимал этого чувства.

Вся его жизнь была посвящена долгу служения. Шахнал никогда не видел себя в чем-то ином. Даже сейчас, после своего падения, он все равно надеялся вернуться в Храм. Если на нем не будет греха, если удастся очиститься — это станет возможным. Грехобор взвалит на свою душу груз его вины, как тысячи раз до этого взваливал на нее другие, возможно и ничуть ни менее страшные, грехи. Ему ведь это нетрудно...

Подстилка из веток была неудобной, проклятые втыкались в отощавшие бока, кололи сквозь одежду, мешали спать. Ноги гудели, наползающая ночь несла с собой холод и росу. Шахнал трясся на неудобном ложе, поглядывал на спящую магессу и понимал, что... завидует ей. Он смотрел на ее лицо — расслабленное, но при этом все равно какое-то отрешенное, и думал о том, какая горькая жизнь выпала этой нескладной девушке. Непривычное навязчивое, тошное любопытство сверлило жреца.

— Почему ты его любишь?

Он задал этот вопрос, втайне опасаясь гнева магессы. Понимал, что лезет не в свое дело, но все же не мог не спросить. Да и она еще не спала, хотя лежала с закрытыми глазами и дышала ровно.

— Это сложно... — голос Повитухи прозвучал сдавленно. — Он был не похож на остальных.

Совсем другой. И еще... я видела их рядом. Это было дико. Маг и дэйн. Дэйн и маг. Им судьбой предначертано неприятие, но эти двое везде и всегда были вместе, разговаривали, спорили. Волоран рассказывал Йену про правила и запреты, объяснял терпеливо, растолковывал — почему все происходит именно так, а Йен без утайки описывал все сильные и слабые стороны своего дара. Они настолько доверяли друг другу, что даже не допускали, будто один может воспользоваться слабостью второго.

— Но, насколько я помню, — перевернулся на спину Шахнал. — Грехобор как раз таки обратил свой дар против дэйна. И не поморщился.

— Это из-за меня он не смог подчинить Проклятую силу. Из-за меня она взяла над ним верх, но... он все равно смог остановиться. Тоже из-за меня.

— А почему эти двое были так близки? Из-за тебя? — жрец снова повернулся на бок и раздараженно поправил впивающуюся в ребра ветку.

Повитуха помолчала, дождалась, пока он снова уляжется и ответила:

— Нет. Из-за меня они как раз перестали быть близки, перестали друг другу доверять. Я только все порчу... Всегда все порчу... девять лет скиталась, надеялась — уйдет эта боль, притупится. Только я столько жизней сломала... столько людей погубила... Это ведь была моя вина. Такое не забывается, не притупляется.

— Но...

Девушка поднялась на локте и с жаром проговорила:

— Это за мои грехи он расплачивался! Йен. Грехобор. Я была виновата! Только я!

— В чем? — удивился Отец.

— Я знала, что нам нельзя быть вместе. Знала, что это приведет к беде, но не удержалась и в результате просто сломала ему жизнь... Я же говорю, что все порчу. Волоран не рассказал совету дэйнов о том, кто был истинным виновником, точнее виновницей, произошедшего. Если бы не я — Йен не стал бы убивать. Его сила не взяла бы верх, понимаете? И он обманул. Обманул! Сказал, что полностью осознавал, что делал. Что пытался сбежать, а брат остановил. И Волоран подтвердил. Они оба спасли меня. Каждый по-своему. Даже после всего того, что произошло, после того, как между ними не осталось не то что доверия, но и понимания, они все равно сплотились, чтобы избавить меня от кары. Грехобора наказали тогда. Волоран сам предложил отдать его на суд Маркуса. А меня — отпустили. И вот... я оказалась невиновной. Как же мне его не любить? Как?

И она уткнулась лицом в ладони, скорчившись на земле. Милиана не плакала. Молчала, съежившись. Маленькая, изможденная, с тяжелой растрепавшейся косой, в ветхом рубище, вместо одежды...

Шахнал рывком встал, подошел к скорчившейся Повитухе и сел рядом, неуклюже говоря слова утешения. Он впервые успокаивал, впервые хотел подарить покой... а потом лег рядом, не касаясь, но все же лицом к ней, глядя, как она засыпает. И впервые за эти долгие дни странствия они спали крепко и без сновидений и оба чувствовали себя... почти утешившимися.

Ох, как все перевернулось с ног на голову за эти несколько дней! Словно какая-то насмешливая пряжа собрала обрывки разноцветных старых ниток, связала в одну, да скатала в

пестрый клубок и теперь забавлялась, любуясь, сколь причудливым вышло творение ее рук.

На следующее утро Шахнал первый раз в жизни не вознес молитву Маркусу. Он видел, что Милиана заметила это, видел, как она удивилась, а еще видел, что она хотела о чем-то сказать, но промолчала. И за это жрец был благодарен девушке.

Остаток пути до Причала они проделали в молчании.

Холодный дом принимает гостей

Фадир мягко опустился, коснувшись копытами промерзшей серой земли. Могучий жеребец переступал с ноги на ногу и недовольно фыркал, чувствуя магию. Грехобор огляделся, и по его замкнутому лицу пробежала тень. Он озирался, вспоминая все, что было связано с этим местом и тем, что здесь произошло.

Магия.

Его магия выстудила эту землю.

Здесь до сих пор под ногами хрустела и крошилась замерзшая трава, а ветви деревьев под ветром звонко перестукивались, скованные ледяным панцирем.

— Я не был здесь девять лет, — маг соскользнул на землю со спины крылатого коня. — Неужели так ничего и... не изменилось?

— Нет, — в голосе брата отсутствовали обвинительные интонации. — Эту землю уже не возродить. Здесь даже летом всегда мерзнешь.

Грехобор промолчал и сделал несколько нерешительных шагов в ту сторону, где раньше возвышалась Клетка Магов — величественное строение, его первый и последний дом. Место, где он вырос, где его оберегали и защищали, место, которое он уничтожил.

— И... вы не пытались ничего восстановить?

— Мы построили здесь острог. Разлитой в воздухе магии с лихвой хватило на защиту, а камень, зачарованный дэйнами, стужа сковала так, что не разрушить. Она выдержит все — хоть магию, хоть землетрясение. И, что важно, острог послушен только нам. — Волоран спешился и закончил: — Но это не потому, что наша магия сильнее.

— А почему же? — брат заинтересованно обернулся.

— Мы сделали строение... живым. Эти стены не обмануть — они чувствуют колдовство. Они явятся дэйну, но останутся невидимыми для колдуна. Лучшее мое творение, — мужчина улыбнулся с такой гордостью, словно говорил о любимом ребенке. — Я вложил в него душу... точнее то, что от нее еще оставалось.

— Волоран. — Йен подошел к брату и заглянул в глаза. — Ты словно...

— Посмотри на восход.

Маг повернулся в ту сторону, куда подбородком указал ему дэйн и на мгновение ослеп — яркий солнечный луч отразился в ледяном хрустале, сковавшем деревья, вспыхнул искрами на седой от инея мертвой траве, скользнул по лицу... Грехобор моргнул, и тут же подался вперед, увидев... дом. Неказистое строение с кривыми стенами стояло всего в нескольких шагах. Оно,

то появлялось, то пропадало — розовые краски рассвета поддурманивали серые стены и те блестели, будто слюда. Это пронизывали неровную кладку голубоватые нити магии. Приглядевшись, Йен разглядел тонкие морозные паутинки, опутывающие дом, словно ледяная сеть. Йен неверяще посмотрел на брата.

— Это...

— Твоя магия. Дом защищен от колдунов силой мага.

Волоран не мог выразить яснее то, что чувствовал. Все эти долгие полные одиночества годы, годы злости и обиды, он убеждал себя, будто его брат — его враг, а значит нужно забыть о родстве. А сейчас вдруг все причины, по которым он не мог простить Йена, показались надуманными и пустыми. И своими словами, объяснением сути дома, он пытался неведомо как донести до брата, что простил. Все ему простил. И сам просил о прощении.

Йен застыл. Лишь мгновение они смотрели друг на друга, словно ведя безмолвный разговор, а потом дэйн улыбнулся привычной скупой улыбкой, услышав насмешливую похвалу:

— На диво хорош для дэйна.

Дверь с тихим шорохом скользнула в сторону, словно приглашая гостей внутрь. Волоран прислушался к чему?то, а потом вновь перевел взгляд на мага:

— Я пойду один.

— Но...

— Один. Тебе там нечего делать. Острог пропустил дэйнов, но, увидев тебя, они вряд ли будут рады. К тому же наш призрак куда?то запропастился, хотя уже давно должен бы стоять тут, так что...

Грехобор кивнул, и повернулся к фадире. Погладил крутой бок горделивого животного и хлопнул по крупу, отпуская. Летун взмыло в небо, сторонясь чужих глаз. Умный. Не попадетсЯ на глаза, но будет на расстоянии зова, чтобы при первой возможности прийти на выручку хозяину.

Дэйн глубоко вдохнул морозный воздух и переступил порог острога. Здесь ничего не изменилось — серые стены, серый пол, серый потолок, серые провалы окон... Мягкий теплый свет лился из гостиной, и дэйн, ведомый домом, направился туда.

— Ты одна, — сказал он, остановившись напротив женщины, сидящей на медвежьей шкуре и глядящей остановившимся взглядом на рдеющие углы камина. Обитательница дома — красавица с роскошными золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, кивнула.

Видия. Все они были прекрасны — фарфоровые лица, тонкие черты, соблазнительные формы... Одно это уже притягивало взор, а если добавить к безупречному облику певучий и вкрадчивый голос, то устоять под натиском чар казалось не только невозможным, но и... бессмысленным. Видии знали о силе своей притягательности и наслаждались ею, вот только дэйны этим чарам не поддавались. Увы. Поэтому провидицы очень не любили плачей магов. Ну, правда, какой женщине будет приятно осознание того, что ее красота не всесильна?

— Где остальные дэйны?

Пожатие плеч. Видия надеялась, что незванный гость, если не рассердится на ее пренебрежение, то хотя бы повторит вопрос, но тот молчал, более того, отошел к окну и устремил задумчивый взор на скованные льдом деревья, покачивающиеся под легкими порывами ветра. О-о-о, каков наглец! Сначала отдал приказ сюда ее заточить, словно преступницу, а теперь корчит равнодушную мину, будто она — пустое место! Да как он...

— Ты и есть преступница. — Не оборачиваясь, промолвил дэйн, прекрасно понявший, о чем думает его молчаливая собеседница. — Да еще и говорить со мной не хочешь? Так что, постою молча, подожду остальных.

Он усмехнулся, обводя взглядом пустую серую комнату. Шкура на полу, камин, да низенький топчан у стены — вот все, что здесь было.

— Кого «остальных»? — вскинула тонкую бровь видия.

— Дэйнов. Ты их куда-то отправила, но они вернутся. А я подожду...

И мужчина опустил на топчан, вытягивая ноги. Поерзал, устроился поудобнее, и прикрыл глаза с выражением абсолютного наслаждения на лице. В следующее мгновение на блаженствующего Волорана обрушился град обвинений. Однако дэйн с виду оставался доволен и невозмутим, хотя в душе сотрясался от смеха.

Видии. Как легко ими управлять. Как просто вывести из себя. Насколько Палачи магов были безразличны и спокойны, настолько предсказательницы — подвержены чувствам. С одной стороны, именно эта порывистость и помогала им видеть магов, с другой — именно она привела к предательству.

— Ты... ты... пошел вон!!! — на высокой ноте закончила женщина и вскочила с полу.

— Потому что я не достоин созерцать твою несравненную красоту, ибо не в силах ее оценить? — уточнил Волоран.

Красавица взвыла.

— ДА! Ненавижу вас! Вы слепые... дураки! Вам приказали — вы убиваете! Детей! Слушаетесь вашего Маркуса, словно никакой другой правды нет и быть не может.

— И потому ты направила дэйнов...

— ...собрать всех оставшихся в Клетках магов! Всех новорожденных! Живыми! Их отведут туда, где они будут *жить*, а не погибнут от рук бездушных палачей. Их дар — он не их вина! И...

— А почему они послушали тебя? — быстро спросил Волоран и не пылай его собеседница праведным гневом, она заметила бы сколь остер стал его взгляд, сколь мягок и вкрадчив голос.

— Потому что сейчас я несу волю бога, — видия вдруг успокоилась. — И ты тоже обязан подчиниться.

— Шахнал пал... — задумался невозмутимый посетитель. — Отца в Храме больше нет. И право говорить устами небожителей теперь у тебя — у провидицы, вот только... Маркус не может говорить тебе свою волю. Он молчит. А это значит... ты солгала дэйнам.

— Докажи! — с яростью прошипела видия. — Докажи им. Всем!

— Я? На это есть жрец. Он, хоть и павший, но...

— Нет жреца, — видия усмехнулась. — Его путь пройден, дэйн. И, пусть это печально, но это наименьшее зло.

— Что значит «пройден»? — напускная невозмутимость слетела с дэйна. — Видия!

— Если ты не подчинишься мне, станешь предателем, — словно не слыша его вопроса, произнесла женщина и безмятежно улыбнулась. — Тогда тебя уничтожат собственные же собратья. Пойми, я не иду против богов. Просто Маркус ошибся, а я помогаю все исправить.

Взгляд дэйна потемнел и палач магов с расстановкой спросил:

— Что. Случится. С Шахналом?

— Одна очень одаренная колдунья, Мариоса, не хочет отпустить его с миром, — ядовито прошипела женщина. — Его выследят, как дикого зверя. Он для всех насильник, даже для себя. Поэтому отца поймают и накажут.

— Накажут? Так ты в своем мнимом всемогуществе называешь убийство? — дэйн сделал широкий шаг по направлению к собеседнице и та невольно отпрянула. — Куда отведут магов? Отвечай.

— Его не будут убивать!

— МАГИ!

Впервые в жизни дэйн повысил голос, позволив себе рывкнуть на провидицу. Непривычное чувство страха всколыхнулось в груди женщины, ослабило волю, и видия затараторила, позабыв о запрете:

— Их отведут в Жилище — это очень хорошее место, там они смогут жить, никому не чиня вреда... — красавица осеклась, когда Волоран резко отвернулся и подошел к камину.

— Когда ты отдала свой приказ?

— Четыре дня назад, они уже должны были прийти...

— Жилище с недавних пор стало вотчиной колдунов, приговоренная, — голосом, лишенным всякого чувства, произнес Палач. — Ты испортила все, что смогла, из-за тебя колдуны получат силу, о которой не смели и мечтать.

— Что ты несешь...

— Дэйны давали клятву. Они никогда не помогают колдунам. Они обязаны их уничтожать, потому что любой колдун — зло.

— Дэйн...

— А ты отправила всех дэйнов Аринтмы в подмогу этим тварям, которые только и умеют, что творить зло.

— Но...

— Но когда дэйны переступили порог Жилища, знаешь, что произошло? — он повернулся к собеседнице и сказал: — Они умерли. Все до единого. За нарушение клятвы. За предательство Маркуса.

Видия побледнела. Пронзительные синие глаза распахнулись и женщина стала оседать обратно на шкуру. Ноги не держали ее. Волоран понимал, что эта дуреха ничего не знала. Глен прав — они узколобы, не видят дальше собственного носа, только то, что прямо перед глазами, да и это не в силах понять и оценить. Но Палача это не трогало. Любой виновный ищет оправдания себе, но это не отменяет содеянного.

— Да-да. Столь любимые тобой маги теперь обречены. Ты, видящая, не умеешь наблюдать. И даже не потрудилась понять, что мы — дэйны, однажды ступаем на свою стезю лишь с одной целью — помочь магам *выжить*.

— Но... вы же хотели... — она уже не говорила — шептала. И в каждом слове звучала боль, только Волоран не сочувствовал.

— Я объясню, чтобы ты поняла всю глубину своего деяния, — мужчина устремил тяжелый взгляд на сжавшуюся на полу красавицу. — Это было решено не мной и не тобой — необходимость видиям подчиняться Палачам магов. На стене в твоей келье висел свиток со словами: «Да склонится видия перед дэйном». Морака. Она сеет смерть и хаос, и всякий раз, когда появляется, страдают маги. Ей нравится играть их даром, усугублять его, сводить с ума, доводить до смерти. Именно она создала первых колдунов. Мучения, агония — все это уже было прежде. И тогда, чтобы хоть немного ослабить безумную богиню, дэйны разрушили ее храмы. Она приходит — и маги перестают справляться. Они страдают, гибнут, сгорают в огне собственного Дара, который сводит их с ума. Посмотрел бы я на тебя после того, как тебе довелось увидеть агонию мага. Ему нельзя помочь, его муки не облегчить. То, что сотворила Морака — не исправить. И у дэйнов есть только одна возможность спасти мага — милосердная смерть, которая воспрепятствует рождению колдуна и даст облегчение.

Волоран прожигал женщину взглядом:

— На этот раз Маркус предупредил вовремя. Большую часть взрослых магов защитили кольца — любящая половина не дает проклятию Мораки завладеть жертвами.

— Но кольца всего лишь...

— Дар Маркуса. Люди подходят к Чаше, берут кольцо, если рядом с ними есть тот или та, кто предназначен. Кольца наделены силой. Нареченные охраняют друг друга, даже не подозревая о том, как важны их символы любви. Ими не защититься от магии, не уничтожить ее, но они помогают спастись от безумия Проклятого дара. Только ведь маги не брали прежде колец. Считалось, что им никто не предназначен. Так что богу пришлось принести им кольца. Чтобы защитить от Мораки.

— Разговор был иным...

— Ты не слышала того разговора! То, что донесли до тебя, было перевернуто, хотя... даже услышь ты его от начала и до конца, все равно бы не поняла. Шахнал прекрасно знал, в чем его долг. И дэйны знали. А видия... она решила, будто способна исправлять «ошибки» богов... — дэйн горько усмехнулся. — Не тебе судить, чем мы живем. Чем я живу. Ты никогда не интересовалась, чего хочет дэйн. Хочет ли быть спасенным маг. Но я тебе скажу. Мы не можем чего-то хотеть — мы слуги Маркуса. Те маги, обреченные Моракой на гибель, должны были умереть без боли, легко, а теперь... чем сильнее муки — тем злее появившийся колдун. В

Жилище маги умрут страшной смертью, их агония будет долгой и мучительной, она сведет их с ума. И появятся новые колдуны, против которых одно спасение — дэйны. А теперь пойми, наконец. Маги мертвы. Дэйны мертвы. Что станет с людьми?

— Но... как...

— Я не могу поднять на тебя руку, не могу даже дотрагиваться до тебя, — безжалостно продолжил дэйн. — Но я покину тебя, оставив дар. Такой, какой ты преподнесла детям из Клетки магов.

Он прикрыл глаза и произнес рвущее горло заклинание. Угли в камине почернели и подернулись пеплом. Тишина... Слышно только судорожное дыхание видии.

— Они — твоё наказание. Смотри на них. А они будут, не отрываясь, смотреть на тебя, ту, что их убила.

Палач сделал то, что был должен — наказал за преступление, и теперь ослушница повсюду видела тех, кого отправила на смерть.

— Запереть двери, — выйдя из гостиной, приказал Волоран дому.

Ему было все равно, сойдет ли она с ума, лишит ли себя жизни, погибнет ли от голода. Для дэйна провидица уже была мертва.

Он успел сделать всего один шаг к выходу, как дом едва ощутимо вздрогнул, а дверь словно стала дальше. По стенам побежали ледяные узоры, мерцающие и ломкие.

— Выпусти! — дэйн рванулся вперед по внезапно удлиннившемуся коридору, не обращая внимания на протестующий скрип снега под ногами.

Дом медлил, не желая открывать двери, не собираясь подчиняться. Палачу пришлось снова выкрикнуть приказ. Дверь распахнулась, и дэйн на мгновение застыл, глядя на завораживающий смертоносный танец. Снаружи бушевала вьюга, ветер швырнул в лицо человеку острые ледяные иголки, ослепил, но тот успел увидеть. Грехобор стоял посреди снежного вихря, и звенящая стужа с его рук неслась в сторону наступавших противников.

Колдуны уже не пытались пользоваться силой, они с упрямством обреченных шли напролом, надеясь добраться до мага, уничтожить его. Волоран рванулся было на выручку, но не успел переступить порог — поток ледяного воздуха отшвырнул обратно в дом.

Йен лишь на миг обернулся и... покачал головой.

Нельзя.

И дэйн замер, отстраненно наблюдая за схваткой и оставаясь под защитой острога. Сердце не трепетало, не рвалось из груди. Неподвижное спокойствие воцарилось в душе. Он — лишь зритель. Изменить это нельзя. Можно только смотреть.

Один из колдунов обошел Грехобора справа и смог подобраться совсем близко. Обрадованный успехом, мужчина замахнулся широким ножом, по клинку которого пробежали язычки жаркого красного пламени. Но... маг прынул в сторону, уклоняясь от удара, и перехватил ладонь с зажатым в ней оружием. Он ничего больше не сделал. Лишь коснулся противника. Даже не обернулся в его сторону.

Белые рваные вихри кружились вокруг Йена, срывались с рук, неслись на нападающих.

Дэйн на миг прикрыл глаза. Прошлое ожило. Точнее, повторялось. Ведь случившееся много лет назад так походило на происходящее сегодня. Волоран уже видел все это. И знал, что произойдет дальше.

Колдун, которого коснулся Грехобор, растерянно смотрел на побелевшую руку — от кончиков пальцев по запястью, предплечью, плечу стремительно расползлся иней. Несчастный торопливо попытался растереть побелевшую серебриющуюся кожу, но стужа коварно перекинулась на другую руку. Мужчина с ужасом смотрел на то, как мерцающая изморозь завладевает его телом. Магия была слишком сильна. Мгновение — и с плеч холод перекидывается на шею, искрясь, заползает на скулы, бежит по подбородку к губам, которые заледенели, даже не успев раскрыться для крика... Миг, и распахнувшиеся в ужасе глаза скрыла серебристая патина.

Был человек. И нет человека. Ледяное изваяние застыло в нелепой позе, покачнулось под порывом ветра, завалилось на бок и разбилось на крупные разноцветные осколки.

Другие нападавшие замерли было, шокированные гибелью сообщника, но тут же возобновили попытки достать мага. Видимо поняли, что уйти он им не даст, значит, спастись можно, только победив. Один из колдунов попытался метнуть в Грехобора нож, но порыв ветра подхватил оружие и швырнул обратно в нападавшего.

Искрящиеся вихри набирали силу, они кружились вокруг Йена, поднимаясь все выше, становясь все плотнее, разлетаясь все дальше. Колдунов больше не было видно за плотными порывами метели, но дэйну не нужно было видеть. Он помнил.

Вокруг становилось холоднее и холоднее, проклятый дар вырвался на свободу и набирал мощь. Магу уже не важно, кто перед ним. Он не помнит себя. Он становится просто силой. Силой, которая будет снова и снова сокрушать всех, кто имеет глупость приблизиться. Дар будет хлестать из Йена до тех пор, пока душа не иссякнет и ее обладатель не упадет, бесчувственный, на снег.

И вдруг ветер стих. Над миром воцарилась звонкая тишина. Вьюга рассыпалась, оставив на промерзшей земле волнистые искрящиеся сугробы и около двух дюжин застывших в нелепых позах ледяных статуй, недавно бывших людьми.

Грехобор стоял среди погибших колдунов и глядел на свои руки со смешанным выражением ужаса и восторга. Он перевел взгляд на брата, и в глазах промелькнула мольба: «Не подходи!» Дэйн нахмурился, понимая, что пытается сказать ему Йен. Мгновение, и маг падает на колени в снег, а волосы становятся искристо-синими от инея.

Волоран с трудом принудил себя остаться на месте. Он, казалось, даже не напрягся, но дом силой магии обнажал и усиливал те немногие чувства, которые был способен испытывать палач магов. Поэтому его безразличие и спокойствие были не больше, чем просто видимостью.

Короткая вспышка озарила заметенную снегом поляну, и сквозь возникшие в воздухе синие червоточины вышли пять закутанных в плащи фигур. Вслед за ними один за другим появлялись колдуны, окружая дом. Десять, двадцать... сорок. Грехобор пытался подняться, сплести руки в замок для защиты, но не успел. Один из людей в плащах вскинул руку, и на мага обрушился огненный дождь. Йен вскрикнул и упал, смятый раскаленной стихией.

— Хорош... — сказал закутанный в плащ незнакомец томным женским голосом. — Все, как ты

говорил, Глен.

Дух тотчас возник рядом с говорившей и усмехнулся:

— А дэйн, как всегда, в стороне.

— Мы не ввязываемся в схватки магов и колдунов, — Палач окинул Глена равнодушным взглядом и повернулся к женщине. — Достопочтимая Анара, надо полагать?

Женщина отбросила с головы капюшон и послала дэйну сияющую улыбку, тот смотрел с прежней невозмутимостью, даже не пошевелился, безразлично изучая собеседницу.

— Последний дэйн... — цепкий взгляд впился в его лицо, надеясь заметить хотя бы слабый отблеск чувств. Бесполезно.

Анара усмехнулась, и в этот миг за спиной дэйна раздался крик женщины, полный боли и ужаса.

— О. Видия. Она все?таки рассказала. Жаль.

Волоран прекрасно понимал, что жаль магессе не того, что ему удалось вытянуть правду из провидицы. И даже гибель несчастной, повалившейся замертво позади дэйна, ее не огорчила. Анара жаждала увидеть, как дрогнет Палач. Хотела увидеть боль в его глазах. Увы. Такое разочарование.

— Я запомнил каждого из вас, — не обращая больше внимания на магессу, обратился к колдунам дэйн. — Вы не спасетесь.

Те переглянулись, и, хотя Анара на слова Палача беззаботно рассмеялась, было заметно, что ее сообщникам не до веселья.

— Забирайте его. Только не касайтесь, если хотите жить, тащите магией, — кивнула женщина на бесчувственного Грехобора и тут же приказала своей свите: — Окружите дом. Войти туда не получится, но хоть дэйн не выберется. Если же наш воин все?таки решит рискнуть жизнью и вырваться — уничтожьте его. Глен, проследи.

Призрак кивнул, и растворился в воздухе.

Волоран по-прежнему неподвижный стоял в дверях. Сорок колдунов на одного дэйна. Что ж, немного неравная схватка.

— Каково это — остаться единственным? — один из нападавших — коренастый темноволосый, заросший по самые глаза бородой — сделал шаг вперед. — Страшно, наверное? Дэины с других материков ничего не знают про Аринтму. Закончив здесь, мы пойдем дальше. Город за городом, деревня за деревней — все подчинятся колдунам. Боишься?

— Нет, — дэйн покачал головой. — Бояться надо тебе. Умрешь первым.

— Ты один! — мужчина развел руками. — Ты заточен в этом доме, который тебя не выпустит, пока есть опасность — мы. А в одиночку с нами не справиться. И что ты можешь сделать?

— Могу свистеть, — дэйн улыбнулся и, заложив пальцы в рот, пронзительно свистнул.

Колдуны замерли, а потом кто?то вскрикнул и в испуге бросился на землю... Дураки.

Трусливые дураки. Он один, и все равно они его боятся. Дэйн с усмешкой смотрел как его противники испуганно озираются, втягивая головы в плечи. Не могут понять, что он задумал, и оттого заметно растеряли смелость.

— И что?! — спросил тем временем бородатый, оправившись от позорного, но короткого испуга. — Чем тебе это поможет?!

Вместо ответа дэйн поймал его взгляд. Колдун дернулся, руки его взметнулись вверх, судорожно стиснули горло, будто мужчина собирался сам себя задушить. Краска отхлынула от лица, глаза, переполнившиеся ужасом, потемнели, рот раскрылся в беззвучном крике. Палач магов холодно наблюдал за мучениями человека, не отрывая взгляда от синеющего лица. А через пару мгновений задыхающийся повалился на колени, царапая горло, и тогда дэйн прыгнул...

Он оттолкнулся ногами от скорчившегося на земле мужчины и взвился в воздух. Крылатая тень пала на Волорана с небес. Фадир подхватил всадника и гневно захрапел, почувствовав просыпающуюся силу дэйна.

Будто миллионы солнечных искр отразились от снега, вспыхнули, ослепляя растерянных колдунов. Исчез дэйн. Исчез фадир. Лишь выжигающее глаза сияние заполнило мир...

Они сопротивлялись так яростно, так ожесточенно, что воздух превратился в багровое дрожащее марево от бушующих в нем всплесков силы. Так на грани гибели сопротивляются дикие звери, так умирают те, кому нечего терять. Но дэйн не видел этого яростного противостояния. Проснувшийся Дар завладел его телом и рассудком. Волоран никогда не смог бы справиться с четырьмя десятками колдунов — дэйны могущественны, но не всеильны. Поэтому палач должен был умереть, однако...

Рядом находился Дом. Дом, хранящий в себе силу мага, скрепленный силой дэйна. Живой дом. Творение Волорана, его защита, его... друг. И сейчас острог щедро отдавал силу своему создателю.

Синяя паутина на смерзшихся стенах распадалась, мерцала, бледнела, таяла, рвалась... И проступали черные холодные камни. Безжизненные, мертвые. Кладка дрожала, грозя вот-вот осыпаться, стены протяжно и глухо стонали... Смерть Дома была не страшнее смерти колдунов, погибавших в потоке яростной очищающей силы, белого света, выжигающего скверну изуродованных душ.

Но вот острог дрогнул. Ему больше нечего было отдать. Волоран почувствовал, как потоки безудержно хлеставшей через его тело силы иссякают. Свет померк. И сразу показалось, будто наступила ночь. Глаза, ослепленные сиянием, ничего больше не видели. Палач рухнул со спины крылатого скакуна на землю. Фадир, дрожащий от усталости, склонился над человеком и ткнулся тому мокрым носом в лицо. Ну, же! Вставай! Не время валяться! Они еще живы, крадутся, могут напасть! Вставай! Но хозяин не шевелился... Только открыл мутные глаза, посмотрел на скакуна и поник головой. Бледный, как иней на вымороженной траве.

Справа скользнула быстрая тень. Неужели ты не видишь?! Вставай!

Человек попытался разлепить отяжелевшие веки, но не смог. Слишком слаб. Едва стоящий на ногах Фадир тоскливо и жалобно заржал, ударил в мерзлую землю копытом и припал на колени, чувствуя, как последние силы оставляют его некогда могучее тело. Сейчас их с человеком убьют.

Волоран сделал попытку подняться, но дрожащее тело не подчинилось. Увы. Последний дэйн Аринтмы готовился закончить свой путь. Как жаль, что так и не получилось спросить у...

Предсмертный крик вторгся в его вялые вязкие мысли. Мгновения хватило, чтобы понять — кричит кто?то из колдунов. Еще мгновение ушло на осознание донесшихся откуда?то издалека слов:

— Что делать? Дэйн, чтоб тебя! Чем помочь?!

Он, словно тяжелобольной, безуспешно пытался поднять голову. Человек над ним кричал, требовал ответа, но Волоран не понимал, кто и что ему говорит. Хотелось только одного — спать. Пусть все катится... Лишь бы отстали.

— Тварюга крылатая, а ну вставай, не шипи! Да помоги же мне, безмозглая кляча!

«Кляча» разразилась обиженным ржанием, завозилась, и дэйн с тоской подумал о том, что умереть ему, похоже, не дадут.

Снова и снова кто?то кричал над ухом, да так противно, что челюсти сводило. Фадир шипел и плевался на неведомого буяна. Тот осыпал крылатого скакуна бранью и эти вопли мешали окунуться в забвение, пробирали до костей... И вдруг дэйн вспомнил... дух! Только он может так кричать, что все волосы на теле становятся дыбом, а под кожей пробегает противный морозец. Глен. Колдуны. Шахнал. Мили. Йен. Фадир.

Дэйн вскинулся.

— Давай, чтоб тебя! — в голосе Глена уже звучала настоящая паника. — Хватит валяться! Поднимайся, дохлятина! Ну!

Палач разомкнул непослушные, замерзшие губы. Надо было объяснить этому истерику, сказать то важное, от чего зависела его жизнь. Волоран смог произнести только одно слово. Всего одно. Но оно объясняло все. После этого дэйн с облегчением канул во тьму.

Милиана и Шахнал. Конец пути.

Девушка покосилась на шагавшего рядом с ней спутника и впервые за долгое время в душе шевельнулась жалость. Бывший жрец являл собой печальное зрелище — по самые глаза заросший медной щетиной, осунувшийся, с ввалившимся глазами, в мятом несвежем облачении и стоптанных сапогах.

Надменный и ревностный служитель Маркуса с пронзительным взором и поджатыми губами исчез без следа. Сейчас этот мужчина скорее походил на перехожего бродягу, при взгляде на которого всякий здравомыслящий человек крепче держался бы за кошелек и, желательно, палку — чтобы огреть хорошенько, если пристанет.

Как ни смешно это звучало, но сейчас Шахнал куда больше походил на скитающегося мага, нежели на хранителя воли богов. Это с одной стороны позабавило Миллиану, а с другой лишь усугубило ее жалость к спутнику. Если вдуматься, он ведь ни разу ни в чем ее не упрекнул, не поддел, не пожаловался на тяготы пути. Он переносил терпеливо и молча как людское пренебрежение, так и отстраненность магессы.

— Скоро поворот к причалу, — Шахнал почесал ладонь о заросший подбородок. — А дальше — прямо до Клеверной развилки, и там, если Перехлестье тебя примет, будет путь.

— Клеверной развилки? — заинтересовалась Повитуха.

Причал был для магов недосыгаем — он вел на Закрайние земли, к горным вершинам, едва различимым вдали. Если смотреть на горизонт, пока глаза не начнут слезиться от рассыпавшихся по воде бликов, может быть, повезет и разглядишь призрачный берег, больше похожий на видение. Но что там — никто не знал.

— Ее так называли из-за пяти дорог, что расходятся в разные стороны. Есть еще шестой путь, скрытый. Путь к Перехлестью.

— Ты был там?

— Давно. Я родом из Закрайних земель — в тех местах множество маленьких поселений, жителям которым путь в Аринтму заказан.

— Почему?

— Кому они тут нужны? В Закрайних землях живут в основном ливетины, а их, сама понимаешь, в городах не жалуют.

— Ты — ливетин?! — магесса удивленно воззрилась на мужчину, тут же отмечая про себя и волосы с медным отливом и рыжую щетину на лице.

— Да, — Шахнал грустно улыбнулся. — Когда-то единственное, что я умел, так это... — и он затаил скорбным голосом: — Пода-а-айте, люди добрые, сиротинушке на пропитание! Пять дней не куша-а-ал!

И тут же мужчина рассмеялся, глядя на изумленное лицо Милианы.

— Боги, как... похоже! — неверяще прошептала она.

— Мне было всего шесть, когда на площади я увидел жреца. Он был такой высокий, статный, строгий, исполненный достоинства. Помню, сначала мне понравилось его облачение — длинное платье с просторными рукавами, шитье на полах одежды, а потом наши взгляды встретились и я окаменел, столько властности было в его взоре. Даже мне — выросшему на улице ребенку — захотелось пасть ниц.

— И ты...

— Я пошел за ним. Ливетины полудикий народ, у нас не держатся за родственные связи. Меня никто не останавливал, по мне никто не плакал, я думаю, про меня вообще очень легко забыли, — мужчина говорил спокойно, без грусти и тоски. — А я шел и шел за жрецом. Помню, шел очень-очень долго, уже сгустились сумерки, в окнах домов загорались огни, я ссадил босую ногу о камень и едва плелся, хромя и всхлипывая. Я уже мечтал, чтобы он, наконец, остановился, потому что чувствовал — еще немного и не смогу за ним угнаться, останусь один. Но не одиночество страшило, страшило то, что не сумею прикоснуться к неведомому таинству, которое источал этот человек. Однако окликнуть служителя богов я не решался. Что ему какой-то бездомный сопляк? И вот, когда уже казалось, что не смогу сделать ни шагу, жрец обернулся и сказал: «Мальчик, ты так хочешь попасть в дом бога или ждешь момента, чтобы подрезать мой кошелек?» А я вдруг почувствовал, что не могу сказать ни слова. Тогда он взял меня за плечо и повел в Храм. С той поры я навсегда ушел от мира, потому что впервые обрел дом. Настоящий.

Мириана смотрела на него с грустью. Словно бы воочию увидела того ободранного уставшего ребенка — грязного, босоногого, прихрамывающего.

— Не печалься. Встреча с жрецом стала счастьем. Не было более нужды обманывать, просить подавание, воровать. Жизнь сделалась простой и понятной. Меня выучили читать и писать, блюсти себя в чистоте и строгости. В этом нет ничего плохого. Хотя, не спорю, иногда очень хотелось сыграть в кости или подрезать кошелек у какого-нибудь беспечного прихожанина.

Он рассмеялся, увидев, как вытянулось ее лицо.

— Это шутка, магесса, — успокоил отец спутницу.

Повитуха лишь покачала головой. Да уж. Чем дальше они уходили от города, тем более спокойным и человечным делался Шахнал. Надо же — ливетинец...

— А ты... вернешься в Аринтму? — осторожно спросила она.

— Да, — неожиданно легко признался жрец. — Я все еще вхож в храм Маркуса. Значит, могу помочь.

— Но ты теперь обычный человек.

— Да.

— Колдуны могут обратить тебя!

— Я ливетинец. — Шахнал пожал плечами. — Мы упорные.

Не зная, что ответить на это замечание, Мириана посмотрела вперед.

Дорога круто спускалась в низину, и сейчас путники стояли на вершине холма. От открывшегося вида захватывало дух! Впереди, искрясь на солнце, лежала необозримая водная гладь, вдали сливающаяся с прозрачным безоблачным небом. А от самого берега далеко в воду уходили неровные серые доски мостков, возле которых покачивались лодки и небольшие суденышки.

Вокруг гомонили люди, бегали дети... Кто-то грузил товар, кто-то страстно торговался, надеясь получить скидку в цене за переправу, кто-то укладывал в лодки поклажу, кто-то, напротив, выгружался. Где-то ругались, где-то смеялись, ржали лошади... На берегу стояли приземистые домики, видимо, харчевни, постоянные дворы, клетки для товаров и скота. И всюду суета, суета, суета...

Совсем не то, что представляла себе Мириана. Магесса-то ждала тишины... тайны... предвкушала загадку. На деле же все оказалось разочарующе обыденно.

— Идем... — Шахнал потянул Мириану за рукав. — Нам не сюда.

Она послушалась, но все равно то и дело оглядывалась на тех, кто остался у первого причала. Но жрец увлекал ее прочь. Они свернули на узкую тропку, которая тянулась вдоль густых зарослей ивняка, и брели по ней, вдыхая свежий пахнувший водой воздух, слушая шелест листвы. Скоро крики и многоголосье пристани остались позади. И вот тропка вынырнула к подгнившим мосткам, уходящим от берега в воду.

Тихо шелестели волны, наползая на песок и покачивая челнок с дремлющим в нем

лодочником...

Умиротворенная картина, вызывающая в душе сладкое предвкушение.

Мириана жадно подалась вперед, впитывая покой и красоту этого места.

На песке у самой воды играли в кости трое молодых парней.

Повитуха подошла к воде, по привычке стараясь держаться подальше от незнакомцев, сбросила с ног башмаки и зарыла горящие от усталости ступни в мокрый песок. Прохлада приласкала, успокаивая, даря облегчение после тяжелой дороги.

— Вода-матушка, дай мне сил... — беззвучно прошептала магесса и прикрыла глаза, наслаждаясь мерным покачиванием волн.

Шахнал стоял чуть поодаль, глядя на ссутулившегося в челночке перевозчика. Девушка посмотрела на своего спутника и удивилась. Он больше не производил впечатления жалкого бродяги. Наоборот, сейчас Мириана не видела ни засаленной одежды, ни стоптанных сапог.

Отец больше не казался ни уставшим, ни сломленным, ни растерянным. В нем проявилась, наконец, скрытая до сей поры внутренняя сила. Да, он точно был из ливетинов, сейчас это было особенно заметно — потомок воров, конокрадов и пройдох — рискованный, отчаянный, живучий.

Когда жрец перевел взгляд на спутницу, та даже отшатнулась, увидев в его глазах... ненависть. Повитуха не поняла, чем провинилась, но привычно сжалась, ожидая поношения. Однако Шахнал шагнул куда-то в сторону, подальше от своей спутницы, и холодно произнес:

— Мариоса, повернись.

Что? Магесса растерянно оглянулась. Жрец тем временем покачал головой, словно чему-то поражаясь.

— Этот причал для магов и колдунов. Здесь никогда не было людей, а поскольку вы трое — явно не маги... Повернись. Не выгляди глупее, чем есть.

— Однако ты изменился, наставник, — один из игравших в кости юношей повернулся и отбросил с головы капюшон плаща, открывая рыжую кучерявую макушку.

Мариоса поднялась с непринужденной грацией хищницы и неспешно приблизилась, покачивая бедрами.

— М-м-м... Отец мой, вы такой уверенный, такой смелый... Более опытный. Обожаю таких мужчин. И во взгляде столько властности!

Она подошла вплотную к мужчине и хотела было очертить тонким пальчиком линию его скул, но жрец неуловимым движением уклонился и насмешливо, в тон колдунье произнес:

— Ты тоже изменилась, послушница. Такая распущенная, такая дерзкая... Более потасканная. Никогда не любил подобных женщин. И во взгляде столько голода!

Один из колдунов громко хмыкнул, поднимаясь на ноги следом за девушкой, второй, увидев, как разъярили сообщницу слова отца, спрятал усмешку, склонив голову.

— Когда ты меня тискал, я казалась тебе венцом творения, жалкий святоша! — прошипела оскорбленная.

— Мне просто было не с чем сравнивать, — Шахнал развел руками. — К тому же, стал бы я тебя тискать, не наложи ты приворот.

Жрец обошел Мариосу и отступил еще на шаг, словно бы разглядывая собеседницу, а на деле — уводя ее подальше от Милианы.

— Ишь ты, осмелел! — привлекательное лицо колдуньи исказила гримаса ярости и досады. — Ничего, я поумерю пыл твоей отваги, святоша! Будешь скулить и умолять о прощении...

— Скорее о смерти, — рассмеялся служитель Маркуса. — От твоей болтовни можно спастись, только уснув вечным сном.

Несмотря на кажущуюся беспечность Шахнал тем не менее понимал, что у него нет шансов обмануть колдунью и отбить у трех отщепенцев магессу. Прямо скажем, боец из ливетинца был никакой, он не умел ни драться, ни защищаться, да и как защитишься от обладателей проклятого дара? Никак.

Поэтому жрец решил попытаться хотя бы увести эту волчью свору подальше от Повитухи. И, похоже, эта попытка станет последней в его жизни. Более не смотря на изумленно застывшую у кромки воды спутницу, мужчина бросил короткий взгляд на челночок, покачивавшийся возле причала. Перевозчик уже отвязал суденышко, бросил веревку под ноги и, оттолкнувшись веслом, направил утлую посудину к берегу. Если Милиана успеет запрыгнуть в лодочку — ей уже никто не помешает. Лодочку и перевозчика оберегали такие могучие силы, какие не могла преодолеть и сотня колдунов.

— Ты будешь умолять, ничтожество... — тем временем шипела Мариоса. — Умолять и жрать землю. Но сперва мы разберемся с твоей девкой.

Мысленно Шахнал взмолился об одном: «Беги! Беги, не оглядываясь!» Смотреть в сторону Повитухи жрец побоялся, поэтому не увидел, как она сделала шаг вверх по склону.

Лодка тем временем ткнулась носом в песок, и тот едва слышно зашелестел под ее деревянным брюхом. Но магесса, вместо того, чтобы забраться в спасительный челн, короткими шажками кралась на помощь Шахналу. Он был один, окруженный тремя колдунами. Эти скоты над ним глумились, потешались, зная, что простому человеку нечего противопоставить их силе. Нет! Она не будет равнодушно на это смотреть! Да, ее способности ничтожны, она почти ничего не умеет, но и стоять на месте нельзя. Вот только, стоило девушке сделать очередной короткий шажок вперед...

— Стой! — прошипел над ухом знакомый голос. — Подойдешь ближе и все погубишь!

Мили застыла. Шахнал в этот момент взглянул в ее сторону и едва заметно качнул головой.

— Они его убьют! Помоги же! — взмолилась Повитуха.

— Не убьют, — дух, по-прежнему остающийся невидимым, прошептал: — Забирайся в лодку, мигом!

Магесса застыла в неуверенности, глядя на то, как ее спутник продолжает отступать от берега, отвлекая на себя внимание колдунов.

— Я не могу так... — Милиана упрямо двинулась вперед, но застыла, услышав:

— Сделаешь еще хоть шаг, твой дэйн умрет.

— Что? — она оглянулась на голос, но по-прежнему никого не увидела.

— Я оставил его, валяющимся без сознания. Одного. И, клянусь богами, если ты не сядешь сейчас в эту поганую лодку, я скажу колдунам, где он лежит. Как думаешь, сколько он проживет после этого?

Мили обхватила себя за плечи и съежилась. От нее опять требовали поступить, вопреки голосу совести и зову сердца. Опять выбора не было. Опять она шла поперек себя. За что? Почему?

— Покажись, сволочь, покажись мне...

— Садись в проклятую лодку, дура! — прорычал невидимый собеседник. — Немедленно.

— Ты...

— Выбирай. Дэйн или отец. Жрец или муж? НУ?!

Она стиснула зубы, подобрала юбку и перешагнула борт, усаживаясь на узкую скамью. Челн покачивался, на дне плескалась вода. Девушка по-старушечьи ссутулилась и закрыла лицо руками.

— Не выпускай ее.

Глену не надо было становиться видимым. Перевозчик мрачно посмотрел в сторону берега и, ни слова не говоря, оттолкнулся веслом.

— Послушайте, — взмолилась Повитуха. — Там мой друг! Ему надо помочь!

— Я не вмешиваюсь в дела людей и колдунов, — отрезал плечистый седовласый мужчина. — Я лишь перевожу таких, как ты, с одного берега на другой.

— Умоляю... Пожалуйста... — Милиана осеклась, увидев, как упал Шахнал.

Побелевшими от напряжения пальцами магесса вцепилась в край лодки и, простонала:

— Гле-е-ен!

— Плыви, — коротко отозвался дух. — Я помогу ему.

Жрец лежал, оглушенный со спины и силился унять гул в голове и подчинить себе безвольное ослабевшее тело. Мариоса коршуном кинулась на поверженного и затрясла его, злобно шипя:

— Ну что, святоша, допрыгался?

— Как ты нашла меня? — через силу спросил он.

— Я не искала, я ждала. Мы на всех причалах ждали. Мне просто повезло. Как всегда. Не бойся, я тебя не убью. Анаре ты нужен живым. Тебя ждут. Давно-о-о ждут. Один такой милый маг, сильный, но, увы, умирающий. Жалко беднягу, зато, какой из тебя получится колдун! Я ведь говорила, ты будешь молить меня о милости. И, поверь, я буду непрекло... почему ты

смеешься?!

— Потому что ты дура, — с трудом произнес мужчина.

— Я? Но на песке валяешься ты.

— Да. А ты только что потеряла единственный шанс одержать верх.

— Ты бредишь? Сильно по голове ударили? — озабоченно спросила колдунья.

— Видишь ту лодку и девушку в ней? — жрец махнул рукой в сторону причала.

Мариоса проследила за его движением, нахмурилась и повернулась к одному из своих сообщников:

— Кто она?

— Да Повитуха всего лишь, — отмахнулся тот. — Из нее даже колдуньи толковой не выйдет — слишком слабая.

— Говори! — запустив тонкие пальцы в волосы поверженного противника, прошипела Мариоса.

— Она. Жена. Старшего. Дэйна. — Смакуя каждое слово, проговорил Шахнал, глядя снизу вверх на колдунью с таким торжеством, что девчонке стало не по себе.

— Дэйн мертв. Нам от нее никакого проку! — процедила она, с ненавистью глядя в сторону Милианы.

— Мертв? Ты видела, как он погиб?

— Там было несколько десятков наших! Конечно, мертв!

— Ты видела, как он погиб? — все с той же всезнающей усмешкой переспросил отец.

Когда смысл слов человека дошел до нее, разъяренная колдунья взвилась:

— Приведите магессу! Быстрее!

Шахнал слабо улыбался, глядя на возвышавшуюся над ним Мариосу, он ждал. Чары, которыми его оглушила колдунья, держали крепко, не позволяя шевелиться.

— Да нет же, он мертв. Должен быть... хотя... все равно надо проверить. Она слабачка... но жена... магесса... тьфу! Ты все равно никуда не денешься! — закончила свой сумбурный монолог девушка, после чего побежала прочь, надеясь остановить челн.

— Ты здесь? — шепотом спросил жрец, не сводя взгляда с тонкой фигурки, ссутулившейся на носу лодки.

— Да.

— Что с дэйном?

— Жив, — Глен помолчал, а потом прошептал: — У меня хватит сил только на один удар. Я не смогу тебя спасти.

— Это хорошо... — Шахнал прикрыл глаза. — Я рад. Не люблю самообман. И не хочу быть просто человеком, понимаешь?

— Да... — Глен возник из пустоты всего на мгновение. Бывший служитель богов вздрогнул от неожиданности.

— Исчезни, увидят, — сказал он. — Все испортишь.

Колдун повиновался, поколебавшись лишь секунду, и исчез.

Мириана не видела этого, она смотрела на колдунов, стоявших у кромки воды и издевательски зовущих ее спуститься.

— Иди сюда, хорошая, к нам, иди, давай-давай, — приговаривали они. — Деваться все равно некуда.

Повитуха закрыла лицо ладонями. В глазах этих людей полыхала злость, казалось, даже воздух загустел от всплесков силы.

— Мы уплываем, девочка, — спокойно сообщил кормщик. — Не бойся этих дураков.

— Никуда вы не поплывете! — рявкнул один из колдунов. — На колени, старый козел!

Перевозчик поморщился, но не шевельнулся. Колдун сплел пальцы в замок и обрушил на упряма дар. Черный цветок колдовского марева вспыхнул и... растворился в воздухе, разлетевшись рваными клочьями мрака. Мужчина в лодке только вздохнул и покаянно развел руками:

— Оказия...

Что? Мириана ошарашено смотрела в обескураженные лица колдунов.

— А без колдовства никак? — перевозчик расправил плечи. — А?

И не проронив больше ни слова, он сел на весла и начал грести, неспешно и размеренно. Берег медленно удалялся, отступал и только ветер доносил до сжавшейся в суденышке девушки обрывки угроз и проклятий.

— Как ты смог? — пораженно прошептала магесса. — Как?

Мужчина не ответил. Негоже ему, старому дэйну, вести пустые разговоры с магами. Его дело — спасать их. И, не обращая больше внимания ни на девушку, скорчившуюся на скамье, ни на трех беснующихся колдунов, старик направил челн вперед — к призрачным вершинам, маячащим вдаль, беспрекословно выполняя завет Маркуса.

Перевозчик не смотрел на покинутый берег и на Мариосу, что, пылая от ярости устремилась к своим нерасторопным помощникам. Гнев распырил колдунью, переполнял до краев. Миг и она обрушила мощь своей силы на одного из колдунов. Повитуха со своей скамеечки видела, как корчился в муках парень с пшеничными волосами, как в глазах его гаснул свет... и как за миг до смерти на лице проступило облегчение. Кем бы ни был этот несчастный раньше, за мгновение до гибели лишившись проклятого дара, он стал собой.

— Не на что там смотреть, дочка. Лучше отвернись, — отсоветовал ей кормщик. — У тебя другой путь.

И она послушно отвернулась, глотая злые слезы.

* * *

Меж тем Мариоса, брезгливо переступив тело погибшего колдуна, пошла к Шахналу. Тот лежал неподвижный, остановившимся взглядом смотрел в небо и улыбался.

— Не радуйся... — сказала колдунья. — Дэйн мертв. Ты ничего не добился тем, что...

— Дура, — Шахнал не сводил глаз с облаков. — Дэйн жив. И силен, как никогда. Единственное, что могло его остановить — жена. Но до нее вам теперь не добраться, так что он ничем не связан. Ничто не может побудить его предать бога. А, значит, он придет за вами. Что дэйну жалкая горстка колдунов? Ерунда. Вы проиграете, Мариоса. Уже проиграли.

— Не-е-ет, — девушка легонько пнула жреца носком сапога. — Ты забыл про мага, ожидающего тебя. Отец-колдун... ты даже не представляешь, какие у нас на тебя планы!

Жрец рассмеялся и тут же задохнулся от острой боли в груди.

— Дура.

Он последний раз вздохнул глубоко-глубоко, чувствуя, как сердце, принявшее удар колдуна, замирает в груди. Колдунья над ним что-то кричала, но ливетинец уже не слышал ее. Перед его остановившимся взором проносились пушистые облака.

Василиса обзирает Жилище

М-да. Жилище.

Остроумно...

Больше бы подошло «Кощеево Царство», «Копчик Мира» или хотя бы «Чертово Захолустье». Потому как Жилищем назвать эту... это... блин! Ну, никак нельзя.

Василиса уныло брела за своим провожатым, предаваясь тоске и печали. Жнец доставил ее к убежищу колдунов ранним утром. Солнца только-только выкатились на небо и еще не успели толком оторваться от горизонта — сонные, румяные... Конь ступал по росистой траве, воздух был сладким, но зябким. И, надо сказать, Васька уже очень сильно мечтала оказаться в Жилище, потому что Жилище было домом. Ну, точнее она так решила, что раз Жилище, значит дом. Или замок какой-нибудь. Красота! Высокие каменные стены, башни, просторные залы, камин... Камин! Огонь! Тепло! Ну, просто, как в сказке. А она озябла, устала, проголодалась и отбила о седло все мягкое место. Хотя, какое оно теперь мягкое. Поди мозоль натерла...

Короткие ночевки под открытым небом, похлебка, которую Фирт варил на костре — все это, конечно, было очень романтично, но совершенно не в Василисином стиле. Во-первых, спать на жесткой земле, пускай даже и на меховой подстилке — удовольствие исключительно для туристо-походнико-мазохисто. Во-вторых, комары зажрали! В-третьих, бегать по нужде в кусты — это уж просто никуда не годится! Скорей бы приехать...

И вот, значит, Жилище.

ТЬфу.

Сначала Лиска увидела скалу. И тут же заподозрила неладное. Тень от этой скалы упала на путников, словно черное крыло смерти. Потом девушка заметила в скале расщелину и ее нежная розовая мечта об уютном старом замке с камином и башенками издохла в страшных корчах. А уж когда из расщелины потянуло могильным холодом, Васька мигом поняла, что здесь — на свежем ветерке — ей очень даже уютно и комфортно, поэтому девушка повернулась к Фирту, вцепилась ему в рубаху и встряхнула:

— Только не говори, что нам туда! Ты ж сказал Жилище! А приволок в какие?то каменоломни! Учти я темноты боюсь, от холода чихаю, от сырости кашляю, от сквозняков у меня жар, а от всего этого вместе делается прескверный характер — начинаю вопить и вырываться!

Жнец усмехнулся и ответил:

— Спасибо, что предупредила.

С этими словами он спешился, накинул спутнице на плечи накидку из овечьей шкуры, в которой Василиса сразу же сделалась похожей на горного пастуха.

— Идем, — мужчина крепко взял спутницу за руку и двинулся во мрак каменной громады.

Девушка брела следом, опасливо озираясь. Пещер она боялась до истерики, так что Жнец мог бы и за руку ее не брать — сама бы вцепилась так, что все колдуны не оторвали бы.

Ужас?то какой! Темно, сыро, эхо летает... И совершенно непонятно, что вокруг. То ли десятки метров пустоты над головой, то ли каменный потолок над самой макушкой, то ли какие сталактиты метят в темечко... В животе все тряслось от ужаса. Васька стискивала на груди меховую накидку и молилась про себя, чтобы по-прежнему оставалось так же темно. Если она увидит — где они, все эти толщи камня, неровные стены, склон, уходящий вниз, под землю, все дальше и дальше от солнца и неба, она будет орать так, что все это ихнее Жилище обвалится, как в Апокалипсисе.

Фирт шел уверенно. И осознание того, что спутник, по крайней мере, хорошо знает дорогу, успокаивало девушку. Постепенно глаза привыкали к темноте (а может полумрак потихоньку рассеивался) и Васька с ужасом увидела, что идет через огромные каменные залы, своды которых терялись где?то в полумраке, а в стенах разбегались в разные стороны десятки провалов и ходов. В ужасе искательница приключений прижалась к своему спутнику. Никогда прежде она не испытывала такого ужаса.

— Не бойся, — негромко сказал Жнец, сворачивая в сторону тесного лаза.

Нет, только не это!!! Василиса сделала глубокий вдох и боком протиснулась в узкую щель. На миг показалось — застрянет! Но Фирт потянул за руку, и девушка кое?как стала продвигаться следом. Сердце грохотало в ушах.

А если все?таки застопорится? С ее?то пышными формами! О нет, только не это! Не как пробка в бутылке, пожалуйста, Маркус, или как там тебя!

Василиса протискивалась, обдирая бока и наброшенную на плечи шкуру. А потом, когда лаз сузился уже настолько, что девушка едва могла дышать, Жнец выдернул ее из ловушки на свободу. Спелеолог-любитель вздохнула полной грудью и едва не разревелась от облегчения.

Когда первый страх прошел, Лиска начала озираться. Каменный мешок, в котором она очутилась, оказался небольшой пещерой — теплой и сухой. Здесь в стенах не было более

никаких лазов, с потолка не свисали каменные сосульки, а под ногами находился относительно ровный пол, устланный крошевом мелких камней.

И тут сердце у Васьки заглодело. Уж не хотят ли ее здесь бросить в заточении? «Ну, держитесь, гады. Сейчас так заору, что все сталактиты попадают!» — решила про себя девушка и обернулась к Фирту.

— Если ты решил меня тут оставить. То напомню, что я — горластая. То есть даже не надейся ускользнуть отсюда целым и невредимым. Или оглохнешь или иначе как?нибудь покалечу. И тебя, и Анару твою.

Мужчина хмыкнул:

— Ты при Анаре такие речи не веди, — все?таки не удержался он от замечания. — Она строптивых не любит.

— А я не люблю подземелья! И еще не люблю, когда меня против воли тащат куда?то и похищают у мужа, — отозвалась Василиса. — Мало того, что завел неизвестно куда, так еще и татуировки мои изничтожил. Думаешь, я такой ловкий шпион, что смогла бы отсюда улизнуть, считая повороты и шаги? Чем тебе мешали мои маячки?

— Потом бы помешали, — неопределенно ответил Фирт.

— Да? Каким же образом? — стремясь разбавить тишину и полумрак, спросила девушка.

— Они бы заинтересовали Анару, — откликнулся спутник.

— Снова Анара! — пробурчала Вася. — У меня эти закорючки с восемнадцати лет и из?за какой?то ведьмы...

— Домой вернешься — восстановишь, — отрубил маг. — А теперь молчи.

— И-и-и?

— И жди, — Жнец легонько прочертил пальцем дорожку по лбу спутницы и сказал. — Пройдет через пять минут.

Вот нормальный человек вообще? Девушка насупилась и мрачно сказала:

— Зато теперь мне понятно, почему все колдуны у вас полоумные. С таким Жилищем душевную гармонию не обретешь.

— О, не будь к нам так несправедлива, — мелодичный голос, раздавшийся за спиной, заставил Василису подпрыгнуть и вцепиться в Фирта.

Пещера была пуста, когда они вошли сюда. Точно пуста! В сероватом полумраке Лиска все отчетливо разглядела. Тогда откуда взялась эта старуха?

Девушка подавила острое желание неприлично выругаться. Бабка оказалась отвратительна. И вроде бы не было в ней чего?то уродливого, ни носа крючком, ни бородавок на подбородке, ни бельма на глазу, ни горба, как у приличной ведьмы, но почему?то, несмотря на довольно таки обычную внешность, казалась она жуткой и опасной. Наверное, именно эта карга заманила Гензеля и Гретель в пряничный домик. Хотя нет, не она. Ту практичные древне-немецкие детки отправили в печь.

— Это лишь видимость — то, каким Жилище является чужакам. Но если бы ты была одной из нас, то увидела бы роскошное убранство и пышные покои, — тем временем продолжила старуха.

Несоответствие нежного юного голоса и отвратительной внешности заставило Василису с ног до головы покрыться мурашками. Девушка впервые в жизни растеряла весь оптимистический пыл, впервые не нашлась, что ответить. Она смотрела на ведьму и необъяснимый, неконтролируемый страх заставлял задорную болтушку все плотнее вжиматься в стоявшего позади Фирта.

— Странно. Мне говорили, она боевая, — старуха перевела взгляд на мага. — Чего ж трясется?

— Преисполнена благоговения? — насмешливо угадал Жнец.

В этот самый миг его рука, не закованная в латную рукавицу, скользнула вдоль спины девушки. Мягкое теплое прикосновение подействовало на Василису успокаивающе, даже помогло на некоторое время обрести дар речи и совладать с голосом:

— Вы... кто?

— Анара, — старуха подошла к Лиске и смерила ее внимательным взглядом: — А ты Василиса. Ошибочная жена Грехобора.

Ошибочная жена в ответ на это замечание промолчала и отвела взгляд, пытаясь стать незаметнее. Близость колдуньи порождала в Васькиной душе слепую панику и необъяснимый ужас. Даже дрожать начала — мелко, мелко, как замерзший щенок.

— Да что с ней?! — рассердилась ведьма, чем только усилила виброрежим своей жертвы. — Я собиралась поговорить!

— Поунижать, — еле слышно поправил маг и тут же со вздохом сказал: — Я же предупреждал — не получится. Она пустышка.

— Следовало убедиться, — капризно сказал Анара и надула бескровные губы.

— Убедилась? — Фирт отошел от перепуганной спутницы. — Что теперь?

Василиса, лишенная поддержки Жнеца пошатнулась и вдруг опустилась на корточки, обхватила себя руками за плечи и спрятала голову в коленях, борясь с накатывающей тошнотой. Молодой кокетливый голос никак не вязался с обликом отвратительной старухи, а все вместе это выглядело так противоестественно, что хотелось взвыть и забиться куда-нибудь подальше.

— Фу. Неинтересная! — ведьма окончательно разочаровалась. — Что в ней только Грехобор нашел. Какая-то клуша. Жнец! Снимай завесу, пусть катится обратно.

Где-то совсем рядом мягко и бархатисто зашелестела ткань, словно в театре, когда отодвигается занавес. Теплые руки подняли Лиску на ноги и подтолкнули вперед.

Перед глазами девушки непонятно откуда возник узкий каменный коридор, разветвляющийся в две стороны.

— Осталась минута, — шепнул Жнец Василисе, а потом уже громче произнес: — Тебе всегда

направо. Иди, как сказано, и очутишься дома.

С этими словами Фирт ударил свою визави между лопаток, и она полетела вперед.

Увы и ах. Никаких спецэффектов. Грохнулась на четвереньки, отбила колени, ссадила ладони о камни, больно ушиблась, от неожиданности прикусила язык. Словом, ничего героического. Корова — она корова и есть.

Однако когда Василиса поднялась на ноги, глотая слезы боли, обиды и испуга, за спиной у нее была стена. Неровная полупрозрачная, будто выполненная из мутного стекла.

— Пусти-и-ите! — заколотила руками по преграде несчастная выпаданка из магического мира. Ужас исчез, сменившись яростью. — Пустите меня! Фи-и-ирт!

— Иди направо, — ласково посоветовала ей старуха. — Это просто. Ты, конечно, тупая, но право найдешь.

— Найду?! Да иди ты, крыса, сама... направо! — Василиса еще раз двинула кулаком по твердой поверхности и зло спросила: — Что, нельзя меня было просто прибить?!

— Мы не можем, милочка, — в глазах ведьмы промелькнул интерес. — Хотели бы, да ты из другого мира, и ни у кого из нас не хватит на это сил. Но, чтобы стать колдуньей ты слишком слаба — иначе бы сила Шильды вошла в тебя. А еще ты мешаешь — о, как сильно ты мешаешь! Нам нужен Грехобор. Яростный, злобный Грехобор, а ты превратила его... в какого-то размякшего молодожена!

— Ты... — Василиса аж задохнулась от ярости. — Ты... чтоб тебе пусто было!

И она огляделась, пытаясь определить, где же тут право, а где лево, чтобы назло проклятым супостатам пойти в другую сторону.

— Хм... — старуха подошла к полупрозрачной стене и растерянно коснулась неровной поверхности. — А ведь только что тряслась от ужаса. Надо же, как убедительно сыграла...

«Пройдет через пять минут».

Что же ты сделал, Жнец?

Лиска задумалась.

— А если я поверну налево? — осторожно спросила она.

— Не повернешь, — Анара рассмеялась каркающим смехом, вызвав у Василисы приступ отвращения.

— Я к мужу хочу, — пробубнила под нос девушка, отворачиваясь от противной карги. — И тебе накостылять, чтобы костей не собрала.

— Василиса! — спокойный голос Фирта, стоящего чуть позади магессы, заставил обернуться. — Иди направо, и помни: твой брак с Грехобором — всего лишь ошибка. Забудь обо всем.

Жнец вытянул правую руку, указывая подопечной направление. Лиска тут же сжала одну из рук в кулак, стискивая на груди овечью накидку. Отлично. Право найдено.

— А если я не хочу? — упрямо переспросила стряпуха. — Если, ну вас всех в пень?

Старуха напротив зло сверкнула глазами:

— Иди направо, — пропела она глубоким, проникновенным голосом. — Иди направо...

И так же, как тогда, давно-давно в весеннем лесу, Василиса послушалась колдовства. Взгляд против воли опустился на сжатый кулак, подсказывающий правильное направление. Тело механически повернулось в нужную сторону, вероломные ноги сделали первый шаг...

Стена за спиной у девушки из полупрозрачной стала каменной. Последний путь к отступлению оказался отрезан. Лиске захотелось взвыть, затопать ногами, но вместо этого она просто пошла. По щекам текли слезы, которые Вася вытирала ладонью, не сжатой в кулак, а проклятые ноги несли и несли свою обладательницу прочь из неведомого мира, прочь от мужа, от Багоя, от Зарии, от магии, от Аринтмы и от счастья. Василиса брела и брела, против воли сворачивая на каждом повороте в ту сторону, которую называли правой.

Серый полумрак больше не пугал. Одиночество не страшило. А сердце заходило от тоски. Да еще ноги гудели от усталости. Анара, накладывая заклинание, не подумала, что путь Василисы может оказаться столь неблизким, поэтому жертва вероломной волшбы после третьего часа пешей прогулки готова была взвыть. Да еще в каменных коридорах становилось все холоднее и холоднее. Хорошо хоть шкуру Фирт ей отдал. В меховой накидке было тепло, хотя руки и ноги уже порядком заколечены. Да еще слезы, проклятые, катились из глаз, оставляя на щеках инейные дорожки.

Там впереди ледник, что ли? Если она действительно идет домой, то откуда такая стужа? Или она вывалится в свою реальность посреди метельного февраля? Блин. Только бы не на проезжую часть или не в лесную чащу. Пусть это снова будет туалет. Пожалуйста! Пусть снова туалет. Что вам, жалко что ли?

Девушка брела, с тоской вспоминая все, что произошло с ней в Аринтме. Таверна Багоя. Зария. Уборка кухни. Первое знакомство с Йеном, первое прикосновение. Ночь, когда она завалилась к нему в комнату. Их упоительная гроза... так мало! Так безжалостно мало времени отмерила им жизнь. Времени, которое само по себе было ошибкой, потому что какой-то Маркус видите ли перепутал имена! Козёл старый.

Василиса уныло размышляла о своей горькой судьбе. Собственно, это все, что она могла делать, коли собственное тело отказывалось ей подчиняться. Хорошо хоть мозги еще слушались.

Конечно, если правильно рассудить, и впрямь надо возвращаться. Там, в другом мире, у нее мать, которая, если не упила с горя, то, наверное, переживает. Ну, хотелось бы верить, что переживает. Там Юрка, там работа и просто цивилизация. Душ, махровые полотенца, туалетная бумага, тушь для ресниц, телевизор, микроволновка и прочие блага.

Как сказал жнец — брак с Грехобором всего лишь ошибка. Значит, у мага будет та, что предназначена ему судьбой — возможно, даже Милиана — курица общипанная! Девушка сердито засопела, представив на миг, как ее Йен будет целовать эту заморенную анорексичную фотомоделю...

Стоп. Васька остановилась так резко, что чуть не упала. Замутненный магией взгляд опустился на руки, сжатые в кулаки. На обе руки. Одна судорожно стискивает накидку на груди, другая придерживает мех на уровне живота, чтобы не просачивался зябкий холод. Правая. Левая.

Измученные долгим переходом ноги подкосились, и девушка рухнула на каменный пол.

А потом пришел смех. Лиска звонко, от души хохотала над старой каргой. Над тем, что вся магия Анары не могла побороть суровый Василисин диагноз, обозначенный в больничной карте, как «Аутотопагнозия». Одним словом, даже высшие силы не смогли заставить Василису идти направо. Мало того, теперь девушка не имела ни малейшего понятия, где это право находится. И все?таки... Василиса недобро усмехнулась и прошептала:

— Не отдам мужа. Не надейтесь!

Она даже попыталась подняться, чтобы сию же секунду отправиться на выручку Йену, но измученное волшбой и долгой дорогой в тело запротестовало. Завернувшись в теплую пушистую шкуру, девушка заснула, даже не ощутив того, что спать на каменном неровном полу еще хуже, чем на земле.

Зария совершает опрометчивые поступки

Ни души. И тихо-тихо. Так тихо, что слышно только ветер. Даже птицы, и те не поют. Почему? Ведь еще прошлой осенью Кирт рассказывал матери о том, как буйно цвел и благоухал шиповник у ворот храма. Говорил, будто даже голова закружилась «от этой вони», да еще сварливо сетовал, что?де столько пчел вокруг кружило и всякая норвила ужалить, да еще лошадь шарахалась.

Зария тогда позавидовала Кирту и в то же время пожалела его — видеть такую красоту и вместо того, чтобы наслаждаться, лишь ругать ее, не замечая, не понимая, принимая не просто как данность, а как некое досадное неудобство.

Однако вид, открывшийся самой девушке, был донельзя бесприютным и унылым. Сейчас, летом, у храма Великой Богини и травинки не пробивалось из черной земли. Только лужи блестели на солнце, да жирная грязь чавкала под ногами. Этой же грязью оказались забрызганы высокие некрасивые ворота и стены, сложенные из серого щербатого камня. А кусты шиповника, который своим цветением так досаждал Кирту, стояли засохшие, оцетинившись острыми колючками, и тоже были все в грязи.

Наследница лантей вдруг поймала себя на мысли, что ей совсем не хочется идти туда, куда она так упорно стремилась. Девушка в нерешительности остановилась, окидывая взглядом открывшийся ей безрадостный вид. Храм... Вожделенная обитель оказалась некрасивым квадратным зданием, сложенным все из того же серого камня, с кровлей, покрытой почерневшим тесом. Крохотные оконца были похожи на бойницы, из которых на всех приходящих к святыне словно целились из луков невидимые воины. Кажется, подойдешь ближе, и стрела пропоет в воздухе, отыскивая цель. Глупость, конечно, но от Храма веяло враждебностью и... разочарованием.

Тоска — глухая и беспросветная — стиснула сердце. И это ее новый дом? Вот эта громада, прячущаяся от всего мира за грязной стеной, отгородившаяся от людей прочно запертыми воротами и грязным расквашенным полем? Зарии вдруг захотелось бежать. Бежать отсюда без оглядки и больше никогда не возвращаться.

Однако для того ли она проделала весь этот путь, чтобы повернуть обратно лишь из?за размытой дождем дороги, грязи забрызгавшей стену и старого засохшего шиповника? Нет. И Девушка пошла вперед, подобрала подол платья и выдергивая ноги из чавкающей грязи.

Когда она постучала в калитку, устроенную в воротах нарочно для одиноких странников, ей не

сразу открыли. Стучать пришлось довольно долго, а стоять в жидкой холодной грязи еще дольше. Но потом, наконец, раздались шаги и створка со скрипом распахнулась.

На прищелицу смотрела, по всей видимости, одна из послушниц Храма. В легких темно-лиловых одеждах, полностью скрывающих тело, лицо и даже волосы. Лишь глаза не прятала ткань. И глаза эти смотрели строго и холодно.

— Ты пришла к нам, чтобы остаться, наследница лантей? Или твою душу разъедают сомнения?
— певуче проговорила женщина и протянула руку чернушке.

Бедняга, до сих пор не принявшая окончательного решения, застыла в испуге. Горло свело от волнения, благоговейного трепета и... страха. Жрица приняла молчание девушки за нерешительность, а потому схватила прибывшую за худое запястье и решительно повела внутрь. Они миновали пустой, мощеный серым канем неуютный двор, вошли в Храм и двинулись по просторному коридору к широкой лестнице.

Зария едва успевала переставлять ноги.

— Нам передали, что ты придешь, — продолжила тем временем обитательница Храма, ведя спутницу по коридорам. — Не бойся, ты сделала правильный выбор. Сейчас тебе необходимо отдохнуть, а завтра поговоришь с Матерью Дев, и она расскажет тебе о том, как устроена жизнь в Обители.

— Но я...

— Что?

И вновь беспричинный страх сковал девушку. Она не нашлась, что ответить, поэтому лишь помотала головой и опустила глаза.

— Значит ничего. Вот твоя келья. Ты пришла поздно — мы уже поужинали, но я принесу тебе что-нибудь перекусить с кухни.

— Спасибо...

— Пока не за что благодарить, Храм всегда дает кров и хлеб своим дочерям, — назидательно заметила ее провожатая и спокойно удалилась.

Зария оглядела маленькую комнату, поступившую ей в единоличное владение. Жесткая кровать у стены, стол у крошечного оконца, грубый табурет и маленький алтарь Богини в углу — молитвенный свиток и эмалевое сердце в венце из веток морогуна. Здесь пахло воском, свечным чадом и лежалой тканью.

Да, прежняя Зария обрадовалась бы любой комнатке, которую ей выделили, потому что у нее никогда не было своего угла и возможности побыть одной, никого не опасаясь и не вздрагивая от каждого скрипа половиц. Прежняя Зария уже плакала бы от благодарности только за то, что ее не пнули, не ударили, не унизили, а равнодушно встретили и привели сюда, не отвесив по пути подзатыльник. Да, прежняя Зария была бы счастлива жить здесь до конца своих дней.

Негромко хлопнула дверь — это вернулась послушница со стаканом воды в одной руке и плоской тарелкой, с лежащим на ней подсушенным ломтем хлеба и куском твердого сыра, в другой. Ни слова не сказав, женщина поставила еду на стол и вышла, закрыв за собой дверь.

Наследница лантей подошла к столу, посмотрела на принесенную ей скудную трапезу и вздохнула. Прежняя Зария с благодарностью и радостью приняла бы и эту еду, и эту келью, и эту обитель... но нынешняя отчего-то не испытывала ни счастья, ни удовлетворения. Нынешней было, с чем сравнивать. Ведь в «Кабаньем Пятаке» у нее осталась уютная комнатка, выделенная во владение Багоем, с мягкой кроватью, заправленной лоскутным покрывалом, с окошком, в которое по утрам ласково заглядывало солнце, с легкими занавесками, пестрым тканым половичком на полу и голубым, как небо платьем, лежащим в сундуке. Это была ее комната. Уютная и светлая.

А еще нынешняя Зария знала, что еда может приносить удовольствие, а не только утолять голод. Еда может выглядеть красиво и пахнуть вкусно. И тут с опозданием девушка начала понимать, что вспоминает жизнь в харчевне с тоской, как человек, потерявший нечто бесконечно дорогое. Но что? Что она потеряла? Светлую уютную комнату? Вкусные яства? Нет... Она потеряла не это. Точнее не только это. Она потеряла Багоя, вечно ворчащего и всем недовольного. Она потеряла Василису — добрую никогда не унывающую хохотушку. Но самая главная ее потеря — это...

— Глен.

Несчастливая прикрыла рот ладонью, считая, что здесь — в Обители — упоминание того, кто стал ей так дорог, будет кощунством. Да и почему он ей дорог? Она же ничего о нем не знает. Кто он? Дух, колдун, человек? Злодей?

Или нет?

Как понять? Что решить?

Еда, сон, усталость, встреча с Матерью Дев — все это показалось уже не столь необходимым, когда перед мысленным взором встал Глен.

В эту ночь девушка лежала без сна, ворочаясь на узком жестком ложе и вспоминая, вспоминая, вспоминая... Впервые в жизни она пыталась принять самостоятельное решение, пыталась понять, какой Зарией хочет быть. Жалкой, убежавшей от трудностей? Или же той, которая попытается избежать самообмана и стать счастливой? На одной чаше весов — тишина обители, защита от враждебного мира, на другой — Глен и связанные с ним сложности, вероятность ошибки и разочарования или вероятность любви.

Утро наступило внезапно. Казалось, она только прикрыла глаза, измученная непривычно быстрыми мыслями, а в дверь уже стучат.

— Тебя ждет Мать.

Зария торопливо оделась, стыдясь своего грязного мятого платья, и поспешила за равнодушной в своей отстраненной холодности женщиной. Та вела девушку длинными коридорами, пока обе не очутились перед узкой двустворчатой дверью.

Тонкая рука указала вперед и провожатая, по-прежнему молча, удалилась, оставив растерянную спутницу на пороге.

— Проходи, девочка, — донеслось из-за двери и наследница лантей, толкнув створки, вошла.

Она очутилась в просторной длинной зале с высоким, но почему-то давящим на плечи потолком и мозаичным полом. Здесь было неуютно и пусто. В дальнем конце возвышался

алтарь богини, у подножия которого, прямо на ступенях сидела женщина, окутанная белыми одеждами. Верховная жрица...

— Иди, не бойся... — голос Матери Дев показался Зарии странным, что-то до боли знакомое, но ускользающее от слуха, звучало в нем.

Нерешительно девушка вошла, стараясь понять, что же именно ее смущает в интонациях Белой женщины.

— Сядь передо мной.

Она послушно опустилась на несколько ступенек ниже, почти у ног говорившей. Сияющие одежды скрывали жрицу, так что видимыми оставались только глаза. Старые, поблекшие, но острые и внимательные, они окинули пришедшую пронзительным взглядом.

— Худая.

— Уже нет, — робко возразила Зария.

Свечи, расставленные в настенных нишах и вокруг алтаря, лили теплое успокаивающее сияние, но пустая мрачная зала не казалась от этого уютней.

— Худая, — с нажимом повторила жрица и слегка прищурилась, недовольная строптивостью новой послушницы, но тут же против всякого здравого смысла подытожила: — Это хорошо.

Девушка открыла было рот, чтобы спросить, что такого хорошего в худобе, но передумала.

— Ты была счастлива в прошлой жизни? — спросила Мать.

— Я... — чернушка смешалась, но все же ответила честно: — Недолго.

— А сейчас? Ты счастлива?

— Нет.

— Тебя ждут обратно?

— Не знаю.

— Значит, не ждут, — в глазах жрицы промелькнуло удовлетворение. — А мужчина? У тебя был мужчина?

— Да... — застенчиво призналась Зария, но тут же добавила: — Он ушел. Сказал, что вернется...

— Значит, не вернется, — перебила ее жрица. — Ты злишься?

— Я...

— Злишься?

— Матушка, я...

— Отвечай на вопросы. Ты злишься?

«На вас».

— Да.

— Обижена?

«Вы не такие, как я себе представляла».

— Да.

— Хорошо. Твое сердце... в нем есть любовь. Но есть ли там боль от этой любви?

— Есть.

— Прекрасно. Ты приходишь нам, — женщина хлопнула в ладоши и в этот миг Зария поняла, что же было не так с ее голосом.

— Вы сломлены... — ошеломленно проговорила девушка. — Вы несчастны. И ненавидите все, что вас окружает.

— Не все, — с прежней холодностью произнесла Матерь. — Я жрица богини любви. И не умею ненавидеть. Скорее, я испытываю презрение.

— К кому?

— К глупцам, гордецам, стяжателям и сластолюбцам, — жрица встала, нависнув над Зарией. — Особенно же я презираю ветреность. Сколько ты шла к нам?

— Несколько дней...

— Нет. Ты шла непозволительно долго! Разве мать не учила тебя? Не говорила о твоём предназначении? Молчи! Просто кивай или мотай головой — меня утомила твоя болтовня и звук твоего голоса!

Девушка медленно кивнула, не сводя застывшего взгляда с пугающей ее женщины.

— Ты умеешь «таиться»?

«Да».

— Ты понимаешь, в чем состоит твой долг?

«Нет».

— Я так и знала, — презрительно фыркнув, жрица отошла от молчаливой собеседницы. — Когда твоя мать покинула нас, она пошла тропой самообмана. Глупая решила, что, выйдя замуж, станет счастливее. Решила, что мужчина сделает ее жизнь светлой. МУЖЧИНА!

Зария опустила голову, привычно пряча лицо за длинной челкой. Она не могла смотреть на Белую женщину — слишком больно было осознание собственной ошибки и самообмана. А Матерь тем временем поднялась к алтарю, устремила остановившийся взгляд на эмалевое сердце, маслянисто блестящее в огнях свечей, и продолжала:

— Мужчина глуп, пошл и глух! Поэтому только женщины могут быть последовательницами

Великой богини, только женщины могут приносить в этот мир детей. Мужчины для этого не нужны.

Та, кому все это говорилось, склонила голову еще ниже, пряча невольную улыбку. Слышала бы жрицу сейчас Василиса, подняла бы брови домиком и протянула свое многозначительное: «О-о-о...» А потом сказала бы что-нибудь такое, от чего Зарии стало бы одновременно и смешно, и стыдно.

— Но женщина слаба. Она ищет силу, защиту, и бежит к мужчине. А тот обманывает ее пустыми обещаниями, одаривает бесплодными надеждами и только все портит, портит, портит! Даже Великая богиня, и та решила подчиниться Маркусу, думая, будто это сделает ее сильнее, и что произошло?! Наш род вот-вот пресечется, наши заветы забыты, а богиня перестала отвечать на наши молитвы!

Жрица невидящими глазами посмотрела в потолок.

— Но мы нашли способ дозваться ее. И ты нам поможешь. Последняя наследница лантей. Единственная, оставшаяся в живых носительница божественной крови, нетронутая мужчиной и не ушедшая от мира.

И тут же Матерь Дев склонилась к Зарии и заговорила певуче и ласково:

— Ты ведь нам поможешь? Поможешь Богине?

Зария опешила, испуганная столь резкой переменой, и оттого не понимая, что от нее хотят.

— Я стара. Слишком стара и резка, дитя. Мой муж не дал мне ребенка — ни дочери, ни сына. Он бросил меня. Ушел, обвинив в бесплодности. Каждая из нас пыталась стать женой, но ни одна не смогла. И вот пришла ты, с тем же лихорадочным блеском в глазах. С той же надеждой, что Он вернется. Больно. Ты прости меня, девочка. Я старуха. Озлившаяся старуха.

— Нет, что вы... — прошептала Зария. — Вы не...

— Помоги нам достучаться до Великой богини. Она молчит почти год. Только ты сможешь сделать так, чтобы она услышала и спустилась к нам, своим чадам.

— Но как? — девушка даже не шептала — беззвучно, одними губами, произносила слова, сгибаясь под невидимой тяжестью.

— Одно служение в Храме. Всего одно служение, дитя. И мы сможем добиться того, что Она нас услышит.

«Ни на что не соглашайся, не делай ничего!»

Как отказать? Да и зачем? Они несчастны и им нужна помощь. Хоть какая-то надежда. А от нее и требуется?то всего одна служба. И здесь — в этом странном месте — от нее действительно ждут поддержки. Отсюда — из этих стен вышла ее мать. Здесь всегда жили дочери Богини любви. Одно служение...

— Я согласна, — склонившись перед жрицей, прошептала последняя наследница лантей.

А Белая женщина думала, глядя на склоненную макушку, о глупости и невежестве молодой дурочки, все еще надеющейся на любовь. Что ж, как бы то ни было, никто, кроме нее, не

достучится до Великой богини. И молитва, произнесенная страдающей скиталицей, дойдет до той обязательно. Какая мать не услышит плач своего ребенка? Да, права была Анара — наивность и доверчивость этой девушки превосходит все мыслимые пределы.

О безусловной пользе зла и вреде добра

Когда Василиса открыла глаза, первое, что пришло ей на ум, было... то, что никак нельзя озвучивать в обществе приличных людей. Однако приличных людей вокруг не оказалось, поэтому девушка громко и от души излила душу окружающему ее камню.

За время сна она совсем заоченела, даже шкура и та не спасла, ноги были ледяными, шея без подушки затекла, левый висок дергало — именно в этом месте под головой оказался маленький острый камушек... Хотелось есть и пить. Причем чего?нибудь горячего. Хотелось теплую ванную или хотя бы душ, хотелось шерстяные носки, шапку-ушанку, тулуп, ватные штаны, компас, фонарик и пистолет. О-о-о... Пистолет особенно.

Но, увы. Пришлось кое-как подниматься на затекшие окоченевшие ноги, разминать сведенную шею, тереть глаза ледяными руками и урчать животом. Да что же это такое! Все нормальные попаданки — люди, как люди — у них и балы, и кареты, и корсеты, и рыцари, и сверхспособности, и драгоценности, и поклонники. А у Васи все как всегда — лишний вес, полный раздрай в личной жизни, неопределенное будущее и неудобства разной степени тяжести. Чтоб этого Маркуса приподняло и шлепнуло!

И в какую сторону теперь идти? Если во сне она не перевернулась, что очень может быть, то идти надо назад. Только... где это назад? Нет, Василиса могла отличить, но проснувшись, она уже столько раз попрыгала на месте, потеряла поясницу, поприседала и покружилась, что теперь решительно не понимала, откуда пришла и куда следует держать путь.

Тьфу.

Что делать, если не знаешь, куда идти? Искать ориентиры. И снова, как тогда в лесу — ни мха на деревьях, ни солнца, ни севера-юга. Оставалось только одно — настраиваться на осязание. И вот искательница приключений отправилась вперед, полагаясь на единственный доступный в ее ситуации ориентир. Холод.

Она прекрасно помнила, что в самом начале пути, когда Фирт только завел ее в подземелье, там было тепло. Соответственно, если хочешь выйти, надо идти туда, где теплее. Такая простая, и бесхитростная, как сама Василиса, логика, тем не менее, принесла плоды — девушка уже несколько раз возвращалась из ледяных коридоров, меняла направление, и — о чудо! — чувствовала, как постепенно воздух становится не таким стылым.

Вот только, как ни теплело вокруг, а ничего похожего на ранее пройденные коридоры не появлялась. Лиска брела извилистыми путанными ходами. Постепенно неровные каменные стены стали более рыхлыми, потом взялись расслаиваться, как пирожное «Зебра» в разрезе. Приглядевшись, девушка поняла, что камень уступил место земле. Василиса чувствовала себя кротом, ползущим сквозь толщи почвы, где песок прослаивался полосками глины, глина черноземом и еще чем-то, чему путница не знала названия. Это «что-то» — неровные узкие полоски неизвестной породы — переливчато мерцало и в коридорах сделалось почти светло.

Сколько она шла? Час, два? Время в этих бесконечных подземельях будто бы перестало существовать, мысли путались. Иногда усталой страннице казалось, что бы она слышит какие-то голоса, издали, едва различимые, они говорили о ней. Но доносились лишь обрывки фраз.

«Пропала девушка, двадцать пять лет, пошла в туалет...»

Так похоже на Юркин голос...

«Особые приметы — татуировки на запястьях обеих рук...»

«Как пропала? Пропала — найдется. А то я ее не знаю!»

Мама?

«Заренка...»

Йен. Йен!

«Только беда от этих баб! Сначала одна ушла неведомо куда, потом...»

Багой.

«Найдите девушку!!! Я требую, чтобы вы нашли...»

Голоса путались, переплетались, казалось, они звучат одновременно везде и нигде. Словно бы искривленные пространства переплелись, как радиоволны и теперь сквозь помехи до Василисы доносились сигналы разных станций — нечеткие, перекрываемые белым шумом.

Девушка прислушивалась, силилась настроиться на речь хотя бы кого-то одного из говоривших, но ничего не получалось. Стоило ей сосредоточиться, как «помехи» делались сильнее, голоса сплетались и в голове звучал только непрерывный гул.

«Придите, кто-нибудь, придите... Кто-нибудь, придите... Ко мне...»

Этот незнакомый голос прорвался сквозь шум и помехи, гремящие в Васиной голове.

«Придите, кто-нибудь... Я не могу... Я больше не могу...»

Наверное, только потому, что Василиса не знала говорившего, а может потому, что говорил он не о ней, не о ней печалился и переживал, или дело было в бессвязной муке, звучавшей в пересушенном голосе, но этот голос единственный оказался различим среди десятков других. Так говорят мечущиеся в бреду, умирающие и потерявшие надежду.

«Кто-нибудь... Ко мне...»

Этот призыв раздался так отчетливо, и было в нем столько муки, столько страдания и юности, что он заглушил все прочее. И сердце Василисы сжалось, потому что она снова вспомнила — есть в мире люди, которым плохо. Так плохо, что ее — Лискины — страдания лишь суета на пустом месте, она и боли-то настоящей не знает. И от жалости, а еще оттого, что она ничем не могла помочь неизвестному, молившему о помощи, Василиса остановилась. Горечь прихлынула к горлу.

«Ко мне... Не могу...»

— Где ты? — спросила девушка.

Ей, конечно, не ответили. Да она и не ждала ответа. Но кто мучает этого незнакомому ей человека. Кто и зачем?

«Не... могу...»

— Я иду, — сказала Василиса в надежде, что ее услышат и неизвестному страдальцу станет хоть чуточку легче. — Я иду!

От этих ее слов искрящаяся полоска неизвестной породы в стене задрожала и стала расплзаться, открывая перед странницей просторный искрящийся лаз.

— Я иду! — и Лиска шагнула в сияние.

* * *

Темнота отступила мгновенно. Дэйн резко сел, оглядываясь. Он лежал на полу тесной комнатки у разбитого холодного очага. Откуда?то тянуло сквозняком. Низкий потолок накренился, будто собирался обрушиться.

Дом перестроился. Из последних сил пытался уберечь своего создателя. Живой. Верный. Умиравший, но держащийся из последних сил. Грустная улыбка тронула губы Волорана, когда он поднялся на ноги. На груди болталась цепочка, видимо, выскользнула из?за пазухи...

Мужчина коснулся тонкого, столь неуместно смотрящегося на нем украшения, и убрал под одежду. Он не любил касаться теплого серебра. Всякий раз оно обжигало его, как будто было раскаленным. То была память о глупости. Глупости и слабости. Дэйн потянул цепочку, снова извлекая ее на свет. Тонкая, а не рвется, хотя кольцо, висящее на ней, тяжелое... Его кольцо. Полууженых и недомуж — вот кто он. Нареченный, связанный со своей второй половиной, как связаны супруги, но при этом супругом не ставший.

— Почему не на руке? — вездесущий Глен возник из воздуха буквально в полушаге.

— Как ты смог войти в Острог? — будто не слыша его вопроса, спросил дэйн, зная, впрочем, ответ: дом растратил почти всю свою силу.

— Уж не думаешь ли ты, что это фадир тебя сюда затащил? — колдун усмехнулся. — Кто бы сказал, что однажды буду спасать жизнь проклятому дэйну, в лицо бы плюнул. А Острог ваш неглуп. Как живой. Бережет тебя. И силой со мной поделился, и дверь открыл, чтобы я тебя занес.

Волоран в ответ лишь усмехнулся, отправляя цепочку под одежду.

— Так почему же ты этим занялся?

— Может, я добрый.

— Лжешь.

— Ну, значит, когда?то был добрым.

— Не был.

Колдун начал злиться:

— Был. Когда был человеком.

— Это был не ты. Точнее не совсем ты. Проклятый дар подавляет душу. Освобождает ее только

смерть. Поэтому колдун Глен никогда не был хорошим парнем. Он убивал, мучил, обманывал.

Палач магов повернулся к своему бесплотному собеседнику:

— Смерть заставляет вспоминать, не так ли? И теперь ты пытаешься все исправить. Это хорошо. Поэтому не лукавь. Вранье не делает тебе чести.

Глен нахмурился.

— Ну, хорошо, я хочу тебе помочь, потому что... так правильно. И потому что я пытаюсь искупить то, что делал, когда...

Его голос осип.

— Это тяжкая ноша, Глен, — спокойно сказал дэйн. — Но ты хорошо справляешься.

Дух мотнул головой и севшим голосом заговорил о другом:

— У тебя есть кольцо. Значит, Повитуха — твоя жена. Вот только я абсолютно уверен, что женой тебе ее сделать было некогда. Да и кольцо ты носишь не на пальце, а на цепочке, как и она свое. Не томи, дэйн. Скажи уже.

— Сколько прошло времени? — снова, словно не слыша его, спросил Волоран и вышел из дома.

— Трое суток, — колдун оглянулся на покосившийся домишко, который вместо величественного переливающегося здания теперь напоминал бедняцкую лачугу.

Дэйн задумался.

— Шахнал мертв, — снова нарушил тишину Глен.

— Жаль, — последовал равнодушный ответ.

— Твой брат у колдунов.

— Не страшно.

— А твоя жена благополучно встретила с Перевозчиком.

— Прекрасно. — Волоран, наконец, перевел взгляд на духа. — Где держат Грехобора?

— Пока в Жилище. Они хотят узнать его тайну, — колдун усмехнулся. — Я мог бы им помочь, между прочим.

Дэйн смерил колдуна насмешливым взглядом:

— И как это будет вязаться с тем, что ты хочешь все искупить?

— Я лишь хотел сказать, что мог бы...

— Не мог. Рыпнешься, и я тебя убью. Опять лжешь сам себе. Пытаешься казаться лучше. Ты помогаешь дэйну, хотя мог бы его предать. Вот только предать меня тебе не по силам.

— Я бы и не предал, даже если...

Волоран перебил:

— Иди, предупреди Йена. Времени у нас мало. Где фадир?

— Вон бродит, — мотнул Глен головой куда-то в сторону и пропал, не желая больше вести беседы с надменным Палачом магов.

Дэйн протяжно свистнул, призывая скакуна. Фадир радостно заржал и заторопился к человеку. Устроившись в седле Волоран вдруг, впервые за последние годы, попытался сорвать с себя цепочку. Бесполезно. Как и прежде она не рвалась, оставляя на шее синяки. Попытка снять тоже ни к чему не привела — невесомая на шее, она сразу стала тяжелой, стоило Волорану только попытаться приподнять ее. Да еще и руки обожгла.

Мужчина закрыл глаза и на мгновение прислонился щекой к загривку фадира, впитывая спокойствие и уверенность благородного скакуна.

Не невеста, не жена. Не жених, не муж. Но для всех они связаны. Для всех брак завершен с того самого момента, как Милиана дала своему нареченному разрешение. То самое разрешение, которого ждет и жаждет каждый жених.

— Не велика ли цена за один поцелуй? — спросил дэйн вслух. — Поцелуй, который и сделан был лишь для того, чтобы спасти ей жизнь?

Он горько усмехнулся. У каждого свой путь. И когда дэйн стоял у чаши, чтобы взять кольцо для девушки с глазами цвета грозового неба, он сам решил свою судьбу. Вот только тяжесть кольца меньше от этого не становилась.

Фадир взмыл в небо, повинаясь руке хозяина. Животное радовалось ветру, свободному полету, но больше всего его приводило в восторг то, что дэйн смог взять под контроль столь раздражающие и будоражащие летающего скакуна чувства.

* * *

В комнате пахло страданием и кровью.

— Не могу... хватит... не могу...

Светлые слипшиеся от пота волосы разметались по мятому грязному тюфяку.

— Хватит... не могу...

Лиска огляделась, не понимая, как яркий радостный свет мог зашвырнуть ее сюда. Каменный мешок с низкой деревянной дверью и маленьким зарешеченным окном под потолком.

А позади — стена. Неровная и холодная. Васька, похоже, умеет ходить сквозь камень и пространство.

Впрочем, поразмыслить над удивительным перемещением девушка не смогла, потому что бессвязный шепот вернул ее в реальность.

— Кто здесь? — лежащая на тюфяке девушка неловко вывернула голову, почувствовав чужое присутствие.

— Я, — просто ответила Василиса.

— Ты пришла забрать? — невидимая девушка всхлипнула с надеждой и облегчением.

— Что забрать? — полусшепотом спросила Василиса, осторожно приближаясь.

И еще до того, как прозвучал ответ, Василису окатило ощущение тревожного дежавю. Показалось, будто реальность закрутилась в петлю Мебиуса и вернула ее в тот самый день, когда она только появилась в Аринтме: тонкая женская рука без мизинца. Сейчас раздастся шипение: «Подойди-и-и...»

— Не уходи... не бросай меня... — прерывисто и жалобно.

В этом юном голосе было столько боли и муки, что сердце сжималось.

— Я не уйду, — прошептала Лиса, подходя и склоняясь над лежащей.

Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Красивая, но измученная. И под грудью по серому невзрачному платью растеклось безобразное черное пятно. Кровь. Тонкие руки зажимали рану, от которой любой человек давно бы умер. Давно и мгновенно.

Василиса ахнула.

— Кто это сделал? За что?!

— Колдуны... — она едва шептала.

— Сволочи... — Василиса сжала кулаки. — Вот же, сволочи!

От этих ее слов несчастная вздрогнула и взмолилась:

— Не надо... больно... не злись.

Лиска склонилась над ней, укрыла ледяные ноги своей овчинной накидкой, отвела с потного холодного лба мокрые пряди волос.

— Ч-ш-ш... Я сейчас что?нибудь придумаю... обязательно придумаю...

Девушка закусила губу, одновременно страстно желая сострадания и в то же время, отказываясь от него, оттолкнула руку утешительницы, выгнулась на мокром тюфяке и вдруг закричала:

— Уйди! Уйди! Я магесса! Уйди!

— Нет, никуда я не пойду.

— Она меня больше не слушается. Уйди... — умирающая с мольбой смотрела на Василису, сдерживая Проклятую силу невероятным напряжением воли. Тело несчастной обсыпали капли воды. Они то появлялись, просачиваясь сквозь одежду, то пропадали.

Магесса кусала губы. Как объяснить этой странной незнакомке, что перед ней не просто обладательница Проклятого дара? Как найти силы и рассказать о себе? О самой сильной в Клетке магов. О той, которую дэйны опекали денно и ночью, потому что Дар был силен и взбалмошен. Как объяснить, что сейчас, когда она умирает и не может умереть, от мук, которые ей приходится переносить, ее сила делается слишком злобной, яростной? Что она просто раздавит эту девушку, так ласково глядящую ее по волосам?

Василиса не была совсем уж бестолковой. Она понимала, что происходит, помнила со слов Грехобора и дэйна. Пожив в этом мире, поносив в себе дух колдуна, Вася перестала быть неосведомленной дурочкой.

— Сколько ты уже мучаешься? — спросила она.

— Четыре дня... — магесса судорожно вздохнула и снова попыталась что-то сказать, но онемела, раздавленная тихим:

— Я возьму.

Лисака протянула открытую ладонь.

— Нет! Уходи!

Но Проклятый дар уже не слушался, рвался прочь из умирающего тела в новое, сильное и крепкое. Василиса крепко сжала ледяную ладошку:

— Все хорошо... отдай.

Из ее глаз текли слезы, но голос был тверд. Она ласково гладила измученную магессу по волосам. Вот и все. Не будет сказки. Не будет смеха. Не будет мужа, любви, грозы. Ничего не будет. Потому что не будет больше Василисы.

А тонкое тело обмякало, принимая смерть и облегчение, которое та несла. Измученное лицо светлело. Сила могучим потоком лилась через соединенные ладони, оставляя прежнюю владелицу, и наполняла чернотой тело той, что звалась когда-то Василисой. Она наполняла новый сосуд до краев, убивая, вытесняя душу, заставляя забывать...

Вздых и колдунья с наслаждением потянулась, более не глядя на ту, что всего пару мгновений назад вызывала сочувствие. Что с нее взять? Умерла и умерла.

— Ты кто такая?! — незнакомый голос заставил резко обернуться.

Мужчина, стоявший на пороге, смотрел удивленно.

— Откуда ты тут взялась, а?

Девушка вздрогнула, когда чужие воспоминания тенью пронеслись перед глазами. Всплыли в памяти боль, унижение, удар ножа...

— Пришла с тобой посчитаться, — усмехнулась колдунья, делая шаг вперед и одновременно встряхивая руками.

Стихийная сила, не сдерживаемая, стремительная и страшная рванулась прочь. О, ты умрешь, ничтожество... Ты будешь долго, очень долго умирать, ты почувствуешь всю ее боль, как свою и не раз, не два... А я буду смотреть, как наливаются мукой и болью твои глаза, как седина проступает в темных волосах. Да, я буду наказывать долго...

Эти мысли пронеслись яркой вспышкой, столь же сильной и быстрой, что и удар молнии, сорвавшейся с рук и ударившей колдуна. Тот не успел ни уклониться, не защититься — выгнулся, переломился в спине, рухнул на каменный пол мешком с переломанными костями. Василиса захихикала. Слабак! Ничего, сейчас очнется и...

Кровь, текущая из глаз и ушей жертвы заставила девушку озадаченно замереть.

Темная лужа на полу.

Закрыть рот руками.

Остановившийся незрячий взгляд.

Сползти вдоль стены.

Бесформенное, неестественно выгнутое тело.

Упасть на колени.

Осознать.

Почувствовать себя убийцей.

Родственная встреча.

Силы возвращались на удивление быстро. Грехобор знал, что обычно после полного истощения маг приходит в себя несколько месяцев, и все это время не может не то что творить волшебство, но даже и передвигаться без посторонней помощи. Однако, вот странно — он тут не более нескольких суток, а сила уже вернулась и дремала в крови, как ни в чем не бывало. Мало того, она стала настолько всеобъемлющей, что казалась бескрайним океаном. И океан этот мерно шумел, готовый в любой миг по желанию хозяина обернуться штормом. Как такое возможно?

Мужчина прислушался к себе. Проклятый дар не бередил душу, не поднимал в ней волны злости и ненависти, не рвался прочь, в попытке уничтожить все живое. Не было бури, неистовой жажды разрушения и гнева, прежде постоянно тлеющих внутри. Дар, будто спал, дожидаясь своего часа — послушный, укрощенный.

Сила изменилась. Но почему — Грехобор не понимал, однако всякий раз, раздумывая об этом, успокаивался и незаметно для себя засыпал. словно бы дремлющая в теле магия берегла человека, не давая терзаться, переживать, метаться и гадать о судьбе.

В очередной раз проснувшись, Йен сел, впервые за долгие прожитые годы, чувствовал себя отдохнувшим, уверенным и спокойным. Это было так непривычно, так... дико, что он замер, боясь, спугнуть внутреннее умиротворение неосторожным движением или неосторожными мыслями. Нет. Рассудок оставался ясным, а дар послушным.

Грехобор огляделся. Темница, в которую его заточили, была тесной, холодной, с низким потолком, топчаном для узника и деревянной, грубо сколоченной дверью. С потолка свисали капли света — бледного, золотистого, рождающего рассеянные тени. Камни, из которых были сложены стены, пронизывали мерцающие янтарные прожилки.

Жилище. Пристанище колдунов — людей, которые забыли о том, каково это — быть человеком. Колдуну никто не нужен. Он ни к кому не привыкает. Его ведет и толкает на зло Проклятый дар. Но даже самой недоброй и вероломной твари нужно место, где можно спрятаться...

Йен снова лег на скрипучий топчан и закрыл глаза. Тем, кто притащили его сюда, не нужно знать, что маг очнулся и полон сил. Уж точно они не обрадуются, увидев его на ногах. А зачем

ему расстраивать хозяев раньше времени?

Ожидание тянулось недолго. Через пару часов дверь заскрипела, и в темницу кто-то вошел. Колдуны. Двое. И на каждом столько смертей, что затхлый воздух подземелья вмиг напитался удушливым смрадом.

— Не трогай его! — прикрикнул на сообщника один из вошедших. — Забыл? Он — Грехобор. Прикоснешься — умрешь.

Второй выругался.

— И как тащить эту дохлятину?

— Даром, тупица.

— Так ведь дэйны... — и тут же говоривший осекся и хмыкнул: — Все никак не привыкну, что их не осталось.

— Идем, — сказал первый колдун.

Маг мысленно улыбнулся, когда ощутил их силу. Слабы. Против него не выстоят. Но он не собирался их убивать. Во всяком случае, сейчас. Сперва нужно засвидетельствовать почтение старой знакомой и узнать, наконец, зачем Анара, всю жизнь не любившая колдунов, заварила эту кашу.

В следующий миг вокруг тела пленника обвилась гибкая петля, Йена дернуло, чувствительно приложив спиной о каменный пол. Узник застонал, но глаз не открыл.

Его волокли длинными извилистыми коридорами, не заботясь о том, чтобы хоть как-то поберечь. Маг собрал затылком, локтями и спиной все пороги, ступеньки и выпирающие из пола камни. К тому моменту, когда его притащили пред светлые очи повелительницы, мужчине казалось, что он состоит из одних только синяков, шишек и ссадин.

— Ну, здравствуй... — глубокий голос, раздавшийся сверху, почти заставил Йена очнуться. Он попробовал подняться на руках и оторвать гудящую от ударов голову от пола.

Со стороны, должно быть, походил на горького пьяницу, который безуспешно пытается совладать с собственным телом. Ладони поехали в разные стороны, и пленник опять вытянулся на камнях.

— Бедный... совсем плохо, да? — в мягком голосе не было и нотки сочувствия. — Ну, ничего, ничего. Я помогу прийти в себя. Немного...

Чужая сила, стихийная, жесткая, попыталась наполнить его, хлынула в душу. Собственный дар поднялся в груди, прерывая бесцеремонное вторжение.

— Не нужно... — голос сипел, а ноги подгибались, когда Йен, покачиваясь, встал. — Ты же знаешь, что со мной в таком случае произойдет, Ана...

Он застыл, глядя на незнакомку, стоящую напротив. Незнакомку, которая не была Анарой.

— Кто ты?

Легкое удивление промелькнуло на красивом лице.

— Я — Анара, — напомнила ему женщина.

— Анара — глубокая старуха. Магесса, сила которой заключалась лишь в том, что она могла перенимать дар других магов и передавать его земле, не позволяя появляться новым колдунам. Анара никогда бы не стала создавать *этих*, — Йен кивнул в сторону колдунов, которые приволокли его сюда. — Ты не она. Я вижу тебя. Не то, что ты *показываешь* остальным, а *тебя*. Кто ты, магесса?

— Все мои деяния, как на ладони, не так ли? — женщина улыбнулась. — Как жаль, что я не знала о твоём знакомстве со старухой. Тогда бы все сложилось немного иначе.

— Анара, что он говорит? — один из колдунов шагнул вперед, и магесса досадливо поморщилась, после чего быстро переплела пальцы, и тут же развела ладони в стороны.

— Ничего. Он просто ошибся.

Колдун, подчиненный силе, послушно отступил назад. Йен усмехнулся, глядя на ту, что называла себя Анарой.

— Они без твоего разрешения хотя бы дышат?

— Нет, — она улыбнулась. — И поверь, их это устраивает.

Йен промолчал. Женщина тоже безмолвствовала, оглядывая его со странной улыбкой, значения которой маг не понимал.

— Я видела твою жену. Она милая. Пугливая, но милая.

Грехобор подался вперед, забывая о том, что не должен показывать свою силу.

— Где она?!

— Не волнуйся. Она жива, здорова и находится... дома.

— В «Кабаньем Пятаке»?

— Не-е-ет. Дома. В своем мире.

Однако торжествующая улыбка на красивом лице поблекла, когда в комнату ввалились трое колдунов, таща кого-то четвертого, яростно вырывающегося.

— Анара! — один из мужчин почтительно поклонился. — Мы поймали...

— Пустите меня, червяки! — взбешенная особа, бьющаяся в руках колдунов, не имела ничего общего с той девушкой, что когда-то прикасалась к Йену.

А в глазах, прежде лучившихся весельем и лаской, сейчас тлели гнев и злоба, подогретые Проклятой силой.

Глухая боль затопила сердце мага. Столь удушающая и мучительная, что Грехобор покачнулся. Его жена, его любимая — та, ради которой он был готов умереть — стала колдуньей. И не просто колдуньей...

— Она убила Кветта! — выкрикнул один из колдунов, пытаясь удержать рвущуюся прочь

девушку. — И мы не знаем...

Тут его речь перешла в вой, потому что Василиса высвободила руку и вцепилась парню в лицо. С большим трудом ее оторвали и попытались скрутить. Однако Багоева стряпуха не желала сдаваться, она рвалась, кусалась и царапалась. Наконец, один из Анариных приспешников не выдержал и отвесил пленнице увесистую затрещину, надеясь тем самым усмирить пленницу.

Не тут?то было! Девушка увернулась, а удар пришелся в ухо держащему ее колдуну. Жена Грехобора ликующе взвизгнула и уже почти вывернулась, чтобы сбежать от схвативших ее, но... замерла, устремив настороженный и угрюмый взгляд на мужа. В ее глазах светилась мрачная враждебность, но не было самого главного — узнавания. Конечно. Родилась новая колдунья и Проклятый дар поглотил все то, что когда?то делало Василису человеком.

— Как же ты вернулась? — задумчиво спросила Анара, оглядывая пленницу. — Я ведь подтолкнула тебя магией. О-о-очень сильной.

— Ты кто такая — меня толкать? — буркнула девушка, на всякий случай складывая руки в замок.

Магесса ухмыльнулась.

— Я — друг.

— Нет у меня друзей.

— Теперь есть. И, поверь, я — хороший друг.

— Это еще почему?

— Потому что я сильная, — женщина сделала шаг вперед, но Васька отступила, подойдя на шаг ближе к Грехобору.

Йен сжал зубы, наблюдая за попытками той, что называла себя Анарой, подчинить себе его жену. Хотя... какая она ему теперь жена. Эта колдунья и не вспомнит, что у нее был муж. А если кто?то ей об этом и расскажет — в душе не шевельнется ни тоски, ни сожалений. Разве будет ей дело до их первой ночи и той грозы, которую они разделили на двоих, стоя под потоками ливня?

— Я тоже неслабая, — тем временем ответила Лиска, исподлобья глядя на магессу. — И мне не нужны друзья.

— Хм... это резон, — согласилась Анара. — Но, позволь напомнить о том, что на первое убийство ты по неопытности растратила слишком много сил, а прибывают они о-о-очень медленно. Но я могу помочь. Научить тебя.

— А что взамен? — девушка сделала еще один короткий шагок в сторону. — Служить тебе, как эти дуболомы? Ищи дуру.

— Что я — Маркус, чтобы мне служить? — деланно удивилась собеседница. — Я не так тщеславна. В качестве благодарности будет достаточно и пары «добрых» дел. Очень увлекательных.

— Как убийство? — глаза девушки вспыхнули предвкушением.

— Да.

Василиса, долю мгновения поколебалась и кивнула.

Грехобор смотрел на кудрявый затылок жены, на ее мягкие плечи, слушал голос, прежде насмешливый и задорный, а теперь такой ехидный, и боролся с желанием убить ту, которая вот-вот обернет против него свой дар.

— Как она вернулась? — повернулась к потирающим ушибы, покусы и царапины колдунам Анара. — Как стала колдуньей? И как теперь быть с Шахналом?!

Зария делает выбор

Мать Дев сказала Зарии, что обряд служения Великой богине состоится через седмицу, а до тех пор девушке было предложено познакомиться с жизнью обители, нравами и бытом лантей.

Новобретенной послушнице пообещали не чинить запретов, ничего не утаивать и отвечать на все вопросы, которые у нее будут возникать. Столь резкая перемена отношения к собственной персоне поначалу даже испугала чернушку, которая привыкла злобу и презрение встречать чаще, чем доброту и дружелюбие.

В обители жизнь текла однообразно, размеренно и монотонно. Но в этой монотонности были покой и умиротворение. Тут никто никуда не спешил, говорили вполголоса, работали без суеты и носили себя с достоинством.

Зария на первых порах старалась шмыгать вдоль стен, пряча глаза и сжимаясь всякий раз при появлении кого-нибудь из сестер Обители. Но женщины неизменно оставались приветливы и ласковы. Они улыбались и вели себя с новой послушницей, как с равной.

Это было непривычно, дико, но... приятно. Постепенно решимость покинуть обитель сразу же после обряда таяла, словно льдинка на солнце. Неправ был дед Сукрам, ох, неправ. Не плохие лантеи. И обитель их вовсе не мрачное место. Что если старик так воспринял все оттого, что был мужчиной? Ведь и мужу Зарии здесь не понравилось. Может, черствые мужские сердца не разглядели добра и света в Доме богини? Может, права Мать — и мужчины глупы, глухи и слепы?

Так размышляла девушка, не замечая, что все реже вздрагивает при встрече с кем-нибудь из сестер, что больше уже не смотрит под ноги и не жметя по стенам, пытаясь слиться с камнем.

На второй день Зария попросила старшую из женщин доверить ей какую-нибудь грязную работу на кухне. Но вместо тяжелой поденщины наследнице лантей предложили помогать кухарке.

Первый день среди котлов и сковородок девушка провела в упоенном отрешении. Запахи готовящейся еды, бульканье похлебки — все это упорядочивало мысли и поселяло в душе мир и покой. Однако... на следующий день Зария вдруг поняла, что на кухне ей явно чего-то не хватает. Точнее кого-то... Не доносилось от жерла печи чихание и сварливо-веселое: «Да провались оно все! Ну, как, как вы это делаете?!» — этот вопль отчаяния сопровождал каждую Василисину попытку развести огонь. Упорно ей не давалась такая сложная наука.

Без Василисиных гневных восклицаний, острых замечаний и шуточек кухня казалась какой-то пустой. А еще сюда не заглядывал по утрам Багой — насупленный, подозрительный с неизменно двигающейся челюстью и словами: «Вы тут это... смотрите не это... а то...»

Весело кипела вода в горшках, шипело масло на раскаленной сковороде, пахло горячим хлебом, но среди всего этого не хватало чего-то столь важного для Зарии, что она и удивлялась, не понимая себя. Воистину, женщина никогда не бывает довольна!

Чернушка делала привычную работу, но постепенно начинала воспринимать ее как рутину. Один день был похож на другой — монотонный, однообразный, молчаливый. То, что в первый раз доставляло радость и приносило умиротворение, теперь давило и выматывало душу. Молчание. Тишина. Стук ножа по разделочной доске. Все это будет повторяться изо дня в день. Долгие-долгие годы... Если она останется здесь, то состарится, готовя похлебки в молчании и одиночестве. Одиночестве? Нет. Тут много ее сестер, они приветливы, хотя и немногословны, они не обижают ее, не стремятся унижить.

«И им все равно — жива ты или нет, — шепнул тихонько голос рассудка. — Если ты умрешь, они все с этими же улыбками на лицах отнесут тебя в усыпальницу. И никто не прольет ни слезинки. Никто не вспомнит и даже не заметит. Потому что, хотя их здесь и много, но все одиноки».

Эта гнетущая мысль никак не хотела покидать наследницу лантей, крутилась и крутилась в голове, завладев сознанием.

Зария пыталась пару раз заговорить с кухаркой или с сестрами, которых присылали на кухню в помощницы, но те отвечали короткими рублеными фразами, а то и вовсе старались отделаться кивком или покачиванием головы. Поэтому чернушке приходилось умолкать, понимая, что ее болтовня лишь мешает послушникам.

Каждый вечер, возвращаясь в свою келью, девушка прилежно молилась богине, а потом ложилась спать, пытаясь отогнать ставшие такими яркими воспоминания прошлой жизни. Поэтому Зария попеременно то давала себе слово, что останется в обители, то вдруг начинала убеждать саму себя, что нужно вернуться обратно, то с трепетом вспоминала Глена, то, напротив, пыталась выбросить его из головы.

В ночь перед обрядом девушка, наконец, решилась. Ей тяжело далось это решение, очень тяжело... Она ведь сама прогнала колдуна. И он ушел. Но ведь обещал быть рядом! Поэтому, отчаянно зажмурившись и стиснув кулаки, чтобы не растерять остатки решимости, наследница лантей встала посреди каморки и тихо сказала:

— Глен. Глен, ты тут?

Тишина.

— Глен, ты говорил, что вернешься, что не бросишь меня. Пожалуйста...

Она так и не смогла произнести вслух то, о чем его просит. Смелости не хватило, потому что Зария вдруг представила, что будет, когда она договорит, а он не появится. Или наоборот, появится, рассмеется ей в лицо и скажет, что все было обманом. Поэтому она стояла, сжав маленькие кулаки, и беззвучно плакала. Он же слышал ее? Ведь он же мог уже появиться? Почему он... да что она творит? На что надеется?

Сухие рыдания разрывали горло. Больную ногу прострелило болью, и чернушка упала на кровать. Зарывшись лицом в грубую простынь, она тихо плакала, сотрясаясь всем телом. Ей было так больно, так страшно, как никогда в жизни.

— Ты мне нуже-е-ен... — проревела наследница лантей, сжимаясь от страха и муки. — Ты мне

нужен, Глее-е-ен!

И она расплакалась пуще прежнего, понимая, что он не придет. Никогда больше.

Теплая ладонь коснулась гладких черных волос, скользнула по распутившейся косе.

— Я здесь. Не плачь.

Глен смотрел на нее с мукой. Маленькая, бледная, с изможденным, мокрым от слез лицом, с паутиной тонких голубых вен на сжатых кулаках. Как ему хотелось обнять ее, утешить, согреть это худое нескладное тело. Увы. То было не в его власти.

Девушка резко перевернулась на спину и села на кровати. Глаза, полные слез, блестели радостью, смешанной с недоверием.

— Пришел!

— Да.

И он грустно улыбнулся, когда Зария протянула к нему руку.

Тонкая ладонь прошла сквозь призрака.

— Прости, я не могу тебя обнять, — сказал мужчина и снова коснулся невесомыми пальцами ее волос.

Она не чувствовала прикосновений, но кожей ощутила дуновение теплого ветерка.

— Не плачь, глупая. Не из-за чего.

— Я... тебя... прогнала, — сказала она, виновато опуская глаза.

— Так заслужил, — собеседник усмехнулся.

— Заслужил, — кивнула Зария. — Но я даже не выслушала тебя. Это неправильно! Просто я...

— Боялась?

— Да.

— А сейчас?

— Еще сильнее боюсь, — она бросила на него полный раскаяния взгляд из-под челки. — Я не знаю, что делать. И боюсь совершить ошибку. Боюсь совершить поступок, о котором стану жалеть всю жизнь. Как мне быть?

— Провести обряд, — Глен провел прозрачными пальцами по тонкой белой шее. — А потом возвратиться к Багою. И ждать меня.

— То есть ты сейчас уйдешь?

— Да.

— А потом? — шепотом, боясь спугнуть прикосновение, спросила девушка.

— Потом... — Глен широко улыбнулся. — Потом я вернусь. И буду вымаливать прощение. Долго. Очень долго. Запрусь с тобой в комнате и буду вымаливать. А ты... будешь прощать.

Она закусила губу, заливаясь густым румянцем, и закрыла глаза.

— А если не прощу? — едва слышно спросила девушка, задыхаясь от смущения перед двусмысленностью вопроса.

Глен тихо рассмеялся:

— Зария, я буду так умолять, что ты не сможешь отказать. Когда надо я могу быть очень... — он мягко наклонился к ней, — очень, очень убедительным.

От этого вкрадчивого голоса, полного тайного обещания, по телу Зари пронеслась горячая волна, ноги задрожали и вдруг стало нечем дышать. Наследница лантей уткнулась носом в одеяло, задыхаясь от смеха, стыда и жгучего удовольствия — она нравилась ему! Своим неразбуженным женским чутьем она понимала, что он не лжет. Он и правда хочет... просить у нее прощения.

Девушка снова почувствовала, как тело накрывает обжигающая волна, рассылающая в кровь радость, от которой заходило сердце.

— Ты ведь уже простила, верно? — продолжал шептать колдун, и Зарии казалось, будто она пылающим ухом ощущает его дыхание.

— Скажи, простила? — легкие касания теплого ветра скользнули по коже, забираясь под сорочку.

Наследница лантей вдруг вспомнила, что на ней ничего и нет кроме этой просторной рубахи! Она ведь готовилась ко сну, а вместо этого позвала...

Теплый ветер щекотал кожу.

— Ну же, ответь... ты простила меня? — продолжал допытываться вкрадчивый неразличимый уже в сгустившемся полумраке собеседник. — Простила?

И ветерок, ползущий по судорожно вздымающейся груди, стал прохладным, лизнул разгоряченную кожу, опустил по животу вниз.

— Ответь мне, За-а-а-ария-а-а...

От этого шепота, от бесплотного касания призрака, от его близости и невозможности к нему прикоснуться, от желания и сладкого томления Зарию сковало судорогой предвкушения. Голос мужчины был полон соблазна и обещания, наследница лантей плыла по волнам хмельной радости, впервые чувствуя себя любимой и желанной.

Теплый ветер, похожий на касание нежных губ продолжал скользить по коже.

— Зария, ты прощаешь меня? Скажи, прощаешь?

Она застонала от острого сожаления, что ветер, ласкающий ее тело, остается всего лишь ветром.

— Чш-ш-ш... не так громко... — снова коснулось виска теплое дыхание. — Не так громко, я ведь

только начал просить.

В его голосе звучал смех, и девушка затихла, пряча пылающее лицо в ладонях. А в груди тлела тихая радость.

Ласковый ветер скользнул по полуоткрытым пересохшим губам.

— Красавица моя... Так ты простила или нет?

И, удивляясь самой себе, Зария четко и твердо произнесла в темноту:

— Нет. Но я могу разрешить тебе еще пару попыток.

Он снова засмеялся, и по коже девушки пронеслась новая волна мурашек.

— Я буду стараться. Только обещай, — голос колдуна стал серьезным. — Обещай, что больше не прогонишь.

— Обещай, что больше не бросишь, — сказала она темноте.

— Я уже обещал.

Успокоенная этими словами, она уткнулась носом в тощую подушку и заснула быстрее, чем Глен успел сосчитать до пяти.

Дух печально смотрел на свою избранницу. Интересно, знает она о том, чего стоили ему эти легкие касания, согласилась бы на эту чувственную игру снова? Отчего?то он был уверен, что нет.

Призрак не способен испытывать боль. Он бестелесен. Но если пытается чего?то коснуться, пытается обрести плотность — это причиняет боль. Мучительную и острую, которая, тем не менее, отступает сразу же, стоит прекратить попытки.

Искушение. Испытание оставаться неживым, неосязаемым.

Но он предпочел терпеть, лишь бы увидеть улыбку на губах Зарии, смесь восторга и желания в ее взгляде и жаркий румянец на щеках.

Как не хотелось ему уходить! Но, увы. Он не мог остаться. Но одно Глен знал точно — больше ничто в мире не сможет удержать его от того, чтобы вернуться.

...Утро показалось Зари полным солнца и света. Никогда прежде она не просыпалась такой счастливой. И ведь ничего не изменилось. Те же стены, та же крохотная келья, тот же алтарь в углу. Но все стало другим.

Девушка открыла глаза, точно зная, кого увидит. Глен сидел в изножье ее кровати.

— Доброе утро, — Зария покраснела, вспомнив то, что говорила и что испытала во вчерашнем ночном полумраке. Как ей хотелось спрятать пылающее лицо под одеялом! А еще лучше на груди сидящего напротив мужчины. Нет. Не получится. Ей выпало полюбить духа.

— Я пришел ненадолго, попрощаться, — мужчина улыбнулся, заметив смущение Зари, наклонился к ней и прошептал в самое ухо: — А еще посмотреть на то, что плохо разглядел в темноте.

Она стала красной, как брусничка. Он рассмеялся, но тут же посерьезнел.

— У меня просьба. — Глен глубоко вздохнул. — И это важно.

Дэйн встречает бога

Волоран спешил. Фадир потряс гривой и переступил в высокой траве, обрадованный короткой передышке после долгого полета. Дэйн же смотрел на мужчину, который ожидал его в тени серой изрезанной трещинами скалы. Мужчина не был ни высок, ни плечист. Темные глаза, темные волосы, смуглая кожа, черная борода и одежда, лишенная изящества — простая рубаха и штаны, высокие сапоги. Словом, ничего особенного. Так вот как выглядит бог...

Незнакомец невозмутимо подпирал плечом могучую каменную громаду, жевал травинку и ждал, пока дэйн подойдет ближе.

Они стояли друг напротив друга, молчаливые, спокойные, такие разные, но притом очень похожие — холодом взглядов, лицами, хранящими одинаково суровое выражение, непоколебимой уверенностью в самих себе.

Только один молчал, потому что не считал нужным заговаривать первым, а второй просто не знал — о чем говорить. И, правда, что сказать богу? Упасть в ноги и молить о милости? Гневно воззвать, потребовав ответа за все происходящие в мире беззакония? Поздороваться? А через миг дар дэйна настороженно встрепенулся, почувствовав Силу. Правда, тут же утихомирился, ощутив, что эта Сила не несет в себе зла. Маркус не опасен.

Все эти мысли промелькнули и исчезли. Палач не знал, с какой целью бог, которому он служил, снизошел вдруг до своего скромного слуги. Спрашивать — глупо. Посчитает нужным — сам скажет, а не скажет, так у дэйна других забот по самую маковку.

— Нет. — Спокойный голос Маркуса остановил Волорана, когда тот сделал шаг к узкой расселине — входу в Жилище.

— Нет?

— Ты нужен мне в Капитэорноласе. Такова моя воля, — добавил он, видя, что дэйн хочет возразить.

Палач магов застыл. Воля Бога не подвергалась сомнениям или обсуждению. Она исполнялась. Всякий, кто этого не понимал — умирал. Поэтому в любое другое время дэйн подчинился бы без вопросов и возражений, но сегодня...

— У них Грехобор.

Мужчина, стоящий возле скалы, кивнул:

— И его жена, — напомнил дэйн. — Я должен их бросить?

— Да.

— Почему?

Брови бога поползли вверх. Его слуга, не противоречил, не отказывался от возложенного на него повеления. Но он пытался понять причину отданного приказа.

Однако Маркус не собирался ничего объяснять.

— Такова моя воля, — сказал он и уточнил: — Ты отказываешься?

— Нет, — Волоран склонил голову, словно бы в знак покорности.

— Вот только бросать их тут ты не собираешься, — закончил за него бог, которого невозможно было обмануть фальшивым смирением. — Жаждешь смерти? Учти, если войдешь туда сейчас — погибнешь.

— От чьей руки? — рискнул уточнить дэйн.

Его собеседник усмехнулся. Давно он не встречал такого упрямства. Даже как?то отвык. И вроде бы не сопротивляется, но — сразу ясно! — без объяснений с места не сдвинешь.

Конечно, можно без затей принудить и пойдет, как шелковый, куда прикажут, однако...

— Это будет посягательством на волю бога. Отступничеством.

— И последний дэйн Аринтмы умрет, — закончил за него Волоран с грустью. — Останется только Перевозчик.

С грустью? О нет... Конечно, он очень старательно пытался изобразить огорчение, но получилось плохо. С непривычки?то. Маркус прищурился... и рассмеялся. А потом, по непонятной себе самому прихоти, все же объяснил:

— Если войдешь, они заставят твоего брата убить тебя.

— Не заставят.

— Почему? Его могут принудить, например, угрожая что?нибудь сотворить с женой.

— Нет. — Дэйн пожал плечами. — Йен не вернется к прежнему. Уже нет.

— Что ж, — бог задумался. — Ты мне нужен не здесь. Потому что, войдя сюда, тебе придется делать выбор: брат или Василиса. А меня это не устраивает, как и все то, что сейчас происходит. Поэтому лети в Капитэорнолас.

— Маркус...

— Такова. Моя. Воля. — Отчеканил в ответ небожитель, более не собираясь являть мягкость.

Сейчас на дэйна из?под личины ничем не примечательного человека смотрел грозный воин, который легко мог уничтожить не только Волорана, но и любого, кто попадет на пути. Бог, кому нельзя не подчиниться. Тот, кому Волоран когда?то поклялся служить. Поэтому дэйн кивнул и свистнул, призывая фадира. Крылатый скакун оживился, поняв, что отдых закончен.

Палач магов не оглядывался, не пытался выпросить, что будет с Йеном. Он подчинился, потому что понимал — то, что для него лишено смысла, на самом деле происходит не просто так. Объяснение есть. Просто ему, как обычному смертному не дано понять божественного провидения. Пока.

Вот только разум, привыкший осмысливать происходящее, не смирялся. И все время полета дэйн, стискивая в руках повод фадира, пытался разобраться. Почему? Что бы случилось,

ослушайся он и войди в Жилище? Выбирать между Василисой и Йеном? Почему? Что...

К моменту, когда крылатый конь спустился к подножию святилища Мораки, Волоран все понял. От острого прилива гнева впервые за многие-многие годы захотелось выплеснуть злость, не погасить ее усилием воли, а дать выход: что-то разрушить, свернуть шею колдуну, или, что желаннее, вездесущей Анаре, которая исковеркала судьбы стольких людей и магов.

— Глен! — он призвал колдуна, а сам думал, как бы сдержаться и не развеять это бесплотное ничтожество во веки веков.

Колдун, словно почувствовал истончившееся терпение Палача и мгновенно возник рядом, но тут же отпрянул, читая в глазах дэйна стылую ненависть.

— Что с тобой...

— Рассказывай.

Он не мог даже говорить с ним спокойно, хотя понимал, что сам Глен, в общем-то, ни в чем не виноват. Но рассудок отступал под натиском эмоций. Волоран пытался собрать свое хладнокровие по кусочкам, пытался вернуть спокойствие и равнодушие, которые сопровождали его всю его жизнь...

Не получалось!

— Лантеи убедили Зарию принять участие в обряде. Я сделал, как ты сказал — она поступит правильно.

— Ты веришь своему сообщнику?

— Да. Он не предаст.

— Он уже предал, — процедил дэйн.

— Нет, — Глен отступил на шаг, чувствуя волны стихийной силы, расплзающиеся от Палача во все стороны. — Он никогда не был с Анарой. И я могу за него поручиться.

— Чего стоит ручательство колдуна?

— Я хоть раз вас подвел?

— Конечно, нет. Тебе ведь нужно тело, — Волоран скользнул ближе к призраку. — А иначе стал бы ты нам помогать. Но если мы изменим условия, а, колдун?

— Ты чего свирепствуешь? — искренне не понял Глен.

— Что если я скажу, что ты не получишь назад свое тело? Ничего не получишь.

— Дэйн...

— Я не стану тебя спасать. Не дам своей крови. Не верну к жизни.

— Но Грехобор...

— Тоже не пойдет, — дэйн сделал еще один скользящий шаг к собеседнику. — А знаешь,

почему?

Тот отрицательно покачал головой.

— Его жену сделали колдуньей.

Волоран судорожно вздохнул и этот вздох напугал Глена, потому что больше походил на сдавленный рык.

— Они перечеркнули для моего брата единственную возможность...

— Дэйн...

— Благодаря таким, как ты, он не то, что счастлив не будет, он уже и человеком не станет. Вы — не просто зло. Вы — смердящая мертвечина и всему, к чему прикасаетесь, несете смерть души. Так зачем мне помогать тебе? Куда правильнее тебя убить. Тебя и остальных. И, поверь, я так и поступлю.

— И с Василисой тоже? — глухо спросил Глен.

Он был призраком. Духом. Он уже знал, что такое смерть. И уж чем-чем, а ею его было не испугать. Но Зария. Василиса. Они были так похожи и в тоже время разные. Кроме того, колдун не мог не понимать, что без Василисы не было бы у него возлюбленной. Именно стряпухины задор, беспечная веселость, вера в лучшее и жажда справедливости не дали Зарии сгинуть, не позволили ей переступить черту отчаяния. Наследница лантей была жива только благодаря своей подруге — хохотушке и веселушке.

Поэтому сейчас мысль о превращении Лиски в колдунью вызывала у мужчины оторопь. Однако удивление дается духу легче, чем человеку. Он не испытывает головокружения, у него не заплетаются ноги. Он способен думать, не смотря ни на что.

— Василиса мертва, — отчеканил дэйн. — Проклятый дар убил ее.

— Да, ты прав, — Глен кивнул. — Ты прав. Во всем прав. Грехобор навсегда станет чудовищем. Василиса ведьмой. Меня лучше и вправду убить. А Зария пусть остается в обители. Именно так все и должно быть. Если перестать бороться. Вот только знаешь, чем колдуны отличаются от магов? Мы хотим жить. Страстно, яростно не хотим подыхать. И там, где маг смиренно выполняет волю богов, там, где дэйн терпеливо несет свое служение, мы боремся, противостоям и иногда выживаем. Поэтому я не верю, что ничего нельзя изменить и исправить. Поэтому нацепи на рожу былое высокомерие и делай то, что задумано. Напрягись хоть ради брата, раз на всех остальных тебе плевать.

Плечи дэйна напряглись. Он с минуту буравил призрака взглядом, полным лютой ненависти, а потом вдруг сделал глубокий вдох, прикрыл глаза и глухо сказал:

— Исчезни.

А когда колдун послушался, последний Палач Аринтмы повернулся ко входу в Капитэорнолас.

Зария надевает голубое

«Не выдай себя. Только не выдай себя!» — эта, вроде бы, простая задача казалась Зарии невыполнимой! Нет, когда Глен ее об этом попросил, девушка даже фыркнула от смеха. Она?то

думала, что он с таким торжественно-таинственным видом попросит ее покинуть обитель или пойти с ним в Храм. А оказалось, нужно всего лишь не показать щекочущую радость, что поселилась у наследницы лантей в душе.

— Не выдай себя, Зария. Это очень важно...

— Скажи еще раз, — вдруг попросила она.

— Это очень важно.

— Нет, не это.

— А что же? — и тут он понял, наклонился к ее покрасневшему уху и шепнул: — Зария-а-а-а...

От запястий к плечам тут же побежала волна колючих мурашек и девушка замерла, пытаясь усмирить бешено колотящееся сердце.

Глен смотрел на нее с такой любовью, что сжималось сердце. В его взгляде были одновременно восхищение, желание и почти осязаемая теплота.

— Не выдам, — тихо пообещала Зария.

А потом оказалось, что не так?то это просто — вести себя, как ни в чем не бывало. Наутро девушка едва успела одеться, как в ее келью постучалась одна из сестер. Наследница лантей была уверена — никому, как и всем предыдущие дни, не будет никакого дела до того, что у нее на душе.

О-о-о, как она ошибалась. Казалось, каждая из сестер считала своим долгом осведомиться о ее настроении, самочувствии и ночном отдыхе. Приходилось прятать глаза, низко-низко опуская голову и занавешиваясь от мира челкой, и говорить едва слышно и скорбно, что все хорошо.

А еще Зарии казалось, будто ее счастье было таким явным, что его замечала каждая из послушниц, потому что нельзя же быть девам богини любви такими слепыми! Оказалось, можно. Ведь тихое шептание девушки, ее напускную робость и напряжение не заметил никто. Сестры забрасывали Зарию однообразными вопросами: «Как тебе спалось?», «Не устала ли ты?», «Не хочешь ли присесть?»

К полудню этот безостановочный допрос так надоел наследнице лантей, что она предпочла *затаиться*. Ушла глубоко-глубоко в себя и отвечала однообразно, односложно, монотонно. На удивление это успокоило послушниц, и они потихоньку отстали.

За час до вечерней службы Зарию пригласили к Матери. Та в свою очередь подвергла девушку очередному допросу и, лишь убедившись, что бедняжка едва шепчет, успокоилась. Белая женщина долго рассматривала наследницу лантей, о чем?то раздумывая. Результатами своих раздумий она осталась, по всей вероятности, довольна, потому что поднялась со скамьи и удовлетворенно сказала:

— Ты готова.

— Мы пойдем в храм Талис, матушка? — тихо спросила девушка.

— Не совсем, — настоятельница покачала головой. — В один из самых древних храмов, когда

богини были едины. В нем сила нашей молитвы умножится. Закрой глаза, дитя...

...Она очнулась на холодном каменном полу. Солнечный свет косыми лучами падал откуда?то сверху, но, когда Зария вскинула глаза к потолку, то обмерла — высоко-высоко над ее головой раскинулся почерневший от времени и наполовину обрушившийся свод. Кое-где из камней проросли тонкие деревца, от огромного витража, некогда роскошного, осталась лишь железная основа, накренившаяся и искривленная. Прежде это было сердце, теперь же оно походило на смятый блин с неровными краями.

И это — Храм? Эти обрушившиеся стены, эти ворота, на которых одна створка сорвана и лежит, присыпанная пылью и обломками камней, а другая провисла на петлях и опасно накренилась... Это — священное место?

Среди огромного зала, где раньше возносились молитвы, оказалась расчищенной от обломков и мусора небольшая площадка — та самая, где очнулась наследница лантей.

Дом богини был пуст, неприютен, заброшен и вызывал не благоговейный восторг, а жалость и тоску — неизменные при созерцании былого величия.

— Расположите образы вокруг, — коротко приказала Матьер послушницам. — Здесь раньше был алтарь.

Сестры поспешили выполнять приказание. Из шелкового мешочка извлекли благоговейно шесть каменных фигурок, каждая из которых изображала Богиню в разных ее обликах: девочки, девушки, женщины, матери, влюбленной, молящейся, разгневанной.

— Матушка.... — слабо позвала Зария. — У меня голова кружится.

— Очнулась? Хорошо, — бросив мимолетный взгляд на несчастную, женщина отвернулась. Видимо, состояние и самочувствие наследницы лантей больше не беспокоило жрицу. — Сиди здесь.

— Где мы?

— В Храме. Простым женщинам вход сюда закрыт. Если бы ты не была наследницей лантей... — Белая женщина замолчала, и осторожно положила на высокий обломок каменной глыбы книгу в медной чеканной обложке.

Зария встала на ноги, отряхнула подол и испуганно оглядела мрачные руины. Когда?то давно тут было красиво, а сейчас попросту страшно. Словно это не обитель богини любви, а чертог бога войны. Смутное подозрение кольнуло сердце и отступило, стоило Зарии сосредоточиться на словах Матери.

— Вы стоите возле образов и не двигаетесь, что бы ни произошло. Зария останется в кругу, от нее зависит исход сегодняшнего обряда и... дитя, самое важное! Когда я скажу: «Призываем тебя!» — ты должна три раза произнести имя Талис и *затаиться*.

— Затаиться?

— Богиня придет к нам через тебя, через твоё тело. Ты её дитя, её плоть и кровь, её сосуд и воплощение в мире живых. Талис не сможет обрести телесную оболочку без помощи наследницы лантей. Мы выскажем ей свою просьбу, и после этого она уйдет, отпустив тебя. Но до тех пор твоё тело должно быть свободным от души. Ты это понимаешь?

— Я...

— Ты понимаешь?

— Да, — Зария сглотнула, почувствовав, как задрожали колени.

Она совершила ошибку, придя сюда. Не нужно было соглашаться... но испуганная жертва осознавала, что уже поздно говорить «нет». Никто не услышит ее возражений. А значит, придется делать, что говорят и надеяться на благополучный исход.

— Чем больше ты будешь вспоминать о своих неудачах в любви, об обидах и разочарованиях, тем быстрее услышит тебя Богиня. Справишься?

Она ошарашенно кивнула и опустилась обратно на каменный пол. Ноги не держали. Холод забирался под одежду, и тело бил озноб.

— Ш-ш-ш, — теплый ветер коснулся затылка. — Не бойся.

Зария оглянулась, но никого не увидела и лишь тихонько всхлипнула. Жрица довольно кивнула, видя старания девушки быть несчастной, и отвернулась к книге.

Наследница лантей несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Началось служение. Зария не поднимала голову, не пыталась проникнуться атмосферой благоговения и молитвенного экстаза. Голос Матери лился теплой рекой, завораживал, убаюкивал... Клонило в сон, а в душе ничто не отзывалось на проникновенные слова обряда.

Послушницы пели славу богине трогательно и упоенно, а у Зарии от их протяжных завываний болела голова, а челюсти сводило от зевоты. Сердце же молчало. Молитва лилась за молитвой и вот, наконец, голоса сестер перекрыл могучий грудной возглас жрицы:

— Мы призываем тебя!

Губы не слушались, когда Зария произносила имя Талис. Тело отказывалось отпускать душу. Никогда еще юная лантея не *таилась* с таким трудом. Но вот веки отяжелели, а глаза закрылись... и тут же распахнулись, на мгновение ослепив присутствующих фиолетовым сиянием.

Мать воздела руки, не переставая читать молитву, а послушницы одновременно разбили образы богини, образующие круг. Тело Зарии напряглось. Девушка метнулась к выходу из круга, в одну сторону, в другую, но всюду натыкалась на осколки и отступала обратно. Наконец, она замерла, обернулась к женщине, читающей молитву, и расслабилась. Оглядела себя, хмыкнула, щелкнула пальцами.

Ветхое застиранное платье изменилось на новое, красивого голубого цвета, темные гладкие волосы рассыпались по плечам блестящей волной. Еще одно движение руки и возле богини возникло небольшое кресло с низкой спинкой, в которое Талис опустилась с непринужденной грацией. Она не гневалась. Просто ждала, пока пленившие ее закончат песнопения, привязав свою повелительницу к ловушке. А пока те пели, девушка рассматривала покрытые трещинами руки. Исправить или нет? И это голубое платье... Для Талис оно было слишком невзрачным, слишком простым, неподобающим, но, увы, бессмертный дух слишком тесно привязан к человеческому сосуду, а воображение Зарии рисовало единственный достойный наряд — этот.

— Итак, — стоило жрице прерваться, как Талис подняла на нее взгляд, забыв о руках. — Мои

верные слуги заперли меня в теле моей же наследницы...

— Ты покинула нас! — шагнула вперед Матерь.

— ...причем вызвали меня не абы где, а в Капитэорноласе, месте, где моя власть слаба.

— Мы брошены и забыты! — голос женщины стал громче.

— ...использовав при этом девочку, которая не подозревает, что мое пребывание в человеческом теле сжигает и убивает смертную оболочку.

— Ты оставила нас одинокими, бездетными и несчастными! — Матерь уже кричала.

— ...и устроить это могла только одна особа...

— Ты подчинилась мужчине! Бросила нас!

— ...Морака снова взялась за старое...

— Своих детей!

— ...и я очень надеюсь, что неправа.

— Что ты ответишь нам, Талис?! — разгневанная пренебрежением, обвинительница выступила вперед, почти касаясь полой одеяния одного из осколков.

— Сами виноваты. Абсурд! Вы не мои дети, — Талис спокойно смотрела на пылающую негодованием жрицу. — Я — ваша богиня. Не мать. Я принимаю ваше поклонение, а не учу уму-разуму. Вы всего лишь слуги у моего престола.

— Слуги? Поклонение?! Ты склонилась перед мужчиной, ты...

— Да, да, да, — богиня развела руками. — Женщины должны стоять во главе всего, мужчины бесправные животные. Все это я уже слышала! Не утомляй меня.

— Что?

— Каждая из вас, рано или поздно взывала ко мне. Каждая чего-то просила. Но ни одна не была готова отдавать. Поэтому все у каждой из вас заканчивалось одинаково — поражением.

— Мы...

— Вы — капризные невесты, которые ждут Единственного, идеального во всем, а в итоге остаются в одиночестве. Вы — женщины, которые мечтают получить сильного мужчину, но при этом хотят подчинить его своей воле, а потом жалуются, что он не покоряется или напротив, становится никчемным. И вы не понимаете главного: пока мужчина боготворит женщину — она владеет им. А если я не отвечаю вам, значит, мне НЕТ ДО ВАС ДЕЛА! А теперь немедленно уберите мусор из-под моих ног, пока я не прогневалась!

Жрица застыла. Она открыла рот, пытаясь возразить, но в голове один за другим всплывали заветы богини, свитки с которыми хранились на алтаре в каждой келье. Такие простые слова:

Будь слабой, ибо в этом твоя сила.

Будь терпеливой, ибо в этом твоя хитрость.

Будь любимой, ибо в этом секрет власти.

Теперь заповеди словно обросли новым смыслом, извлекая на свет все ошибки, совершенные последовательницами богини.

А Талис, вернувшись к изучению рук Зарии, все-таки решила не лечить ранки на коже девушки, так щедро и неосторожно отдавшей ей свое тело.

Шуршание одежд. Жрица преклонила колени, моля о прощении. Кровь Матери Дев должна обагрить хотя бы один из осколков, и тогда та, которую называют богиней любви, сможет покинуть это место.

Внезапный порыв ветра пронесся по залу Капитэорноласа, сбивая старую жрицу с ног. Талис повернула голову к выходу из Храма и нахмурилась, услышав:

— Куда это ты собралась, сестренка?

Грехобор принимает муки

— Хочешь, я расскажу тебе кое-что? — приторный голос Мариосы тянулся, словно патока.

Грехобор уже увяз в ее сладких излияниях и теперь всякий раз, когда приспешница Анары к нему обращалась, готов был застонать в голос. Последние несколько часов и впрямь походили на изощренную пытку — мужчине приходилось не столько лицеизреть колдунью, но и, что самое невыносимое, *слушать* ее.

Анара обездвигила узника заклинанием, достаточно сильным, чтобы исключить попытку побега. Магесса с радостью допрашивала бы пленника сама, но ей пришлось уйти, и тогда в дело вступила Мариоса. И вот уже который час терзала слух Йена и его силу воли.

Глупая девчонка сама не понимала, что хочет. Она то грозила смертью, то невыносимой жизнью, то говорила, что маг сам ей все расскажет, то клялась вытянуть из него сведения против воли, то стращала муками, то (и это было куда страшнее) лаской.

«Я зна-а-аю, как вызнать у мужчины то, что нужно...» — страстно шептала колдунья на ухо пленнику, в надежде, что тот захлебнется от вожделения. Однако Грехобор захлебываться не торопился, и коварная соблазнительница опять досадливо грозила ему страшными карами.

Мало-помалу, устав от глупости происходящего, каменный мешок покинули все колдуны. Заикнуться склочной и злопамятной девке о том, что соблазнять женатого мужика — затея наиглупейшая, они не посмели, но и наблюдать ее ужимки устали. В темнице осталась только Василиса. Она буравила мужа тяжелым взглядом исподлобья и молчала.

— Рассказать? — переспросила тем временем Мариоса. — Я знаю много интересных историй...

Йен вздохнул. Он готов был поручиться, что прослушал уже все возможные интересные истории, однако колдунья все никак не желала иссякнуть.

— Обойдусь, — ответил маг.

Девчонка оживилась:

— Тогда ты поведай мне то, что я хочу узнать.

Узник промолчал.

— Ладно, тогда я все же расскажу кое-что, — пропела мучительница. — Итак, жил на свете маг с назвищем Грехобор. Бедняжка, каких поискать. Измученный, затюканный, отчаявшийся. Словом, жалкий и никчемный. И вот получило это убожество обручальное кольцо.

Мариоса посмотрела на Василису, сладко улыбнулась, и продолжила:

— Ну и пошел, нога за ногу, искать себе жену. Хотя, понимал, что никому такая размазня в жизни не приглянется. Так вот. Пришел этот ущербный в город. Тащился себе по улице и вдруг услышал мольбы о помощи. Дурак дурака слышит издалека. Вот и пошел наш бездольный странник на выручку себе подобному. И вдруг навстречу нашему затюканному скитальцу кто-то выскочил.

— К чему ты рассказываешь мне о встрече с женой? — спокойно спросил Йен.

— С женой? Не-е-ет. Я рассказываю тебе о встрече с той, которая *помешала* тебе героически спасти твою нареченную, — ехидная улыбка коснулась губ колдуньи. — Василиса не была тебе назначена. Она должна была стать парой Глену.

Маг не шелохнулся, только переплетенные пальцы засеребрились инеем. Мариоса удовлетворенно хмыкнула.

— Твое кольцо, дубина, предназначалось Зарии. Такой же убогой мыши, как ты.

— Ложь. — Грехобор откинулся затылком к стене, стараясь ничем не выказать паники, стиснувшей горло. — Человек и колдун? Вам никто не бывает назначен! Вы и колец-то не получали.

— Разве я говорила про кольца? — осведомилась Мариоса. — Мы приготовили все. Сильная духом девушка. Сильная магесса. Призрак колдуна поблизости. Так просто — девушка становится колдуньей, встречает колдуна, они влюбляются. Красиво.

— Зачем ты мне это говоришь?

— А почему нет? Она уже знает, — девушка пожала плечами.

— Мне сказали, будто все перепутал Маркус, — разглядывая капли света на потолке, скучным голосом произнесла Василиса. — Йен-Глен. Глен-Йен. Долго мы еще будем заниматься ерундой? Может, ты скажешь уже, чего я тут сижу с вами?

— Мы пытаемся добиться ответа, — прошипела Мариоса.

— Какого? — ее собеседница отвлеклась от разглядывания стен. — Я тут уже несколько часов. И только и делаю, что слушаю бестолковую трескотню. Твоя хозяйка приказала разговорить мага. А вместо этого говоришь ты. Надоела. Что нам надо узнать?

— Как убить дэйна! — колдунья смотрела на Лиску с ненавистью.

— Давно бы сказала, — Василиса обернулась к магу, и на миг замерла, читая в его глазах угрюмое упрямство. — Милый, как убить дэйна?

— Надо быть богом, Жнецом или дэйном, — спокойно ответил Грехобор.

— Жнец не всемогущ!!! Он будет месяц восстанавливаться после убийства дэйна, а ты... ты убил дэйна, послушников и несоклько десятков магов! Ты! Один! А ты не бог! Не Жнец! И не дэйн! — взвилась Мариоса. — Отвечай, как это сделать?!

— М-м-м... — Василиса потерла подбородок и приблизилась к магу. — Вопрос?то неверный. Да? Расскажи мне, как *ты* убил их всех?

Йен промолчал.

— Скажи мне. Своей жене. По секрету, — с каждым словом она подходила все ближе. — Ты такой сильный. Яростный. Хочешь меня убить, верно? Да, хочешь. Ответь мне — и я вся твоя. Как тебе такая сделка?

— Не трогай его!

— Почему? — колдунья обернулась к своей товарке.

— Это — Грехобор. Прикоснешься к такому — и собственные грехи сведут тебя с ума.

— О-о-о... сильный... опасный... — Василиса облизала губы, осматривая узника. — Все, как я люблю... Ну же, поговори со мной.

— Нет.

— Твое «нет» ничего не меняет! — выступила вперед Мариоса, отесняя Лиску. — Дэйны Аринтмы мертвы. Наша взяла.

— Тогда вам мой секрет и вовсе без надобности, — Грехобор мысленно сосредоточился, незаметно избавляясь от сковывающего заклинания.

Сначала он убьет Мариосу, а потом уничтожит ту, которая когда-то была его женой. Его продолжением. Его сутью. Ему уже не стать Знахарем. Не лечить людей. У него отняли все. Брата. Любимую. Возможность жить без боли и порицания. Ему нечего терять. Но есть, кого убивать.

— Хватит! — Мариоса топнула ногой, теряя последнее терпение. — Ты ответишь мне! Даже если придется отрезать от тебя по кусочку, ты мне...

Колдунья захрипела и вцепилась руками в ворот платья. Глаза заволкло пеленой боли, а пальцы скребли горло.

— Мне надоела твоя болтовня, — задумчиво произнесла Василиса и резко сжала руку в кулак. Жертва захрипела. — Твоя болтовня и твои угрозы моему мужу. Он только мой.

Грехобор подался вперед:

— Василиса, не надо!

— Василиса. Дурацкое имя. — Девушка дернула кулак на себя. Мариоса выгнулась и бесформенной кучей повалилась на пол. — Некрасивое.

Йен наблюдал, как убийца переступает через мертвое тело и приближается к нему.

— Тебе не подходит, — хрипло согласился он. — Так звали мою жену.

— М-м-м... — колдунья приблизилась и втянула воздух. — От тебя пахнет грозой. Ты же помнишь нашу грозу? Холодные потоки воды — обжигающие кожу. От тебя пахло дождем, и рубаха так красиво липла к телу...

— Ты...

— А еще я знаю ответ на дурацкий вопрос Мариосы. Никто из них не видит, что вы — братья, не понимает, что в тебе его кровь, — она улыбнулась. — Милый, я ведь не просто колдунья. Я — колдунья, которая помнит. Все чувства Василисы, как свои, все ваши поцелуи, как наши. О, это было неплохо! Правда, неплохо. И ей нравилось. Ты не убожество. Мариоса — дура. Если бы не эта боль я бы тебе еще много интересного рассказала, но...

Девушка потерла лоб:

— Как мне надоела эта боль...

— Боль? — переспросил Грехобор, не понимая, к чему она клонит.

— Да. Боль. Боль твоей жены. Потому что она понимает, *что* я делаю. Но ничего не может изменить, — колдунья широко улыбнулась. — Ну что, поговорим?

Глен ведет двойную игру

— Ты мне нужен.

Эти слова заставили его вздрогнуть. А уже через миг дух возник около Анары и незаметно огляделся, пытаясь найти глазами дэйна. Палача нигде не было. Магесса же пристально следила за своим подопечным, ожидая, пока его взгляд не остановится на Зарии. Он был к этому готов, как был готов и к тому, что увидит.

Он предал ее. Свою любимую, ту, которую так долго ждал.

Увы, даже несмотря на то, что Глен понимал неизбежность и правильность своего поступка, это не облегчало мук совести. Он с самого начала знал, что ждет Зарию в храме Мораки. Знал и то, что, когда Талис завладеет ее телом, его маленькая звезда с яркими глазами, скрытыми густой челкой, будет страдать. И, что уж врать себе, он почти не сомневался, что она умрет прежде, чем богиня покинет ее тело.

Не прав был дэйн, ох, неправ. Не попытка начать все сначала была столь важна для Глена, а шанс остаться с Зарией. И, если наследница лантей погибнет, не понадобятся ему ни тело, ни новая жизнь.

— Помнишь, что от тебя требуется? — тихо спросила Анара у колдуна.

Он кивнул. Магесса удовлетворенно улыбнулась и повернулась к плененной богине.

— Ты издеваешься... — вместо испуга на лице Талис было написано недоумение. — Из всех обличий выбрать эту сморщенную бабку?

Анара усмехнулась:

— Ну, у меня нет юных дочерей, в отличие от тебя. А эта сморщенная бабка — прямой потомок

моего последнего творения.

— Сама виновата, — тут же напомнила сестра. — Я много раз предлагала тебе помощь...

— Что?! — Анара мигом растеряла всю свою невозмутимость. — Помощь в поиске супруга после того, как умыкнула того, кто действительно был мне нужен?!

— Морака...

— Маркус. Был. Моим. А ты его подчинила!

Талис закатила глаза, а потом с жалостью взглянула на сестру:

— Ты все это затеяла потому, что я не захотела делиться *своим* мужчиной? Он мой, сестрица, и только я владею его умом, его чувствами и его волей. И твоим он никогда не был.

Глен обернулся к Анаре и оторопел, когда она провела внезапно засиявшими ладонями вдоль лица. Вспышка, и на пол упало тело дряхлой старухи. Магесса перешагнула через бездыханную бабку. Колдун поразился ослепительной красоте незнакомой ему женщины. Казалось, даже лучи вечернего солнца, и те потянулись к ней, чтобы сделать еще привлекательнее. Прелестница плыла, легко переступая осколки разбитых фигурок, чтобы не задеть их. Наконец, женщина остановилась напротив кресла, в котором расположилась плененная богиня.

— Ты всегда была редкостной дрянью, — фыркнула магесса. — Но я тут не затем, чтобы драться за человека, который мне больше не нужен. Я здесь для того, чтобы сообщить тебе, дорогая сестрица — твой ненаглядный смог прочесть пророчество. И я наверняка знаю, что этот гаденыш хочет использовать его против меня.

— Пророчество? — Талис насмешливо вскинула брови. — Ты в своем уме? Что, а самое главное — *кто* — мог тут напорочить?

— О... милая, я догадывалась, что Маркус держит тебя за дурочку. Но не предполагала, будто он настолько недалек от истины. Ты, правда, не знаешь? — Морака рассмеялась. — Так спроси его. Может, расскажет. А еще мне интересно, как долго ты собираешься прятаться?

— Я прячусь? — богиня усмехнулась. — Я сижу прямо перед тобой.

— Не-е-ет. — Морака обошла кресло и снова встала напротив сестры. — Ты прячешься. В теле этой несчастной замухрышки, которая и рождена была лишь для того, чтобы стать сосудом великой Талис. Не жалко девчущку? Любовь у нее в жизни так и не случилась, только шпыняли все да обижали, чтобы богиня любви однажды без труда скользнула в тело.

Магесса с приторной улыбкой попросила:

— Отпусти уж горемыку. Или хочешь потерять последний сосуд?

— Если я ее потеряю, виновата будешь ты, — процедила Талис, вставая, наконец, с кресла. — Хочешь моей смерти? Думаешь, я позволю этому случиться?

— И ты готова ради своей безопасности пожертвовать несчастной замухрышкой, в которую забралась?

— Вряд ли о ней будут плакать, — отозвалась богиня. — Как мне ни жаль терять свое дитя, но

жизнь дороже.

— Это предполагает, что пожалеть ее должна я? — уточнила Морака.

— Иначе, зачем ты предлагаешь ее отпустить?

— Хм... Однако я довольна. Видимо сильно ты, сестрица, напугана, раз даже не понимаешь, что я стою безо всякой защиты в том же круге, в котором заключена ты. Мой сосуд вне досягаемости, твой — только руку протяни. Я его никогда не займу, так чего ты боишься? Выйди.

Пока женщины беседовали, Глен осторожно отступал, стараясь исчезнуть из поля зрения Талис. По спине бежал холодок. Только бы не увидела, только бы не почувствовала его присутствие!

— Что происходит? — едва слышный шепот дэйна был полон недоумения.

— Талис внутри Зарии, — так же тихо ответил ему Глен. — Анара оказалась Моракой. И теперь она хочет, чтобы Талис покинула телесную оболочку.

— Для чего она вообще в нее забралась?

— Зария — ее земной сосуд. Но, когда богиня занимает смертное тело, оно слабеет. Убей сейчас Морака Зарию — и Талис покинет гленную оболочку невредимой, вернувшись туда, откуда пришла. А вот, если она, будучи в ловушке, выйдет из нее добровольно, то сделается уязвима.

— Ты все это знал? — голос дэйна был холоден, как лед.

— Да.

— И согласился?

— А какой у меня был выбор?

Глен не надеялся на понимание. Единственное, чего ожидал сейчас колдун, считая медленно уползающие мгновения, — мига, когда Талис покинет тело Зарии.

Вот девушка вздрогнула и осела на каменный пол. А рядом с ней возникла из ниоткуда пышнотелая белокурая женщина — ничуть не уступающая в красоте сестре. Богиня опасно покосилась на свой сосуд и перевела взгляд на Мораку:

— Итак?

Едва она это произнесла, призрак, уже переместившийся за спину Богини, растаял в воздухе, став невидимым.

Талис не ожидала подвоха и не успела ничего предпринять, когда Зария вскочила на ноги и сделала всего один шаг в сторону. Шаг, который позволил ей оказаться вне круга. Глену потребовался на этого ровно один вдох. А через миг колдуна вышвырнуло из тела девушки. Однако понимание того, что он ощутил этот вдох, а значит, успел вовремя, почти лишило призрака сил.

Морака даже бровью не повела, когда обманутая Талис исторгла яростный крик и попыталась

вырваться из круга. Но ловушка держала крепко. И сестра довольно улыбнулась отчаянию на прекрасном лице богини любви.

Ильса произносит пророчество

— Я тоже, как и Мариоса, знаю множество историй, — Василиса переступила через неподвижно лежащее тело колдуньи и уселась на скамью рядом с Грехобором. — Но мои истории будут более древними и занятными. А самое главное — они помогут мне получить то, что я хочу.

— Полагаешь, я стану помогать? — искренне удивился Грехобор.

— О, да. И знаешь почему? Потому что жена очень тебя любит. И ты ее тоже. А значит, не сможешь причинить ей боль. Верно?

Йен помолчал, а потом спросил:

— Ты все время говоришь — она. То есть ты не Василиса. А кто тогда?

— Я — колдунья Ильса. Та, которая получилась из твоей жены и силы маленькой умершей магессы.

Пленник застыл. Ильса повернула кольцо на пальце.

— То есть ты... человек?

Колдунья рассмеялась

— Нет! Я — сила, очутившаяся в твоей жене, но ранее принадлежащая магессе, которую тут убили. Свободный дух, лишенный сосуда. И еще я... помню.

— Что?

— Свои предыдущие сущности и истории, с ними связанные, — она снова покрутила кольцо и вдруг сказала: — Мне его не снять. Если бы не эта штука — я бы и разговаривать с тобой не стала. Но оно на мне, и приходится... беседовать.

— При чем тут кольцо?

— Защита. Маркус всегда защищал людей. Кольцо не позволяет взять власть над девчонкой, не дает убить ее, только запереть. Я раздвоена, и это раздражает. Знаешь, — Ильса прислонилась к стене, серьезно глядя на мага, — если бы Василиса не решила облегчить страдания моей прежней... хозяйки и не дала бы согласие на переход, меня бы просто не стало.

— Почему?

— Кольца — одно из творений Маркуса. Они защищают владельца от магии. Я не смогла бы попасть в это тело, будь даже втрое сильнее.

Йен смотрел в глаза колдунье. Василисины глаза. И в них отражалась боль. Смятение. Будто в ней и правда, жили два человека. Понимание этого сводило Грехобора с ума. Ильса же, видя его недоверие, вдруг тихо пропела:

— В одном лице и узник и палач.

Он потеряет все, и потеряет дважды.
Сестра убьет сестру. Нарушит клятву муж.
И в тот момент, когда раздастся плач
Того, кто тоже потерял однажды -
Колдунья породит дитя.
Но власть над ним получит только тот,
Кто пленником себя зовет.
Он вознесется надо всеми,
А порождениям конец придет...

Девушка замолчала на мгновение.

— Если Маркус даст мне упокоение, я оставлю твою жену.

— Упокоение? Откуда мне знать, что ты не лжешь?

— Правдивость моих слов ты можешь проверить прикосновением, — колдунья призывно улыбулась. — Но нежно. И прекрати прожигать меня взглядом, я такая же жертва, как и ты.

Эти слова окончательно сломали выдержку мага. Коротким усилием воли он уничтожил заклинание неподвижности. Оно оборвалось легко, словно гнилая нитка, и вот уже мужчина повернулся к собеседнице, схватил за горло и вжал в холодную стену.

Серо-зеленые глаза расширились, в них промелькнула боль, и за миг до того, как Грехобор сжал пальцы, Василиса вцепилась обеими руками в его запястье и сдавленно просипела:

— Вытащи ее из меня.

Хватка ослабла. Но девушка не отпускала мужа.

— Йен... я... убила... там... кровь... — и она бессильно расплакалась.

Грехобор рывком притянул жену к себе, лихорадочно глядя по волосам, стараясь успокоить и не веря в то, что та, другая, ушла.

— Где она? — он старался говорить мягко, но в голосе все равно слышался едва сдерживаемый гнев.

— Пока... ты... касаешься... — Василиса всхлипнула, — она... прячется. Не хочу... не хочу... больше.

— Заренка... пойдём отсюда.

Он легко подхватил жену на руки, и вышел из опостылевшего узилища. Лиска тихо всхлипывала, но постепенно успокаивалась. Маг не знал дороги на поверхность, но уверенно шел вперед, полагаясь на свое чутье. Вскоре Василиса завозилась, пытаясь освободиться. Ничего не понимая, Йен поставил ее на ноги, не выпуская, впрочем, из объятий.

— Что ты?

— Я тяжелая.

— Нет.

— Скажи честно, — вдруг выпалила она, — раз Зария твоя нареченная... ты теперь меня бросишь?

А вид при этом имела такой, словно собиралась без промедления откусить ему голову, если он подтвердит правоту ее слов.

Йен смотрел на жену и боролся со смехом. Из всех нелепых вопросов этот был самым невообразимым. Мужчина прижался лбом ко лбу Василисы и покачал головой.

— Какая же ты... чудная.

— Я не чудная! Я... вот что прикажешь мне думать? У вас тут все не как у людей! Нет бы, как везде: женился, развелся или не развелся. А у вас — кольца, нареченные... И еще во мне сидит какая-то гадина, и если я не буду к тебе прикасаться, то она снова... А если я в туалет захочу? Что тогда делать? А если помыться надо? — она гневно сквозь слезы несла эту околесицу, и Грехобор понял, что остановить бессвязные панические выкрики можно лишь одним известным ему способом.

Поэтому он наклонился и прижался к губам жены. Василиса судорожно всхлипнула и потянула мужа к себе, зарываясь пальцами в волосы.

— Я так тебя люблю... — жалобно прошептала она, на миг оторвавшись. — Я не хочу, чтобы из-за какого-то кольца...

Он снова дернул ее к себе и снова поцеловал, лишая возможности выдвигать какие-либо угрозы или обвинения.

— Заренка...

Рядом. Живая и невредимая...

Горечь и страх потери выплескивались через лихорадочные ласки. И было неважно, где они и что с ними станет, если настигнут. Потребность быть растворенными друг в друге сводила с ума. Словно теплые волны растекались по телу от каждого движения, от каждого прикосновения. Йен что-то бессвязно шептал Василисе на ухо, перемежая слова поцелуями. Руки, забравшиеся под одежду, лихорадочно скользили по горячему телу. И, казалось, холод подземелий отступил.

— Ты мой!

— Ты моя!

Никогда прежде восторг не был таким ярким и всепоглощающим.

— Заренка...

Она спрятала пылающее лицо на груди мужа и пыталась восстановить дыхание. Вот он. Здесь. С ней.

— Я соскучился... — виновато сказал Йен.

Василиса глухо ответила ему в плечо:

— Я тоже. Соскучься по мне еще раз...

И почувствовала, как широкие плечи дрогнули от смеха.

— Надо идти.

Сейчас он полагался на свой дар больше, чем когда-либо. И, вот что странно: сила отзывалась легко, безошибочно указывая направление. Не было истощения, словно обращение к проклятому Дару ничего не стоило магу.

Уже почти у выхода из подземелья, когда впереди замаячила неровная полоска света, льющегося сквозь кривую трещину в скале, что-то заставило мага насторожиться. Он замер. Темнота подземелья начала рассеиваться, и в полумраке стало видно, как измотана Василиса. У нее был осунувшийся и уставший вид. Заренка... Ну он-то ладно, а ей все это за что? В голове почему-то промелькнул разговор с Ильсой. Маг смотрел на жену. Он размышлял.

Не стоит рисковать. Ей будет больно. Глупо. Бессмысленно. Но все же он выпустил ладонь жены из своей руки. Непослушные губы разомкнулись и задали вопрос:

— Почему ты просишь упокоения?

Василиса замерла и посмотрела на мужа с тоской и страхом, а потом прикрыла глаза. А когда она вновь их распахнула, выражение ее лица изменилось, и взгляд стал тяжелым и темным. Колдунья смотрела на Грехобора оценивающе, с ехидным прищуром:

— Любопы-ы-ытнй...

Он улыбнулся и выжидающе поднял брови. Ильса фыркнула, но все-таки ответила:

— Когда появляется колдун, первое, что он делает — покидает своих кровных родственников. Братьев, сестер, родителей, детей. Не из прихоти, хотя все думают именно так.

— А почему?

— На каждом человеке в этом мире, кто не родился магом, лежит заклятье крови — одна из ловушек Маркуса.

— Маркус защищает людей.

— Он заставляет страдать таких, как я! Сила может переходить членам семьи по крови. Умирает отец — сын становится колдуном, и так далее, пока не закончится род.

— То есть кузены, тети...

— Нет. Только близкие кровные родственники. Цепочка мала, но дает возможность жить. Морака...

— Морака... Это все объясняет, — хмыкнул маг.

— Не все, но многое. Первого мага создала Талис. А вот первый колдун — деяние Мораки. Она хитра и изворотлива...

— Наслышан.

— Талис вложила дар в тело человека, сделав того магом. Но вот беда. Человек не мог подчинить себе эту стихийную силу. И она завладела им, уродуя и корежа. Мало того, когда

маг умер, дар вырвался на свободу. И понесся по миру, как перекасти-поле. Но вне человека, вне той, которая его создала, он обретал губительную силу. И везде, где появлялась эта сила, начинался мор. Богиня любви поиграла в магов, а потом бросила их на произвол судьбы. Морака же решила извлечь из этого пользу.

— Колдуны появились потому, что надо было противопоставить их магам?

Ильса усмехнулась, но ничего не сказала.

— И тогда Маркус сотворил Заклятье, которое заставляло человека забыть предыдущую жизнь. Ставший колдуном не помнит, что у него есть родственники и не знает, кто они. А значит, дару не в кого переместиться в случае смерти колдуна. И сила умирает вместе со своим сосудом.

— Это справедливо, — сказал маг. — От таких, как ты, и без того слишком много вреда.

Колдунья вскинула на него гневный взгляд:

— А ты не думал, что мы не выбирали свою судьбу?

— Мы тоже. Но вы убиваете людей. А значит сами не заслуживаете жить...

— Дурак! Как думаешь, что я такое? Некая божественная благодать? Нет! Я душа! Человеческая душа. Знаешь, откуда берется Проклятый дар? Это сила человеческой души. Талис убила неугодного ей человека и перетащила его душу в другое тело. Вот он — твой дар! Я была человеком! Давно! Сотни лет назад. И я помню себя, свою жизнь, помню, как умерла, а потом стала... этим. Во мне десятки сущностей, память каждого из моих сосудов... От этого можно сойти с ума. Хочешь знать, кем я была? Что молчишь? Женщиной. Счастливой женщиной. У меня был муж. И мы были счастливы. А потом пришла Талис и отняла все!

Йен замер, глядя в искаженное страданием и горем лицо Василисы.

— Ты говоришь, что дар умирает вместе с сосудом, в который заключен, ведь Маркус не позволяет вам помнить родственников. Тогда как ты сохранила память и смогла выжить? — спросил он.

Ильса закрыла глаза и из-под ресниц выкатились две тяжелые слезы:

— Потому что. Он не дал мне умереть.

И, не желая больше ничего объяснять, колдунья отвернулась от мага и стремительно направилась к расселине, в которую лился яркий дневной свет. Выйдя из темноты подземелья, Грехобор на миг ослеп, однако глаза быстро привыкли к свету и мужчина с удивлением увидел на тропе повозку с запряженной в нее сивой лошадкой, мирно пощипывающей травку. На козлах сидел старик и смотрел на колдунью. А Ильса глядела на него. И в ее взгляде было столько боли, что Йену впервые стало по-настоящему жалко ту, которая называла себя чужой душой.

— Маркус.

Йен было шагнул вперед, чтобы коснуться жены и вернуть ее, но в последний миг остановился.

— Не опасайся ее, Йен, — Сукрам покинул козлы и спустился на землю.

Маг замер. Старик улыбнулся, и через миг бесчувственное тело осело в траву, а темноволосый

мужчина сделал несколько шагов в сторону колдуньи. — Я верну твою жену.

— А свою? — тихо спросила Ильса. — Даже твоего могущества не хватит, чтобы сделать это...

— Я попытаюсь, — тихо сказал Маркус, приблизившись.

Он внимательно смотрел в темные глаза, а в пронзительном взгляде было столько тоски и нежности, что Грехобор окаменел.

— Прекрати это, — прошептала она.

Мужчина осторожно очертил кончиками пальцев линию скул Василисы.

— Ты помнишь меня? — спросил он.

— Да.

— Я сделал все, что мог. Получилось плохо. Но я не сумел бы лучше. Ты жива.

— Нет, Маркус. Ты ведь знаешь, что нет. Уже много-много веков — нет. Как и ты. Мы оба узники. Я так устала... Но я не хочу уходить. Не могу тебя бросить. Одного.

— Не бросай.

— Маркус, мне так больно...

Из глаз колдуньи катились медленные слезы.

— Я что?нибудь придумаю. Только потерпи... совсем немного... потерпи...

Она кивнула. Мужчина отступил и провел перед лицом девушки ладонью. Миг и Василиса заморгала на яркое солнце.

— Ой... Мы уже вышли, да?

Йен молчал. Он все еще не мог прийти в себя от увиденного и услышанного.

— Грехобор, забери ее, и идите на север до старого храма. Но, когда дойдете, и ваш путь завершится, обещаю, что сделаешь для Ильсы то, ради чего пришел в этот мир, — Маркус перевел взгляд на мага.

— Забрать ее грехи? — спросил Йен.

— Все до единого.

— Если то, что она говорила — правда, этот груз меня раздавит.

Маркус вдруг улыбнулся, и эта улыбка, омоложившая суровое лицо, внезапно сделала бога обычным человеком.

— О нет, маг. Ты выдержишь.

Василиса, слушавшая непонятный для нее разговор, выступила вперед и кашлянула:

— Если кто-то здесь решил, что я собираюсь стать молодой вдовой...

— Ты не станешь вдовой, Василиса. Это я обещаю. Твой муж останется твоим мужем и та... женщина, которая сейчас находится в твоём теле, исчезнет.

Девушка захлопала глазами, а Грехобор с облегчением выдохнул.

Перехлестье

Дэйн никак не мог решить: убить Глена сейчас или сначала все?таки вернуть его к жизни, снова убить и изничтожить навек. Одно Волоран знал точно: он не станет помогать тому, кто пожертвовал любимой женщиной. И поэтому, когда справа от него раздался сдавленный шепот, дэйн сделал вид, что не слышит призрака, продолжая из своего укрытия наблюдать за противницами.

— Я знаю, ты меня слышишь!

Тишина.

— Да не будь же таким упрямым бараном! Нужно, вывести из храма женщин. Я не могу этого сделать!

— Зачем? И поторопись объяснить, иначе я и с места не сдвинусь.

— Вот же... времени нет, пойми! Если верховная жрица очнется, она откроет ловушку, и тогда эти две склочницы смогут выбраться. Уведи отсюда лантей, пока Талис с Моракой увлечены друг другом!

Волоран закрыл глаза, взывая к своему дару. Привычная боль скрутила нутро, разошлась по телу горячими волнами. Мужчина подавил стон, и лишь до скрипа стиснул зубы. Он направлял силу на застывших в недоумении жриц, посылая им молчаливый приказ.

Они подчинились безропотно. Двое сразу шагнули к Матери, подхватили ее под руки и поволокли к выходу, остальные осторожно, стараясь не задеть осколки, забрали тело старухи-Анары и Зарию.

Застывшие друг напротив друга сестры не замечали происходящего. Между ними словно вспыхнул безмолвный поединок. Соперницы скрестили взгляды, и воздух вокруг них вибрировал, плавился, дрожал. Натиск становился все сильнее и сильнее. Пол и стены Храма начали мелко дрожать, словно испугались неистовой силы. С обрушившегося свода посыпались мелкие камешки.

— Ах ты, дрянь! — Морака усилила натиск, но сестра не дрогнула.

— Я всегда была сильнее... — шипела Талис, не поддаваясь чудовищному напору.

Со стороны казалось, будто две женщины силой взглядов толкают на встречу друг другу воздух, превратившийся в мерцающее марево.

— Они равны в силе, — заметил все еще невидимый Глен.

— Появись, — не оборачиваясь, приказал дэйн.

— Не могу, — вздохнул колдун. — Зария была очень слаба. Для того чтобы подчинить себе ее тело, не причинив вреда, пришлось... приложить усилия.

— И...?

— У меня больше нет силы Шильды, дэйн. — дух говорил ровно, но в голосе его пробивалось что-то, что дэйн никак не мог распознать. — Я не могу стать видимым. Я вообще ничего не могу.

— И что ты хочешь от меня? — спросил Волоран.

— Ничего. Просто подожди, пока не придет мой... друг.

Палач магов отвернулся, продолжая наблюдать за схваткой богинь.

— Ты знаешь, что у Талис и Мораки есть свои смертные сосуды, в телах которых они могут проходить в наш мир. Без человеческого участия обе эти прекрасные девы будут... такими же бесплотными, как твой покорный слуга.

— Почему? — удивился дэйн. — Они же богини.

— Не знаю. Но Анара говорила, что если дух богини слишком долго находится в теле человека, этот человек погибает.

— Почему?

— Душа и тело неразрывно связаны. Если связь теряется... — колдун не стал заканчивать.

— А для чего нужна эта ловушка?

— Ее создала Талис, желая поймать Мораку, но этот круг одинаково может запереть обеих сестер.

— Почему?

— Круг зачарован на крови. А кровь у них — общая.

— Тогда зачем Морака туда зашла?

— Это же ясно — она хочет убить Талис. После смерти одной из сестер ловушка утратит силу.

Волоран внимательно посмотрел на напряженных до предела женщин. Не было похоже, что хоть одна из них в ближайшее время собирается победить.

— И ты помогаешь этой ведьме?

— Не совсем, — колдун вздохнул. — Я не предал тебя, дэйн. Но до определенного времени приказы Мораки играли нам на руку.

— Что?

— Посмотри, они в ловушке. Обе. Без возможности выйти. А, значит, не могут причинить вреда никому, кроме самих себя, — Глен замолчал на мгновение, а потом сказал:

— Он пришел.

Дэйн повернул голову как раз тогда, когда в храм вошел Маркус. Он шел осторожно, а на шее

что-то блестело. Волоран окаменел, когда понял, это — рука, закованная в латную перчатку.

Жнец.

С таким магом не справится и десяток дэйнов.

— Как ты и говорила, Маркус решил вначале наведаться в Жилище и проверить, там ли наша милая стряпуха, ведь без нее Грехобор окончательно сойдет с ума. Слишком уж он любит жену. — Жнец говорил насмешливо, слегка растягивая слова. — Он перехватил ее на выходе. А я перехватил его.

Талис пошатнулась, глядя на двоих мужчин, и прижала руки ко рту. А Морака, наконец-то, прекратила кружить вокруг сестры и с торжествующей улыбкой шагнула вперед, останавливаясь у самой границы ловушки.

— Фи-и-ирт, — промурлыкала богиня. — Ты привел его.

— Ты сомневалась?

— Честно говоря, да. Маркус уж слишком неуловим, — богиня повела плечами, не обращая больше внимания на сестру. — Дэйн, выходи. Маркус наверняка прислал тебя сюда.

— Он тут! — голос Глена звучал достаточно громко.

Выругавшись, дэйн выступил из-за обломков обрушившейся колонны. Взгляд Волорана скользнул по двоим мужчинам и остановился на Мораке.

Маркус тем временем спросил ее:

— Чего ты хочешь?

— Расскажи своей возлюбленной, о чем говорится в пророчестве.

Мужчина молчал, не сводя пылающих ненавистью глаз с собеседницы.

— Что?!

Жнец сильнее стиснул горло своего пленника, и тот закашлялся.

— В одном лице и узник, и палач.

Он потеряет все, и потеряет дважды.

Сестра убьет сестру.

Нарушит клятву муж.

И в тот момент, когда раздастся плач того,

Кто тоже потерял однажды -

Колдунья породит дитя.

Но призовет его лишь тот,

Кто пленником себя зовет.

Он вознесется надо всеми,

А порождениям конец придет.

Хриплый голос Маркуса прерывался, но все равно он произнес последние слова отчетливо и громко.

— Что еще за предсказание?

Снова тишина, но Морака не ждала ответа. Она знала его.

— Перехлестье, Талис, — обернувшись к сестре, объявила она. — Твой ненаглядный очень умен. Да ты позабыла об этом. Ты сделала его равным нам. И он не терял даром времени. Среди магов редко, но рождаются Пророки. Постыдный брак. Мы быстро их отыскивали, но одного он, видимо, умудрился спрятать. Верно, Маркус?

— Но это же бессмыслица, — отозвалась Талис. — Узник и палач? Клятву муж нарушит? Да я все эти клятвы сделала нерушимыми. Пленник и вознесется? Какое дитя?

— Фирт?

Жнец снова стиснул горло своей жертвы, и Маркус, задыхаясь, упал на колени.

— Ты сделала его равной нам. Его. Простого человека, — в голосе Мораки, звучало презрение.
— Ты позволила ему встать между нами. Предпочла его мне. Глупая курица. Мы могли жить как угодно, и никто не сказал бы ни слова. Но тебе захотелось поиграть в небожительницу.

— Он меня никогда не предал бы, — в голосе Талис ясно слышался страх. — Он не посмел бы...

— Но он предал. И посмел. Если бы не дух, пришедший ко мне, и рассказавший о том, что Маркус приказал дэйнам истребить всех неназванных магов и колдунов, я бы не узнала об интригах, которые он плел. Ты проморгала все, что могла. Ты позволила ему создать дэйнов, которые подчинили магов и истребляли колдунов...

— Это было сделано для того, чтобы они не отбились от рук и не возомнили себя всемогущими!
— выкрикнула Талис.

Сестра в ответ язвительно расхохоталась:

— Опомнись, дуреха! Чтобы они не возомнили себя всемогущими, мы создали Жнецов! Зачем ему понадобились дэйны? Он старался сделать все, чтобы колдунов и магов становилось как можно меньше!

Талис провела ладонями по лицу, собираясь с мыслями, а потом тихо, с дрожью в голосе, спросила:

— А где жрицы и мой сосуд?

— Сбежали, — Фирт ослабил хватку на шее Маркуса. — только пятки засверкали.

— Не переживай, милая, — ухмыльнулась Морака. — Жнец вернет их. А пока мне бы очень хотелось узнать подробности пророчества.

— Грехобор. Он... брат дэйна, — тяжело дыша, вымолвил, наконец, Маркус.

— Кровь дэйна! — Морака рассмеялась. — Теперь все твои палачи сдохнут! О, как прекрасно! Дальше! Говори дальше!

— Грехобор дважды терял все. Сначала, когда убил дэйна и потом, когда ты сделала его жену колдуньей.

Богиня фыркнула.

— Я и не собиралась.

— Знаю. Собирался я. А ты мне мешала, — мужчина с ненавистью смотрел на Мораку. — Ты же все разгадала.

— Почти. Все, кроме узника и палача, но продолжай, я хочу, чтобы Талис услышала это от тебя.

— Одна из вас, как я надеялся, убьет другую. Я столько лет настраивал Талис против тебя, и вот сейчас, на пике этой вражды, пророчество должно было исполниться. После смерти дэйна его жена, которая однажды уже потеряла все, что имела, горько оплакивала бы его участь.

— Дальше! — рявкнула богиня.

— Жена Грехобора родит ребенка, собравшего в себе кровь и силу магов, дэйнов и колдунов. Бессмертного, как вы. Равного. И он вас уничтожит. А, значит, и все, что вы натворили.

— А ты, Маркус, возвысишься. Муж, нарушивший клятву, пленник, возжелавший стать единственным богом этого жалкого мира, — ледяным тоном закончила Талис.

— О, наконец?то, ты все поняла, — с жалостью сказала Морака. — Он не просто сумел заполучить пророчество. Он подготовил все и пользовался им, как указанием.

— Свинья неблагодарная! — выругалась Талис. — Мало я у тебя отняла. Но это поправимо...

— А ты ждала любви? — Маркус подался вперед, забыв про Жнеца, сжимавшего его горло. — Я был правителем этих земель. Жил свой век с любимой, когда появились вы. И вот я — раб, бессмертный, одаренный магией, и беспомощный. И век за веком я наблюдаю, как вы издеваетесь над людьми — моими подданными.

— Твои подданные давно передохли. А эти даже и знать о тебе не знают, — фыркнула Талис. — Твое имя подернулось пеленой забвения.

— А мне не надо славы и вечной памяти. Я лишь хочу, чтобы вы исчезли, и этот мир стал таким, каким был прежде, — спокойно сказал мужчина.

— Я передумала, Морака. Он мне не нужен, — задумчиво глядя на своего пленника и раба, поцокала языком Талис.

Дэйн рванулся вперед, стремясь остановить Жнеца до того, как он уничтожит единственного человеческого бога их мира. Однако Морака опередила палача, крикнув во всю мощь легких приказ Фирту:

— Убей!

Волоран понимал, что не успеет, но все равно в тщетной попытке до конца выполнить долг, выдернул из ножен меч... и споткнулся, когда Жнец опустил руку, стискивавшую горло Маркуса.

— Я не закончил, — потирая шею, обернулся к сестрам мужчина. — Через восемь лет после того, как ты убила мою жену, а меня посадила на цепь в собственном доме, я ломал голову над планом мести. Мне нельзя было сдаваться. Были моменты слабости, когда я просто хотел

шагнуть со стены. Да, стены в моем родовом замке высокие... Но что значит радость мгновенной смерти перед возможностью отомстить? И не просто отомстить — изгнать вас навсегда? И я задумался. Я не мог понять, как вы появились, откуда взялись? Я помню — было землетрясение и одна из скал возле замка треснула и из нее вышли две женщины. Они были прекрасны и всесильны. Вечно молоды и знали, что такое магия.

Морака сжала кулаки:

— Ваш ничтожный мирок ничего не потерял от нашего появления! Мы стали для вас всем!

— Приведа в этот мир волшбу? — Маркус горько покачал головой. — Я не знал тогда, что вы никакие не богини, а всего лишь беглые иномирянки. И что здесь — в этом самом месте, где вы вырвались в наш мир — осталась червоточина, питающая вашу силу. Вдали от нее, от Перехлестья путей, вы становились обычными людьми. Но здесь — рядом, были почти всесильны. Как жаль, что это «рядом» оказалось возле моего родового замка.

Талис насмешливо улыбнулась:

— Совсем не жаль! Все сложилось как нельзя лучше: замок, слуги, красивый молодой правитель и его дура-жена. Но мы быстро поняли, что быть всесильными на крохотном пятачке не так уж чудесно. Ты спрашивал как?то, зачем мы создали магов и колдунов. Теперь ты знаешь ответ. Нам нужны были слуги! Что за властитель, без верной армии обожающих рабов. А эти рабы приходили к нам добровольно, в надежде избавиться от Проклятого дара, того самого, которым мы же их и наделили. Сотни рабов, готовых молиться на своих богинь!

Маркус слушал ее бесстрастно, глядя куда?то в пустоту, а потом прервал:

— На мое счастье вы, хотя и магессы, но умом не блещете. А точнее, в мире обычных людей вы возомнили себя совсем уж неуязвимыми. Талис, обмануть того, кто считает себя всех сильнее и умнее, на самом деле несложно. Я создал дэйнов. Якобы затем, чтобы поддерживать порядок и равновесие в мире, который вы перекорезили. Но твоя сестра права. Целью было — спасти как можно больше людей от участи стать магами или колдунами. Лишить вас сотен обожающих слуг.

Сестры вздрогнули и переглянулись.

— Фирт!

— Он не станет этого делать, Морака. Ты ошиблась в выборе союзников.

— Ты был моим, — прошипела сквозь зубы Талис. — Ты называл меня своей богиней!

Маркус усмехнулся.

— Я никогда не был твоим. Странно, что ты этого не понимала.

Разъяренная красавица бросилась на обидчика, но отлетела назад, отторгнутая ловушкой.

Однако Морака не сдавалась:

— Ты все?таки просчитался, глупец. Мы обе живы. Не получилось, Маркус.

— Как, ты не поняла? — мужчина улыбнулся. — Не было пророчества. Никогда. Это ловушка от начала и до конца. Шахнал не зря затеял разговор с дэйном в харчевне. Он чувствовал

призрака. Храмовый служитель и не ощутил неуспокоенную душу? Глупость. А дальше все пошло так, как я и хотел. Глен помчался к друзьям, а ты, Морака, не могла пройти мимо искушающей возможности сделать мне гадость. Я ведь столько лет сеял раздор между тобой и сестрой. Фирт рассказал тебе о пророчестве, после того, как он якобы отыскал и убил последнего Пророка. Василиса... я вытянул ее в наш мир, потому что только такая, как она, могла без опаски приблизиться к Грехобору и только такая, как она могла вызвать у вас обеих беспокойство и интерес — ведь ее закинула сюда та сама червоточина, оставшаяся после вашего прихода. Все сложилось как нельзя лучше. И девушка все?таки стала колдуньей, несмотря на все твои попытки мне помешать. И вот я тут. И вы. В ловушке. И сегодня я, наконец, закончу тот кошмар, который вы сотворили, появившись в этом мире.

— Мы бессмертные. Мы — богини!

Фирт посмотрел на Маркуса, и тот едва заметно кивнул.

— Вы преступницы. Беглые заговорщицы, улизнувшие в червоточину. Иномирянки. Хитрые, ловкие, тщеславные, сильные. И в этом мире, где не оказалось ни магии, ни колдовства вы стали сродни богиням. И вам понравилось быть вершительницами судеб. Еще бы! Вот только за сотни лет, проведенные вдаль от дома, ваши телесные оболочки истончились, сделались бесплотными. От Перехлестья отойти без человеческого тела уже не удавалось.

— Что... кто...

— Я, — Фирт улыбнулся, и с лиц обеих сестер мгновенно сошла вся краска. — После всего происшедшего для вас не будет суда иного, чем тот, который вершит Жнец. Я — созданный вами, чтобы убивать магов и вершить правосудие, приговариваю вас к смерти.

Он беспрепятственно вошел в круг, и правая рука, затянута в латную перчатку, вспыхнула холодным голубым светом...

* * *

Ветер ласково колыхал траву на поляне перед руинами Капитэорноласа.

— Так что такое Перехлестье? — тихо спросил дэйн.

— Истончившаяся ткань между мирами. — Маркус горько улыбнулся. — Которая разрушалась все более и более от расползавшейся магии. Наш мир лишен волшебства. Точнее был лишен. Как и мир Василисы. Но теперь все будет иначе. Магия уйдет. Навсегда. Вместе с теми, кто ее создал. И червоточина перестанет быть.

— Магия уйдет? — Палач магов смотрел неверяще.

— Да. Талис и Морака мертвы, а значит, их сила ушла вместе с ними. К сожалению те, у кого уже есть этот дар, останутся с ним до конца, но сила больше не будет проклятой. И со смертью магов все закончится. Все те, кто живут здесь, будут просто людьми, какими и были раньше. Не сразу... пройдет несколько десятков, прежде чем проклятый дар полностью исчезнет, но это все же победа.

Волоран обернулся, глядя на выходящего из храма Жнеца.

— Скоро ты станешь свободен, — Фирт посмотрел на Маркуса. — Смертен, лишен дара и всемогущества. Я выполнил свою часть договора — сказать нет двум ведьмам, возомнившим

себя богинями, а ты выполнил свою. Я перестану быть Жнецом, стану просто человеком, не обязанным кого-то убивать, карать и наказывать.

— Да, — бывший правитель и узник шагнул к Жнецу. — У меня есть только одна просьба...

Тот, вместо ответа, кивнул и закрыл глаза.

Воздух справа от Маркуса задрожал и на поляне перед разрушенным храмом оказались двое: Грехобор и недоуменно озирающаяся Василиса. Она оглядела собравшихся: Фирта, Маркуса, Волорана, испуганную стайку женщин в лиловых одеждах, Зарию, лежащую без чувств, а затем обозрела величественные руины храма и поинтересовалась:

— Это вы тут все развалили или оно так и было?

Мужчины переглянулись и лишь один Маркус, казалось, не заметил вопроса, потому что смотрел на Василису, но не слышал ее речей.

— Ильса, — негромко позвал он.

Взгляд девушки затуманился, а потом потемнел. Фирт провел закованной в перчатку рукой вдоль лица Василисы и та покачнулася. Йен едва успел подхватить жену и с удивлением увидел стоящую в шаге от нее женщину.

Она не была красивой. Но Маркус смотрел на нее с такой любовью во взгляде, словно она была средоточием всех достоинств.

— Ильса...

Грехобор смотрел на нее стараясь запомнить. Он уже забрал грехи незнакомки, и они упали ему в душу, как переспевшие гроздья боли, однако вместо привычного страдания, растворились в его силе и канули без остатка.

Маркус протянул руку к стоящей напротив женщине. Пальцы прошли сквозь тонкое запястье, и призрак покачнулся, словно от ветра.

— Вот для чего мне нужно было, чтобы ты страдал, Йен. Вот для чего был нужен ты сам. Никто другой не смог бы сделать того, что сделал для нее Грехобор. Фирт...

Жнецу не пришлось повторять дважды. Ярко вспыхнула на солнце перчатка, ослепив всех, кто стоял по близости, а когда невольные зрители случившегося, наконец, проморгались, поляна была пуста.

— Йен, — раздался в тишине слабый голос, — я что — больше не колдунья?

Все стоящие на поляне обернулись к Василисе, а она смотрела то на Фирта, то на Йена и ждала, наконец, вердикта, относительно своей судьбы.

Эпилог

— Багой! — звонкий голос, доносящийся с кухни, заставил корчмаря подскочить и вжать голову в плечи. — Да когда ж ты ее починишь! Я сейчас задохнусь!

Хозяин «Кабаньего Пятака» вырос на пороге кухни мгновенно, как по зову сердца. Эхо крика еще гуляло под закопченными потолочными балками, а виновный, осужденный и

приговоренный, уже стоял, готовый к смерти.

— Еще раз мне придется разжигать это... эту... И будешь готовить САМ!

— Дочка, что ты бушуешь? — с заискивающими интонациями в голосе спросил харчевник. — Я уже почти затопил, а тут постоялец...

Жалкая попытка оправдаться не удалась.

Дочка, прищурившись, спокойно сказала:

— Если к завтрашнему дню не исправишь, корми постояльцев соломой!

— Все, все, все... — запел Багой, отступая. — Сегодня же сделаю!

И он выскользнул прочь из кухни, отступил в обеденный зал и для надежности спрятался за стойкой, где принялся яростно натирать кружки, бубня:

— Да когда ж уже он явится?то, а? Сколько еще девке томиться?

На его счастье Зария не слышала этого бухтения, она вышла на двор и теперь стояла, вдыхая свежий утренний воздух. На душе было тоскливо и пасмурно, вопреки погожему солнечному деньку.

Иногда девушке не верилось, что все закончится хорошо. Иногда казалось, что все просто... закончилось. И хотелось одновременно расплакаться и раскричаться от обиды. Василиса и Йен накануне приехали в гости. Вид у обоих был заговорщический.

Василиса с красивым круглым животиком ходила, переваливаясь, как уточка, быстро уставала и окруженная заботами Багой только и искала, где бы спрятаться. Йен шепнул Зарии, что Милиана напорочила им двойню. И чернушке стало смешно. Она не представляла Грехобора с двумя свертками ревущих младенцев на руках.

И тут же, против всякой логики, Зария тихо всхлинула. Как же им хорошо! Они счастливы и не живут ожиданием неизвестно чего... А она стоит одна, пропахшая дымом, в застиранном переднике и с растрепавшейся косой. Одна. Уставшая от постоянных надежд.

И в этот самый миг, кода девушка была столь близка к отчаянию, теплый ветерок мягко коснулся ее спины, и голос, памятный до дрожи, до судорог в горле, прошептал на ухо:

— Зария-а-а-а...

Она рывком развернулась и, наконец, увидела того, кого так долго ждала. Какие усталые у него были глаза! Он казался старше, чем прежде, лицо осунулось, а в уголках рта залегли горькие складки. И никого на всем свете не было красивее этого мужчины, с робким ожиданием глядящего в ее глаза.

— Глен! — девушка повисла на нем, прижавшись всем телом, слыша стук его сердца, ощущая тепло его кожи и силу его рук, сомкнувшихся на ее талии.

— Почему? Почему так долго? — Зария отстранилась, обхватив лицо мужчины ладонями. — Я...

— Прости... — Глен перехватил ее руку и поцеловал. — Быстрее не получилось. Это не так?то просто — заново родиться. Прости.

— Нет, — помолчав, покачала головой Зария и залилась краской. — Ты слишком неубедительно просишь...

* * *

Дэйн заметил брата, сидящего в тени дровяника раньше, чем об этом сказал его дар. Это обрадовало и успокоило Волорана. Магия истончалась. Скоро ее совсем не останется и люди забудут когда-нибудь, что дэйны, маги и колдуны были живыми людьми, а не образами из старинных приданий. Разрушатся от времени святилища, зарастут травой и станут просто камнями. Мир делается проще.

— Ты чего не рядом с женой? — спросил дэйн.

— Она спит, — взгляд Грехобора потеплел. — Ну, я и ушел, чтобы не разбудить ненароком. Знаешь, до сих пор не могу поверить, что она... и я...

Старший брат хмыкнул:

— Понимаю. Наверное, нет-нет, а боишься к ней прикоснуться или думаешь, что спишь?

Йен кивнул, а потом, задумчиво глядя куда-то в пустоту сказал:

— Она всегда тебя любила. С того самого момента, как первый раз увидела. Не думал, что такое бывает.

— Что? — брови Волорана поползли вверх.

— Милиана жила только тобой. Она говорила о тебе постоянно, о том, что ты скажешь или как поступишь, о том, когда придешь, о том, какой ты. И она сияла, стоило тебе оказать ей даже самый незначительный знак внимания — мимолетно кивнуть или просто посмотреть в ее сторону.

— Зачем...

— Но ты ее не любил. Я был в этом уверен. И ей об этом сказал. Дэйны не умеют любить, — Йен повернул голову и посмотрел на брата. — Она была красивая. А я глупый. И Проклятый дар искажал чувства... Я ведь с самого начала знал, что во мне она видит и ищет тебя. Но потакал этому. То ли ее жалел, то ли себя...

— Прекрати.

— Тогда, в переулке, когда она умирала и спросила, есть ли у нее шанс. Она не про меня спрашивала, а про тебя. И я снова солгал. Сказал, что шанс есть.

Дэйн закрыл глаза.

— К чему ты это говоришь?

— И той ночью, когда ты пришел и увидел ее спящей у моих ног... я тоже солгал, — Грехобор с болью посмотрел на брата. — Она не хотела оставаться со мной. Она бы ушла к тебе, не раздумывая. Но она боялась. Боялась, что тогда я озверею еще больше, боялась моей силы, боялась меня. Потому она и молчала... знала, что елси я сорвусь еще раз, остановить это не сможет уже никто. Ты погибнешь. И я тоже.

— Ну и зачем ты мне это теперь говоришь?

— Мои грехи некому забрать, — задумчиво произнес Йен. — Но ведь можно раскаяться и попытаться начать жить по-другому. Правильно. Не ломая жизни другим. Я сказал тебе правду. Что с ней делать — решай сам.

Волоран молча поднялся и пошел прочь. Свистнул, призывая своего фадира. Скакун повиновался неохотно, его связь с человеком терялась, он уже мог бы и вовсе не подчиняться, но... он привык к этому двуногому, привязался...

И когда всадник забросил себя на могучую спину, благородное животное затрясло головой, выражая радость от встречи.

— Я думал назвать тебя Сингом, — поглаживая сильную шею негромко сказал Волоран.

И фадир согласно захрапел, притопнув копытом.

Синг. Неплохо. Ему нравится.

...Они добрались до места глубокой ночью. Черные горы на фоне серого неба казались кучевыми облаками. Перехлестье опустело. Громады храмов выглядели безжизненными и мертвыми. Люди покинули это место. Не все, но большинство. Волоран спешил, и хлопнул Синга по холке, отпуская. Но тот попрядал ушами и лишь отошел на несоклько шагов, давая понять, что улетать пока не собирается.

Волоран нерешительно стоял перед крохотным домиком с покосившимся резным крылечком. В одном из окон едва теплится свет. Из трубы вился тонкий дымок. У входа шумела листвою старая акация.

Когда мужчина толкнул дверь, та не скрипнула, но половицы жалобно застонали, угадав чужака. Милиана сидела на старом сундуке, завернувшись в одеяло. На столе над плоской с водой, потрескивая, горела лучинка.

— Ты похудела еще сильнее, — заметил Волоран. — Что такое еда, помнишь еще?

Девушка вздрогнула, услышав его голос, и испуганно обернулась.

— Дэйн...

— Волоран, — поправил ее гость. — Почему ты не ешь?

— Не хочу.

— Почему?

— Не хочу и все.

— Почему?

— Хватит!

— Что? Я задал простой вопрос.

Этот холодный голос заставил Милиану теснее закутаться в одеяло.

— Я не хочу есть.

— У тебя тут ничего нет, тебя звали обратно. Зачем ты осталась на Перехлестье?

Она запрокинула лицо, с ненавистью глядя в равнодушные глаза:

— Это не твое дело. Я несу свое наказание. Живу. А как — тебя не касается.

— Касается, пока я твой муж.

— Ты... ты... — она задохнулась. — Маркуса больше нет. Богов нет. Алтарей нет.

— В этом случае наказания тоже больше нет, — напомнил он ей.

— Ты мне не муж! И никогда им не был!

— Я ношу твое кольцо, — он тронул цепочку.

— Так сними! Что тебе нужно от меня? Зачем ты приехал?

— Сама как считаешь?

— Я... не знаю... — она спрятала лицо в ладонях.

— Йен сказал, ты любила меня. Это правда?

Тонкое тело дернулось, но девушка не отняла рук от лица.

— И выразила свою любовь, разделив ложе с моим братом.

Мириана еще раз вздрогнула и сжалась.

— Я не очень понимаю в чувствах, но разве это — доказательство любви?

И снова тишина.

— Брат считает, что ты болась за мою жизнь и не верила в мою любовь. Но вот я здесь и ты молчишь. Он просто не знает, что тебе гораздо приятнее упиваться жалостью к себе. И врать, что ты всю жизнь безответно любила *меня*, ведь в противном случае Йен и на порог тебя не пустит.

Мириана давилась всхлипами.

— Так я и думал, — Волоран отвернулся и направился к выходу.

За его спиной что-то зашуршало, а потом хриплый от слез голос произнес:

— Зачем ты пришел?

Не оборачиваясь, дэйн покачал головой, не отвечая. Магесса подавила желание разрыдаться и с трудом выговорила:

— Ты летел, чтобы услышать, что безразличен мне? Почти сутки в пути, чтобы убедиться, что я тут тоскую по Йену? Я тебя не отпущу.

— Что? — Волоран обернулся и замер. Ему показалось, он ослышался.

Мириана стояла напротив в одной лишь тонкой просвечивающей сорочке. Бледная кожа, выпирающие ключицы, худоба, граничащая с истощением.

— Что ты с собой сделала? — разозлился он. — Ты уже даже не жеребенок фадир, ты... просто жердь.

Она словно не услышала этих обидных слов и продолжила:

— Когда-то я сказала, что могу стоять перед тобой голой, а ты и бровью не поведешь. Помнишь, ты тогда ответил, что предлагал мне кольцо, собираясь сделать своей. Ну, так смотри. Вот она я. Во всей красе. Вызываю отвращение?

— Ты...

— Была ли я с твоим братом, мечтая о тебе? Да. Жалею ли об этом? Да. Осталась бы снова в келье Йена, после разрушения Клетки? Да. Я совершила много ошибок. Но одно сделала правильно — в ту ночь у меня хватило ума не убежать от него — нелюбимого, к тебе — единственному на свете. Потому что, если бы я это сделала...

Она прижала судорожно стиснутые кулаки к глазам и прошептала:

— Уходи.

Волоран стоял напротив и молчал. Некоторое время он просто смотрел на худую девушку в длинной сорочке, с растрепавшимися тяжелыми косами и одеялом, лежащим у тонких ног, а потом сделал шаг вперед и твердо сказал:

— Нет.

19 ноября 2012 года — 6 марта 2013 года